

SLIP

Протокол "ВТОРОЙ ШАНС"

Недалекое будущее, конец XXI века. Космический корабль отправляется в рутинный пассажирский рейс из независимой колонии на Землю. Однако, после выхода из варп-пространства, команда и пассажиры корабля обнаруживают, что их окружение изменилось и в этом новом "здесь", отстоящем от их времени на несколько тысяч лет, их никто не ждет.

И только один из пассажиров знает, что именно произошло и почему.

Протокол "Второй шанс"

Пролог (Леон Бонне)

Ветер завывал между приземистыми домами и пробирал до костей. Вместе с проливным дождем, давно промочившим куртку насквозь, он создавал ощущение, что сейчас уже была глубокая зима, а не самое начало ноября.

Леон переминался с ноги на ногу, напряженно вглядываясь в темноту. Огонек сигареты был единственным, что выдавало его присутствие. Окраина Нанси, и без того не самое оживленное место, ночью превращалась в пустошь без единого островка уличного освещения — что не выбили местные хулиганы, само выходило из строя от старости.

«Никогда не встречайся лично с информаторами и покупателями». Первое правило успешного информационного брокера. Пока ты всего лишь зашифрованный распределенный набор битов и байтов в паутине даркнета, ты в безопасности. Стоит тебе показаться на свету, лучшим, что тебе светит, тут же станет тюрьма особого режима.

Ван дер Берг должен был быть здесь еще час назад. Синий Ситроен, голландские номера, движется со стороны границы с Германией. Единственный человек, которому удалось заставить его нарушить первое правило за всю его «карьеру».

Неисправимый дурак, действительно уверенный в том, что он, Леон, заинтересован в том, чтобы обнародовать предоставленную им информацию. Он не просил денег, не хотел поставить свое имя в заголовке — он, казалось, совершенно искренне намеревался открыть всем глаза. Что ж, если так, Леон был не тем человеком, к которому ему стоило обратиться.

У базы данных засекреченной организации, полной аномальных объектов и проявлений было куда лучшее применение, чем просто выложить ее во всеобщий доступ. В голове щелкал счетчик, сколько можно за нее выручить средств — и получавшаяся сумма приятно грела даже под этим проливным дождем.

То, что начиналось как юношеское желание докопаться до правды и донести эту правду до всех остальных, давно превратилось не более, чем в бизнес.

Идеалы очень рано разбились о прозу реальности — что бы он или его единомышленники не добывали, что бы они не выкладывали в свободный доступ, максимум, что происходило — интернет ужасался пару дней. Потом появлялась другая горячая новость — и все тут же переключались на нее, а они оставались один на один с последствиями. Правда никому не была нужна. Не более, чем жвачка, которой приятно забить бесконечные перекуры.

Из его изначальной команды молодых идиотов-идеалистов сейчас остался только он один. Остальные не успели понять и соскочить. Горстка вчерашних выпускников не могла ничего поделаться с многомиллиардной системой, в изменении которой не был заинтересован никто, включая ее самые маленькие винтики.

Судя по тому, что писал этот ван дер Берг, он был еще даже не на первой стадии осознания — только подбирался к моменту неизбежного краха иллюзий. Леон не собирался идти на дно вместе с ним.

Аномалии? Мир не такой, каким кажется на первый взгляд? И черт с ним, если его, Леона, это никак не касается. Наниматели ван дер Берга хорошо выполняли свою работу — и ему было глубоко наплевать, как именно. Оставьте возмущения вечно обеспокоенным борцам за права кого попало, от членов мексиканских картелей, до бегонии на подоконнике у его ворчливой старушки-соседки.

Изнанка реальности, что выглядела бы заманчиво и интригующе еще каких-то десять лет назад, сейчас рассматривалась им только и исключительно с точки зрения того, как ее можно было преобразовать в крипту на его подставных счетах.

Смартфон завибрировал в кармане. Ван дер Берг снова вышел на связь.

IVB: подъезжаю.

Его ответ стал не менее лаконичным.

Shamo: жду.

Нужно было отдать ван дер Бергу должное — интригу он сумел повесить просто прекрасно. Достаточно для того, чтобы заставить Леона сорваться из своей теплой квартиры в центре Парижа в промозглую мокрую ночь на машине каршеринга, оформленного на украденные документы.

Фонд собирается нас всех убить. Больше при личной встрече. Слишком опасно.

Если даже это была подстава спецслужб, он мог только снять перед ними виртуальную шляпу. Сфабриковать такое количество документации — дело не одного месяца, даже не одного года. Если они пошли на такие ухищрения, чтобы его поймать, значит считали его по-настоящему опасным. Эта мысль приятно грела чувство собственной важности — и нивелировала любые рациональные опасения.

Или он получит в свои руки сенсацию, которой сможет распорядиться так, как ему заблагорассудится, или к утру будет на всех главных страницах белого интернета.

Где-то вдалеке завывала сирена скорой помощи. Мимо пролетали редкие машины, обдавая его потоками воды. Он бы побеспокоился о том, чтобы отойти от дороги подальше, так, чтобы брызги не могли до него достать, если бы не промок до последней нитки трусов к этому моменту.

Синий Ситроен вылетел из-за поворота на огромной скорости и резко остановился с другой стороны улицы. Тишину пронзил визг тормозов.

Из двери водителя, прямо на проезжую часть, выскочил мужчина в белом лабораторном халате и принялся крутить головой, словно ища кого-то. Потоки дождя его совершенно не беспокоили. Ван дер Берг. Ошибки быть не могло.

Леон швырнул бычок на асфальт — тот тут же потух под каплями дождя, — и, натянув капюшон черной толстовки пониже на глаза, пересек пустынную улицу, подходя к ван дер Бергу сзади.

— Ты не привел хвост? — сразу, без прелюдий, спросил он.

Ван дер Берг вздрогнул и обернулся.

— Нет. Кажется, нет. Shamo — это вы?

Леон коротко кивнул в ответ.

— Йонатан ван дер Берг, полагаю? — спросил он без промедления.

Глаза ван дер Берга округлились:

— Да. Но откуда?!

— Неужели ты думал, что я соглашусь на личную встречу с человеком, о котором совершенно ничего не знаю? — усмехнулся Леон, — Что до того, откуда... Люди слишком много следят в белом интернете, даже те, кто связан секретностью в той же степени, что и ты. Это было не сложно.

Одинаковый ник в даркнете и в соцсетях. Ему не пришлось даже немного напрячься.

Ван дер Берг точно оказался втянут в такое дерьмо первый раз в жизни, раз уж не знал даже самых базовых правил игры. Мишень уже была нарисована у него промеж глаз и когда

её кто-нибудь поразит было вопросом ближайшего времени.

— Ну что там у тебя, выкладывай, — не откладывая в долгий ящик, сказал Леон. Ежась от пронизывающего насквозь холода, ван дер Берг оглянулся.

— Давайте сядем ко мне в машину. Вся информация на ноутбуке, он выйдет из строя если я его открою под таким дождем.

С губ Леона сорвался смешок:

— Ни за что. Только нейтральная территория, я же говорил. Справа в переулке есть заброшенная стройка. Там, конечно, иногда тусуются клошары, но их можно не бояться. У них мозги настолько проспиртованы, что они ничего не поймут, если вообще заметят.

Ван дер Берг не стал спорить и залез по пояс в машину, доставая с пассажирского сиденья свое сокровище — черный ноутбук сверх защищённой модели. Насчет «выйдет из строя» он, конечно, сильно преувеличивал — такой хоть на морском дне открой, ничего ему не будет.

Леон кивнул и первым пошел вперед. До стройки было совсем недалеко. Ван дер Берг нагнал его в несколько шагов.

— Только прошу вас, к утру эта информация должна быть везде, — сбивчиво сказал он, — На всех главных страницах, во всех чатах, всех соцсетях, на всех форумах. На столе у всех издательств и политиков. Они активировали протокол «Второй шанс» позавчера, у нас совсем мало времени. Если ничего не сделать...

— Мы все умрем? — усмехнувшись, закончил мысль за него Леон.

— Вы мне не верите? — обескураженно спросил ван дер Берг.

— Этот твой Фонд, исходя из твоей же базы данных, поставил себе цель защищать человечество от любых угроз. Аномальных, не аномальных — плевать. И он же собирается нас убить. Тебе не кажется, что здесь что-то не состыкуется?

— Я тоже совершил эту ошибку однажды, — неожиданно, ван дер Берг нервно хохотнул, — Провел знак равенства между человечеством и нами.

— А мы, по-твоему, кто? — вопросительно вздернул бровь Леон.

— Люди, разумеется. Но человечество, в понимании Фонда — это наш вид, а не отдельные индивиды. Если мы все умрем, но наш вид выживет — они будут считать свою работу выполненной. И наоборот — если мы все выживем, но наш вид через какое-то время вымрет по этой причине — их работа будет провалена.

— Ты бредишь, — помотал головой Леон, — Если мы умрем, наш вид тоже умрет. Если мы выживем — наш вид, соответственно, тоже.

— Я же вам говорю, эту ошибку очень легко сделать, — усмехнулся ван дер Берг, — Вы прочитали всю базу данных, которую я вам переслал?

— Шутишь? Там два петабайта. Даже если прогнать через ИИ — половины жизни не хватит, чтобы со всем ознакомиться даже по верхам.

— Я избавлю вас от этой необходимости. У Фонда есть все средства для восстановления человеческой популяции с полного нуля. Наша, нормальная, логика здесь не работает. Если важно выживание вида, но не отдельных индивидов — отдельных индивидов вполне допустимо и возможно полностью уничтожить, если их существование представляет собой угрозу конца света.

Они завернули за угол, и Леону под ноги с громким «мяв» бросилась черная тень. Чертыхнувшись, он едва ушел от столкновения. Все рвавшиеся наружу вопросы тут же вылетели из головы. Остаток короткого пути они преодолели в тишине.

На заброшенной стройке воняло мочой и явно не сигаретным дымом. Свет из соседних зданий едва проникал вовнутрь, ветер завывал между досок заколоченных оконных проемов, но здесь хотя бы ничего не капало на голову. Никаких звуков, кроме их шагов, подхваченных эхо, он не слышал. Клошары сегодня выбрали другое место для ночевки.

Ван дер Берг быстро нашел, где пристроится — и сел на покрытую мелкой строительной крошкой бетонную плиту. Конец его халату.

— Смотрите, — он открыл ноутбук. Яркий свет экрана выхватил из темноты его лицо. Резкие черты, подернутые ранней сединой волосы, несколькодневную щетину и горящие нездоровым возбуждением глаза. На его халате, там, где обычно закрепляли ключ-карты, зияла дыра с рваными краями, — Все здесь.

Недолго думая, Леон устроился рядом с ним. Открытый на весь экран документ не привлекал к себе никакого внимания и, если бы он попал в руки к нему просто так, самотеком, он вряд ли прочитал бы больше нескольких строк. Сейчас же, под пристальным взором ван дер Берга, он ознакомился с ним полностью — и совершенно ничего не понял.

Смысл терялся где-то между канцелярскими формулировками и наукой, слишком сложной для понимания, и вместе эта ядреная смесь давала на выходе белый шум. Дата и подпись внизу документа были единственным, что не вызвало у него никаких вопросов. 05.11.2097, Й. Сариола., просто и понятно.

Ван дер Берг явно ждал какой-то реакции.

— Может быть, ты мне лучше так объяснишь? Я хакер. Не юрист, не ученый. Я ничего не понял.

— Хорошо, давайте, — ван дер Берг явно растерялся, — Правда, я даже не знаю, с чего и начать.

— Попробуй с самого начала, — хмыкнул Леон.

— Хорошо, — ван дер Берг явно не понял иронии, — Я — исследователь. Работаю в отделе вероятностей. Наша основная задача — расчет вероятностей возникновения того или иного события, если в общем, но в частности — мы чаще всего занимаемся расчетом вероятностей возникновения конца света того или иного типа.

— У них еще и типы есть?!

— Ну конечно, — воскликнул ван дер Берг так, словно это было чем-то не требующим пояснений, — Очень грубо говоря — конец света, при котором вымрет только человечество и только на Земле, совсем не то же самое, что конец света, при котором перестанет существовать вся вселенная. Понимаете?

Леон осторожно и неуверенно кивнул.

— Отлично, — обрадовался ван дер Берг, — Так вот, чтобы вы себе немного представляли — у нас есть целый массив постоянно входящих данных с датчиков, мониторящих ситуацию по всей видимой вселенной, кластеры и кластеры суперкомпьютеров, на которых выполняется моделирование вероятностей — и натренированный искусственный интеллект, компилирующий результаты симуляций в пригодные для восприятия отчеты. Если ничего не ломается и не нужны никакие доработки, у нас очень простая задача — отлавливать в отчетах появление вероятности возникновения конца света — и передавать информацию об этом наверх. Была.

— Что «была»? — не понял Леон.

— Была очень простая задача. Полгода назад нам сверху спустили вводную задачи на расчет. Максимально размытые начальные условия. Нужно было просчитать вероятность

создания сверхсветового варп-двигателя на антиматерии, модифицируя их до тех пор, пока вероятность не станет нулевой. Очень непохоже на наши обычные задачи, но у нас не принято задавать вопросы, когда указания приходят напрямую сверху. Мы закончили расчеты два месяца назад — если вам интересно, наши отчеты тоже есть на этом ноутбуке, можете посмотреть, к делу это отношения не имеет.

— Тогда зачем ты это мне рассказываешь? — Леон вопросительно вздернул бровь.

— Наши результаты не имеют отношения к делу, к делу имеет прямое отношение то, что такой запрос вообще к нам пришел, да еще и авторизованный напрямую руководством. Все это было очень странно — и я начал копать. Не буду утруждать вас деталями процесса, но от того, что я обнаружил, у меня волосы на голове дыбом встали. Фонд планирует уничтожить нас всех, ради спасения человечества. По их данным, двигатели на антиматерии вызывают медленное разрушение ткани реальности — и сейчас мы подошли слишком близко к точке невозврата. Наши расчеты им требо...

Сирена включилась совсем близко, буквально у Леона над ухом — и он подпрыгнул от неожиданности. Ван дер Берг осекся на полуслове и испуганно оглянулся.

К первой сирене добавилась вторая, а затем третья и четвертая.

— Ты привел хвост, — безапелляционно констатировал Леон, профессиональным придирчивым взглядом осматривая стройку на предмет путей отхода.

— Я не знаю откуда они... — ван дер Берг вздрогнул и потряс головой, — Не важно. Берите, — он сунул ноутбук в руки Леону, схватил его за запястья и, не нарушая зрительного контакта, быстро прошептал, — Пожалуйста. Опубликуйте эту информацию. Иначе, как только они завершат протокол «Второй шанс» — нам всем конец. Этот второй шанс не для нас.

Сирены приближались.

— Пожалуйста. Они не заткнут всех нас. Просто не смогут.

Сирены остановились. Из-за стен стройки раздались хлопки дверей и топот ног. Леон подскочил, вырываясь из захвата ван дер Берга.

— Если ничего не сделать, мы все перестанем существовать 15 февраля следующего года.

Оставив ван дер Берга позади и прижимая ноутбук под курткой к телу, Леон бежал так, как не бегал никогда. Тишина заброшенной стройки заполнилась топотом и криками, темнота — разбавилась светом мощных фонариков. Перемахнув через недостроенную стену без малейшего труда, он свалился вниз, в груды строительного мусора. Фонарики били сверху, над его головой. Шум стихал. Оценив ситуацию, он принял единственное верное сейчас решение — затаиться и переждать. Любой изданный им звук мог привлечь к нему внимание.

Время превратилось в прилипшую к подошве жвачку — и одновременно с этим коллапсировало в сингулярность. Шаги стихли. Завывающие, бьющие по ушам, многократно усиленные эхом сирены удалялись до тех пор, пока не затихли совсем — и только после этого Леон пошевелился. Мелкая крошка мусора вылетела из-под его ботинка, с грохотом упав на бетонный пол. Ничего не произошло. Наверху действительно больше никого не было.

Можно было выходить.

Чувство безопасности вернулось к нему только тогда, когда он переступил порог своей квартиры. В окно бил кроваво-красный рассвет. *Очень подходяще*, — подумалось ему.

Надин, его жена, стояла в дверях кухни и сонно щурилась. За спиной у нее бубнил телевизор. Пахло свежей выпечкой и кофе.

— Ну как все прошло? — зевнув, спросила она.

Иногда ему нравилось думать о них как о Бонни и Клайде конца двадцать первого века.

— Дерьмово, — констатировал Леон, стягивая с себя промокшие ботинки, — Он привел за собой хвост.

Ботинки отправились в шкаф и следом за ними отправилась высохшая за ночь куртка.

— Тебя заметили?

— Сама-то как думаешь? — хохотнул Леон.

Надин звонко рассмеялась и махнула рукой в сторону кухни:

— Завтрак готов. Переодевайся и приходи. С тебя рассказ.

— Так точно, мадам! — он вытянулся по стойке смирно, — Только сначала мне надо написать паре человек.

Выполнять последнюю просьбу ван дер Берга или нет — он еще не решил. С одной стороны, тот наверняка был уже мертв и вроде как правильным было бы выполнить, с другой — последствия и первого и второго варианта Леон слишком слабо себе представлял. В конце света в ближайшие три месяца сильно верилось ночью на заброшенной стройке, но при свете рассвета, в тепле своей собственной квартиры эта уверенность истончалась.

Ему нужен был совет — и не только от Надин.

Он прошел в свой кабинет и, наконец-то стянув с себя осточертевшую тяжеленую толстовку, сел за компьютер.

За спиной раздалися шаги — и перед ним оказалась его любимая чашка.

— Я тебе кофе принесла. Но за завтраком — на кухню, — улыбнулась Надин.

— Да-да, сейчас, — кивнул Леон, запуская клиент даркнета.

Несколькими привычными командами он поднял чатрум и авторизовался. Входящее сообщение появилось быстрее, чем он успел хоть что-то написать.

raple: о, ты чего так рано объявился?

Shato: аналогичный вопрос лол. Ты что здесь делаешь, соня?

raple: я еще не ложился.

Shato: почему-то я так и подумал xD

raple: не, серьезно. Ко мне ночью чувак постучался, по поводу базы ван дер Берга.

По спине побежали холодные мурашки. Для совпадения это было слишком. Дрожащими руками он набрал:

Shato: в смысле? Так и сказал? Оо

raple: не, не прям так, конечно. сказал, что ему нужна инфа о какой-то организации, но кроме мыльной фотки их логотипа у него ничего нету. ну и что ему посоветовали за этим делом обратиться ко мне. ну я фотку глянул — точно эти вандерберговы чуваки

Shato: справки навел? Явки, пароли?

raple: навел, но там почти глухо. Чезаре Дамиано, архитектор с Аркадии, но такое ощущение, что он до начала этого года не существовал. Вообще ничего старше апреля нет по нему. Аккаунты созданы позже, паспорт свежий, даже по биометрии не бьется. Может из спеуры?

Предположение вызвало у Леона усмешку.

Shato: какая нафиг спеура? У них такие легенды, что рядом с ними наши с тобой биографии подделкой покажутся. Ставлю на то, что сам личность менял. Блин, ну что я

тебе объясняю, как будто не ты у нас тут поддельными паспортами барыжишь.

raple: я не слежу за своими клиентами. Конфиденциальность, все дела. Мне плевать, что они там дальше с этими паспортами делают. Так что, давать ему твои контакты? Он онлайн.

Леон ответил не сразу. Сперва он хорошенько взвесил все «за» и «против» и обнаружил, что «за» все-таки перевешивали.

Shato: давай. Что толку от этой базы, если я буду игнорировать всех, кто ею заинтересуется.

Его дело всегда было сопряжено с определенной долей риска. А чего стоила жизнь вообще без него?

Новая виртуальная нода. Новый чатрум. Он отправил адрес в чат с *raple* и, получив от того подтверждение, откинулся на спинку кресла и отпил кофе. То, что надо.

— Ну что, ты идешь? — раздался из кухни голос Надин.

— Сейчас, у меня тут сделка наклеивается, не хочу спугнуть! — крикнул он в ответ.

— Все-все, не мешаю! — в голосе Надин слышалось веселье.

Автоматическое уведомление не заставило себя долго ждать.

phantom присоединился к чату.

Ctrl+C, Ctrl+V — и заготовленное сообщение улетело к адресату.

Shato: давай сразу ближе к делу, у меня мало времени. фотку твою с логотипом этим я видел. да, я знаю, кто это. общая инфа — 50 штук, логи переписок — 200, бекап базы данных — 2 ляма. все вместе — два сто. перевод на криптокошелек, адрес я дам. устраивает?

Взгляд скользнул по защищенному ноутбуку. Руки было снова потянулись к клавиатуре, но он, вздрогнув, быстро убрал их. Такая информация имела шанс стать просто бесценной, но он еще не решил, что именно с ней делать.

Если в словах ван дер Берга была хотя бы десятая часть правды — в его интересах было выполнить последнюю волю того. Пожить еще хотелось, и не какие-то там жалкие три месяца.

phantom: расценки у тебя однако...

Он ухмыльнулся и отпил еще кофе. Очередной дилетант, не знающий правил игры. И как он только ухитрился его найти вообще?

Shato: а ты как хотел? сверхсекретную информацию на блюдечке да еще и бесплатно? я тебе не благотворительный фонд.

Shato: ну так что, берешь?

phantom: у меня столько нет. Как насчет обмена? Я тебе информацию, ты мне.

Ухмылка стала еще шире.

Shato: о какого рода информации идет речь?

Загадочный архитектор с Аркадии молчал долго. Леон почти допил весь свой кофе и уже собирался было решить, что собеседник слился, как, сменяя друг друга, на экране появились два сообщения.

phantom печатает.

И

phantom: у мюнхенского института Макса Планка есть рабочая машина времени. Подробности — только после сделки.

Леон присвистнул.

Вот это ему сегодня валило!

Воображаемый банковский счет в голове рос как на дрожжах. Что до базы ван дер Берга... Бесплатно пришло, бесплатно ушло. Кроме того...

Shato: хорошо. только одно условие сверху — база только для личного пользования. она не должна нигде всплыть. вопрос моей личной безопасности.

Наглая ложь. Он был готов бесплатно поделиться тем, что получил бесплатно, но не хотел, чтобы кто-то другой делал на этом деньги. Это была его корова и он планировал и дальше ее доить.

phantom: уговор.

Shato: скидывай лог железа своего компьютера, сгенерирую ключ. будет полная аппаратная привязка. устраивает?

phantom: да.

Через несколько секунд в чат свалился текстовый файл. Быстро пробежав его глазами, он написал:

Shato: принял. шифрование займет от получаса до часа. подождешь?

phantom: идет.

Shato: супер. афк [1] минут на 20, я еще не завтракал.

На кухне его уже давно ждала Надин, а желудок еще с ночи подводило от голода.

Когда он вернулся, компьютер встретил его сообщением, что шифрование завершено.

Shato: эй, ты еще тут?

phantom: тут.

Shato: тогда лови, все готово.

[Отправить файл? Y / N]

Y

[Отправка...]

[Отправка завершена]

Shato: твоя очередь. ключ дам, как получу.

Спустя несколько минут в чат упал еще один архив. Выкачав его и открыв, Леон присвистнул. Да здесь не то, что на домик в колонии хватит — на какую-нибудь небольшую колонию, вместе с жителями.

Живем!

В чат он, однако, написал совсем другое:

Shato: принял. ключ 59a5353289c10d847546a86330807саа.

phantom: сработало.

Shato: ну и ладненько. если что — ты знаешь, где меня искать. этот чатрум я сам уберу, не парься.

phantom: уберешь? Зачем?

Странный какой архитектор, — про себя хохотнул Леон. Как его найти сообразил, а зачем удалять чатрум, в котором только что занимались всякой нелегальщиной, — не понимает.

Shato: не парься, говорю. давай.

Shato покинул чат.

Леон откинулся на спинку кресла и смахнул рукой пот со лба. Потенциально он был колоссально богат, реально же... Все обстояло не настолько радужно. Взгляд снова скользнул по ноутбуку. По спине побежали холодные мурашки.

Нет. Ему нужно было взять перерыв — и хорошенько все обдумать, прежде чем принимать хоть какие-то решения.

На несколько дней жизнь вернулась в привычное ленивое русло. За ним так и не пришли, к нему в дверь так и не постучали — и он с невероятным облегчением констатировал, что в этот раз его снова пронесло. Все-таки он был невероятно везучим засранцем.

В широкое панорамное окно бил яркий солнечный свет. Только что вернувшаяся из пекарни Надин, выгружала их завтрак из пакета. На фоне бубнил телевизор. Очередной выпуск новостей. Леон даже не прислушивался к нему. Утренний кофе заканчивался, но он так и не мог толком проснуться. Ночной образ жизни не очень способствовал легкому пробуждению по утрам, даже если его утро и начиналось ближе к полудню.

— А теперь к местным новостям. Страшная авария случилась на двадцать пятом километре трассы 467, Нанси-Саарбрюкен сегодня ночью. Фура MAN, потеряв управление вылетела на встречную полосу и столкнулась с по меньшей мере десятью легковыми автомобилями и одним грузовиком. Точное количество пострадавших на данный момент устанавливается. С места событий наш корреспондент, Сюзан Кревье.

Картинка на экране сменилась — и он замер. Слова корреспондента превратились в белый шум.

Посреди месива из погнутого, поломанного и обгорелого металла, он отчетливо видел знак Ситроен и знакомый госномер.

— Лео? Лео, ты меня слышишь? — голосу Надин едва удалось пробиться сквозь сковавшую его пелену.

Он потряс головой.

— Лео, что-то случилось? — обеспокоенная, Надин обернулась к нему.

— Ведется работа по установлению личностей пострадавших, — женским голосом бубнил телевизор на фоне.

— Это его машина, — только и смог сказать он.

— Кого? — не поняла она.

— ... Йонатан и Хелен ван дер Берг, — продолжала свой репортаж корреспондент.

— Ты слышала?! — Леон аж подпрыгнул на месте, — Это тот тип, с которым я встречался в Нанси четыре дня назад! Только он был один. Я должен...

Пазл сложился — и он подскочил с барного стула и побежал в свой кабинет.

— Лео, ты о чем? — не на шутку испуганная Надин следовала за ним попятам.

Он упал в кресло с разбегу и нажал кнопку питания.

— Его не арестовали, Надин, его убрали. Заметали следы. Это не работа полиции.

Руки плясали по клавиатуре. Выгруженные из ноутбука данные переливались на защищенные сервера за пределами юрисдикции Федерации, а соответствующие ссылки разлетались по заранее заготовленному списку email-ов. Он выполнял последнюю волю ван дер Берга.

— То есть ты хочешь сказать, что...

— Он не врал, Надин. Он не врал и не рехнулся. Тех, кто врет или рехнулся так не убирают. Нам всем осталось жить до 15ого февраля следующего года.

Последние сообщения ушли к своим адресатам — и он подорвался с кресла.

— Собирайся. Нам нужно сваливать с этой планеты. За нами скоро при...

Он не услышал звука треснувшего окна. Не услышал свист пули. Едва почувствовал, как

та вошла ему в голову и не успел осознать, что падает на пол. Мгновение назад он смотрел на свою перепуганную жену, а сейчас он уже не существовал.

Существовала только темнота.

И отпечатавшийся в ускользящем сознании отчаянный женский крик:

— Леооооооо!

[1] ММО-сленг. Away from keyboard. Дословный перевод бредовый, но значит, что человек отошел от компьютера.

Киберспортсмен (Яна I)

Забитый вещами сверх всякой нормы чемодан никак не хотел катиться ровно и все норовил завалиться на бок под тяжестью своего собственного веса. В холле отеля было многолюдно. Чекаут должен был быть в 10 утра, но все решили проскочить до основного потока, чтобы не попасть в очередь — и сейчас все равно собрались в нее.

Прозрачные автоматические двери ведущие на улицу открылись — и Яну обдало полетному жарким и спертым воздухом. Если не смотреть на календарь, никак и не скажешь, что сейчас середина февраля. Самый конец июля — не меньше.

Напротив входа ее уже ожидало белое такси с характерными шашечками. Тяжело вздохнув, она подхватила непослушный чемодан, поправила сумку ручной клади на плече, и, оглянувшись назад, вышла из отеля. Вперед, домой, обратно в промозглую мерзость, припорошенную редким снегом, неизбежно тающим к утру. Как бы ей ни хотелось остаться здесь навсегда, увы, это было невозможно по целому ряду причин.

Кое-как дотащив чемодан, она открыла заднюю дверь такси и спросила:

— Космопорт Аркадии? — и, дождавшись утвердительного кивка, добавила, — Можете открыть багажник? Я с чемоданом.

Водитель кивнул, нажал на одну кнопку — и крышка откинулась вверх. Яна выжидательно на него посмотрела, но он старательно ее игнорировал, не собираясь выходить из прохлады салона в теплое влажное утро, обещающее жаркий и сухой день, и помогать ей с погрузкой вещей.

Времени играть с водителем в гляделки у нее не было, поэтому она быстро сдалась — и, чертыхнувшись себе под нос, с третьей попытки все-таки закинула забитый покупками чемодан в багажник сама.

Цены в колониях были слишком привлекательными для того, чтобы долго сопротивляться желанию скупить здесь все и прямо сейчас. Низкие налоги и пошлины творили чудеса. Временное завлечение, но разве это когда-то кого-то останавливало?

— Можно закрывать, — крикнула она водителю.

Тот снова нажал на кнопку, крышка багажника заехала на свое положенное место и раздался щелчок замка.

Обогнув машину, она села на заднее сиденье и закрыла за собой дверь. По голым рукам потянул холодок. Водитель, похоже, выставил кондиционер на самую холодную возможную температуру. Одетому в форменную рубашку с брюками, ему такое было в самый раз, но Яна, в майке и шортах, замерзла практически сразу же, стоило тому отъехать от обшитого стеклянными панелями здания отеля.

По радио играла ненавязчивая легкая музыка.

Смартфон завибрировал в кармане, напоминая о том, что до ее рейса оставалось совсем недолго. Еще несколько лет назад, улетаая с Аркадии, в космопорт нужно было приезжать с запасом не меньше чем в семь часов до вылета, но в прошлом году они наконец-то удосужились подключить систему автоматической регистрации на рейсы — и жить стало намного проще, без многочасовых очередей перед одной из бесконечного ряда стоек.

Музыка закончилась, и энергичный молодой голос сообщил:

— Сегодня 17 февраля. В Рейнмуте 9 часов утра. Запланированного конца света так и не случилось, а это значит, что с вами снова я, Брайан О'Нил, и утренний выпуск новостей.

Яна хмыкнула и отвернулась к окну, разглядывая проносящиеся мимо дома, обвешанные неонными вывесками, и разноцветные пятна других машин.

Помешательство, накрывшее интернет в конце прошлого года, было действительно грандиозным. Бредовые документы, слитые на одном из множества конспирологических форумов, где-то между темами про глобальный заговор рептилоидов и адские дроны, следящие за всеми, кто не надел шапочку из фольги, каким-то образом к началу декабря распространились по всему интернету, наделав немало шума. Даже некоторые из ее друзей, которых она считала людьми в целом адекватными, ударились в эту чушь и свято уверовали, что 15 февраля их всех уничтожит некий загадочный Фонд.

Грандиозный пранк — считала она. Странно, что никто до сих пор не взял на себя ответственность за него. Если бы ей удалось так развести несколько миллиардов человек, она бы давно кричала об этом на каждом углу.

Она зевнула. Пусть они и не взяли первого места вчера, афтерпати затянулась глубоко за полночь — и теперь ей безудержно хотелось спать.

— Правительство Франции, после продолжительных парламентских слушаний, утвердило запрет на использование бытового газа в жилых домах, — бубнило на фоне радио, — «Трагедий, подобных той, что случилась в Париже, никогда не должно было произойти», приводит *La poste publique* слова президента. Взрыв бытового газа, унесший жизни двадцати человек, произошел около полудня 11 ноября прошлого года. Одними из погибших стали Леон Бонне, более известный как Shamo — предводитель хакерской группировки 133t и его жена, Надин Бонне, более известная как Samedi. Из пострадавших зданий два относятся к культурному наследию, одно из них не подлежит восстановлению по заключению экспертной комиссии.

Один из верных признаков того, что жизнь стала донельзя сытой, скучной и предсказуемой — это то, что журналисты до сих пор продолжали обсасывать со всех сторон новость трехмесячной давности.

Дома за окном становились все меньше и меньше по мере удаления от центра, и уже скоро они ехали по высокоскоростной широкой трассе, окруженной полями. Единственная дорога, которую она хорошо знала на этой планете вела в космопорт. Киберспортивные фонды давно облюбовали Аркадию как прекрасное место для проведения соревнований, но это только уменьшало ее шансы изучить хотя бы Рейнмут. Все соревнования были похожи друг на друга как под копирку — ты прилетал, ехал на такси в отель, утром у тебя были тренировки, вечером игры, ночью тусовки — и так целую неделю. Свободного времени, при этом, у тебя почти не оставалось.

Из-за деревьев уже проглядывало исполинских размеров здание. Узкое снизу, оно многократно расширялось на верхних ярусах, где находились стыковочные шлюзы. Яркое солнце отражалось от панелей, периодически формируя причудливые узоры.

Она посмотрела на часы. До начала посадки оставалось еще два часа. Прекрасно. Можно было никуда не бежать.

С выгрузкой багажа водитель ей тоже не помог — и, уже сидя внутри космопорта за утренней чашечкой кофе, Яна с чистой совестью вlepила ему в приложение двойку. Один балл сверху за молчаливость, так и быть.

— Заканчивается регистрация на рейс EI 18162 Аркадия — Земля, — объявил синтетический женский голос из-под потолка, отвлекая ее от переписки с сокомандниками в мессенджере. Счастливики — они оставались в этом райском субтропическом уголке еще

на несколько дней. Над ними не нависал никакой дурацкий дедлайн.

Свернув планшет, она засунула его в сумочку, и, подняв с сиденья спортивную сумку, пошла в сторону контроля. На все формальности все равно нужно было закладывать не менее часа.

Главная космическая гавань небольшой колонии в системе Глизе 667 со скромным населением в несколько сотен миллионов человек и соответствующим пассажиропотоком, по какой-то неизвестной ей причине по размерам едва уступала земной. Просторные светлые залы ожидания, рассчитанные на обслуживание сотен тысяч человек одновременно, сотни собранных в десять хабов стыковочных шлюзов, длинные стойки регистрации, чтобы пройти которые требовалось несколько десятков минут.

Во всех залах, разумеется, были установлены траволаторы, но специфика колонии накладывала свой отпечаток — в отличие от Земли, примерно половина из них всегда, когда она бы ни оказалась здесь, не работала, значительно затрудняя перемещение по исполинским помещениям.

Быстро пройдя предполетный досмотр, обрадованная, она пробежала вперед, по длинному коридору, мимо многочисленных магазинов, прямо к пункту паспортного контроля международного хаба.

Вся ее воодушевленность мигом испарилась, стоило непрозрачным дверям перед ней открыться — к стойкам уже тянулась длинная очередь, организованная более расторопными пассажирами. Посадка обещала растянуться еще на час-другой.

Переминаясь с ноги на ногу, она, вместе с остальной очередью, двигалась в сторону заветных кабинок с черепашьей скоростью. Занять себя было нечем. Сигналы сотовой связи в зоне контроля беспощадно глушились в рамках противотеррористических мер безопасности, возможности выйти в интернет не было, и она откровенно скучала, под звуки музыки из наушников разглядывая пеструю толпу.

Несколько мужчин в незнакомой ей униформе со странными черными паспортами что-то обсуждали на повышенных тонах чуть впереди. Их голоса пробивались даже сквозь довольно громкую музыку, что раздражало. На один ряд ближе нее к заветным стойкам, маленькая девочка приставала к мужчине, судя по внешности — отцу, который пытался изобразить интерес, но очевидно был слишком уставшим, чтобы это получалось естественно.

Несколько малышей, не старше четырех лет, носились вокруг очереди как угорелые, играя в догонялки. Женщина из головы очереди окликнула их — и они, переглянувшись, нырнули под перегородку и поползли под ногами очереди на четвереньках.

Яна усмехнулась. Вот уж кому все ни по чем.

Ближе к стойкам очередь постепенно рассеивалась — уходили провожающие, которым за паспортный контроль ходу не было, и стоило ей продвинуться достаточно далеко, оптимизм робко поднял голову. На деле людей впереди было не так уж и много.

Так и оказалось — и минут через двадцать она уже протягивала в окошко свой паспорт — толстую синюю книжечку, в чипе которой хранились все ее персональные данные, начиная от имени и даты рождения, заканчивая кодом ДНК.

— Яна Шимкова, 2072 года рождения, проживающая в городе Прага Чешской Автономной Республики Планеты Земля? — проговорил молодой помятый пограничник усталым голосом и выжидающе уставился на нее. Она кивнула, — А я вас видел вчера в новостях. Хорошо сыграли, жаль не удалось кубок взять. Домой возвращаетесь?

— Да, — односложно отозвалась Яна не менее усталым голосом. Очереди и

столпотворения всегда ее выматывали.

Пограничник кивнул и добавил:

— Посмотрите пожалуйста в камеру, — что Яна тут же и сделала.

Красный диод на камере загорелся зеленым. Пограничник кивнул, поставил штамп и спустя пару секунд протянул ей паспорт обратно.

— Счастливого пути.

— До свидания.

Вежливость никогда не была лишней, а уж на пограничном контроле — так и подавно.

Турникет открылся, пропуская ее вовнутрь залитого солнцем трехэтажного накопителя, больше напоминающего торговый центр. Цены в нем, впрочем, были куда менее привлекательными, чем в городе, поэтому она не удостоила ни один из местных нацеленных на туристов магазинов вниманием и направилась напрямую на второй уровень, к ресторанам. Ее рейс отправлялся во второй половине дня, а это значило, что бортовое кафе начнет работать только ближе к вечеру.

Остановив свой выбор на мясном ресторане, она заняла свободный столик с краю, так, чтобы было хорошо видно табло вылетающих рейсов. Внутри накопителя все объявления тонули в гуле толпы людей — и ей не хотелось оказаться одной из растерянных несчастных, проспавших свой рейс.

Подтянув к себе планшет с меню, она оставила заказ и принялась ждать.

Ресторан постепенно наполнялся прибывающими людьми — после обеда расписание рейсов было намного плотнее, чем с утра. Девушка-хостес провела за последний свободный столик, по левую руку от нее, одетого не по погоде тепло, — в джинсы и рубашку с длинным рукавом, — седого мужчину и убежала объявлять страждущим свежего мяса о том, что места закончились.

Местные официанты не отличались расторопностью, и, несмотря на казавшийся ей приличным запас времени, стоило ей расплатиться за свой заказ, синтетический голос из-под потолка сообщил:

— Начинается посадка на рейс EI 18162 Аркадия — Земля. Пассажиров просьба пройти к стыковочному шлюзу номер 28, зона вылета I.

Чертыхнувшись, она подхватила сумку с ручной кладью, и, даже не оставив никаких чаевых, побежала прочь из ресторана. Вниз по эскалатору, в коридор, затем — по указателям. Запомнить местный лабиринт коридоров, ведущих к шлюзам, вряд ли было под силу даже тем, кто здесь работал — она же давно отчаялась совершить такой подвиг и всегда полагалась только на указатели.

Когда она наконец добралась до своей каюты, в ней уже сидела женщина средних лет в платье, с раскрытым ноутбуком на коленях. Услышав звук открывающейся двери, она оторвалась от чтения и, улыбнувшись вошедшей Яне, представилась:

— Пенелопа.

— Яна, очень приятно, — кивнула Яна.

Им предстояло лететь вместе две недели — и познакомиться было не лишним.

Смерив скептическим взглядом свою сумку и высоту второй полки, Яна констатировала, что самой ей никак сумку наверх не закинуть, и, аккуратно подоткнув ее под нижнюю полку, забралась наверх. Летать на втором ярусе ей никогда не нравилось, но фонд киберспорта затянул с утверждением состава их команды и когда это знаменательное событие наконец свершилось, других обратных билетов до Земли в продаже уже не было.

Устроившись на полке, она развернула планшет и принялась бездумно листать страницы. Сокомандники в чате договаривались встретиться вечером в каком-нибудь баре в центре и хорошенько отметить их второе место еще раз, — как будто вчерашнего было недостаточно, — ленты соцсетей пестрили мемами и отрывками из записи вчерашнего стрима, а новостные сайты в очередной раз обсасывали тему несостоявшегося конца света.

Следующим их попутчиком оказался тот самый не по погоде тепло одетый мужчина, которого она видела в ресторане. Свесившись с полки, она наблюдала за тем, как он закинул на другую верхнюю полку свой рюкзак, и в конце концов решила попросить помощи.

— Извините, — сказала она, привлекая внимание.

Мужчина повернулся к ней — и ей едва удалось сдержать удивленный возглас. Вместо левого глаза у него поблескивал бионический имплант новейшей модели. Четкость зрения до 50 % от нормального для биологического глаза, корректное распознавание цветов, универсальный интерфейс, подходящий к нервной системе любого. И совершенно баснословная заявленная цена продажи.

В прошлом году она разрабатывала для этой модели матрицу распознавания объектов и разве что не спала с прототипом в обнимку.

— Да? — удивленно вздернув бровь, переспросил мужчина. Ее внезапное удивление не осталось незамеченным.

Яна помотала головой, отгоняя мысли и сказала:

— Простите, вы не могли бы мне помочь? — она слезла с полки и вытянула из-под нижней свою сумку, — У меня не получается закинуть ее наверх, — виновато улыбаясь, добавила она.

Мужчина пожал плечами:

— Хорошо, давайте, — и, выхватив у нее из рук ручку сумки, легко закинул ее наверх, на багажную полку.

— Спасибо большое, — улыбнулась она, — Яна, — представилась она.

— Чезаре, — после небольшой заминки, мужчина пожал ее протянутую руку.

Четвертый их сосед все никак не появлялся. До времени вылета по расписанию оставалось всего несколько минут. Динамик под потолком ожил. Из него раздались звуки помех, — как будто кто-то проводил настройку, — и приятный мужской голос сказал:

— Здравствуйте, уважаемые пассажиры. С вами говорит командир экипажа Альберт Киркегор. Наш корабль полностью готов ко взлету. Просьба занять места в своих каютах на нижних полках и пристегнуться. Ожидаемое время выхода на геостационарную орбиту — тридцать стандартных минут. На время взлета просьба отключить всю электронику. Желаю вам приятного полета.

Одним нажатием сенсорной кнопки, Яна отключила планшет, свернула его, засунула в багажный карман возле своей полки и спустилась вниз. Пенелопа села и подвинулась, освобождая место для Чезаре.

Из коридора раздались звуки быстрых шагов, мужской голос и голос стюардессы:

— Восемнадцатая каюта. Вам сюда. Поторопитесь пожалуйста, мы скоро взлетаем.

А вот и их потерявшийся последний попутчик.

Дверь в каюту открылась, пропуская вовнутрь растрепанного и запыхавшегося мужчину в очках.

— Джузеппе? Ты что здесь делаешь?! — удивленно воскликнул Чезаре.

Двигатели корабля с гулом завелись. Отсоединился посадочный рукав — и весь корабль

слегка качнуло. Этот Джузеппе успел в самый последний момент.

— О, привет, — упав на нижнюю полку возле нее, Джузеппе принялся возиться с ремнем безопасности, — Прикинь, в последний момент кто-то сдал билет! Ну, я его и купил. Но это еще что! Я договорился с кафедрой. Конференция через двадцать дней! — глаза его горели неподдельным энтузиазмом, а голос — тонул в гуле двигателей, — Как раз успеем долететь, отойти немного...

Чезаре резко перебил его на полуслове. Энтузиазм своего друга он совершенно не разделял.

— Джузеппе, ты идиот? Какая конференция?! Я вам что говорил?! — он пытался перекрыть шум, но половину слов все равно было не разобрать.

Корабль еще раз тряхнуло. За окном город под ними — стеклянные башни, прорезающие небо в центральных районах, дома слегка пониже и уже не полностью обшитые стеклом в жилых и типичный пригородный индустриальный пейзаж в непосредственной близости от космопорта, — начинал двигаться. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее.

Они начинали разгон.

Джузеппе осекся и удивленно на него уставился:

— Как «какая»? Я же тебе рассказывал! Я договорился, все будет отлично. Наш директор чуть из штанов не выпрыгнул, когда я ему рассказал, что...

Уши закладывало. Корабль плавно переходил к набору высоты — и города за окном больше не было видно.

— *Что* ты ему рассказал? — с ударением на первое слово, сквозь зубы процедил Чезаре.

— Ну что... — Джузеппе явно стушевался и не закончил мысль.

Яна поймала растерянный взгляд Пенелопы и пожала плечами. Кто его знает, что эти итальянцы не поделили.

— Идиот. Нас же теперь всех убьют. Тебя, меня, твою сестру, — Чезаре откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и помотал головой, — Ладно, потом, на месте разберемся.

Конец его фразы утонул в шуме двигателей. Небо за окном постепенно темнело и на нем начинали проглядывать яркие звезды.

Оставалось полчаса потерпеть.

Изменник (Альберт I)

— И чтобы я тебя больше здесь не видела! — прямо в лицо Алу прилетела его сумка с документами. *Ну спасибо хоть на том, что себе не оставила,* — подумал он, ощупывая нос на предмет перелома. Удар вышел сильным, но все же недостаточно.

Федерика хлопнула дверью с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка, а электронный замок, врезанный в саму дверь, жалобно пикнул и погас. Сломался.

На лестничной площадке повисла звенящая тишина.

— Ну, — сказал Альберт сам себе, поднимая с пола небольшой дорожный чемодан и отряхиваясь, — Одной проблемой меньше.

Федерика была его любовницей долгое время. Взбалмошная, темпераментная итальянка, с которой его угораздило познакомиться около десяти лет назад во время отдыха на море. Ни он, ни она не планировали ничего больше короткого курортного романа, — встретились, провели вместе отпуск и разлетелись кто куда, — но все закрутилось как-то само.

То, что космопорт Аркадии был одним из базовых для его астроконцерта, поспособствовало этому не в последнюю очередь.

С его профессией было несложно скрывать от своих женщин наличие друг друга. Лаура, его жена, вместе с их двумя детьми жила на Земле, Федерика — на Аркадии. Никаких скандалов, никаких шансов попасться на горячем, дополнительным бонусом — работа, предполагающая отсутствие дома месяц-два за один рейс. Конечно, интернет представлял опасность, но за долгие годы жизни на несколько семей он научился шифроваться так, что его, наверное, не смогли бы найти и все разведки Федерации, заинтересуй он их.

И все и дальше было бы замечательно, если бы Федерика не начала несколько месяцев назад проедать ему плешь внезапно возникшим желанием оформить их отношения официально. Сначала Ал увиливал от разговора под любым надуманным поводом. Потом улетел в очередной рейс, а сейчас, когда вернулся, с удивлением для себя выяснил, что она где-то раздобыла сканер паспортов, пока его не было дома просканировала его паспорт и выяснила, что он уже двадцать лет как женат и у него есть двое сыновей.

Скандал, который она ему закатила, был грандиозным. По квартире летала посуда, за посудой, словно ведьма на метле, летала разъяренная Федерика. Она расцарапала ему все лицо своими накладными ногтями, разорвала несколько копий кредитного договора на его лондонскую квартиру (слава богу, оригинал он хранил только и исключительно дома), пошвыряла его вещи с балкона и даже норовила дать ему скалкой по голове, но у нее ничего не вышло — как ни крути, он был на порядок сильнее.

Сейчас он стоял на лестничной клетке напротив ее квартиры, собирал остатки своих вещей в чемодан — и ни о чем не жалел. Не так давно к нему пришло понимание, что возраст у него уже не тот, чтобы тянуть одновременно две семьи и он сам подумывал о том, что пора было разрывать эту паутину лжи, но никак не мог решиться. Жизнь решила все за него.

Следующую ночь он провел в отеле, и на утро впервые за долгое время приехал на работу за полчаса до назначенного срока довольным, чисто выбритым, с аккуратно подбрившими триммером усами — и несколькими свежими ссадинами на лице. Последнее не заметить было невозможно.

Поток вопросов посыпался на него стоило ему только подойти ко входу в космопорт. Рядом с ним, прямо под знаком «курение запрещено» уже столпились все его коллеги, курящие и некурящие вместе.

— Ал, что с тобой? — вместо «привет» спросила Мария, одна из связистов, только завидев его. Сама она не курила, но общение любила больше, чем не любила сигаретный дым, — Какой-то ты подозрительно довольный для человека, которому расцарапали лицо. Ты что, с кошкой подрался и победил?

Улыбка на лице Ала стала еще шире.

— Почти угадала Меня любовница бросила.

Справа от нее, от удивления, подавился дымом и закашлялся Таво — старший пилот второй смены.

— И ты этому рад?! — прокашлявшись, ужаснулся он, — Ал, стой здесь, мы сами приведем тебе скорую! — он достал из кармана смартфон и притворился, что набирает номер, вызывая у всех присутствующих приступ хохота.

Ал фыркнул и вытряхнул сигарету из пачки. Следующий перекур раньше окончания взлета ему не светил.

Космопорт встретил его потоком прохладного воздуха, запахом перегоревшей проводки и еще несколькими десятками похожих вопросов. Он понял, что сильно погорячился, считая, что его не удастся таким образом вывести из себя, когда превентивно наорал на открывшего было рот младшего техника, который, как выяснилось, всего лишь хотел сказать, что предполетные проверки завершены и им дали зеленый свет.

Медосмотр, предполетный досмотр, паспортный контроль, еще пара рассказов про Федерику (ему уже казалось, что у него дергается глаз, когда он слышит ее имя) — и вот он уже сидел в своем уютном кресле командира экипажа, допивал двойной эспрессо, параллельно выводя корабль на первую космическую скорость, и снова чувствовал себя вполне довольным жизнью.

Стив, его второй пилот на этот рейс, совсем молодой парень, не разделял его блаженства. Растрепанный и явно не выспавшийся, он постоянно ерзал в кресле. Движения его были нервными и рваными. Первый самостоятельный полет, оно и понятно. Еще и новая команда. Возможно, стоило его успокоить, но Ал летал не первый год и по его опыту некоторым людям заверения, что все будет хорошо, делали только хуже.

К какой категории относился Стив — он пока не знал и решил не рисковать.

— Мистер Киркегор? — начал Стив неожиданно.

Необычное обращение резануло слух. Мистером Киркегором Ала давно называли разве что в госучреждениях, семья, члены экипажа и друзья же всегда ограничивались емким «Ал».

Впрочем, Стиву пока неоткуда было это узнать.

— Да? — ответил Ал не отводя взгляда с приборной доски.

— Что-то у меня предчувствие какое-то нехорошее, — Стив нервно прикусил губу.

Ал усмехнулся про себя. Неужели он был одним из тех сумасшедших из интернета, которые уверовали в то, что позавчера должен был случиться конец света? Если так, то полет обещал быть интересным, а послеполетные разбирательства — так вообще феерией бюрократии.

— Да ну, брось ты, — сказал он вслух, — Самый обычный рейс, никаких тебе сверхновых и черных дыр по пути, что может пойти не так?

Он быстро глянул на спидометр, чтобы убедиться, что первую космическую они успешно набрали, и нажал на кнопку, убирающую закрылки.

Стив пожал плечами:

— Так-то оно так, но... Вот знаете это липкое чувство, возникающее перед тем, как должно случиться что-то нехорошее? — Ал кивнул, — Вот оно меня уже несколько дней не покидает.

Может быть, он все-таки ошибся в своих предположениях. Хорошо.

— Обычный предполетный мандраж. У меня так же было первые пару месяцев, пока руку набил. Вечно казалось, что сейчас навигационные маячки выйдут из строя и нас размажет в лепешку о черную дыру, — усмехнулся в усы Ал.

— Да нет, не обычный, — продолжил Стив, — Помните в прошлом году было цунами на Гаити? — то ли вопрос, то ли утверждение, но Ал кивнул, — Я тогда в отеле на первой линии отдыхал, и за пару дней меня точно так же накрыло. Даже хуже. Я вообще думать не мог, постоянно тряся от страха. Заливал алкоголем, но зря. Выжил можно сказать по чистой случайности, — он осекся, не закончив мысль.

Повисла неловкая тишина. Задавать уточняющие вопросы Ал не решился — Стив уже и без того сравнился по цвету лица со своей форменной рубашкой, а эти воспоминания явно были не из приятных.

Ситуацию спас голос диспетчера, раздавшийся в наушниках:

— EI 18162, можете занимать коридор R-116.

— EI 18162, принято, — ответил Ал и взялся за дело, параллельно по максимуму привлекая Стива. Его состояние ему очень не нравилось.

Как он только предполетный медосмотр прошел?

Они заняли коридор и вскоре спидометр разразился трелью, знаменующей набор третьей космической и выход за пределы атмосферы.

Ал убрал крылья — в безвоздушном пространстве они скорее мешали, чем помогали маневрированию, и вернулся к блаженному ничего не деланию, что омрачалось разве что беспокойно ерзающим на кресле и постоянно все перепроверяющим Стивом.

— Сходи перекури, глядишь полегчает, — посоветовал ему Ал.

— Я не курю, — дергано отозвался Стив, сосредоточенно грызущий ноготь.

— Никогда не поздно начать, — ухмыльнулся Ал.

Стив подколку не оценил, продолжая нервно пялиться в лобовое стекло, за которым медленно, как черепахи, ползли планеты звездной системы Глизе 667. Ал находил это зрелище весьма умиротворяющим, но на Стива никакого успокоительного эффекта оно, очевидно, не оказывало — он только начал грызть ногти с еще большим остервенением.

— Стив, я серьезно. Если тебе действительно так паршиво, отвлекись, сходи куда-нибудь. Кофе выпей, в медпункт загляни, пусть тебе Фло чего-нибудь даст, я не знаю. Я сам справлюсь. Ты же понимаешь, что, если так будет и дальше продолжаться, мне придется написать рапорт, когда прилетим?

— Да не-не, нормально, — отмахнулся Стив, бледнея еще сильнее.

— Не нормально, — с нотками стали в голосе сказал Ал, — Иди в медпункт, попроси таблетку успокоительного. И это не совет, это приказ старшего по званию.

Приказа Стив послушаться не посмел. Вздрогнув, он кивнул, поднялся и покинул кабину. Ал облегченно откинулся на спинку. Так-то лучше, а то завел тут — не надо, не надо, все нормально. А сам на грани истерики.

Когда заметно менее дерганый Стив вернулся назад, Ал уже заканчивал выравнивать корабль после взлета.

— Ну что, полегчало? — не отвлекаясь от приборов, спросил он.

— Ага, — краем глаза он видел, как Стив кивнул.

— Ну и ладненько.

Горизонт полностью выровнялся, он наконец-то отпустил штурвал и тот вернулся в первоначальное положение.

— Так, и объявление, — пробормотал он себе под нос, — Ненавижу это, но никуда не денешься.

Щелкнув тумблером, включающим громкую связь, он сказал в закрепленный на голове микрофон:

— Уважаемые пассажиры, с вами говорит командир экипажа Альберт Киркегор. Сообщаю вам, что мы успешно набрали высоту и вышли на эшелон. Электронику можно включать, связь и интернет будут доступны до входа в варп, который планируется ориентировочно завтра вечером.

Он вернул тумблер в изначальное положение и страдальчески закатил глаза:

— Зачем вообще нужны эти объявления? Во всей галактике, наверное, не отыщется человека старше четырех, для которого я скажу что-то новое.

На самом деле он лукавил и прекрасно об этом знал — полным-полно народу никогда не выбиралось с родных планет, он просто ввернул это ради красного словца. Все эти жестко регламентированные речи он ненавидел и каждый раз бухтел их в микрофон про себя матерясь. Жаль, что эту обязанность нельзя было спихнуть на Стива, иначе рапорт могли написать уже на него.

Кстати, о Стиве.

— Слушай, — повернулся Ал к нему, — Последи за приборкой пожалуйста. Я схожу за кофе. Тебе, кстати, взять?

— Нет, не надо, — Стив покачал головой, — Фло сказала никакого кофеина в ближайшие несколько часов. перевозбуждает нервную систему.

Пожав плечами, Ал покинул кабину и направился в кафе.

Пассажиры постепенно выбирались из своих кают, осматриваясь вокруг. Единой планировки у космических кораблей не было — каждый производитель строил кто во что горазд. Они еще пару дней так будут шататься, не зная где что, пока привыкнут.

Кафе еще не начало свою работу, но кофе-машина была доступна любому в любой момент. Приложив свою карту сотрудника вместо банковской, он в один клик выбрал нужный ему вариант. Машина включилась, завибрировала — и спустя несколько секунд пикнула, обозначая, что все готово.

А теперь перекур. Ничего со Стивом не случится, если он на пару минут дольше посмотрит за приборкой, а у него от недостатка никотина уже начинала болеть голова.

Курилка была расположена между палуб, на лестнице. Одна на весь корабль — и явно слишком маленькая, чтобы вместить всех желающих, он убедился в этом стоило автоматической двери отъехать, а ему — увидеть тесное помещение, битком забитое людьми. В уши тут же ударил гул мощной вытяжки. Он пошарил вокруг глазами, выискивая свободное местечко. Таковое обнаружилось возле нескольких бортпроводниц, что вели беседу с незнакомым мужчиной — судя по отсутствию формы, пассажиром.

Члены экипажа забивали на форму, как правило, немного позже — к утру второго дня

после вылета. Стирать ее на корабле дураков не было.

— Ой, а мне вот тоже перед отлетом такая фигня снилась, — говорила одна из стюардесс, Дженни, мужчине, которого он идентифицировал как пассажира — Будто бы я, совсем еще маленькая, стою посреди двора, у дома родителей, а с неба падают метеориты. Я пытаюсь убежать, спрятаться в подъезде, но где-то на баскетбольной площадке один из них попадает в меня, и я просыпаюсь.

— Моя бабушка говорила, что, если ты умираешь во сне — значит в реальности будешь жить долго, — отозвался пассажир, пожав плечами, — Сомневаюсь, что она сама верила в эту глупость, но в детстве мне это здорово помогало заснуть после кошмаров.

— О, Ал! — Дженни заметила его и приветственно помахала ему рукой, — Знакомься, это Малкольм, — представленный пассажир, довольно молодой мужчина в очках, кивнул, — Малкольм, это Альберт, наш командир экипажа.

Ал кивнул, устроился рядом с ними, вытряхнул сигарету из пачки и закурил.

Малкольм сперва дружелюбно улыбнулся, а затем, как только смысл ее слов полностью дошел до него, опешил:

— А кто же тогда за штурвалом, если он здесь?

— Автоматика, — вздернув бровь в притворном удивлении, ответил Ал и отпил кофе из бумажного стаканчика, — И Стив. Но больше все-таки автоматика, — в ответ на вопросительный взгляд он пояснил, — Стив — это мой второй пилот.

Малкольм несколько раз рвано кивнул, подозрительно глядя то на него, то на стюардесс. Те же, в свою очередь, смотрели на Ала с осуждением, но он предпочитал этого не замечать.

Чтобы как-то разрядить обстановку, он усмехнулся и сказал:

— Да ладно, я же шучу! Стив знает, что делает.

Но Малкольма это нисколько не успокоило. Рвано хихикнув, он поспешил удалиться, даже не докурив сигарету. Нервный какой.

— Ты нам так всех пассажиров распугаешь, — Дженни больше не видела ни одной причины сдерживать себя.

— А? — Ал изобразил самое невинное выражение лица, на которое только был способен.

Дженни разочарованно покачала головой, метким броском отправила окурки в урну и поправила форменную юбку:

— Ладно, пошла я.

— Ага, — кивнул Ал, снова отпивая кофе и ехидно улыбаясь в усы, — Увидимся.

Путь до точки выхода в варп вышел на удивление спокойным. Стив окончательно перестал дергаться на следующее утро, — к огромному облегчению Ала, — пассажиры вели себя до неприличия прилично, несмотря на то что с ними в этот раз летела целая группа школьников. На третий день одна бабуля потеряла свою кошку, которую они потом искали весь день — и это стало единственным ярким пятном посреди серой корабельной рутины.

Даже к точке выхода они подошли по графику. Удивительное событие — жаль, что такое редкое. На практике Ала такое чудо случалось только пару раз, в подавляющем большинстве случаев они опаздывали и опаздывали достаточно сильно, именно поэтому вот уже много лет в билетах на рейсы невозможно было встретить время прибытия — только дату, да и та была больше ориентиром, чем гарантией. Космос все еще оставался штукой опасной и непредсказуемой.

Завидев карликовую планету Глиссе 667-III-2, служившую своего рода границей сектора, Ал щелкнул тумблером связи и сказал в микрофон, обращаясь к диспетчеру:

— Пятнадцатый-девятый, рейс EI 18162, как слышите меня?

Сквозь помехи из наушников раздалось:

— EI 18162, это пятнадцатый-девятый. Слышу вас хорошо. Прием.

— EI 18162, запрашиваю варп-коридор до Солнечной Системы.

В наушниках раздались щелчки и спустя пару минут тот же голос сказал:

— Коридор LB1517 будет в вашем распоряжении через десять минут. Готовьтесь пока, точка входа выше вас на километр.

На навигационном мониторе точка входа уже подгрузилась и замигала красным.

— Вас понял. Точку вижу. Рейс EI 18162, конец связи, — он щелкнул тумблером и уже не в микрофон сказал — Стив, боковые двигатели на полмарша, набор высоты.

Стив серьезно кивнул, и принялся за работу.

Они вдвоем вывели корабль на одну прямую с точкой выхода в варп минут за десять. Недобор высоты 200 метров, расстояние до точки — 500 метров... Нормально, в пределах погрешности.

— Рейс EI18162, это пятнадцатый-девятый. Коридор открыт. Прием, — сквозь помехи раздалось из его наушников.

— Пятнадцатый-девятый, это рейс EI 18162. Вас понял. Ориентировочное время входа в варп — 14.23. Прием.

— Принято, — прощуршали наушники и связь прервалась.

200 метров. 100 метров.

— Солнечный парус пошел. Запуск варп двигателя.

Поехали.

Оперативник (Магнус I)

Невыносимо хотелось спать.

— Теперь твоя очередь! — раздался из-за стены очередной восторженный писклявый крик.

Магнус, раздраженно скривившись, накрыл голову подушкой. Не помогло, слой ваты и ткани совершенно не заглушал звуков.

Последние несколько недель его жизнь стремительно летела по наклонной под откос — и он не находил ничего удивительного в том, что именно ему в соседи на двухнедельный перелет достались шумные школьники, которые превращали сон в еженощную пытку.

Ему всегда везло, как утопленнику, с чего бы сейчас, когда он чувствовал, что практически достиг дна, и вовсе не для того, чтобы от него оттолкнуться, что-то неожиданно изменилось к лучшему? Пусть и в такой малости.

За стеной что-то упало на пол с глухим, но громким звуком.

Где, в конце концов, шляется их учительница? Или кто там с ними летел. Было уже три часа ночи по корабельному времени, а дети за стеной, похоже, не то, что не собирались ложиться спать — у них наоборот, только что открылось второе дыхание.

Судя по звукам, теперь они то ли обдирали обшивку корабля, то ли роняли слона с крыши небоскреба.

На соседней полке захныкала Дженни — дочь его соседа и собрата по несчастью Малкольма, который тоже постоянно жаловался на бессонницу. Одному Джеффри, их четвертому соседу, все было ни по чем — для того, чтобы его никто и ничто не беспокоило, перед сном он пил, но наутро после этого не болел. Суперсила двадцатилетних, ему, к сожалению, более недоступная.

Еще одно «бум» — и Магнус тихо застонал себе под нос. Нет, так решительно невозможно. Внутри кипело раздражение, приправленное злостью и общим подавленным состоянием последних недель. Еще немного, и эта взрывоопасная смесь имела все шансы сдетонировать с непредсказуемыми последствиями.

Табельный пистолет, что покоился в его чемодане, не дал бы ему соврать.

Он выбрался из-под одеяла, нащупал ногами тапки и вышел из каюты, стараясь издавать как можно меньше звуков, чтобы никого не разбудить.

В коридоре шум был еще громче.

С раздражением, Магнус постучал в дверь каюты школьников, и, не дожидаясь реакции, прорычал:

— А ну заткнулись, вы всей палубе спать не даете!

Голоса из-за двери стихли на секунду, а затем — обложили его такими выражениями, каких он за долгие годы работы под прикрытием в полиции не слышал даже от самых матерых уголовников. Дверь в их каюту, конечно же, была заперта.

Шум возобновился через несколько минут с утроенной силой.

Интересно, откуда в них взялось столько энергии и когда они вообще спали? Шум на палубе за весь полет не стихал ни на секунду. Днем Магнус спасался от него уходя на другие палубы — общественных помещений на корабле пусть и было сравнительно немного, но найти уголок чтобы подремать все-таки было возможно. Посреди ночи, однако, ничего не работало, и, еще немного постояв у запертой двери, он направился в курилку.

Ему требовалась передышка. А потом он найдет их учительницу.

Прошлой ночью он считал точно так же. Самообман. Удобная штука.

То, что он оставил сигареты в каюте, он понял только тогда, когда приложил к электронному замку двери курилки свою карточку пассажира. Внутри, несмотря на поздний час, явно кто-то был — из-за толщи металла раздавались приглушенные звуки.

Дверь с характерным щелчком заехала в стенную панель.

Днем вся курилка была укрыта плотной дымовой завесой — завывающая под потолком вытяжка явно не справлялась с наплывом желающих, — и находиться в ней дольше десятка минут было чревато обмороком от недостатка кислорода. Сейчас же дела обстояли намного лучше, — и он даже мог без труда рассмотреть одиноко сидящего возле иллюминатора седого и лысеющего мужчину.

— Извините, у вас сигареты не найдется? — первым нарушил тишину Магнус, пройдя вовнутрь. За спиной у него захлопнулась дверь.

Мужчина вздрогнул от неожиданности и обернулся.

— Найдется, — ответил он и протянул Магнусу свою пачку.

Магнус вытянул из пачки одну сигарету и сел рядом с ним.

— Спасибо. А зажигалку можно? Все в каюте забыл, не охота возвращаться, — словно оправдываясь, добавил он.

— Держи, — мужчина протянул ему свою.

Магнус прикурил и вернул зажигалку владельцу. Повисла неловкая, вызывающая неприятные ассоциации, тишина.

— Что, тоже школьники спать не дают? — не придумав ничего лучше, спросил Магнус, пытаясь ее как-то разбавить.

На удивление, мужчина с удовольствием поддержал разговор:

— Нет. Мне повезло с соседями, но наслышан-наслышан. Что с них взять. Дети.

— Я тоже пытался так думать. Первые пару дней даже работало, — Магнус хохотнул, — Но когда вторую неделю спишь по паре часов в день, и то кое-как и днем...

— Могу себе представить, — хмыкнул мужчина и неожиданно протянул незанятую сигаретой руку Магнусу для знакомства, — Чезаре.

Немного замешкавшись сначала, Магнус ответил на его жест:

— Магнус.

Плотная чернота за иллюминатором оставляла полное ощущение, что они никуда не движутся, а просто зависли посреди нигде. Нормальная картина во время нахождения в варпе, но привыкнуть к этому было очень сложно, практически невозможно.

На мгновение, ему показалось, что Чезаре ухмыльнулся. Чего это он?

— Интересно, почему мы еще не вышли из варпа, — сказал Магнус, не обращая ни к кому конкретно, — Вроде уже две недели прошло, должны бы.

Страхнув пепел в пепельницу, Чезаре пожал плечами:

— Ты же знаешь, какой разброс. День туда, день сюда даже опозданием не считается.

— Знаю, — грустно усмехнулся Магнус, — Только боюсь не дожить до этого знаменательного события, с такими-то соседями.

— С ними же должен лететь какой-то сопровождающий. Почему ты с ним не поговоришь? — вопросительно вздернул бровь Чезаре.

— А толку? Ты видел эту бабулю? Что она им сделает? Двойку по поведению влепит? — Магнус хмыкнул и покачал головой.

— Ну, сам с ними поговори.

— Вот, не поверишь, только что пробовал. Они меня так обложили, хоть записывай.

— Экипаж пробовал привлечь?

— Пробовал. Корабль забит под завязку, место не поменять.

— Тогда не знаю. У меня варианты закончились, — пожал плечами Чезаре, затушив сигарету.

Чем больше он говорил, тем страннее Магнусу казался его акцент. Население Аркадии было максимально пестрым, как и полагалось любой колонии, работа его предполагала частые контакты с людьми — и он считал себя своего рода экспертом, но такого акцента, как у Чезаре, он точно никогда раньше не слышал, ни у итальянцев, ни у кого-либо еще.

— Ладно, Магнус, я пойду, — Чезаре поднялся со скамьи, — Удачи. Приятно было познакомиться.

Магнус усмехнулся и помотал головой. Чезаре покинул курилку и внутри стало совсем тихо. Он затянулся в очередной раз. Глаза слипались. Двигатели корабля и вытяжка шумели, но разве могли эти размеренные, равномерные механические звуки сравиться с криками бешеных детей?

Никогда.

Стоило ему сонно моргнуть — курилка корабля сменилась рабочим кабинетом его старой подруги Оливии. Они были знакомы с самого детства — жили в соседних домах, ходили в одну школу, крутились в одних и тех же компаниях. Он влюбился в нее где-то в старших классах. Тогда ее, полностью погруженную в учебу, совсем не интересовали мальчишки — она сама так говорила, — но он не терял надежды. Сдав экзамены с отличием, она поступила в престижный университет — ему пришлось изрядно попотеть, чтобы сделать то же самое. Она всегда была на вершине рейтингов студентов — он же волочился в конце, едва совмещая учебу и работу, необходимую для ее оплаты. Он был готов выслушать ее и подставить плечо, всегда, — и даже выслушивая ее жалобы на парней, отбоя в которых у нее не было, он не терял надежды.

Когда они выпустились, — она с отличием, он кое-как, с трудом пройдя по грани отчисления за каких-то несчастных несколько месяцев до защиты диплома, — рекрутеры Фонда сделали ей предложение, от которого сложно было отказаться. Она согласилась — и он последовал за ней как верный пес, твердо уверенный, что это его счастливый шанс.

За годы работы, она успела дослужиться до директора зоны содержания и выскочить замуж за этого мерзкого французишку Бертрана, а он все продолжал влачить существование обычного оперативника под прикрытием — и пропасть между ними становилась все глубже и глубже с каждым годом.

Но он не терял надежды.

В кабинете было пусто.

Равномерный слой пыли покрывал столешницу, полки, уставленные папками с документами по объектам, — многие из досье, насколько Магнус знал, нельзя было переносить в электронный вид ни в коем случае, — диван и даже рабочее кресло. Самой Оливии нигде не было видно. Все вокруг производило гнетущее впечатление заброшенности.

— Оливия? — опасливо спросил Магнус.

Эхо, несвойственное такому маленькому и заставленному мебелью помещению, стало ему ответом.

Какого...? Где Оливия? Что здесь происходит?

Нарушение условий?

Еще мгновение назад расслабленный, Магнус сразу сосредоточился, рука его приземлилась на кобуру пистолета, закрепленную на поясе. Он обвел комнату внимательным взглядом. Ничего подозрительного, но это не значило ничего.

Стояла звенящая тишина. Магнус не слышал ни единого звука, кроме эха своего собственного голоса и шагов. Так, словно он был единственным живым посреди безмолвного кладбища.

Нервно сглотнув, он подошел к столу Оливии. На цыпочках, стараясь не издавать ни единого звука — и все равно выходило слишком громко. Необычно звонкое эхо шагов выдавало его местоположение с головой. Только по счастью оно до сих пор никого (и ничего) не заинтересовало.

На столе в беспорядке валялись папки, бумаги и флешки, клавиатура допотопного компьютера была погребена под толстым слоем рабочего хлама. Оливия никогда не отличалась аккуратностью и технику предпочитала использовать морально устаревшую. Почему — за долгие годы дружбы с ней, Магнус так и не выяснил. Не было повода.

Что-то чернело под кучей неприметной макулатуры, привлекая к себе внимание. Он аккуратно потянул за уголок этого «чего-то», торчащий из одной из папок. Побеспокоенная стопка пришла в движение, и бумаги полетели на пол.

Черная штука оказалась фотографией в рамке.

Почему-то черно-белой фотографией, с которой на него смотрела улыбающаяся Оливия. Правый нижний угол фотографии пересекала траурная лента.

Он шокировано уставился на нее. Сердце забилось чаще, глаза расширились в испуге.

Внизу были написаны страшные слова, в которые не хотелось верить.

«Директор Оливия Бертран. 20.05.2065 — 15.02.2098».

Откуда он достал эту рамку?!

Присев на корточки, он принялся дрожащими руками переворачивать и разглядывать папки. Не эта. Не эта. Вот, кажется эта.

На обычной картонной папке красовалось: «Нарушение условий содержания [REDACTED]. [REDACTED]. [REDACTED]».

В голове что-то щелкнуло, яркая вспышка понимания озарила сознание...

И Магнус резко проснулся.

Что за? Где я? — успело промелькнуть в голове, прежде чем он вспомнил, что сидит в курилке на борту корабля, на котором летит на похороны своей старой подруги и неразделенной любви, Оливии Бертран.

Все его планы, все его надежды на жизнь разрушились одним сообщением, полученным накануне — и теперь он не знал, что дальше и делать.

В помещении он был один. В пепельнице одиноко валялись два окурка, а третий — его собственный, — лежал на полу. На шортах, чуть выше колена, зияла прожженная им при падении дыра. Глянув на часы, он выяснил, что сейчас 6:25 утра. Никто еще не проснулся, слишком рано.

Хотелось курить. Похлопав по карманам шорт, он вспомнил, что забыл свою пачку в каюте и, с практически старческим кряхтением, поднялся со скамьи.

Выход из варпа застал его за вялым поеданием завтрака, состоящего сегодня из яичницы и нескольких тостов с беконом.

Люди приходили и уходили, столовая, пустая поначалу, заполнялась, а он все сидел и

клевал носом над полной тарелкой, едва приходя в сознание для того, чтобы отпить немного кофе из большой кружки. Почему-то после сна в курилке, спать ему теперь хотелось еще сильнее.

— Извините, здесь свободно? — раздался рядом высокий голос.

Он поднял голову и увидел женщину примерно своего возраста с подносом в руках. Она искренне улыбалась, словно и не ему.

— Да, — кивнул он, оглянувшись.

Пока он ковырялся в еде, корабль успел проснуться, и в столовой не было ни единого свободного места.

— Можно? — уточнила она.

— Да, конечно, — спохватившись, он отодвинул свой поднос на угол стола, так, чтобы ей хватило места.

— Спасибо, — она улыбнулась и села напротив.

Едва она начала есть, весь корабль с силой тряхнуло. Посуда на столах подпрыгнула. Несколько человек, стоявших в очереди к раздаче, с трудом удержались на ногах, ухватившись за стойку и разбросав еду. Недоеденная яичница Магнуса подлетела и попала ему в лоб, кофе разлился на несчастные пропаленные шорты. Не удержав равновесия, его соседка по столику упала вместе со своим стулом. Магнус услышал звук удара — и только после этого окончательно проснулся.

— Вы в порядке?

Он подскочил и обогнул стол. Женщина сидела на полу и потирала рукой затылок. Все ее платье было запачкано остатками завтрака.

Корабль тряхнуло снова, на этот раз слабее. Магнус пошатнулся и ухватился за стол, чтобы не свалиться на нее.

— Кажется. Не знаю.

Убедившись, что корабль больше не шатает, Магнус отцепился от столешницы и протянул ей руку, помогая подняться. Она растерянно оглянулась, как только снова оказалась на ногах.

— Вы сильно ударились? — спросил Магнус, — Голова болит?

— Нет. Все в порядке, — отозвалась она неуверенно.

Перепачканные едой люди поднимали упавшие вещи с пола, женщина с раздачи громко звала кого-то из подсобки. Со всех сторон раздавалась разноязычная ругань направленная на пилотов.

— Я бы все-таки на вашем месте сходил в медпункт, для надежности. Хотите я вас провожу?

Не дав ей возможности ответить, под потолком ожил динамик.

— На связи капитан корабля, Альберт Киркегор. Сообщаю, что мы только что благополучно прошли через область магнитной аномалии. От имени экипажа, приношу извинения за доставленные неудобства. Пострадавших прошу пройти в медпункт. Он расположен на третьей палубе, направо от столовой. Выход из варпа ожидается через несколько часов, просьба закрепить незакрепленные вещи, спрятать багаж на багажные полки и ожидать дальнейших указаний.

Динамик отключился — и во внезапно образовавшейся тишине, женщина кивнула и неуверенно добавила:

— Простите, а как вас..?

— Магнус, — хрипло отозвался он.

— Пенелопа. Спасибо вам, Магнус.

Брови Магнуса непроизвольно поползли вверх.

В его жизни давно не существовало ничего, кроме работы, по которой он регулярно сталкивался только с весьма специфическим контингентом, — и, как следствие, он давно отвык от простой человеческой благодарности.

Пенелопа заметила его удивление и явно собиралась что-то спросить, но он оказался быстрее.

— Пойдемте, — предложил он первым, — Вам помочь?

— Нет, спасибо, — Пенелопа неловко улыбнулась. Почему-то сейчас, в перемазанном платье и с растрепанными волосами, она показалась ему невероятно красивой, — Я сама могу.

Может быть, ему было пора отбросить свои старые надежды, умершие вместе с Оливией, и посмотреть вокруг себя повнимательнее?

Пенелопа оказалась права — ничего серьезного с ней не случилось. Осмотрев ее, врач в медпункте констатировал, что это всего-лишь ссадина, ни сотрясения, ничего, но Магнус все равно проводил ее до каюты, прежде чем вернуться в свою.

Пилот их не обманул — спустя полтора часа, когда он, лежал на полке и дремал, уронив на пузо планшет с открытой книжкой, динамики снова активизировались и уже привычный и даже какой-то родной голос капитана сказал:

— Уважаемые пассажиры, на связи Альберт Киркегор, капитан корабля. Сообщаю вам, что через полчаса мы произведем выход из варпа в районе Сатурна. Просьба занять свои места на нижних полках и пристегнуться во избежание травмоопасных ситуаций. Спасибо за внимание.

Кряхтя, Магнус сел и пристегнулся.

— Папа, папа, а что такое варп? — маленькая Дженни, весь полет заваливала Малкольма вопросами как из пулемета. На большинство из них, особенно касающихся точных наук, тот — адвокат по профессии и гуманитарий по сути — ответить не мог, но Дженни это только раззадоривало.

Вот и сейчас, Малкольм явно не знал, что ей ответить.

— Варп, Дженни, — решил помочь ему Магнус, — Это сленговое название того участка пространства, в котором мы сейчас находимся. Давай сначала определимся, ты в целом представляешь себе по какому принципу работают сверхсветовые двигатели?

Дженни предсказуемо отрицательно покачала головой.

— Хорошо, давай с самого начала.

На столике перед ней лежал порисованный листок бумаги. Недолго думая, Магнус кивнул в его сторону и спросил:

— Можно? — Дженни кивнула и он взял листок в руки, — Ну смотри. Представь себе, что... Допустим, вот этот котик, — он показал на весьма схематичное изображение животного, нарисованное ею, — Наш корабль. Он разгоняется до сверхсветовых скоростей за счет того, что сжимает пространство, находящееся перед ним — в качестве иллюстрации он сжал листик перед мордочкой животного, — И расширяет находящееся позади, — он попытался растянуть бумагу недалеко от хвоста. Бумага угрожающе затрещала, и он прекратил попытки, — Но это на бумажке так просто не покажешь. Так вот. Варп — это сленговое название вот этого незатронутого пространства вокруг котика, — он обвел

пальцем ту часть листочка, которая не была помятой, — Понятно?

Дженни энергично кивнула и спросила:

— А как мы из него выйдем?

— Очень сильно упрощая — затормозим.

— А не упрощая? — ее глаза загорелись любопытством, но Магнус ее обломал:

— А не упрощая ты точно сейчас не поймешь.

Ровно через полчаса, — Магнус успел снова задремать за это время, — корабль снова сильно дернуло. Потом еще раз и еще раз. Динамик что-то пробубнил из-под потолка, но все еще не до конца проснувшийся Магнус не разобрал что. С трудом разлепив глаза и зевая так, что, казалось, его рот сейчас разорвется, он спросил у Малкольма:

— Ну что там?

— Через два дня на Земле будем, — не отрывая глаз от планшета, ответил тот, — Черт, а интернет-то где?

Магнус еще раз смачно зевнул:

— Да подожди ты, сейчас подключится.

Словно в доказательство его слов, его собственный телефон разразился трелью, оповещая о том, что пришло новое сообщение.

— Видишь, у меня уже.

Он достал телефон из кармана — и, стоило ему бегло взглянуть на экран, замер.

Интернета у него точно так же, как и у Малкольма, не было. Но полученное сообщение и не могло быть через него передано. Фонд для связи использовал исключительно свои сети и протоколы.

— Не, у меня что-то глухо, — проворчал себе под нос Малкольм, не обращая на него внимания.

Отправитель: Совет (o 5 council @ foundation)

Получатель: Магнус Густавссон (m. gustavsson @ arcadiadept), Вероника Калинина (v . kalinina @ earthdept), Ангури Патил (a . patil @ marsdept) и еще 210029 получателей.

Это еще что за Совет, о котором он никогда не слышал? И почему он рассылает сообщения личному составу Фонда по внутренним сетям?

Тема сообщения: ...

— Мистер Густавссон, мистер Густавссон, что-то случилось? — сквозь бешеный стук сердца донесся до него голосок Дженни.

Нет... Нет, этого просто не могло быть!

Пилот (Альберт II)

Дверь в кабину пилотов автоматически закрылась за их со Стивом спинами, отсекая гул зала управления, где вовсю шла пересменка. Бумажный стаканчик со свежесваренным эспрессо обжигал ладонь, обещая оставить ожог, если Ал срочно его куда-нибудь не поставит.

Сегодня в ночь дежурили Таво и Мик. Заслышав звуки сзади, они синхронно обернулись.

— Утро, — кивнул им Стив.

Он зачем-то сегодня вырядился в полную форму, — не забыл даже пиджак и фуражку, — и на его фоне растрепанный, сонный Ал в футболке и летних брюках смотрелся как заблудившийся пассажир, по чистой случайности оказавшийся в кабине.

— Утро, — отозвался Таво и вернулся к голографическим панелям.

Ал подошел к своему креслу, сейчас занятому им, и поставил обжигающий стаканчик сбоку от приборки.

— Ну что, у нас тут ничего интересного, Ал, — Таво нажал несколько кнопок и на панели вылез отчет, — Все системы в порядке, никаких сбоев. Идем строго по графику. Обычная тихая ночь, я даже подремать немного успел.

Не дожидаясь подтверждения, он освободил кресло и, зевая во весь рот, принялся собирать свои вещи. Мик, недолго думая, повторил за ним.

Ал устроился в кресле и просмотрел отчет наискосок. Все они были плюс-минус одинаковыми, вне зависимости от модели корабля, и за годы работы он научился при первом же взгляде вылавливать важные отклонения от нормы, не подключая к этому процессу сознание. В отчете Таво все выглядело так же спокойно, как звучало на словах.

— Принято, — кивнул Ал и провел ключ-картой по сканеру, авторизуя пересменку, — Где-то через четыре часа начнем выход из варпа, если что — будьте на подхвате.

Таво кивнул:

— Конечно.

И они с Миком покинули кабину, на мгновение снова впустив вовнутрь гул зала управления.

Стив провел своей ключ-картой по сканеру со стороны второго пилота и сел в нагретое Миком кресло. По сравнению с началом полета, сейчас он держался не в пример лучше, поэтому вчера Ал решил, что доверить ему место второго пилота во время выхода из варпа будет вполне безопасно. Чем раньше он получит этот опыт, тем лучше.

Надев на голову наушники, Ал отпил обжигающий кофе и взялся за работу.

— Начинаем поэтапное снижение мощности варп-двигателя. Расчетное время возвращения в стандартное пространство — четыре часа пятнадцать минут.

Стив справлялся с задачей намного лучше, чем он когда-то. Новые тренажеры давали о себе знать — он задавал минимум вопросов и довольно уверенно ориентировался в этой новой для себя обстановке, развеивая любые остававшиеся у Ала сомнения.

Точка на астрокарте, обозначавшая их варп-пузырь, стремительно приближалась к Солнечной системе. Автоматика корабля делала за них большинство работы. Каких-то несчастных лет десять назад на все операции, что сейчас производились автоматически, требовалось четыре пары рук — и все равно к выходу из варпа все были выжаты как

лимон, — сейчас же для выполнения того же объема хватало их двоих, — и Ал до сих пор даже ни разу не вспотел.

Искривление пространства-времени на границе варп-пузыря уменьшалось синхронно со снижением мощности двигателя.

Ал потянулся к давно опустевшему и остывшему стаканчику из-под кофе, намереваясь выкинуть его в мусорку за спиной, — и в этот момент верхнее освещение в кабине погасло. Завыла сирена, красный свет аварийных ламп ударил в глаза.

— Внимание! Квадрат 3-12, недопустимо низкий уровень варп-метрики. Внимание! Квадрат 3-13, недопустимо низкий уровень варп-метрики. Внимание! — синтетический голос системы автоматического оповещения резал ухо.

— Какого... — Стив замер и уставился на него перепуганными глазами, отведя руки от панели управления.

Ал наоборот метнулся к панели, рваными, но четкими и точными движениями проверяя датчики.

Искажение 15. Нет, 14. Падает слишком быстро. Мощность варп-двигателя на том же уровне. Плавный график без флуктуаций, это не он. Зашкал уровня гравитации в районе третьего квадрата. Стремительно растет. Гравитационная струна, или?...

— Твою мать, что это?! — в ужасе заорал Стив.

Кабина озарилась ярким светом, и, оторвав глаза от панелей, Ал явственно почувствовал, как седеет. Чуть левее от них зияла абсолютно черная воронка. Стена искаженных и растянутых сияющих частиц одновременно и испарялась из нее, и втягивалась вовнутрь теми же приливными силами, что действовали сейчас и на них.

Ступор прошел, не успев толком начаться, — и, тряхнув головой, Ал грязно выругался.

— Черных дыр никогда не видел? — бросил он Стиву, ступора не избежавшему, — Боковые двигатели на три марша, увеличиваю мощность варп-двигателя насколько возможно. Чем выше наша метрика, тем дальше горизонт событий.

Пальцы плясали над приборной панелью со скоростью близкой к световой, а сознание едва регистрировало все то, что он делал, уступив свое место вбитым на подкорку рефлексам.

Несколько лет досрочно закончившейся службы в ВКС давали о себе знать даже спустя двадцать лет.

— Зачем двигатели?! Тормозить надо! — в возгласе Стива было больше первобытного ужаса, чем он слышал за всю свою жизнь вместе взятую.

— Нас затягивает к горизонту событий, не успеем, — чертыхнувшись, пояснил Ал, — Делай, что я говорю. Боковые — педаль в пол.

Стив медлил, и он, продолжая ругаться, перехватил управление на себя и полностью заблокировал его половину панели.

Мощность варп-двигателя, после провала в глубокую яму, снова росла. Четкая до того, картина стены деформированных фотонов искажалась под неестественным углом. Гравитационные силы, генерируемые варп-двигателем, включились в работу. Их запас времени, не существующий еще секунду назад, сразу вырос минуты на три-четыре.

Со лба градом катился пот, когда он со всей силы потянул за рычаг, сразу не только включая боковые досветовые двигатели, но и выжимая их до максимума. Варп-пузырь достаточно большой, они не могли не успеть вырваться из этой гравитационной ловушки, не нарушая его целостности еще сильнее.

На голове у Стива волосы встали дыбом. Краем глаза Ал, не имеющий возможности оторваться от панелей управления, видел, как он потянулся к своим, но блок мог снять только человек с авторизацией командира корабля. То есть он, или, во время своей смены, Таво.

Ал изо всех сил потянул штурвал вправо. Авиагоризонт на панели разошелся с расчетным, корабль несколько раз сильно дернулся, накренившись под слишком большим для пассажирских рейсов углом. Плотная стена деформированных элементарных частиц перед иллюминатором уступила место привычной черноте варпа.

Искажение 17. 18. Система автоматического оповещения замолчала. Через несколько секунд аварийное освещение тоже отключилось.

— Целостность варп-пузыря восстановлена, — синтетическим голосом оповестила автоматика.

Тяжело дыша, Ал отключил досветовые двигатели, откинулся на спинку кресла и потянулся к пачке сигарет в кармане брюк.

— Э-э-э... — Стив начал заикаться, и не мог выдавить из себя даже одного слова.

— Мы справились. Пронесло, — наплевав на все должностные инструкции, Ал закурил прямо в кабине, — По грани прошли. Вот по такому тонюсенькому волоску.

— Ты же говорил, что...

— Да-да, я помню, что я говорил, — огрызнулся Ал. Не только у Стива нервы были ни к черту, — Вот, на тебе карту, сам посмотри. Видишь тут эту черную дыру?

Стив отрицательно помотал головой.

— Вот и я не вижу. А она есть.

— Тогда откуда?

Ал пожал плечами:

— Или у нас дрейф под десяток парсек, или я понятия не имею. Я тысячи раз летал по этому маршруту, никогда такого не было.

Стив схватился за живот и, стремительно приобретая зеленоватый оттенок лица, пробормотал:

— Что-то мне нехорошо.

Ал смерил его оценивающим взглядом и кивнул:

— Беги. И передай кому-нибудь из бортпроводников, чтобы позвали Таво. У меня у самого руки трясутся.

Осознание всего ужаса ситуации всегда приходило не сразу, — и только сейчас до него начинало постепенно доходить.

Сзади захлопнулась дверь. Стив убежал.

Попасть по кнопке включения громкой связи вышло не с первого раза. Видели что-то пассажиры или нет — объявление нужно было сделать все равно. Прилагая невероятные усилия для того, чтобы голос не дрожал, он быстро протараторил в микрофон:

— На связи капитан корабля, Альберт Киркегор. Сообщаю, что мы только что благополучно прошли через область магнитной аномалии, — он врал первое, что пришло в голову, — От имени экипажа, приношу извинения за доставленные неудобства. Пострадавших прошу пройти в медпункт. Он расположен на третьей палубе, направо от столовой. Выход из варпа ожидается через несколько часов, просьба закрепить незакрепленные вещи, спрятать багаж на багажные полки и ожидать дальнейших указаний.

Дрожащий палец едва попал по кнопке громкой связи второй раз, — и он наполовину

нервно, наполовину облегченно рассмеялся.

Он не знал, сколько времени прошло до того, как дверь в кабину открылась снова, пропуская вовнутрь зевающего Таво в помятых футболке и шортах. Повторное снижение мощности варп-двигателя шло как положено, и нервное напряжение постепенно спадало.

— Ал, что случилось? Я только заснуть успел, меня аж из кровати выкинуло. Во, — заняв место второго пилота, он продемонстрировал ему свежую ссадину на руке.

— Нас чуть не засосало в черную дыру, — кривая усмешка, казалось, навсегда прилипла к лицу Ала, — Стиву совсем дерьмово, у меня руки трясутся, побудешь вторым пилотом пару часов, пока из варпа не выйдем?

Непривычно серьезный и собранный Таво кивнул, не задавая лишних вопросов.

Вторая попытка выхода из варпа прошла не в пример успешнее первой.

— Основной досветовой двигатель три марша, боковые — один марш. Глуши варп-двигатель, — комментировал Ал каждое свое действие. Ни комментарии, ни указания Таво не требовались, но так было привычнее и спокойнее.

На боковой панели покоилась гряда пустых стаканчиков из-под кофе — Таво героически боролся с подступающим сном.

Вспышка — и из плотной черноты одновременно появились такие родные планеты. Ал шумно выдохнул. Все. Закончилось. Справились. Здесь никаких сюрпризов уже быть не могло.

Он щелкнул тумблер, включающий связь, и привычно отрапортовал в микрофон.

— Фаэтон-центральный, рейс EI 18162. Время выхода из варпа — 4 марта 2098, 17.23 по стандартному земному времени. Запрашиваем коридор до Земли, просьба подтвердить.

Ответом ему стала даже не статика — полная, оглушающая тишина, мигом сбросившая его с постамента спокойствия.

— Да что за... — он быстро глянул на панели. Все индикаторы светились зеленым, системы связи были в полном порядке, — Фаэтон-центральный, это рейс EI 18162, как слышите меня?

Тишина.

— Таво, — Ал обернулся к своему временному второму пилоту, — Можешь сделать объявление для пассажиров? Не могу до Фаэтона достучаться.

Он старался сохранять спокойствие, но сердце снова бешено колотилось в груди, а руки начинало немного подергивать.

— Конечно, — кивнул Таво и переключил громкую связь на себя, — Уважаемые пассажиры, с вами говорит Октавио Гутьересс, старший пилот. Только что мы совершили успешный выход из варп-пространства. Интернет и прочая связь станут доступны в течение нескольких минут. Расчетное время прибытия на Землю — 6 марта, 19.00 по стандартному земному времени. Спасибо за внимание.

Фаэтон продолжал упорно молчать. Выругавшись, Ал попробовал подключиться к резервным частотам, затем — к военным, затем — к резервным военным.

Везде было одно и то же. Абсолютная тишина и полное отсутствие статики.

Он включил внутреннюю связь, и сказал в микрофон:

— Стан, зайди ко мне, — вызывая начальника связистов.

Через какой-то час в кабине можно было смело вешать топор — так там было накурено.

— Нет, ну что за бред, — Ал устало потер виски, отрываясь от экранов, — Стан, перепроверь еще раз, проблема наверняка в наших системах.

Стан стоял у него за спиной и недовольно хмурился, глядя на предательски зеленые панели.

— Да тысячу раз уже все перепроверили, Ал, сам же видишь. У нас все работает, от нас сигналы уходят, — раздраженно отозвался он и выудил из пачки еще одну сигарету, — Это Фэтон молчит. И Земля заодно.

Обычный, ничем не примечательный полет по одному из наиболее популярных маршрутов, знакомый ему настолько, что он мог пилотировать его с закрытыми глазами, окончательно остался в прошлом.

Сначала черная дыра, теперь — это. Так и в то, что конец света действительно случился, только они его не заметили, поверить недолго.

— Ал? — Стив уже вернулся на свое место и сменил засыпающего на ходу Таво, — Я сверил карты дальнего космоса, — голос его дрожал, и Ал сразу понял, что здесь тоже что-то неладное.

— Давай, добей меня, — махнул рукой он.

— В общем... Они совпадают с тем, что мы наблюдаем, всего на 45 % — Стив нажал на несколько кнопок и голографический экран с расчетами, идентичный тому, что был открыт перед ним, открылся перед Алом.

Ал крепко зажмурился, но, когда открыл глаза — ничего не изменилось. Бред какой-то. Одна черная дыра — это еще ладно, маловероятно, но могло так случиться, что ее пропустили, но чтобы весь наблюдаемый космос отличался от карт на 55 %? Такого просто не могло быть. Скорее всего, они имели дело с масштабным сбоем алгоритмов.

А связь с базовыми станциями отсутствовала из-за неполадок их оборудования.

— Стан, резервные каналы связи подключать пробовали? — он смахнул астрокарты с голографического экрана и открыл программу диагностики состояния оборудования.

Конечно же, если верить ей, все их системы были в полном порядке. Проблема заключалась в том, что верить ей, скорее всего, больше не стоило.

— Ты за кого нас принимаешь? — обиделся Стан, — В первую очередь попробовали на них перепрыгнуть. Даже белого шума нет, чтоб его, — он с ненавистью затушил окурок об бортик пепельницы.

— Ладно. Иди. Если что-нибудь прояснится — сразу сообщи, договорились?

Всего. Лишь. Аппаратный. Сбой.

— Договорились.

Стан покинул кабину, оставляя их со Стивом наедине со стоящим столбом дымом. Стив в очередной раз зашелся в приступе кашля.

— Может, вентиляцию помощнее выкрутим?

— Да некуда уже, и так на максимуме работает, — отозвался Ал и, смерив Стива оценивающим взглядом, добавил, — Сходи лучше проветришься.

— А если люди...

— Если люди будут спрашивать, что со связью, скажи, что у нас неполадки и мы уже занимаемся их устранением, понял?

Стив кивнул.

— Отлично, иди.

Ал дождался, пока он покинет кабину и нажал несколько кнопок на панели управления, включая связь с экипажем:

— Народ, общий сбор в зале управления через двадцать минут. Мне нужно с вами

поговорить.

В первую очередь, им необходимо было выработать официальную версию произошедшего и придерживаться ее до последнего. Вопросы у пассажиров возникнут — и, если они хотели избежать паники, они должны были подойти к этому неизбежному моменту во всеоружии. Затем...

Затем необходимо было понять, что делать дальше.

Полное радиомолчание Солнечной Системы, — и заодно всех остальных базовых станций, — пугало. Пугало настолько, что, несмотря на все заверения Стана, Ал не хотел верить в то, что неполадок на их стороне нет. Однако противный червячок сомнения периодически выглядывал из глубин сознания и напоминал о том, что Стан — ас своего дела, что никогда еще такого не было, чтобы одновременно на корабле из строя вышли три основных и пять резервных каналов связи, что даже в случае масштабного сбоя, они все равно должны были слышать хотя бы белый шум, а не эту чертову тишину.

Чем дольше он сидел один, таращась в одну точку голографической панели, тем дерьмовее ему становилось. В голову лезли непрошенные мысли — и прогонять их с каждым мгновением становилось все сложнее и сложнее. Руки снова начинали дрожать.

Объявленный им всеобщий сбор, в каком-то смысле, спас ситуацию.

Люди собрались в зал управления непривычно быстро. Страх и неопределенность, без сомнения, сыграли в этом не последнюю роль — обычно дозваться их, всех и сразу, дорогого стоило.

Как только Ал переступил порог переполненного помещения, на него тут же посыпался вал вопросов:

— Что с интернетом? Уже два часа как из варпа вышли, люди волнуются, — предсказуемо интересовались бортпроводники.

— Что за тряска утром была? У нас все показатели зашкалили, думали, расплав будет, — раздавалось из реакторного отдела.

— Где сеть?

— У меня три пассажира головы расшибли! Ал, ты что, бухой за штурвал сел?!

Голоса смешивались и превращались в сплошную кашу, из которой не получалось вычленивать никакой конкретики.

Он неопределенно помахал рукой всем жаждущим ответов и громко сказал:

— Сейчас, дайте пройти, расскажу все, что знаю!

Только после этого толпа расступилась и освободила ему дорогу к его месту на капитанском мостике. Забравшись на возвышенность и оказавшись на голову выше всех остальных, он окинул беспокойное море людей взглядом, и, без предисловий, сказал:

— Так, давайте по порядку. Да, связи нет. Нет, я не знаю почему. Рабочее предположение — масштабный сбой в системах связи.

— У нас все в порядке! — хором возмущенно отозвались связисты в синих рубашках. Хоть кто-то продолжал носить форму весь полет.

— Эту версию я уже слышал. Четыре раза, — прервал их возмущения Ал, — Но сбой пока остается главной рабочей версией. Дальше. Нас трясло из-за того, что мы пролетели в опасной близости от горизонта событий черной дыры. Нет, ее не было на картах, нет, я не знаю, откуда она взялась. Судя по значениям итогового дрейфа, мы если и отклонялись от курса, то совсем ненамного.

Дальше... — хотел было добавить он, и выложить экипажу всю правду про

несовпадение карт, но что-то в последний момент его остановило. Нет, это было бы лишним. Сейчас перед ним стояла труднейшая задача — пройти по грани и не спровоцировать панику ни у экипажа, ни у пассажиров. Такое серьезное несовпадение астрокарт, если о нем стало бы известно, поставило бы крест на этом начинании — и вполне возможно, на многих жизнях.

Паника в закрытом пространстве, отделенном от космоса только слоем толстого металла, никогда не приводила ни к чему хорошему.

— Это все, — резюмировал он, — Вопросы?

Толпа снова зашумела — и все вопросы слились в сплошной поток белого шума.

Ал одним жестом остановил их.

— По одному. Вот ты, например, — ткнул он наугад в девушку из реакторного отдела. Лица ее он не видел, но бордовый цвет ее рубашки позволял ее идентифицировать достаточно точно.

— Ал, когда тряхнуло, у нас мощность зашкалила, чуть до расплава не дошло. На несколько долей секунды, но все-таки, — она подняла над головой планшет, на котором, очевидно, были логи, но Ал не мог разобрать ничего, слишком далеко она стояла, — Я, конечно, не эксперт в астрономии, но, по-моему, никаким горизонтом событий поблизости такое не объяснить.

Нахмурившись, Ал кивнул и добавил это в копилку странностей, которые случились за сегодня.

— Да нет же, смотри, — встрял Пауль — сверкающий проклевывающейся лысиной начальник реакторного отдела, и выхватил у нее планшет, — Удар был в 9:12:03, а у нас скачок мощности случился в 9:11:45, проверь по логам сама, если мне не веришь.

То есть... Скачок мощности случился до появления черной дыры перед их носом, но при этом был связан с ним? Если логика в этом утверждении и присутствовала, то Алу она была недоступна и непонятна.

Впрочем, вряд ли это имело какое-то значение сейчас.

— Ладно, принято, — Ал смахнул со лба выступившие капли пота. В зале управления было очень жарко и душно, — Подумаем, что бы это могло значить. Дальше. Натали? — он с трудом сумел найти в толпе старшую бортпроводницу, что выделялась из массы очередной модной прической.

— Какая официальная версия по поводу интернета? Моих ребят уже пассажиры задолбали.

— Неполладки на нашей стороне. По техническим каналам связь с Землей есть.

— Но...

— Им не нужно этого знать, — обрубил ее Ал, не дав закончить вопрос.

— Ладно, ладно, — легко сдалась она.

Ал окинул толпу взглядом еще раз — и снова остановился на связистах.

— Дальше. Мария.

— А делать-то что дальше будем?

Над залом управления в один миг повисла тяжелая тишина. Мария первая решилась озвучить вопрос, который мучал всех.

И Ал не был исключением.

— Лететь на Землю, — на секунду задумавшись, твердо сказал он.

Толпа словно взорвалась. Его слова стали спусковым крючком для накопившегося

внутри них за этот только начавшийся, но уже бесконечно долгий день напряжения — и ситуация в одночасье накалилась до предела.

— Тихо! — со всей мощи легких рывкнул Ал, пытаясь подавить панику в зародыше.

И это сработало, неожиданно даже для него самого.

— Какие возражения? — не давая никому опомниться, продолжил напирать он.

Ответили ему не сразу.

— Раз нет связи с Землей и выбиты все резервные узлы, — наконец-то робко начал Стан, выставленный связистами в качестве спикера, — Это может быть небезопасно. Ал, ты себе вообще представляешь структуру системы ретрансляторов Солнечной Системы? Да ими тут все утыкано, от Меркурия, до Харона... Что, черт побери, должно было случиться, чтобы одновременно вышли из строя все?!

Толпа в массе своей согласно закивала, а в глазах некоторых впереди стоящих растерянность сменилась страхом.

— Ты прав, — легко согласился со Станом Ал, — Но есть несколько «но». Первое — мы не можем просто так выйти назад в варп, не согласовав коридор с Фаэтоном, связи с которым у нас нет. Второе — по норме нам загружают припасов на расчетное время полета плюс неделя. На обратную дорогу не хватит никак, — экипаж в массе своей поник, — Третье. Если ты не обратил внимания, мы не получаем сигналов не только из Солнечной Системы. Все базовые станции обитаемого космоса молчат.

Он сделал небольшую паузу, давая людям время переварить информацию, а себе — возможность немного отдышаться.

Сомнения раздирали его изнутри. Сказать или нет? С одной стороны, провоцировать панику было нельзя ни в коем случае, с другой — если он бы он направил корабль к Земле своим произволом и что-нибудь пошло бы не так, его заживо сожрали бы задолго до того, как припасы подойдут к концу и они все начнут умирать с голоду.

Ладно. Надо сказать.

— И четвертое, — внезапно осипшим голосом начал он, прерывая начавшиеся было разговоры, — Наши астрокарты больше не совпадают с наблюдаемыми частями вселенной. Почему — не знаю. Скорее всего, тоже сбой. Но строить путь, основываясь на них — это самоубийство. Так что выбора у нас в общем-то и нет. Или оставаться здесь и через пару недель дружно умереть от голода или недостатка кислорода, или отправляться на Землю.

Все возражения исчезли, так словно их и не было вовсе. Перспектива неизбежной медленной смерти от голода или асфиксии против сомнительного, но все-таки существующего шанса на то, что на Земле не все так плохо, не имела ни малейшего шанса на жизнь.

Уже через несколько часов Ал, сидя в кабине в одиночестве, выставил на автопилоте кратчайший путь домой.

О том, что их могло там ждать, он старался не думать.

Пассажир (Яна II)

Расслабленная и ленивая обстановка на корабле, стоило им выйти из варпа, стала напряженной и нервной словно по щелчку пальцев. Одного взгляда на индикатор сети большинству хватило для того, чтобы впасть если не в панику, то близко к ней, — и следующие два дня, остававшиеся до Земли ситуация только ухудшалась. Сеть не появлялась, на членах экипажа, что как заведенные повторяли заученную мантру про сбой в основных подсистемах связи, не было лица, — и паника постепенно вырывалась из отдельных кают, тонкой пленкой опутывая все больше и больше людей.

Некоторые уже начинали поговаривать, что конец света, о котором кричали в интернете, все-таки произошел, просто немного позже, чем ожидалось. Робкие в первый день, их голоса постепенно крепили и становились на ноги, — и, что самое страшное, Яна находила в том, что они говорили, рациональное зерно, чем дальше — тем больше.

Еще немного этой неизвестности — и она побежит регистрироваться на форуме конспирологов и плодить темы про рептилоидов.

Дверь в каюту открылась, пропуская вовнутрь хмурого Чезаре. Яна подняла глаза от планшета, на котором по десятому кругу пересматривала единственный сериал, который она успела скачать, и выжидающе уставилась на него.

— Опять связисты забегали, — ответил он на ее незаданный вопрос.

Яна пожалала плечами:

— Как будто в первый раз. Что говорят?

Сидевший на своей нижней полке Джузеппе подвинулся, Чезаре устроился рядом с ним и сказал:

— В этот раз вообще ничего. Я попробовал двоих в курилке разговорить, — так они на меня посмотрели, как на прокаженного, недокуренные сигареты побросали и сбежали. Вот теперь думаю, к чему бы это? Может, к дождю?

— Ты что, авгуром успел заделаться, пока я спал? — хохотнул Джузеппе.

Чезаре прыснул в кулак и, с притворным недовольством, помотал головой:

— А вот это уже оскорбление.

Яна смерила его, а затем Джузеппе подозрительным взглядом. Непонятные никому шутки были их визитной карточкой, находясь в списке странностей, замеченных за ними, который Яна вела от нечего делать, где-то между «почему Чезаре постоянно носил одежду исключительно с длинным рукавом?» и «что это за загадочная конференция, о которой они постоянно спорили, стоило им остаться в каюте одним?». К сожалению, как она ни старалась, ни одного ответа ей достать не удалось, а спрашивать напрямую было как-то неудобно.

Любопытство съедало ее изнутри весь полет. Выход из варпа и последующее беспокойство смогли вытеснить его с пьедестала ее мыслей, но сейчас оно стремительно отвоевывало свои позиции.

— Ладно, а если серьезно, — в отличие от своего то ли друга, то ли сына, то ли кем там ему Джузеппе приходился, Чезаре умел очень быстро переключаться на серьезный лад, — Я думаю, они нам врут.

— В каком смысле? — Яна вздернула одну бровь.

— В прямом. Что там говорил Киркегор? Неполадки основных систем связи, но пс

техническим резервным связь есть? Мы слышим космопорт и космопорт слышит нас?

— Вроде да, — кивнула она.

— Так вот, я думаю, что ни по основным, ни по резервным каналам никакой связи у нас нет и никого мы не слышим. Поэтому и экипаж такой дерганый. Поэтому и нам никто ничего не говорит.

— Такая посудина, да еще и без связи, она же как слепая... — новый день, новое открытие — оказывается, Джузеппе тоже не всегда вел себя как клоун.

По спине побежали холодные мурашки. Яна сглотнула.

— Именно, — кивнул Чезаре, — При этом, не думаю, что проблема на нашей стороне.

— Это еще почему? — удивился Джузеппе.

— Все просто. Смотри. Связисты до сих пор везде, куда ни плюнь. Ладно в варпе, связи нет — им делать нечего, но из варпа мы вышли, а их меньше не стало. Если бы что-то полетело на нашей стороне, они бы вряд ли вылезали со своей палубы. Потом — они же активнее всех избегают любых вопросов. Сложно убедительно нести чушь о том, в чем хорошо разбираешься. По совокупности я бы сказал, что это не мы не ловим сигналы извне, это извне нечего ловить.

Стройные ряды мурашек шагали по спине Яны как у себя дома. К сожалению, в словах Чезаре было больше смысла, чем она позволяла себе признать.

Его рука внезапно легла ей на плечо, выдергивая из пугающих мыслей:

— Ян, ты чего? — устало спросил он.

Сегодня он опять перебудил их всех среди ночи своим очередным кошмаром, и потом где-то шлялся до утра чтобы не мешать другим спать.

— Не знаю, — она вздрогнула, — Просто подумала, что же должно было случиться на Земле, чтобы всю связь выбило...

— Мы через пару часов будем там и все сами увидим. Не стоит себя заранее накручивать

Не стоит-то оно может и не стоит, но у нее не получалось — и сознание заволакивала плотная нервная дымка.

И... Это что? У него на ладони шрам что ли?

Заметив, куда она смотрит, Чезаре небрежно махнул рукой:

— А, это. Не обращай внимания, на нож случайно напоролся, — он сел рядом с ней и продолжил, — В конце концов, кто сказал, что я прав? — усмехнулся он, — Может быть, сбой действительно у нас, у команды не получается его самостоятельно исправить, а у меня просто разыгралась паранойя.

— Они могли, в конце концов, хоть что-нибудь нам сказать! — взорвалась Яна.

— М-м-м, двести человек, запертых в космическом корабле посреди безвоздушного пространства. Я вот и гроша ломанного не поставлю, что, если ввести нас всех в курс дела, не начнется паника. Думаешь, это хорошая мысль? Паника в таких ситуациях может оказаться смертельно опасной.

Яна отрицательно помахала головой. Она уже не была ни в чем уверена.

Появления Земли в иллюминаторе все ждали с замиранием сердца. Чем ближе они были к планете, тем меньше шумов раздавалось из коридора, а когда командир по громкой связи объявил, что они скоро выйдут на геостационарную орбиту, как минимум на их палубе установилась звенящая тишина.

Не было ничего хуже неизвестности.

Яна отложила планшет в сторону, когда поняла, что вообще не помнит последние несколько десятков минут просмотренной серии. Отвлечься от тревожных мыслей не получалось. Внизу Пенелопа прилипла к иллюминатору, а Чезаре и Джузеппе снова где-то пропадали.

За стеклом показался до боли знакомый кусочек Луны. Корабли, летящие на Землю, всегда заходили на посадку в космопорт по одной и той же траектории, — и обычно этот пейзаж означал, что через полчаса они уже будут толпиться в очереди у паспортного контроля.

Она слезла со своей полки и тоже прилипла к иллюминатору.

Сердце отбивало бешеный ритм.

Пока корабль медленно и неповоротливо совершал маневр, ее воображение рисовало картины одна хуже другой. Расколотую, наполовину сожженную планету. Многочисленные кратеры от ядерных взрывов. Зияющую пустоту по форме совпадающую с Землей.

С каждой секундой картины становились все более и более апокалиптическими, но реальность, как это обычно бывает, превзошла все даже самые смелые ожидания.

Корабль завершил маневр — и ее взору предстала...

Земля. Зеленые пятна лесов, желтые — пустынь и голубые массивы воды. Умиротворенная, привычная картина даже не намекала на возможность какой-то катастрофы космического масштаба, способной вывести из строя связь в целой звездной системе.

У нее словно гора свалилась с плеч. Губы сами расползлись в радостной улыбке, и она обернулась к Пенелопе. Та застыла, на лице ее отображалась вся палитра эмоций, так, словно она не знала, что и чувствовать в этот момент.

Слабое, практически незаметное ощущение, что что-то в этой идиллии было не так, Яна без труда затолкала на задворки сознания.

— Все хорошо! Мы дома! — едва сдерживая желание завизжать от переполнявшей ее радости, воскликнула она, — Фух, после такого, я, наверное, еще пару лет никуда летать не буду! — выдохнула она и рассмеялась.

Ни капли не изменившаяся в лице, Пенни что-то тихо сказала себе под нос.

— Извини? — переспросила Яна.

— А где космический мусор? — уже громче спросила она, и радостная улыбка сползла с лица Яны так, словно ее никогда и не было.

Несмотря на проводимую последние пару десятков лет политику по утилизации космического мусора, на орбите Земли его все еще оставалось неприлично много. С годами он собирался в сгустки и создавал немалые проблемы как для гражданской, так и для военной космонавтики, — и эта тема практически не сходила с полос интернет-СМИ.

По всей видимости, до сегодняшнего дня.

Или они там внизу изобрели какой-то лазер, который, утилизировав весь космический мусор за ночь, заодно выбил связь по всей Солнечной Системе, или...

Розовая пелена спала с ее глаз — и, глянув еще раз на Землю внизу, она заметила кое-что еще:

— А где свет? — удивленно спросила она, не отводя взгляда от иллюминатора.

— Ты о чем? — так же тихо переспросила Пенни.

— Посмотри на Азию. Там сейчас ночь.

Темная, непроглядная ночь. Без единого островка электрического света.

Даже на месте стомиллионного Пекина, что обычно светился, как новогодняя ёлка, была крошечная темнота, чего уж говорить о каком-нибудь Владивостоке или Мельбурне.

Если даже из строя вышла вся энергосистема восточного полушария, что выглядело настолько маловероятным, что даже невозможным, — всегда можно было перераспределить энергию из западного и запитать хотя бы самые крупные города. Но за стеклом, на темной половине Земли, не было ни единого огонька.

Версия о том, что лазер, который сжег весь мусор вместе со связью, заодно перегрузил энергосистему всей планеты до полного отказа, с каждой секундой начинала выглядеть все менее и менее бредово на фоне того, что она наблюдала.

Чезаре и Джузеппе вернулись через какое-то время, а Пенелопа наоборот — куда-то ушла. Наверное, к тому шведу, про которого она рассказывала. Яна же продолжала сидеть и, словно замороженная, смотреть на Землю внизу.

Из пучины безрадостных мыслей ее сумел выдернуть только оживший динамик:

— Альберт на связи, — раздался из-под потолка усталый голос. Даже их командир решил, что соблюдать формальности больше нет нужды, — В общем... — он шумно выдохнул прямо в микрофон, — В общем, вы все сами видите. Связи с Землей у нас нет, и, если совсем уж честно, — и не было. Визуального контакта с космопортом тоже нет. Что случилось внизу — мы понятия не имеем, — он выдержал паузу, настолько долгую, что Яна уже было подумала, что сеанс связи окончен, прежде чем он продолжил — Заход на посадку в космопорт при таких вводных невозможен, — *Что?* — Мы посоветовались и решили, что единственный вариант, выяснить, что случилось, который нам доступен — это совершить высадку нескольких групп на поверхность при помощи эвакуационных шаттлов. У нас не хватит свободных членов экипажа для того, чтобы укомплектовать даже пару групп, поэтому всех заинтересованных пассажиров прошу пройти в зал управления и обратиться к старшей бортпроводнице Натали О'Хэлорран. Мы будем рады любой помощи. Альберт, конец связи.

Как ни странно, этой импровизированной речи оказалось достаточно для того, чтобы зачарование, сковавшее ее, рассеялось. Она махнула головой, отгоняя последний туман.

Шум с полки напротив привлек ее внимание — Чезаре и Джузеппе, собирали вещи в два небольших рюкзака. Еще мгновение — и до нее дошло, что все это время они негромко переговаривались между собой на итальянском.

— Вы что делаете? — не придумала ничего лучше, чем спросить, Яна.

Еще более растрепанный, чем обычно, Джузеппе осекся на полуслове и обернулся.

— Рюкзаки собираем, не видишь? — с недоумением отозвался он.

— Вы на высадку?

— Да, — кивнул Джузеппе, — Хочешь с нами?

— Не знаю пока, — Яна неопределенно пожала плечами.

Завершив сборы, итальянцы покинули каюту в полной тишине, оставляя ее наедине с сомнениями.

Может быть, ей тоже стоило присоединиться? Да, не стоило себе врать — ей было страшно. Да, от одной мысли о том, что их могло ожидать внизу, у нее подкашивались колени. Но, с другой стороны, какой был смысл прятать голову в песок? Будет она игнорировать реальность вокруг, не будет — от этого ничего не изменится.

Решение было принято в считанные секунды, как с ней обычно и бывало.

Робкий голосок инстинкта самосохранения был ею благополучно проигнорирован — и вот она, на скорую руку покидав какие-то несомненно важные и нужные вещи, такие как

крем от солнца и пижама с мишками, в свою сумку, уже бежала по коридорам корабля, разыскивая зал управления.

Торопилась она, как оказалось, зря. Небольшое помещение зала управления было заполнено едва ли на четверть. Горстка добровольцев — не больше десятка, еще меньше членов экипажа, и женщина в форме стюардессы, что сидела за импровизированной стойкой возле входа — вот и все присутствующие.

Взгляд Яны в первую очередь зацепился за добровольцев — несколько смурных мужчин занимали стол у неактивной панели, женщина спортивного телосложения измеряла комнату нервными шагами, Чезаре разговаривал с каким-то серьезным рыжим мужиком, похожим, почему-то, одновременно и на военного, и на бандита, и на ученого, а Джузеппе подпирал спиной стенку рядом с ними и казался непривычно тихим и растерянным.

Пожав плечами, Яна прошла к импровизированной стойке.

— Здравствуйте, — сказала она женщине, что сидела за ней, привлекая внимание.

Женщина оторвала глаза от бумаг и подняла очки на голову:

— Здравствуйте. Вы по поводу высадки?

— Ага, — утвердительно кивнула Яна.

— Можно ваши документы?

— Да, конечно, — она похлопала себя по карманам, разыскивая паспорт, — Держите.

Женщина открыла паспорт и провела им над сканером, подобным тем, что были у пограничников в космопорту:

— Яна Шимкова, верно?

Яна кивнула. Женщина протянула ей паспорт назад и снова склонилась над своим планшетом.

— Так, внесла, — отчиталась она, несколько минут потыкав в планшет пальцем, — Куда хотите отправиться?

Выбор? Интересно.

— А куда можно?

— Пока три варианта: Нью-Йорк, Лондон или Рим.

Не особо хороший, впрочем, но с таким количеством добровольцев, спасибо что он вообще был.

— А эти двое куда записались? — она кивнула в сторону Чезаре и Джузеппе.

Женщина проследила за ее взглядом и односложно ответила:

— Рим.

Ну, тогда пусть будет Рим. Ей бы больше хотелось в Пекин, но увы.

— Меня тогда тоже туда пишите, — сказала она.

Женщина кивнула и снова принялась тыкать в планшет.

— Готово, — сказала она, управившись со своей работой, — Группа еще недоукомплектована, нужно будет немного подождать.

— Немного? — хитро прищурившись, переспросила Яна.

— Или не немного, — не стала спорить женщина, — Сами видите, желающих...

Яна видела. Желающих было исчезающе мало, и она не понимала почему. Разве лучше было сидеть здесь, не зная ничего и притворяться, что все в порядке, до последнего?

Улыбнувшись женщине, она направилась к Чезаре, рыжему и Джузеппе.

— ... понятия не имею. Это же бред какой-то, — говорил Чезаре рыжему. Голос его звучал устало.

— Вот и я тебе о чем, — его собеседник выглядел не менее уставшим, — С самого утра себе голову ломаю и все без толку.

Яна кашлянула, привлекая к себе внимание. Подслушивать чужие разговоры она считала невежливым.

— О, ты все-таки решилась? — сказал Чезаре, наконец-то заметив ее. Лицо его даже немного просветлело.

— Ага. Смысл тут сидеть и локти грызть от переживаний?

— Правильно, — сказал Чезаре и спохватился, — Яна, это Магнус, — представил он ей своего рыжего собеседника, — Магнус, это Яна, моя соседка по каюте.

Магнус? Кажется, так звали того шведа, с которым познакомилась Пенелопа. А он ничего такой.

— Очень приятно, — Яна пожала протянутую ей руку, — Магнус, вы с нами летите? — не зная, с чего начать разговор, спросила она.

— Нет, — отрицательно покачал головой Магнус, — Я в Нью-Йорк.

— А, — коротко сказала Яна, не зная, чего бы еще добавить.

Повисшую тишину, на этот раз нарушил вышедший из раздумий Чезаре:

— Магнус, погоди, а если... — он осекся. Джузеппе отлип от стены и наострил уши, — А нет, так тоже не получается. Да что же...?

Магнус внезапно посуровел и отрезал:

— Не знаю. Я тебе уже говорил. Куда ни плюнь — везде что-нибудь, да не сходится. Не может такого быть. А есть!

Яна даже не стала уточнять, о чем это они. На повестке дня у всего корабля была одна-единственная тема.

Желающие записаться на высадку потихоньку подтягивались, что вселяло в нее робкую надежду на то, что сегодня они все-таки вылетят. Ожидание и бездействие всегда ее раздражали, а в такой ситуации и подавно. Хотелось куда-то идти, что-то уже делать, наконец.

Через полчаса один из мужчин в синей форме перестал пытаться слиться со стеной и вместе с девушкой, одетой так же, подошел к ним:

— Станислав Новиков, можно просто Стан. Начальник отдела связи, — представился он и затем представил свою спутницу — Мария Диас, ведущий специалист по криптографии.

Девушка слегка кивнула, и поправила выбившуюся прядь длинных черных волос.

— Мы отправляемся с вами. Нужно поставить на поверхности несколько экспериментов.

— Чезаре Дамиано, — кивнул ему в ответ Чезаре.

— Яна Шимкова.

Джузеппе бросил короткий взгляд на Чезаре, прежде чем ответить:

— Джузеппе Массари.

Они по очереди представились, и Стан вопросительно посмотрел на Магнуса. Тот поднял руки:

— Магнус. Но я не с вами, я из американской группы.

Стан коротко кивнул и снова переключил свое внимание на них с Чезаре и Джузеппе:

— Так. Руководить нашей группой буду я. Ориентировочное время отправки через полчаса — ребята уже проводят предполетные проверки шаттлов. Высаживаемся... — он

покопался в кармане куртки и извлек оттуда свернутый планшет. Развернул, кликнул несколько раз по экрану и повернул его к ним, — Вот здесь, — его палец указывал на точку в нескольких километрах от кольцевой дороги Рима в небольшом пролеске, — Что бы там ни случилось, нечего людей почем зря пугать.

Чезаре и Мария синхронно утвердительно кивнули.

— Ну, вроде все. Брифинга как такового не будет, мы вообще не знаем, с чем имеем дело. Будем импровизировать. Встречаемся в эвакуационном отсеке. На лифте до грузовой палубы, потом направо и по лестнице вниз, дальше увидите.

Стан закончил пояснения, и все разбрелись кто куда.

Немного подумав, Яна направилась в кафе. От переживаний у нее все тряслось внутри, — и ужасно хотелось есть. Желательно побольше, и сладкого. Комплекцией она пошла в отца, поэтому от такого метода снятия стресса ее не разносило.

Эклеры с восхитительным эспрессо оказались тем, что доктор прописал. Уже откусив первый кусочек, она мгновенно почувствовала, как противный ком из горла куда-то уходит и судорожный стук сердца в ушах замедляется.

Яна довольно зажмурилась. Так было намного лучше.

Эклеры подходили к концу. Она бросила взгляд на часы — и от безмятежности не осталось и следа. До дедлайна оставалось всего пять минут, за которые ей надо было успеть найти эвакуационный отсек. Одним глотком она влила в себя оставшийся кофе, закинула рюкзак на одно плечо и была такова. Оставшийся кусок эклера сиротливо лежал на столе, а официант, который как раз нес ей счет, так и замер в шоке.

В просторное помещение эвакуационного отсека, она, запыхавшись, ворвалась спустя десять минут после расчетного времени. Все остальные участники их группы уже были там, около готового к отправке шаттла с эмблемой перевозчика на бортах.

— Ну наконец-то! — первым ее заметил нервно нарезающий круги Чезаре, — Ты куда пропала? Мы уже два окна пропустили, сейчас третье закроется.

— Да... Найти не могла, как сюда пройти, — соврала она первое, что пришло в голову.

Чезаре махнул рукой, пробормотал себе под нос что-то невнятное и потащил ее за собой. Стан и Мария, сидевшие неподалеку на ящиках, поднялись и быстрым шагом направились за ними.

— Чего так долго? — спросил Стан.

— Заблудилась я, — отрезала Яна, — Кто вообще додумался так запрятать эвакоотсек? — лучшая защита, это нападение.

— Это не у нас, это у производителя кораблей спрашивать надо, — легко парировал Стан, но конфликт оказался исчерпан. Пошарив в кармане, он извлек оттуда устройство, похожее на смартфон, но более массивное и защищенное, с небольшой выдвижной антенной в верхней части, — Держи. Это комм.

— Зачем? — не поняла она, — У меня смартфон есть.

— Этот коротковолновой. Мы не знаем, есть ли связь внизу, но, если нет — этим штукам не нужны ни вышки ни ретрансляторы.

Яна кивнула, взяла комм из его рук и понадежнее спрятала во внутренний карман легкой куртки.

В шаттл они упаковались быстро. Время поджимало. Корабль беспомощно болтался на геостационарной орбите с отключенными двигателями, и окно для каждого старта нужно было подлавливать.

— Основные двигатели пошли, — бубнил себе под нос блондинистый пилот, с которым она так и не успела познакомиться во всей этой беготне, дергая рычажки и нажимая кнопки на панели управления — Ал, — уже в микрофон одетых на голову наушников сказал он, — Открывай шлюз, успеем проскочить.

Он несколько секунд помолчал, а потом, видимо, получив подтверждение, сказал:

— Ага, отлично. Запуск магнитной подушки.

Шаттл дернуло, и она почувствовала, что они оторвались от пола.

— Ну что, погнали! — с энтузиазмом воскликнул пилот.

Яна прижалась к стеклу иллюминатора, как только они вылетели из шлюза, разглядывая все в мельчайших подробностях.

Пока шаттл шел плавно, сильно их не дергало, но она знала, что это всего лишь вопрос времени. Как только они войдут в атмосферу Земли, начнется такая тряска, что можно и с завтраком своим распрощаться. Она, конечно, никогда раньше не летала на эвакуационных шаттлах, но представить себе, как ощущалась турбулентность на такой маленькой посудине, было несложно.

Яна заранее пристегнулась и заготовила для себя пакеты. Эклеры могли захотеть распрощаться с ней навсегда в любую секунду.

Турбулентность не заставила себя долго ждать. Минут через двадцать их в первый раз потрянуло с такой силой, что на кресле ей удалось удержаться только благодаря ремню безопасности.

— Вошли в атмосферу, — коротко оповестил их пилот, без остановки что-то нажимающий на панели. Над его головой загорелась красная лампочка, но не успела она спросить, что это такое — как та погасла.

Проход через зону турбулентности занял около получаса, — и это были самые противные противные полчаса в ее жизни. Их трясло, болтало, разве что не переворачивало вверх ногами, и все это время она ощущала что-то наподобие невесомости.

Когда тряска прекратилась, она могла похвастаться зеленоватым оттенком лица, и радовало ее только то, что Чезаре, Джузеппе, Мария и Стан выглядели не лучше. А пилоту вот хоть бы хны. Ей бы такой вестибулярный аппарат.

Сквозь слой дождевых туч они прошли как нож, сквозь масло и она облегченно вздохнула. За окном виднелись зеленые леса, какие-то небольшие населенные пункты и дороги. Похоже, здесь все было в порядке. Прав был Чезаре, зря она переживала.

Стан ее мнения явно не разделял.

— Это еще что такое?! — выругавшись, воскликнул он.

Ей пришлось улечься на колени сидящего между ними Джузеппе, чтобы посмотреть в его иллюминатор.

Все те же леса, какой-то городок чуть побольше, дороги, река.

— И что не так? — она вопросительно посмотрела на Стана.

Тот в ответ уставился на нее, как на идиотку.

— Мик, мы не отклонялись от маршрута? — внезапно спросил он у пилота и только сейчас Яна узнала, как того зовут.

— Нет, кэп, — бодро отозвался упомянутый Мик.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал себе под нос Стан.

— Эй, да что не так-то? — переспросила Яна, возмущенная тем, что он так нагло ее игнорировал.

На этот раз Стан ее услышал.

— Вот это что за городок по-твоему?

— Понятия не имею. Я не сильна в географии Италии. У Чезаре лучше спроси, или у Джузеппе. Они местные

Стан выдержал почти театральную паузу:

— Если мы не отклонились от маршрута, то это Рим. Да-да, вот этот вот маленький городок.

Яна смерила его подозрительным взглядом, но мертвецки бледный Чезаре, испуганный Джузеппе и серьезная Мария, смотревшая то на одного, то на другого, порождали в ее душе сомнения.

Приземление посреди какой-то полянки в лесопосадке прошло на удивление мягко. Не отключая магнитных подушек, Мик нажал на несколько кнопок, и правая дверь шаттла поползла вверх.

— С такой высоты спрыгнете?

Яна выглянула в окно. До земли было примерно полтора метра.

— Спрыгнем, — утвердительно кивнул Стан, даже не спросив у остальных, но никто с ним спорить не стал.

Первым прыгнул он сам. Следом — все такой же бледный Чезаре, Джузеппе и только после этого пришла очередь Яны.

Она сняла с головы шлем, отстегнула ремень, перебралась на кресло Стана и, зачем-то задержав воздух, прыгнула.

Внизу ее подхватили руки Джузеппе. Оказавшись на твердой земле, она с наслаждением вдохнула полной грудью, — и тут же закашлялась.

Воздух здесь был какой-то не такой. Как будто бы слишком чистый.

Сотрудник Фонда (Магнус II)

Текст письма остался выжжен на сетчатке навсегда. Каждый раз, когда Магнус закрывал глаза, он проявлялся сквозь пелену темноты ярким светом.

Выполнение протокола «Второй шанс» завершено. Угроза конца света класса ZK “Разрушение реальности” успешно ликвидирована на текущей временной линии. Поздравляем. Если Вы можете читать эти строки — Вы сегодня родились второй раз, и не этот раз — в полной безопасности.

Все уровни секретности сняты с момента отправки этого письма. Для восстановления нормальности нам требуются все свободные руки.

Прежде, чем Вы продолжите чтение, мы хотели бы Вам сказать, что у нас не было другого выхода. Если единственное оставшееся лекарство было настолько ужасным, попробуйте представить себе, каким было заболевание.

Совет

P. S.: Всех выживших сотрудников Фонда просьба как можно скорее явиться по координатам 44°12'14.1"N 110°18'49.9"W.

Второе письмо, процитированное в этом, содержало длинный и подробный документ, пестривший техническими деталями, но весь смысл его заключался в нескольких первых строках:

Протокол «Второй шанс» представляет собой комплекс мер, направленных на предотвращение возникновения конца света класса ZK “Разрушение реальности” при помощи реконфигурации реальности с такими начальными условиями, чтобы вероятность повторного возникновения аналогичного конца света класса ZK “Разрушение реальности” являлась равной нулю.

Внимание! Перед авторизацией выполнения протокола убедитесь, что все остальные возможности сдерживания полностью исчерпаны. Выполнение протокола является принципиально необратимым.

Все это звучало настолько сюрреалистично, что не могло быть правдой, — и одновременно с этим ощущалось уместным, если не закономерным продолжением путешествия ко дну Марианской впадины, которое он лишь по какому-то недоразумению называл своей жизнью.

По какой-то странной иронии, именно сейчас он впервые за последние три недели точно знал, что ему делать с ней дальше.

Искать пути добраться до точки сбора.

Если бы это было так же просто, как звучало.

Вариантов у него было немного. Их корабль направлялся к Земле и должен был прибыть туда в течение следующих нескольких суток. Если реальность действительно была реконфигурирована, — их сигнатуры не могло быть в местных базах данных. При таких вводных, если им кто-то и додумается дать разрешение на посадку, далеко они все равно не уйдут. Допросы, перекрестные проверки, установление личностей, — Магнус слишком хорошо знал, как это все работает, насколько может растянуться и чем закончиться.

Однако, такое событие, как появление неизвестного корабля неизвестно откуда, обязано было привлечь внимание Фонда — а большего ему и не требовалось.

Если разрешение на посадку не дадут — придется импровизировать в зависимости от

того, как будет действовать экипаж. Сейчас Магнус не исключал никаких вариантов, даже того, что ему может потребоваться угнать эвакошаттл, только бы как-нибудь оказаться на поверхности.

На полке напротив Малкольма читал Дженни сказку на ночь. Каждый раз, когда блуждающий взгляд Магнуса останавливался на них, зависть съедала его изнутри. Их мир продолжал оставаться совершенно нормальным, а единственная странность в нем объяснялась банальной технической неисправностью некоторых систем корабля. Пусть эта иллюзия и была обречена скоро разваливаться, однако...

Он многое бы отдал за целых два дополнительных дня блаженного неведения.

Мир закончился десять дней назад — и никто этого не заметил. Ему отчаянно хотелось кричать об этом на каждом углу, но он не мог. За нарушение “Покрова” даже в обычные времена можно было попасть под увольнение с последующим стиранием памяти, — сейчас же за такой проступок скорее всего светил расстрел. Фонд всегда очень серьезно относился к поддержанию завесы нормальности.

Спрятав смартфон подальше во внутренний карман рубашки, чтобы было меньше соблазна перечитывать и без того намертво впечатавшееся в память письмо, Магнус поднялся и вышел из каюты, оставляя Малкольма и Дженни наедине с провалившимся в пьяный сон Джеффри. У него не было никакой цели — он просто не мог больше сидеть на одном месте и притворяться, что ничего не случилось.

Никакого эффекта прогулка не возымела. Несколько часов он ходил туда-сюда и разглядывал встречающихся людей, не вполне осознанно выискивая среди них такой же взгляд, как сейчас смотрел на него из заляпанного зеркала мужского туалета.

К сожалению, чуда в очередной раз не произошло. Повстречавшиеся ему люди были разными — растерянными, сосредоточенными, расслабленными и иногда даже радостными, но ни на одном лице он не находил того, что так отчаянно искал. Он был один. Как, в сущности, и всю свою жизнь.

Все казалось нереальным и бессмысленным.

Корабельное время медленно, но неумолимо приближалось к полуночи, людей на палубах встречалось все меньше и меньше — и ноги сами принесли его в бар.

Просторное помещение в зеленых и оранжевых цветах, без единого иллюминатора, обшитое деревянными панелями и уставленное классической барной мебелью, разительно отличалось от любого другого места на корабле. Целью дизайнеров явно было создать у посетителей полное ощущение того, что они сидели в обычном ирландском пабе где-то на Земле — и можно было сказать, что они справились с ней на сто процентов.

Для столь раннего для любителей выпить часа, сейчас в нем было слишком мало людей. Объяснение этому нашлось быстро — протиравший стаканы парень-бармен, только завидев его, крикнул из-за стойки:

— Оплата только наличными, связи с банком нет!

Наличными сейчас пользовались единицы.

— Я догадался, — крикнул ему в ответ Магнус, доставая из кармана пачку купюр.

— О, вы во всеоружии? — хохотнул парень и махнул ему, — Проходите.

Второе приглашение Магнусу было не нужно. Умостившись на высоком стуле прямо возле барной стойки, он сразу сделал заказ:

— Виски односолодового, два по пятьдесят можно? Для начала.

Его планы на сегодняшний вечер были самыми серьезными.

Парень несколько раз кивнул и через пару минут перед ним приземлились два стакана с виски со льдом. Замечательно.

Под пристальным взглядом бармена, в котором смешались удивление и восхищение, он осушил первый стакан залпом.

Сценарий класса ЗК “Разрушение реальности”.

Нарушение базовых физических констант, причинно-следственных связей и пространственно-временного континуума. Вселенная в привычном понимании прекращает существование.

Еще один стакан виски отправился вниз по пищеводу, и он жестом попросил бармена повторить.

Этот загадочный Совет, чем бы он ни был, принял единственно верное решение. Отрицать это было невозможно. При угрозе существованию не то, что всей жизни в галактике, но и самой галактики, вселенной, в которой она расположена и мультивселенной в целом, никакие меры по определению не могли быть излишними.

Но на душе у него все равно скребли кошки.

Две новых порции виски оказались перед ним словно по волшебству — он даже не заметил бармена, что принес их. Третий стакан присоединился к первым двум. Потихоньку его начинало мутить — и он сомневался, что единственной причиной этому был алкоголь.

Одно нажатие кнопки — и их всех больше нет. Нет его сестры, племянников, старенького отца. Нет продавщицы в булочной, куда он забегал каждое утро за завтраком по пути на работу. Нет коллег-полицейских, которые понятия не имели, кто он на самом деле и зачем он здесь, но все равно прикрывали его спину столько лет. Нет даже самой булочной и участка. Пуф — и все пропало так, словно и не существовало вовсе. Все, кроме этого злополучного корабля — и по какому-то невероятному стечению обстоятельств, его. Чертова ирония...

Они говорили, что это необходимо для того, чтобы реальность как таковая не прекратила существовать. Он был тысячи раз согласен с тем, что лучше было попробовать сделать да все что угодно, вместо того чтобы просто стоять и смотреть как мир рушится у тебя на глазах. Да, они все все равно бы погибли, немного позже, но неизбежно. Но...

Стоило ли сохранение вселенной жизнью всех людей, эту вселенную населявших?

— Магнус? — он не сразу понял, что обращаются к нему, — Вы здесь? А я вас весь вечер ищу.

Женскому голосу удалось пробиться сквозь черную пелену его мыслей, и в какой-то момент он понял, что справа от него сидит его утренняя знакомая из столовой, Пенни.

— Ваши соседи мне сказали, что вы куда-то ушли еще несколько часов назад, — словно не видя его состояния, продолжала она, — Я просто хотела сказать вам спасибо.

Ее слова звучали настолько неуместно, что парадоксальным образом сумели вернуть его в реальность за мгновение.

— Спасибо? — переспросил Магнус, не совсем уверенный, что расслышал правильно, — За что?

— Ну как же, — удивилась Пенни, — Вы мне утром помогли.

Но я же ничего такого не сделал! — хотел было воскликнуть он, однако вслух сказал совсем другое:

— Не за что.

Пенни расплылась в улыбке.

— Бармен! — позвала она.

Парень за стойкой появился из подсобного помещения и повторил свое заученное предупреждение:

— Оплата только наличными, у нас нет связи с банком.

Пенни тут же стушевалась и растерянно посмотрела на него.

— Пиши на мой счет, я плачу, — быстро сориентировался Магнус и обернулся назад к Пенни, — Что Вы хотели заказать?

Пенни расцвела и теперь смотрела на него таким взглядом, которого он так ни разу и не увидел от Оливии:

— Спасибо! Не стоило, но... Я Вам деньги на карту переведу, когда связь починят. “Маргариту” пожалуйста, — переключилась она на бармена.

Магнус махнул рукой:

— Не надо, я угощаю, — правда застряла в горле и вместо нее наружу вырывалась только ложь. Впрочем, сейчас она была скорее во благо.

— Магнус, что случилось? На Вас лица нет, — обеспокоенно спросила Пенни, когда бармен отвернулся и принялся делать ей коктейль.

Нет. Она была последним человеком в мире, которому он мог захотеть испортить оставшиеся несколько дней безмятежной жизни этим чертовым знанием.

Он махнул рукой, указывая на два стакана, — пустой и полный, — перед собой.

— Три стакана виски случились.

Пенни засмеялась:

— Они коварно подкрались к Вам и напали из-за угла?

— Именно так, — серьезно кивнул Магнус, — А их сообщник все еще здесь. Я должен его уничтожить.

— Ваша “Маргарита”, - бармен поставил перед Пенни треугольный бокал.

— Слушай, а еда у вас здесь есть? — улучив момент, спросил у него Магнус.

— Да. Что желаете?

— Мне бы жареного мяса какого-нибудь, на твое усмотрение, — если еще с десятков минут назад он планировал напиться в сопли как можно скорее, сейчас его планы несколько изменились, — Пенни, будете что-то?

— Нет-нет, спасибо, я плотно поужинала, — она отказывалась, и Магнус не мог понять, чего в этом отказе было больше — честности, или нежелания его напрягать.

Бармен быстро записал что-то в свой планшет и ушел обратно в подсобное помещение. Наверное, там была кухня.

— Может быть, выпьем? — предложила Пенни, кивнув на свой бокал и стакан Магнуса.

— Почему бы и нет, — он не видел никакой причины отказываться.

Бокал и стакан со звоном столкнулись, уже совсем не обжигающий виски потек по пищеводу — и это стало последним четким воспоминанием Магнуса за этот вечер.

Потом они с Пенни долго о чем-то говорили, много пили и не меньше ели. Его кошелек стремительно худел, теряя ставшую совершенно бесполезной наличку. Когда усталый бармен сообщил им, что бар закрывается, они заказали у него еще одну бутылку шампанского — и куда-то ушли.

Куда — Магнус не смог бы вспомнить даже под страхом расстрела.

Первым, что он почувствовал, стала головная боль. Даже не боль — ощущение, что ему кто-то забивает гвозди прямо в мозг. Он аккуратно приоткрыл один глаз — и черепушку

прострелило молнией.

Металлическая стенная панель, одеяло, накрывавшее его до пояса, — и женская рука, лежащая на его голой груди. Если не шевелить головой, больше ничего увидеть не получалось, а эти ничем не примечательные детали особо не добавляли понимания и не давали ответа на вопрос “где он?”.

Зато довольно красноречиво свидетельствовали о том, чем закончился вчерашний вечер. Похоже, их разговор с Пенни в какой-то момент перетек в горизонтальную плоскость.

Любая попытка пошевелить головой сопровождалась ощущением, что тот, кто забивал ему гвозди в голову, теперь начал ими ворочать.

Пенни крепко спала. Стараясь не потревожить ее, он аккуратно убрал ее руку со своей груди. Она пошевелилась и, пробормотав что-то невнятное, перевернулась на другой бок. Одежды на ней было не больше, чем на нем, что подтверждало его догадку.

Он все так же осторожно сел на кровати — и его внезапно окатило холодом. Там, за бортом, мир изменился навсегда, а он сидел здесь абсолютно голый и все его мысли занимала только Пенни, и еще немного — необходимость достать где-нибудь таблетку от головной боли. Сюрреализму этой картины мог бы позавидовать даже Сальвадор Дали.

Он криво усмехнулся — и голова ответила ему очередным прострелом.

— Уфф, — не удержал он стона боли, но этого оказалось недостаточно для того, чтобы разбудить Пенни.

Осторожно осмотревшись, он выяснил, что они находились в каюте Пенни, и были тут абсолютно одни. Такие детали, как «куда пропали ее соседи» его несчастная память сейчас была не способна восстановить.

Аккуратно выбравшись из-под одеяла, он собрал свои вещи, разбросанные по всей каюте, оделся и отправился по уже знакомой дорожке в медпункт, на поиски каких-нибудь лекарств. Голова совершенно не работала, отзываясь болью на любые попытки о чем-нибудь подумать, что, наверное, было к лучшему.

Сияющая Пенни нашла его в столовой, где он ел поздний завтрак, по факту превратившийся в обед. Одной таблетки, что дала ему врач из медпункта, хватило для того, чтобы снять все следы похмелья, — и теперь на него напал звериный голод.

— Магнус, ты куда убежал так рано? — она поцеловала его в щеку и села напротив. Судя по ее жизнерадостному виду, она вчера выпила и близко не так много, как он.

— Голова раскальвалась, не хотел тебя будить, — отозвался Магнус, — Извини, что не предупредил.

— Да ладно, все в порядке, — улыбнулась Пенни и приступила к завтрако-обеду.

Следующий ее вопрос, заданный неожиданно и походя, отправил его сердце в долгое путешествие в пятки:

— Слушай, а что у тебя вчера случилось-то? Ты такой расстроенный был.

— Э-э-э, — протянул застигнутый врасплох Магнус.

Он что, вчера ей что-то рассказал? Хотя нет, если бы рассказал, она вряд ли была бы такой довольной сейчас.

— У меня заказ крупный сорвался из-за этого их сбоя. Крайний срок созвониться с заказчиком был вчера. Я не могу раскрывать детали, сама понимаешь — коммерческая тайна, но речь шла о шестизначной сумме. Ну, я и напился с горя, — сказал он первое, что пришло в голову.

Прокатило. Пенни согласно закивала и сказала:

— Все настолько серьезно? Ничего нельзя исправить? Объяснить им там, что это ЧП никто от него не застрахован. Ну в конце концов, они же когда-нибудь починят связь. Да и вообще, мы через полтора суток на Земле уже будем, там-то точно все работает.

Ох, Пенни-Пенни, как же ты глубоко ошибаешься...

— Не, не получится. Там заказчик такой... — Магнус многозначительно закатил глаза.

— Слушай, а чем ты занимаешься? — сменила тему она.

— В смысле? — не понял он.

— Ну, по работе. То, что у тебя бизнес какой-то, я поняла, но какой?

— А, в этом смысле. Охранные системы поставляю, — раз уж начал врать, продолжай до последнего.

— Ой, а я...

Если бы это все еще имело какое-то значение...

Первооткрыватель (Яна III)

— Да что за чертовщина такая? — выругался Стан, провожая взглядом спину всадника.

Яна крепко зажмурилась, пытаясь отогнать наваждение, но мужчина в светлой подпоясанной тунике, едущий на лошади, все равно никуда не делся. Как никуда не делась и выглядящая одновременно и древней, и новой брусчатка под ее ногами.

— Реконструктор, может, какой? — неуверенно предположила Яна. Других идей, не отдающих психическими расстройствами, у нее не было.

— Десятый по счету? У них, по-твоему, фестиваль прямо на этой дороге? — скептически отозвался Стан.

— Ну тогда не знаю, — пожала плечами она

— Может, конюшня где-то рядом, а они спортсмены? — подключилась к разговору Мария.

— Без стремян? Ну ладно, допустим. А та женщина, в носилках, которую два мужика пронесли? Чемпион мира по гонкам на носилках?

Мария покачала головой и развела руками.

— Чезаре, Джузеппе! — окликнул Стан идущих чуть впереди итальянцев, — Вы уверены, что мы туда идем?

— А? — Чезаре перевел на него невидящий взгляд, — Ты что-то сказал?

Только слепой мог не заметить, что с этими двоими с самого приземления было что-то не так. Джузеппе ошеломленно крутил головой по сторонам как заведенный, но одновременно с этим вел себя необычайно тихо и едва проронил несколько слов с тех пор, как они вышли на эту дорогу. Чезаре цветом лица напоминал мраморную статую, а взглядом — ветерана Вьетнама и, похоже, мыслями был в каком-то другом, очень неприятном месте.

Пока Яна со Станом и Марией пытались хоть как-то разгадать загадку этих странных всадников, они не принимали в процессе никакого участия, лишь изредка корректируя направление движения на правах местных.

— Говорю, вы уверены, что мы туда идем? — переспросил Стан.

— Абсолютно, — отозвался Чезаре.

Стан вопросительно посмотрел на Джузеппе, и тот кивнул, подтверждая слова Чезаре. Никаких пояснений с их стороны не последовало — только Чезаре коротко добавил, после непродолжительной паузы:

— Пойдем, — и они продолжили свой путь в полной тишине.

Слишком теплое для ранней весны Солнце начинало припекать и, спустя какое-то время, Яна притормозила, чтобы снять с себя куртку. Вслед за ней то же самое сделали Стан и Мария, оставаясь в форменных синих рубашках с длинным рукавом.

— Стан, а я вот не понимаю, зачем мы вообще куда-то тащимся? Остановили бы одного из этих реконструкторов, объяснили ситуацию, попросили бы вызвать полицию — и дело с концом, — резонно заметила Мария, запихивая куртку в рюкзак.

Яна вдруг поймала себя на мысли, что это самый простой и логичный вариант. И как это ей самой он не пришел в голову?

— Ладно, давай попробуем, — после паузы, утвердительно кивнул Стан.

Их незапланированный привал быстро подошел к концу, и они пошли дальше, теперь целенаправленно выглядывая всадников.

Встреча не заставила себя долго ждать. Не успели они пройти и нескольких километров, как навстречу им показалась целая процессия — пять всадников и несколько человек в носилках, похожих на те, в которых была прошлая встреченная ими женщина.

Яна была не из робкого десятка, поэтому, быстрее, чем кто-нибудь еще успел сориентироваться, подошла к мужчине, идущему рядом с одним из всадников, и обратилась к нему:

— Извините пожалуйста. Не могли бы вы нам помочь? Мы с космического корабля, летели на Землю с Аркадии. После выхода из варпа у нашего корабля отказали системы связи. Нас послали за помощью, потому что без связи пилоты не могут зайти на посадку в космопорт. Вы не подскажете, как нам добраться до ближайшего города? Или, может быть, можете вызвать полицию?

Процессия остановилась, из одной из носилок высунулась женщина и прикрикнула на ее собеседника. Итальянского Яна не знала, поэтому не смогла разобрать ни слова.

Мужчина смотрел на нее полными непонимания глазами.

— Quid? — было единственным словом, которое он сказал.

— Черт, он походу английского не знает. Чезаре, можешь перевести? — крикнула она.

Ответа не последовало. Ну и черт с ним. “Ушел в себя, вернусь не скоро”.

— Простите, может быть кто-нибудь из вас говорит по-английски? — обратилась она одновременно ко всей процессии, и тут же почувствовала, как ей на плечо опустилась тяжелая горячая рука.

Удивленная, она обернулась. За ее спиной стоял нахмурившийся Чезаре, а Джузеппе чуть позади таращился на процессию так, словно увидел инопланетян.

Чезаре взял переговоры на себя и Яна немного отступила назад.

Мужчина, с которым он говорил, сидел на носилках и выглядел так, словно он здесь главный. Внимательно выслушав Чезаре, он что-то ответил, но Яна снова не поняла ни единого слова. Где-то сзади шушукались Мария со Станом, а Джузеппе, что таращился на процессию справа от нее, едва заметно шевелил губами.

— Ну что там? — изнывая от любопытства, спросила Яна у него.

Джузеппе вздрогнул, перевел на нее взгляд, быстро помотал головой и... Ничего. Он просто повернулся назад, не сказав ей ни слова.

Да что с ними такое?!

— Ну что там, Чезаре? — улучив момент, когда все замолчали, Яна принялась додумывать уже его.

Ей нужны были ответы и нужны они были тем сильнее, чем страннее вели себя итальянцы.

Чезаре дернулся и резко обернулся к ней.

— Не называй меня так. Хотя бы пока. Прошу, — голос его звучал одновременно умоляюще и жестко.

Его собеседник с интересом смотрел на них.

— Почему? — не поняла Яна, — Тебя же так зовут.

— Потом, Яна. Все потом, — отмахнулся он.

Станный он какой-то, — подумала она, кивнула и отошла немного назад, решив не мешать разговору. Удерживать язык за зубами становилось все сложнее и сложнее с каждым мгновением — и велика была вероятность, что она сорвется еще раз.

Когда она поравнялась с Марией и Станом, Мария недоуменно сказала ей на ухо:

— А что это за язык, не знаешь?

— Итальянский же, ты чего? — удивилась Яна.

— Нет, — помотала головой Мария, — Точно нет. Звучит совсем по-другому и я почти ничего не понимаю.

— А какой еще? — Яна уставилась на нее. Фантазия упорно отказывалась предоставлять ей хоть какие-то другие варианты.

Мария пожала плечами.

Яна задумчиво сверлила взглядом одетую в красную толстовку потную спину Чезаре.

Минут через пять разговор был окончен. Процессия продолжила свое движение, а Чезаре вернулся к ним.

— ...ma come? — растерянный Джузеппе шел за ним попятам, — Perché? No capisco...

— Me ha scoperto, ti dico, — хмурый Чезаре достал из кармана пачку сигарет и закурил.

— No posso... — Джузеппе помотал головой.

Они поравнялись со Станом и его тяжелый вопросительный взгляд быстро свел разговор на «нет». Улучив возможность, Яна тут же отпустила свое любопытство на волю и набросилась на Чезаре с вопросами:

— Ну? Ну что там?

Он тяжело выдохнул:

— Идем по тому же маршруту, выйдем куда надо.

— И это все? — она почувствовала себя обманутой.

— А что тебе еще надо? — недоуменно вздернул бровь Чезаре.

— Полицию он вызвал?

— Каким образом? Здесь тоже нет связи, — в доказательство, он достал из кармана джинс смартфон и продемонстрировал ей экран, равнодушно отображающий крестик на месте индикатора сигнала сети.

Они шли и шли. По обочинам дороги деревья сменялись одиноко стоящими домами классической архитектуры, их в свою очередь снова сменяли деревья. Чем дальше они шли, тем больше людей им встречалось. Пешие и всадники, они едва обращали внимание на их пеструю компанию, спеша по своим делам. Похоже, они приближались к городу.

Но почему им до сих пор не встретилось ни одной машины? Почему все эти люди выглядели так, словно сошли со страниц учебника по истории за пятый класс?

Чушь какая-то.

Дорога впереди немного изгибалась — и стоило им пройти дальше, из-за деревьев открылся вид на городские стены, не очень высокие, но добротные. В удивлении, Яна на мгновение притормозила. Откуда они здесь взялись? Вряд ли же археологи сошли с ума и снесли половину современных зданий, чтобы их откопать.

Поделиться своим удивлением с остальными она не успела — идущий немного впереди Чезаре резко остановился.

— Чезаре? — окликнула его Мария, — Что случилось?

Он рвано махнул рукой:

— Ничего. Все нормально. Голова закружилась просто.

— Нет, нет, только не сейчас! — испуганно воскликнул Джузеппе и подбежал к нему. Яна недоуменно переглнулась со Станом.

Чезаре поднял левую ладонь:

— Все в порядке. Это не то, о чем ты подумал.

Мария нагнала их и, дотронувшись до руки Чезаре, первой выразила разумную мысль:

— Перегрелся. Стягивай давай свою толстовку, помрешь еще.

Повисла тишина. Чезаре тяжело дышал, — Яна видела, как вздымается его грудная клетка под прилипшей к спине красной тканью — его рюкзак висел на одном плече, грозясь в любой момент упасть вниз, но он ничего не делал.

— Чезаре, не тормози, — поторапливала его Мария.

Тяжело вздохнув, он бросил на них какой-то странный взгляд и стащил тяжелую толстовку через голову.

Какого...

Яне дорогого стоило сдержать удивленный возглас. Стан подавился так и не высказанными словами — и ничто не нарушало тишины. Чезаре держал толстовку в руках и растерянно смотрел на них.

Под толстовкой у него была футболка, которая совершенно не прикрывала многочисленные жутковатые шрамы на руках. А вот и ответ на один из вопросов Яны.

— Кто это тебя так? — Мария первой сумела отойти от шока и найти слова.

Лицо Чезаре внезапно посуровело, и он отрезал:

— Люди, которым я доверял. И я совершенно не хочу об этом говорить. Не сейчас. Не сегодня. Никогда.

Его слова и внешний вид вызывали у Яны смутные догадки, но она гнала их от себя подальше, быстрее, чем они успевали толком сформироваться. Такого просто не могло быть. Должно было быть какое-то другое объяснение.

— Ты ничего не хочешь нам рассказать? — Стан отошел от первичного шока и теперь требовательно смотрел на Чезаре.

— Нет, — коротко ответил тот.

Не успел Стан открыть рот, чтобы добавить что-то еще, Чезаре продолжил:

— Уверю тебя, кто меня так и почему, для нашей задачи имеет примерно такое же значение, как извержение вулкана на Таити для инопланетной цивилизации из соседней галактики. То есть никакого. А удовлетворять твое праздное любопытство я не намерен, — он обозначил свою позицию, развернулся и продолжил путь. Ни капли не удивленный Джузеппе без вопросов последовал за ним.

Стан, не медля ни секунды, погнался за ними — и, переглянувшись, Яна с Марией поступили так же.

— Я командир и мне решать, что важно для экспедиции, а что нет! — повысил голос Стан, когда до итальянцев ему оставалось несколько шагов.

Чезаре резко остановился, обернулся и с вызовом посмотрел на него:

— Серьезно? То есть ты считаешь, что...

— У меня есть все основания предполагать, что ты не тот, за кого себя выдаешь, — уверенно сказал Стан и Чезаре осекся.

На несколько коротких секунд, а затем...

— Да, — он кивнул и губы его растянулись в усмешке, — Да, я не тот, за кого себя выдаю. Да, все мои документы поддельные, а личность полностью сфабрикована. Да, меня разыскивает как минимум Фонд, а может быть уже и спецподразделения этой вашей Федерации. И. Что? — Чезаре делал паузы после каждого слова, — Какое это вообще сейчас имеет значение?

— Самое прямое! — выпалил Стан.

— Ну, давай, я жду, — усмешка на лице Чезаре не предвещала ничего хорошего, — Какое? Ты из Фонда что ли и у тебя приказ меня уничтожить? Ну, в таком случае, судя по тому, что мы здесь наблюдаем, вы по полной облажались, поздравляю. Кстати, никакого отношения к этому... — он ввернул какое-то слово, которое Яна не смогла разобрать, — Я не имею. И кстати, советую еще двадцать раз подумать, прежде чем нажимать на спусковой крючок. Мне-то будет уже все равно, а у вас еще двести с лишним человек на корабле.

Разговор полностью перешел на повышенные тона.

— Да что это за Фонд такой вообще?! — в растерянности вскричал Стан, — Ты что несешь? При чем тут люди на корабле?

— Да хватит уже ломать комедию. Вот как ты думаешь, где мы? — резко сменил тему Чезаре.

Стан опешил и ответил уже тише:

— Ну-у-у... Где-то недалеко от Рима.

— Правильно, — кивнул Чезаре, — Я тебе точнее скажу — мы в паре километров от Капенских ворот. Ну, плюс-минус.

— И? — продолжал недоумевать Стан.

Чезаре разочарованно покачал головой, а Джузеппе, про которого все успели забыть в пылу разборки, напомнил о себе:

— Капенские ворота — это ворота в Сервиевой стене. Сервиева стена была построена еще при царе Сервии Туллии. Понимаешь?

Стан не отвечал, пауза затягивалась и в конце концов Джузеппе сам ответил на свой вопрос:

— Мы должны быть почти в самом центре города.

Чезаре кивнул.

Яна осмотрелась. Их все так же окружали деревья, из-за которых проглядывали какие-то редкие белые и кирпичные здания вдалеке. Под ногами была все та же брусчатка.

— Вы уверены? — неуверенно переспросила она.

— Абсолютно, — синхронно кивнули итальянцы.

— Но как такое возможно...? — озвучила она, наверное, самый пугающий, но одновременно с этим самый напрашивающийся вопрос.

Джузеппе пожал плечами, а Чезаре промолчал.

— А когда мы, не знаете? — встряла не менее растерянная Мария.

— Не раньше 674 от основания Города. Верхнюю границу не скажу, не знаю, — пожал плечами Чезаре.

Что?! И... Это что за система летоисчисления такая?

— Почему так? — уточнила Мария.

— Просто предположение, — отозвался Чезаре. Слишком быстро, он явно заготовил этот ответ и уже поэтому он вряд ли был правдив.

— Это невозможно, — встрял Стан. Всем своим видом он выражал глубочайший скепсис.

На долю секунды Яне захотелось его чем-нибудь долбануть, чтобы сбить это выражение с его лица, но она сдержалась.

— Seriously? — саркастично ухмыльнулся Чезаре.

— Да. Это же школьная программа. Путешествия во времени возможны только при помощи замкнутых временеподобных кривых, которые, в свою очередь, не могут

существовать в пространстве Минковского за пределами горизонта событий черной дыры.

Джузеппе бросил короткий взгляд на Чезаре, и начал говорить только после того, как тот пожал плечами:

— Ты ошибаешься, Стан. У меня есть сестра, Виттория. Она до начала прошлого года работала в институте теоретической физики имени Макса Планка в Мюнхене. Последним проектом, в разработке которого она участвовала, был как раз экспериментальный прототип машины времени. И, да, он работал.

— Но, — запнулся Стан, — Но как?

Джузеппе пожал плечами:

— Я не физик. Как она мне рассказывала — принцип очень похож на то, как работают варп двигатели. Создается некий пузырь с машиной внутри и движется, только не по пространственным линиям, а по временным. Но это все, что я знаю.

— Бред какой-то, — Стан озадаченно потряс головой.

Джузеппе виновато улыбнулся. Сказать ему больше было нечего.

Соблазн согласиться со Станом был велик, но положение, в которое они попали, на данном этапе хотя бы как-то объяснялось только этим бредом — и Яне это категорически не нравилось. Если бы ее предпочтения имели хоть какое-то значение...

Идущих навстречу и на обгон людей становилось все больше. Все они, как на подбор, были похожи на встреченных ими ранее — и одеждой, и внешностью, и даже отсутствием стремян на лошадях. Некоторые обращали на них внимание, разве что не сворачивая головы от удивления, но подойти никто не решался. Чезаре не врал — они определенно приближались к какому-то населенному пункту.

— Ладно. Черт с ним, — продолжил Стан разговор через некоторое время. Так, как будто никакой паузы и не было, — Чезаре, ты говорил про какой-то Фонд и что они хотят тебя убить. Кто это такие?

Яне навстречу бежал маленький мальчик в светлой тунике и радостно что-то кричал. Бежал, правда, недолго — нагнавшая его в два шага женщина схватила его за руку, оттянула подальше и принялась отчитывать. Из всего их разговора она разобрала ровно одно слово — «мам».

— Страшно засекреченная организация. Занимаются... В двух словах и не объяснишь, — отозвался Чезаре. Ему заметно полегчало.

— А ты попробуй, — настаивал Стан.

После непродолжительных размышлений, Чезаре коротко пояснил:

— Они что-то вроде охотников на аномалии.

— Какие еще аномалии? — недоверчиво вздернул бровь Стан.

— По их версии — те, о существовании которых ты, благодаря им, не знаешь. Говорил мне что-то такое один из оперативников, которых за нами посылали. Наверное, думал, что, если будет достаточно нудным и пафосным, я сам застрелюсь. Не учел только, что у меня к занудству и пафосу, а особенно к пафосному занудству, давно иммунитет. Профессиональная деформация, — Чезаре усмехнулся.

Городские стены неумолимо приближались, вокруг становилось все больше не только людей, но и зданий — небольших двух- пяти-этажных, как явно жилых, — с вывешенной из окон сушащейся одеждой — так и тех, чье назначение ей было с первого взгляда неясно. Большинство из них было обрамлено колоннадой и напоминало современную архитектуру только если очень сильно присмотреться под очень конкретным углом и добавить изрядную

долю воображения. Иначе же сходства было мало.

Здесь бегущие по своим делам люди не проявляли к ним ни малейшего интереса, а Яна крутила головой как ошалелая, пытаясь разглядеть все и во всех подробностях.

Дорога все расширялась и расширялась, людей на ней становилось все больше и больше, пока стена спин перед ними не сомкнулась и она не поняла, что они попали в пробку. Как автомобильную, только из пешеходов. Она приподнялась на цыпочки, пытаясь рассмотреть то, что было впереди, получше — и робкая надежда на то, что это все странный флешмоб, тут же растаяла, как только ей это удалось.

Сокрытый за спинами людей и стенами город просто не мог быть фальшивкой. Сделать подделку таких масштабов мало того, что никому не было под силу, так еще и не имело никакого смысла.

Они были не дома.

Почему-то осознание этого факта не вызвало в ней ни малейшего эмоционального отклика.

— Слушай, Чезаре, а от тебя что этому Фонду нужно было? — продолжила Яна прерванный разговор вместо Стана. Тот ошарашенно оглядывался по сторонам и, казалось, вообще был не с ними.

— Любое твоё предположение так же хорошо, как и мое. Они передо мной не отчитывались. Предпочитали стрелять на поражение, — развел руками сосредоточенно что-то высматривающий впереди Чезаре.

— И как ты от них отделался?

— Проще, чем ты думаешь. Если у них есть разрядка на одноглазого человека без документов, то они и будут искать одноглазого человека без документов. Как видишь, я под это описание не подпадаю, — ухмыльнулся Чезаре.

Яна покачала головой:

— Это ты зря. Твой имплант за километр видно, — Чезаре удивленно вздернул бровь, и она пояснила, — Я для этой модели всего лишь в позапрошлом году матрицу распознавания объектов разрабатывала, и то все поняла, как только ты в кабину вошел, а у этого твоего Фонда должны быть спецы покруче меня. Так что, если хочешь мое мнение — тебе тупо повезло.

Их разговор был прерван внезапным столкновением — на приличной скорости в Яну всем корпусом влетел какой-то мужчина, ругнулся (очевидно), и побежал дальше. Она осеклась и, немного придя в себя, проверила свои карманы, тут же заподозрив в нем карманника. Все было на месте.

Вслед за ним бежал второй мужчина. Он тоже не смотрел перед собой и закономерно врезался сперва в Чезаре, а потом и в нее, после чего, пробормотав что-то похожее на извинения, растолкал их и протиснулся дальше.

Может быть, она и не ошиблась насчет первого.

Убедившись, что больше никто не собирается в них врезаться, она повернулась к Чезаре:

— И часто тут так?

— Ты о чем? — не понял тот.

— Ну толпы такие, — пояснила Яна.

— Это разве толпа? — ухмыльнулся Чезаре, — Вот когда чтобы дойти с Палатина до Форума час нужен — это толпа. А это так. Небольшой затор.

Краем глаза Яна заметила, что Стан наконец-то перестал крутить головой, как вертолет лопастями и направился прямо к ним. Из-за окружавшей толпы сделать это было не так просто, но он справился, и тут же без обиняков требовательным тоном заявил:

— Чезаре, ты достал темнить. То ты на каком-то непонятном языке как на родном шпаришь, то дорогу знаешь и местность узнаешь. Теперь толпы еще какие-то между Палатином и Форумом, которых в принципе не может быть, потому что это исторические памятники, откуда там толпы? Шрамы еще эти. Ты. Кто. Вообще. Такой?

Мария, по всей видимости, обладала уникальным талантом влезать в разговор только тогда, когда о ней все напрочь забывали — иного объяснения тому, что она решила вставить свой саркастичный комментарий именно сейчас, Яна не видела:

— Удивительно, что мы вообще смогли затормозить, — сказала она с кривой ухмылкой на лице, — Стан, ты что, всю тормозную жидкость выпил?

Яна непроизвольно ухмыльнулась. Похоже, не одной ей в голову лезли всякие бредовые догадки.

Чезаре на мгновение замялся, но быстро пришел в себя, протянул Стану руку и сказал:

— Гай Юлий Цезарь.

Челюсть Стана упала куда-то вниз, и на жест он не ответил. В повисшей вокруг их небольшой компании тишине негромкий голос Джузеппе прозвучал как взрыв:

— Гай, я не понял, мы вскрываемся? — один вопрос — и все внимание тут же оказалось приковано к нему, — Эй-эй, ничего настолько же шокирующего, — он поднял руки открытыми ладонями вперед в сдающемся жесте, — Джузеппе Кароцца, доктор философии, профессор кафедры античной истории университета Ла Сапиенца. И, до того, как вы спросите — да, я все знал с самого начала.

Все части паззла в одночасье стали на свои места.

Командир (Альберт III)

Ожидание тянулось невыносимо долго.

Вытяжка постепенно справлялась с заволакивающим кабину пилотов дымом. Панели светились зеленым, обозначая, что все системы корабля в порядке, но чертов комм никак не хотел сигнализировать о входящем звонке от группы высадки.

Сидевшая в кресле второго пилота Натали, под стать обстановке, хранила гробовое молчание, а сзади раздавались гулкие шаги не находившего себе места Стива.

Шел пятый час бесконечного ожидания, — и переживания уже сошли на нет. Никаких сил на них просто не оставалось.

— Да что с ними там случилось?! — воскликнул Стив, — Может они разбились к чертям собачим, и мы ждем призраков?!

— Стив, успокойся. Ты не хуже меня знаешь, что Мик вернулся и готовит шаттл к следующей высадке, — резонно заметил Ал.

— Тогда почему они молчат?!

— Откуда я знаю?

— Может быть, наберем их? — робко предложила Натали.

— Этот дебильный квантовый коммуникатор работает или на прием, или на широкополосную передачу, — раздосадовано отозвался Ал, — У меня что-то нет желания орать на всю вселенную «вот они мы, посмотрите! Посмотрите повнимательнее!». Черт его знает, что здесь случилось.

Стив бессильно зарычал и, судя по частоте шагов, нарастил амплитуду. Натали закопалась лицом в свои ладони.

Когда проклятый диод наконец-то загорелся, и комм издал звук звонка, Ал был готов расцеловать его, его производителя и заодно всех присутствовавших в кабине.

— Ну что у вас там? — нажав на кнопку приема, он сразу перешел к делу. К черту все формальности.

— Эм, Ал, это Стан, — голос на той стороне звучал четко, но как-то растерянно, — В общем, я не знаю как тебе и сказать. Тут такое дело... Ты только не подумай, я трезвый, мы все здесь трезвые и...

— Да хватит уже тянуть кота за яйца! — раздраженно рявкнул Ал, — Говори как есть.

— В общем мы в Риме.

— Ну? — недоверчиво переспросил Ал. Тон Стана вызывал смутные подозрения, но он все-таки продолжил, — Давайте тогда, идите в агентство космонавтики, свяжитесь с космопортом, пусть уже дадут нам разрешение на посадку. Держать связь будем через тебя.

Повисла пауза, прерываемая только тяжелым дыханием Стива и нераспознаваемым тихим шумом со стороны Стана.

По спине побежали непрощенные мурашки.

— Нет, ты не понял, — наконец отозвался Стан, — Мы в древнем Риме.

— Чего? — Ал нахмурился.

Трезвые все? Почему-то в это слабо верилось.

— В древнем Риме мы, говорю! — голос Стана звучал раздраженно, — И, если ты там крутишь пальцем у виска, делай это пожалуйста как-то погромче, я уже подумал, что мы сигнал потеряли.

— Стан, вы обкурились там все что ли? — Ал пропустил его подколку мимо ушей, — Какой к чертям древний Рим?

— Да чтоб его! Была бы в этой штуке видеосвязь, я бы тебе показал. Мы как будто в исторический фильм тут все попали. Но это еще не все.

— Не все? — переспросил Ал, нахмурившись еще сильнее.

Что там еще? Динозавры бегают? Роботы-клоуны с Альфа-Центавры начали полномасштабное вторжение и расстреливают всех конфетти?

— Помнишь состав нашей группы высадки? — неожиданно спросил Стан.

— Я не могу помнить того, чего не знал, — парировал Ал, — Натали? — он обернулся к старшей бортпроводнице.

— Да-да, я их знаю, — отозвалась та.

Алу не было нужды передавать ее слова — она сидела достаточно близко к комму.

— Помнишь там были два итальянских типа, Чезаре и Джузеппе? Так вот, у одного из них фальшивая фамилия в билете, а второй... — Стан замялся.

— Ну?! — поторопил его Ал.

— В общем, они оба утверждают, что второй — Гай Юлий Цезарь. И что самое страшное — я им, похоже, верю.

Ал нервно хохотнул. Нет, градус этого бреда выходил за все возможные границы.

— Стан, ты идиот? Они или долбанутые, или разводят тебя как лоха.

С другой стороны комма раздавалась какая-то возня — и голоса, слов которых Ал разобрать не мог. Когда возня прекратилась, к нему обратился уже другой голос:

— Это Джузеппе. Я... Понимаю, в это невозможно так просто поверить, но я и не прошу. Слушайте, я оставил в каюте ноутбук. Черный, марка Tevli. Не помню, где именно он лежит, но... — он на несколько секунд замялся, — У вас же есть база данных со сканами паспортов пассажиров?

Вопрос был неожиданным.

— Есть, — отозвался Ал, не понимая, куда он клонит.

— Отлично, отлично. У меня на ноутбуке есть одна статья. Я вам объясню, где ее искать. Просто сравните изображения из этой статьи с фотографией Чезаре — и вы все поймете.

— Допустим. Какая у вас каюта?

— 18ая, вторая палуба. Спасибо! — радостно отозвался комм.

Не отключив связь, Ал покинул кабину, оставляя переговоры с этими сумасшедшими на Натали и Стива. Можно было, конечно, отправить кого-то из них, но ему было необходимо размяться после пятичасового сидения в одной позе.

В 18ой каюте на нижней полке одиноко сидела задумчивая женщина. Звук двери не привлек ее внимания — и Алу пришлось демонстративно покашлять.

— Ой, извините, я вас не заметила, — женщина повернулась к нему и виновато улыбнулась, — Чем обязана?

Ал удивленно вздернул бровь. Никаких вопросов «кто Вы и что Вы здесь делаете»? Неужели, он уже настолько примелькался пассажирам, что они его и без формы узнают?

— Здравствуйте. Меня ваш сосед послал за его ноутбуком, — перешел сразу к делу Ал, — Не знаете, где он?

Стоило женщине услышать его слова, ее лицо просветлело — и глубокая морщина на ее лбе разгладилась.

— Они уже добрались? Что там внизу? Все в порядке? — вывалила на него целую пачку очень сложных вопросов она.

— Пока не понятно, — уклончиво ответил Ал, — Как только прояснится, я сделаю объявление по громкой связи. Так не подскажите, где ноутбук Джузеппе?

Женщина разочарованно выдохнула и указала ему направление пальцем:

— У него в сумке посмотрите, она вон там, под полкой. По-моему, он его утром спрятал.

Копаться в чужих вещах Ал ненавидел — и сейчас, забираясь под полку и доставая из-под нее сумку, чувствовал себя донельзя неловко, несмотря на то что Джузеппе сам его попросил. Молнию заело, и она поддалась ему только с третьего раза, но, когда поддалась — он выдохнул с облегчением.

Ноутбук хотя бы лежал на самом верху.

Ал аккуратно достал его и, напоследок попрощавшись с женщиной, быстрым шагом направился обратно в кабину. Там Натали все так же сидела на месте второго пилота, а Стив, устав ходить туда-сюда, занял запасное кресло. Диод комма больше не горел.

— А что случилось? — недоуменно спросил Ал, кивнув в его сторону и усаживаясь на свое место.

— Они сказали, что подошли к воротам и не могут больше говорить, — отозвался сзади Стив, — Но я выяснил у Джузеппе название файла, о котором он говорил, — он протянул Алу свой смартфон. На экране отображалось длинное название на итальянском.

— Ну, давай посмотрим, — Ал поставил ноутбук на приборку и открыл.

Тот отобразил экран входа, и по нажатии на «войти» не запросил никакого пароля, беспрепятственно пуская их вовнутрь. Джузеппе оставил предельно понятные инструкции — и найти файл не представило никакого труда. Внутри была статья на итальянском, которого никто из них не понимал, перемежавшаяся многочисленными фотографиями бюстов.

— Натали, как там звали того второго итальянца? — уточнил Ал на всякий случай.

— Чезаре Дамиано.

— Ну, сейчас посмотрим, — кивнул Ал и открыл базу данных пассажиров на голографическом экране сбоку от ноутбука.

Поиски не заняли много времени — и стоило ему открыть четкий скан паспорта означенного итальянца, в кабине повисла гробовая тишина.

Сходство между его фотографией и фотографией бюста Цезаря было поразительным. Не нужно было быть экспертом, чтобы сказать, что это один и тот же человек, запечатленный при помощи разных средств.

— Как две капли воды, — раздался за спиной ошарашенный голос Стива. Он стоял за креслом Ала и держался за спинку руками.

Как две капли воды... Но...

Но это было положительно невозможно.

Ал прикрыл глаза, на подсознательном уровне надеясь, что это все обман зрения, дурной сон, галлюцинация, в конце концов. Ничего подобного Фотографии, словно издеваясь над ним, оставались настолько же похожими, сколько он ни моргал. Черт...

Комм снова ожил и голосом Стана сообщил сквозь помехи:

— Цезарь говорит, отзывай британскую группу высадки пока не поздно. Ловить там нечего, только людей потеряем зря.

— Принято. А почему?

— Там бритты дикие, — раздался отдаленный незнакомый голос с заметным акцентом, — И делать абсолютно нечего. Отправишь туда людей — даже хоронить потом нечего будет.

— Цезарь?

— Да.

— Принято. Вовремя вы. Еще один человек — и они бы вылетели, — он обернулся и сказал в сторону, — Натали, слышала? Отменяем высадку в Британию. Срочно, — Натали коротко кивнула ему в ответ и ретировалась из кабины, — Что-нибудь еще? — вернувшись к комму, уточнил Ал.

— Пока все, — оттуда снова раздавался голос Стана, — Как в город войдем — я с тобой свяжусь, мы тут застряли маленько. Стан, конец связи.

Ал зажмурился. От поступавшей со всех сторон информации голова шла кругом — и постепенно начинала отзываться глухой болью. Они оказались в прошлом. Он только что говорил с человеком, умершим за пару тысяч лет до его рождения. Чуть какая-то.

Это просто не могло быть правдой, однако, по всей видимости, было.

Как минимум — это с легкостью объясняло многие, если не все странности, что случились с ними за последние несколько дней. Включая несовпадающие с наблюдаемым астрокартами.

Дверь в кабину с характерным звуком открылась, пропуская вовнутрь Анну — их шеф-повара. Как невовремя. Одной рукой Ал быстро закрыл ноутбук, а второй — свернул голографический экран со сканом. Что делать с этой информацией он пока еще не решил.

Анна не обратила никакого внимания ни на него, ни на Стива, что сжимал спинку его кресла с такой силой, что костяшки его пальцев побелели, и с порога начала тараторить:

— Ал, ну что там внизу? Когда мы сможем сесть? Сможем ведь?

Такой напор выбил его из колеи — и он ответил только после непродолжительной, но тяжелой паузы:

— Ну как бы тебе так сказать... Войны там не было, катастроф не было, никто никого не уничтожил.

— Фух, успокоил, — заметно просветлела Анна и буднично продолжила, — А со связью тогда что? На нашей стороне все-таки, да?

— Нет. У нас все нормально. Понимаешь, дело в том... — он пытался подобрать слова помягче, но это ему никак не удавалось, — Дело в том, что ретрансляторов нет. И связываться не с кем.

— Что? — облегченная улыбка сползла с ее лица, и она ошарашенно уставилась на него, — Но ты же только что сказал, что все нормально. Ал, что там?! — воскликнула она. Казалось, еще секунда — и у нее начнется истерика.

Нужно было ее срочно как-то успокоить. Только сцен ему здесь не хватало, голова и так едва работала.

— Слушай, — начал он тоном, не терпящим возражений, — То, что я сейчас скажу, не должно покинуть пределов этой кабины, хорошо?

Анна несколько раз нервно кивнула головой в ответ.

— Ладно, — Ал сложил руки замком перед собой, — Судя по той информации, что ко мне поступает, мы в прошлом. И связываться нам не с кем, просто потому что радиосвязь еще не изобрели. Но внизу все в порядке.

Повисла тяжелая пауза.

— Бред какой-то... — пробормотала Анна, — Ал, если это шутка, то она не смешная. Стив? — она обернулась, — Стив, скажи мне, это же шутка?

Молчание стало ей ответом.

— У меня группа высадки внизу по всем нашим картам уже должна быть в центре Рима, но они докладывают, что только недавно уткнулись в городскую стену, — устало пояснил Ал, — Целую городскую стену. Построенную за черт знает сколько лет до нашей эры, от которой в наше время хорошо, если руины остались. Чем еще, по-твоему, это можно объяснить?

— Ал... Но тогда... Я имею ввиду... — Анна растерялась и никак не могла внятно сформулировать мысль, — Ты же помнишь, что у нас еды всего на неделю сверх запланированного срока полета? — наконец, ей удалось причесать свои мысли.

— Помню. Принял. Подумаю, — кивнул Ал.

Очень смелое заявление для человека, в голове которого обезьянка колотила в тарелки, как в старом мультике.

Уходить Анна не собиралась и, сколько Ал ни искал предлога, чтобы ее подтолкнуть к этому, тот никак не хотел находиться.

Хотя, в чем-то она была права — с провизией нужно было что-то решать. В идеале — еще вчера.

Кто бы еще сказал, что именно...

Если все действительно обстояло так, как говорила группа высадки, их шансы протянуть дольше недели, при условии, что он ничего не придумает, были равны гордому нулю. Но этого Анне лучше было не знать — она очень легко поддавалась панике и вместе с этим очень плохо умела держать язык за зубами. Убийственное комбо.

Он исподтишка посмотрел на Анну. Устроившись поудобнее в кресле второго пилота, та смотрела на Землю, часть которой было видно в лобовой иллюминатор, и всем своим видом демонстрировала, что ей и здесь очень хорошо и никуда она не пойдет, спасибо-пожалуйста.

— Нет, для всего этого дерьма нам слишком много платят, — внезапно начала она, — Как же я от всего устала...

Ну все, это надолго.

Она говорила много и долго, но уставший мозг Ала отказывался понимать смысл ее слов. Благо, поддерживать разговор от него и не требовалось — разве что кивать в нужные моменты, все глубже погружаясь в собственные мысли.

Припасов у них оставалось всего на неделю. Запасов кислорода тоже, но здесь можно было обойтись подключением аварийной системы рециркуляции. Задохнуться им не грозило — и еда оставалась первым приоритетом. Планета под ними могла легко предоставить им и то, и другое, но теперь они были там чужаками, которых никто не ждал и не стал бы терпеть.

Похоже, как ни парадоксально, их единственным шансом оставался Цезарь. Если только ему было до них какое-то дело, и он в принципе мог что-то сделать в этом непонятном и новом «сейчас».

Иначе — голодная смерть.

Алу нужно было с ним переговорить. Как можно скорее и желательно — без любопытного уха в лице Анны. В поисках хотя бы какого-то предлога, он осмотрелся. Взгляд упал на часы — и предлог тут же нашелся.

— Слушай, это все, конечно, замечательно, — выждав паузу в ее монологе, вставил свои пять центов Ал, — Но у нас ужин скоро. Не думаю, что начать морить людей голодом заранее — хорошая идея.

Он поднял руку и продемонстрировал ей часы на своем запястье. Она быстро глянула на циферблат и тут же подскочила:

— Ой, точно! Я что-то засиделась.

Комм неожиданно ожил, и кабина заполнилась его звонкой трелью. Анна замерла и заинтересованно посмотрела в его сторону. Да чтоб его! Почему так невовремя! Она ведь почти ушла!

Ал медлил. Комм продолжал надрываться. Взгляд Анны становился все более и более подозрительным — и в конце концов Ал прогнулся под тяжестью невидимого давления и, тяжело вздохнув, нажал на кнопку «прием».

Комм ожил и бодрым голосом Стана сказал:

— Ал, прием.

— Прием. Что у вас там? — устало ответил Ал.

Краем глаза он видел, как Анна приняла боевую стойку, и приготовилась внимательно слушать и запоминать каждый звук. У него уже не осталось сил сопротивляться неизбежному — и он просто сдался, позволив себе плыть по течению.

— Ну, мы в Риме, — доложил Стан и замялся.

— Ну, что там?

— Узкие улочки, многоэтажные дома, куча народу. Даже слишком много народу, я бы сказал. Цезарь считает, что сейчас какой-то праздник, но не может сказать, какой именно.

Отдаленный голос, едва слышный в комме, добавил:

— До центра дойдем, тогда скажу.

— Он сказал... — начал было Стан, но Ал его тут же перебил:

— Я слышал. Рабочая версия не меняется?

— Увы, — ему показалось, что он слышал, как Стан развел руками.

Все его надежды на то, что они ошиблись, разбились окончательно.

— Я понял, — кивнул Ал, на мгновение позабыв, что его не видят, — А год какой? Хоть приблизительно.

— 40 до нашей эры.

Брови поползли вверх в удивлении — чего-чего, а настолько точный ответ на свой вопрос он услышать никак не ожидал.

— Вы уверены? — с недоверием переспросил он.

В комме послышались отдаленные голоса, а затем Стан сказал:

— Цезарь говорит, что да. Он от кого-то услышал, что консул сейчас некий Поллион. Говорит, он только один раз консулом был, в сороковом.

Цезарь... Нет, надо с ним переговорить.

Он опасливо покосился на Анну. Та даже не пыталась скрыть своей заинтересованности, но вряд ли у него был какой-то выбор.

Решение было принято. Удержать кота в мешке долго ему в любом случае бы никак не удалось.

— Стан, дай гарнитуру Цезарю. Мне нужно с ним поговорить.

В комме снова зашуршало и уже знакомый голос с акцентом сказал:

— Слушаю.

На мгновение Ала словно окунули с головой в ледяную воду. Он не успел толком подумать. Не прикинул даже примерно, как лучше поставить вопрос так, чтобы ему не отказали сразу.

Но сдавать назад в любом случае было слишком поздно.

— Мне несколько неловко обращаться к вам за помощью, но похоже, что вы наш единственный шанс. Прошу вас, поймите меня правильно. У меня на борту без малого 250 человек, и... — он выдержал паузу, собираясь с мыслями, — Провизия у нас подходит к концу. Если ввести ограничения и уменьшить пайки до минимума — сможем кое-как растянуть на пару недель, но это все. Дальше... Сами понимаете, что дальше, — он выдержал паузу, — Я знаю, вы нам ничем не обязаны, и требовать от вас что-нибудь я попросту не имею права, но...

Голос из комма перебил его, не дав договорить:

— Мне нужно несколько дней.

— Что, простите? — удивленно переспросил Ал.

— Я уже об этом думал. Расселить вас в Городе никакой проблемы не представляет. Пристроить на работу, в общем-то, тоже. Но сам понимаешь. Я уже четыре года числюсь мертвым. Мне нужно несколько дней на переговоры, чтобы исправить эту ситуацию. Октавиан, Поллион, Лепид. Антония, опять же, надо выудить из Египта. Надеюсь, он еще не все мои деньги промотал, иначе будет сложнее.

Ал таращился на диод комма невидящим взглядом и не верил своим ушам. Разве все могло быть так... Просто? Еще несколько минут назад он не был уверен, что его вообще получится уговорить — не говоря уж о том, что его даже не придется уговаривать.

— Ал, ты еще здесь? — интересовался голос из комма.

Ал кивнул и только спустя мгновение спохватился, и сказал в микрофон:

— Да.

— Дня три-четыре продержитесь там?

— Да, проблем быть не должно.

— Хорошо. Что-то еще?

— Нет, это все, — немного подумав, отозвался Ал.

— Цезарь, конец связи, — раздалось из комма, и он умолк.

А Ал так и остался сидеть, не веря своему счастью.

— Ал? — раздался голос сбоку, и он непроизвольно вздрогнул.

Анна. Он совсем про нее забыл.

— Ал, что происходит? Ты с кем сейчас говорил? — она попыталась сделать вид, что ничего не слышала, но он не поверил ни единому ее слову.

— Анна, хватит ломать комедию. Все ты слышала. И с кем я говорил, и о чем, — она хотела было открыть рот, но он одним жестом ее прервал, — Не надо. Я прекрасно знаю, что ты все слышала.

— Слышала, — сдалась она, — Но... Какой к черту Цезарь? Ал, вы с этим мужиком оба в своем уме вообще?

— Обычный. Тот, про которого в учебниках по истории написано, — сказал он, после чего открыл ноутбук и снова развернул на весь голографический экран скан паспорта, — Или скажешь, не похож?

— Похож... — словно замороженная, Анна смотрела на экраны.

Уходить она, похоже, снова не собиралась.

Не успел он даже подумать о том, чтобы куда-нибудь уйти самому, как ожила система внутрикорабельной связи. Чертыхнувшись под нос, он надел на голову наушники и сказал:

— Ал, слушаю.

— Американцев не отменяем? — раздался из динамика голос Натали.

— А толку им лететь куда-то? — переспросил Ал, — Уже ведь все выяснили. Что они там сейчас найдут? Кучку индейцев? Отменяй.

— Принято, — отрапортовала Натали и отключилась.

В желудке неприятно урчало. Такой длинный перерыв между приемами пищи определенно не пришелся по душе его застарелому гастриту — и эту проблему лучше было решать как можно скорее, иначе он сляжет с болью на пару дней.

— Я пойду чего-нибудь перехвачу, — поднявшись с кресла, сказал он, — Стив, ты за главного.

Его слова словно вывели Анну из транса и, вспомнив про обед, она быстро убежала из каюты. Недолго думая, он последовал за ней.

Однако, поесть ему сегодня, похоже, не светило вовсе. На полпути к столовой в него на скорости врезался сотрудник службы безопасности. Запыхавшийся и растрепанный, он явно пребывал в крайней степени нервного возбуждения.

— Там... — молодой парень, имя которого Ал никак не мог вспомнить, пытался восстановить дыхание, но безуспешно — Там...

Все внутри напряглось, но Ал старался удержать себя в руках:

— Парень, отдышись сначала. Вдох-выдох. Давай. Это легко.

Ошеломленная пара карих глаз в упор уставилась на него. Пришлось несколько раз повторить одно и то же, прежде чем до охранника дошло. Наконец, кое-как успокоив дыхание, он сбивчиво сказал:

— Там... Там тот рыжий всех перестрелял... И шаттл угнал.

Сознание отступило, уступая место выработанным за годы дрессировки ВКС автоматизмам.

Бегом. Вниз по лестнице.

— Какой рыжий?

Выяснить максимум информации.

— Я не знаю, — парень тяжело дышал и едва за ним поспевал.

— Кого пострелял? Как давно?

— Группу... Высадки... — парень делал длинные паузы между словами, пытаясь ухватить немного воздуха, — Минут десять... Назад...

— В ангаре?

Короткий кивок.

Лифт. Вниз на три палубы. Направо. Вниз. Приложить карточку к электронному замку.

Дверь лениво вползла в стену — и Ал невольно отшатнулся. Пребывавший в полном беспорядке ангар был залит кровью. Она въедалась в панели управления, замыкая электронику, и собиралась в лужи под телами на полу. Пять человек. Трое гражданских и двое в форме техников.

Ал чувствовал, что его начинает мутить.

Подготовленного к отлету шаттла не было — и только тонкий магнитный барьер отделял их от безвоздушного пространства за открытой нараспашку дверью ангара. Этот загадочный рыжий хотел во что бы то ни стало попасть на планету? Зачем, черт побери?

— Выжившие? — он мрачно посмотрел на охранника.

К его огромному облегчению, тот кивнул:

— Две девушки с отмененной британской высадки.

Натали успела сделать свою работу — и только это спасло им жизнь.

— Еще кто-нибудь?

— Боюсь, никого.

— За Фло послали?

— Да.

И все-таки охранник ему соврал. Вряд ли он это сделал преднамеренно, но все же.

В ангаре был еще один выживший. Белый, как мел, Мик лежал в луже своей крови возле посадочной площадки шаттлов и тихо стонал, держась за раненную ногу. Поравнявшись с ним, Ал присел на корточки рядом. Только осознав, что он больше не один, Мик сразу заговорил:

— Ал... — то ли ему не хватало воздуха, то ли боль брала свое, но голос его звучал сбивчиво, — Ал, это Магнус.

— Ты о чем? — не понял Ал.

Мик, казалось, даже не услышал его:

— У него было оружие. Мы ничего не смогли сделать. Это он всех убил!

— Да кто «он»-то?! — не сдержавшись, Ал все-таки повысил голос.

— Магнус. Магнус Густавссон, из американской группы высадки. Пассажир, — ответил Мик.

Имя Алу ни о чем не говорило.

— Но... Зачем?!

— Понятия не имею, — Мик зашипел от боли, попытавшись пошевелить ногой, но все же продолжил, — Когда Натали отменила высадку, он ее проигнорировал и полез в шаттл. Мы попытались его остановить, а он достал из-за пазухи пистолет и принялся палить. Без единой эмоции. Как-будто мы просто какие-то пиксели на экране, — скривился он.

«Когда Натали отменила высадку»...

Ала словно окатило из ледяного душа — и он беспомощно огляделся. Один. Два. Три. Четыре.

Это не Натали, это он отменил высадку.

Кровь всех этих людей была на его руках.

Спустя несколько минут он, так и не приходя в сознание, сдал Мика на попечение прибежавшей Фло, после чего не разбирая дороги пошел назад в кабину.

Если бы не он, у них был бы хоть какой-то шанс выжить. Пускай и мизерный, но был бы. Он лишил их его одним приказом.

Именно по этой причине он двадцать три года назад уволился из армии, не прослужив и пяти лет.

Кабина встретила его непривычной тишиной. Не пищали приборы, не разрывался комм, ничего не говорил отсутствующий Стив — и у Ала не было ни желания, ни сил разбираться, куда он на этот раз запропастился. Места безопаснее геостационарной орбиты все равно не существовало.

Он упал в кресло и закрыл глаза.

Поток самоуничтожительных мыслей был прерван трелью комма, не успев толком и начаться. На автомате он ткнул на кнопку, подтверждая прием сигнала.

— Прием, прием, — раздался из динамика запыхавшийся сбивчивый женский голос.

— Альберт Киркегор на связи, прием.

— Ну наконец-то! Яна Шимкова, римская группа высадки. Запрашиваю эвакуацию. Джузеппе ранен, Стан мертв, Мария пропала, Цезаря куда-то уволокли. Повторяю — запрашиваю эвакуацию. Джузеппе ранен...

«Если тебе кажется, что хуже быть не может — это тебе только кажется», — ему пора было давно это запомнить.

Ветеран (Квинт Калавий I)

Квинт быстрым шагом шел с форума, не разбирая дороги перед собой. В прежние времена, передвигаясь так, он непременно сбил бы несколько человек с ног, а еще от пары-тройки получил бы в челюсть, но сейчас все изменилось. Форум даже в дневное время практически пустовал — наученные горьким опытом жители Города предпочитали без лишней необходимости не покидать своих домов, и он не мог их за это осуждать.

Текст прочитанного у ростр объявления никак не хотел уместиться у него в голове.

Они собирались принести в жертву захваченных в Перузии пленных. Прямо в Риме. В жертву его мертвому полководцу. То, что еще каких-то лет пять назад считалось дикостью, присущей разве что варварам, завтра должно было случиться в самом сердце Республики. Этот мир окончательно сошел с ума. Или точнее — проклятый мальчишка окончательно сошел с ума, а мир не мог ему ничего противопоставить.

Никаких сомнений по поводу того, что думало о человеческих жертвоприношениях большинство у него не было, но одно дело — думать, и совсем другое — громко провозгласить свои мысли вслух, рискуя оказаться одним из тех, кто пойдет на плаху следующим.

Встреча с Меммием, как назло, откладывалась. Если бы не она, он без промедления покинул бы Город, чтобы вернуться в свою тихую провинцию. Сейчас он был скорее рад тому, что при первом увольнении Цезарь выделил им землю подальше от Города. Хотя бы за жену и дочь переживать не приходилось. Там, окруженные семьями его бывших сослуживцев, они были в безопасности.

Свернув в проулок, он нырнул в дверь каупоны[1], где по прибытии в Город он снял себе комнатку. Душное тесное помещение на первом этаже, не в пример улицам, было заполнено людьми, — цены на еду здесь были более чем доступными — но все они вели себя непривычно тихо. Умом он понимал почему — одно неосторожно брошенное в непроверенной компании слово грозило смертью, — но сердцем чувствовал всю неправильность происходящего.

Тяжелая тишина давила ему на нервы.

— Калавий! — окликнул его скучающий за стойкой трактирщик, — Ну чего у тебя там? Встретился с этим твоим Меммием? — во взгляде его сквозила неприкрытая надежда на то, что встреча не состоялась и он, Квинт, проведет в его каупоне еще несколько дней.

Квинт его не разочаровал:

— Он еще в Город не вернулся. Управляющий говорит, что будет через пару дней, так что я пока у тебя останусь.

Трактирщик облегченно вздохнул:

— Чего стоишь? Устраивайся поудобнее. Есть будешь?

Пересчитав в уме имевшиеся у него средства, он не стал сильно выделяться, и, устроившись перед стойкой, заказал обычную кашу с мясом. Управляющий Меммия кормил его завтраками про два дня уже с неделю — и Квинт начинал подозревать, что что-то тут не чисто.

Трактирщик поставил перед ним тарелку с дымящейся аппетитно пахнущей едой и продолжил разговор:

— А зачем он тебе вообще понадобился, Меммий этот?

— Он, говорят, задолжал кому-то кучу денег и сейчас практически за бесценок продает одного грека-архитектора. Вот, купить хочу. Строиться надумал.

— У тебя земля есть? — трактирщик удивился намного сильнее, чем можно было ожидать.

Квинт уже успел набить рот, поэтому просто кивнул.

— А где? — продолжал допытываться трактирщик.

— В Цизальпийской Галлии, — прожевав, отозвался он.

Ишь ты, любопытный какой.

— Без обид, друг, но ты не похож на человека, который может купить себе землю, — ухмыльнулся трактирщик.

— Я и не покупал, — он прожевал очередную ложку каши и продолжил, — При роспуске легиона выделили. Я бывший примпил[2] десятого.

Заговорившись с трактирщиком, спать он отправился уже за полночь и то только тогда, когда понял, что выпил слишком много и может случайно сболтнуть чего-нибудь лишнего.

В последнее время ему частенько приходилось одергивать себя — большую часть своей жизни он провел в военных лагерях Цезаря и позднее Лепида, где за высказывание своего мнения, даже идущего вразрез с большинством, единственное, что тебе грозило — это получить в глаз от несогласного товарища, поэтому держать язык за зубами он не привык. Приходилось учиться сейчас — и не сказать, что эта наука давалась ему легко.

Молва о том, что на форуме уже собираются люди, настигла его посреди завтрака, который по времени был больше похож на обед — он порядком проспал сегодня. Ее не оказалось достаточно для того, чтобы заставить его оторваться от еды. Ковыряясь в завтраке, он только в очередной раз тихо порадовался тому, что Лепид распустил их еще три года назад и теперь мальчишка не имел ни малейшей возможности выставить его вместе с остальными охранять себя. Видеть то бесчестие, что должно было произойти, ему совершенно не хотелось.

Охочий до зрелищ трактирщик, однако, его мнение не разделял:

— Ну чего? Пойдем? — сказал он Квинту, когда тот подошел к стойке, чтобы расплатиться за свой весьма скромный завтрак, — Скоро начнется. Ты же не хочешь такое пропустить?

Больше всего на свете Квинту сейчас хотелось сказать ему «вообще-то хочу» и отправиться назад в свою комнату, но он в очередной раз себя одернул. Кто его знает, пересказывает ли он кому-нибудь разговоры и чем это может грозить, если все-таки да. Рисковать не хотелось. Если бы Квинт был одинок и отвечал только за самого себя — он определенно поступил бы именно так и будь что будет. Своей жизнью он давно не дорожил. Но он вот уже два года как был человеком семейным — и это накладывало определенные ограничения.

Идти на форум все равно не хотелось, и ему в голову пришел безотказный компромиссный вариант — прикинуться больным:

— Да я себя что-то неважно чувствую, знаешь, — Квинт состроил страдальческое лицо, — С самого утра голова раскалывается. Пойду полежу лучше

— Да ну, глупость какая. Проветриться тебе надо! Враз полегчает, говорю тебе, — трактирщик упорно увлекал его куда-то в сторону двери и он, в конце концов, был вынужден сдаться.

Чем ближе они подходили к форуму, тем многолюднее становилось на улицах. Нет, до

тех столпотворений, что бывали в Городе до начала проскрипций, сегодняшней толпе было далеко, — они добрались от Субурры[3] до форума буквально за считанные минуты — но все-таки.

— Интересно, их просто зарежут, как жертвенных животных или устроят какое представление? — глаза трактирщика горели неподдельным интересом, невольно вызывая у него ассоциации с галльскими друидами и заставляя усомниться в своих выводах. Поистине, этот город сошел с ума.

— Не знаю, — коротко отрезал Квинт.

— Чего ты такой невеселый-то? — с подозрением посмотрел на него трактирщик.

Вопрос выбил у Квинта почву из-под ног и заставил задуматься.

Если бы он честно сказал, что ему становится дурно от одной мысли о том, что мальчишка собирается сделать, или отрицательно отозвался о том дерьмовом театральном представлении, которое тот устроил несколько лет назад, протащив через Сенат закон о посмертном обожествлении Цезаря, он бы просто подписал себе смертный приговор, без какого-либо толку. К сожалению, красиво врать он тоже не умел — поэтому, снова пойдя на компромисс со своей совестью, он сделал вид, что не расслышал вопрос.

Тем временем они подошли к хвосту толпы и все внимание трактирщика переключилось на расталкивание людей, чтобы занять места поудобнее. О Квинте он, похоже, вовсе позабыл. Замечательно. Пусть выбраться из плотно обступавшей его толпы Квинт уже не смог бы, но теперь он мог спокойно потеряться, чтобы не изображать перед трактирщиком бурную радость от происходящего. Алиби у него всегда было при себе — старая травма колена, из-за которой он прихрамывал на правую ногу и толком не мог бегать.

Квинт постепенно сбавил скорость, практически остановился, и спокойно вздохнул только тогда, когда перестал видеть перед собой спину надоедливового трактирщика. Колено потихоньку начинало ныть. Кажется, если тот все-таки спросит, ему даже врать особо не придется.

Припадая на правую ногу, он сдвинулся еще немного вправо и занял место за какой-то молодой парочкой. Девушка обернулась и глаза ее расширились в испуге. Квинт даже не повел бровью. Шрам, пересекающий половину его черепа, определенно не придавал ему привлекательности, а вкупе с крепким телосложением и раздраженным выражением лица запросто мог напугать какую-нибудь не в меру впечатлительную женщину. Такая реакция была для него не в новинку.

Он перевел взгляд на ростры, стараясь не смотреть на нее. Ораторское возвышение все еще пустовало — ни приговоренных, ни мальчишки, ни даже его свиты подхалимов.

Может, все-таки уйти? — промелькнула у Квинта в голове шальная мысль. От настырного подозрительного трактирщика он все равно уже отделался, смотреть на то, как Республика со свистом скатывается в более приставшее германцам или галлам варварство, у него не было ни малейшего желания, остановить происходящее и вразумить окружающих он никак не мог. Впрочем, второе вряд ли вообще требовалось. Таких, как этот трактирщик, было меньшинство — просто сейчас только они не боялись высказывать свое мнение вслух, и, как следствие, слышно было только их.

Так и не приняв никакого решения, Квинт скоро понял, что все пути к отступлению закрыты. Спереди раздавался шум шагов множества ног, командные голоса и звяканье оружия. Ему не нужно было пытаться вытянуть шею посильнее и разглядеть все получше, чтобы понять, что приближалась процессия мальчишки. Он мысленно выругался сам на

себя. Теперь придется смотреть.

Ликторы, ликторы, легионеры, еще ликторы. Мальчишка был всерьез обеспокоен своей безопасностью, раз окружил себя такой армией. Чтобы разглядеть самого охраняемого, Квинту пришлось вытянуть шею до хруста.

Щуплый бледный юноша лет двадцати на вид, находился в самом центре процессии. *Император Август*, — ухмыльнулся Квинт про себя, припоминая один из последних опубликованных в *Acta diurna*[4], указов, — *Ни одного боя, главное, самостоятельно не выиграл, а все туда же. Император*[5].

Чего ради мальчишка сменил себе имя и чем его не устраивало быть Гаем Юлием Цезарем Октавианом, он, как и все, с кем ему доводилось обсуждать этот вопрос, решительно не понимал.

Процессия остановилась у ростр. Несколько ликторов взбежали наверх первыми, осмотрели ораторское возвышение и только после их сигнала вслед за ними проследовал мальчишка. В пурпурной тоге, являвшейся атрибутом императоров, он смотрелся невероятно нелепо, но решительно никто — и Квинт в том числе — не рискнул бы ему сказать об этом. В гневе мальчишка был страшен, а вывести его из себя, по слухам, было проще пареной репы.

— Квириты, — негромко начал мальчишка, поднявшись на ростры. Одно этого оказалось достаточно для того, чтобы разговоры в толпе стихли, — Как вам всем прекрасно известно, четыре года назад нашу великую Республику постигла поистине ужасная трагедия...

Кто-то толкнул его под руку и тут же бросил короткое:

— Извини.

Квинт обернулся на звук показавшегося ему смутно знакомым голоса, только чтобы увидеть вспотевшую спину и седой затылок говорившего — мужчина уже успел продвинуться вперед.

Раньше надо было приходиться, если так хочешь все рассмотреть в подробностях, — с раздражением подумал он.

Стоило ему повернуться назад, туда, где происходило основное действие, толпа снова пришла в движение и над его ухом возбужденный мужской голос с южным акцентом крикнул:

— Гай, постой! Ты куда?! Гай!

Кричавший мужчина быстро протиснулся мимо него, едва позволяя Квинту себя рассмотреть. Растрепанный, со странной конструкцией на переносице и в не менее странной одежде, он выглядел очень непривычно.

— Извините, — повторял он, орудуя локтями, к неудовольствию окружающих людей.

В недоумении, Квинт следил за ним, пока и его спина не скрылась из виду, после чего его внимание переключилось обратно на ростры. Там мальчишка продолжал свою речь, расхаживая из стороны в сторону:

— Как надлежит любящему сыну, я возложил на свои плечи бремя мести за моего убитого отца.

В какой-то момент Квинт поймал его взгляд и ему тут же сделалось не по себе — хоть речь мальчишки была преисполнена скорби, глаза его не выражали ровным счетом ничего.

Еще один удар под руку и шипение соседей заставили его снова отвернуться от ростр. Трое странно одетых человек сосредоточенно пробивали себе дорогу через толпу, похоже,

направляясь за проследовавшими в сторону роств ранее мужчинами. Двое из них — мужчина и женщина — были одеты практически одинаково, в странные синие одежды. Варвары какие-то, что с них взять. Рабы, наверное.

— Вы уже достали! — в сердцах вскрикнула незнакомая матрона, стоявшая от него по левую руку, когда ее отпихнули в сторону. Возмущенный гул толпы вокруг ясно свидетельствовал, что все были с ней солидарны. Еще немного — и кого-то точно начнут бить.

Странно одетые люди практически синхронно что-то сказали на своем варварском, и, продолжая распихивать толпу, продвинулись вперед. Квинт почувствовал, что снова может дышать. Это не могло не радовать.

— И сегодня, перед ликом моего божественного отца, я завершу начатое! — громогласно провозгласил мальчишка, срывая шквал аплодисментов, и Квинт обернулся на звуки его голоса.

Ну вот. Все прослушал. О чем это он?

Ему пришлось сильно задрать голову, даже немножко приподняться на цыпочки, чтобы увидеть, что на другом конце Форума снова показалась процессия. Окруженные со всех сторон легионерами, понурые люди медленно брели в их направлении. Кто-то из них был ранен, кто-то серьезно избит, но даже те, на ком никаких внешних повреждений он не видел, выглядели обреченно. Всадники из Перузия, без сомнения. Но при чем тут месть?

— Назад! Все отступите на два шага назад! — прокричал кто-то вдалеке и толпа, повинувшись, сдвинулась.

Девушку, стоявшую впереди, с силой вжали в Квинта.

— Эй, ты, аккуратней! — он уперся рукой в спину мужика, что напирал на нее. Девушка посмотрела на него с благодарностью.

— Не могу, — сдавленно отозвался тот, — Меня самого давят. Ребра, по-моему, уже переломали.

Ну и на кой он вообще позволил этому трактирщику вытащить его сюда? Сидел бы сейчас в каупоне...

Толпа схлынула так же внезапно, как и нахлынула. Квинт несколько раз вдохнул полной грудью и почувствовал, что от переизбытка воздуха у него закружилась голова. Раненное колено, по которому кто-то заехал в давке, нещадно болело.

Он снова задрал голову. Впереди кучка легионеров оттеснила толпу от роств ровно настолько, чтобы на освободившемся пространстве хватило места всем обреченным. Взгляд Квинта бездумно скользил по их лицам — обычные, ничем не примечательные италики, провинившиеся только тем, что встали в этой войне на сторону Луция Антония... А ведь с легионерами мальчишка связываться не рискнул — он знал об этом из первых рук. Еще бы — они-то сдачи дать могли.

Как мерзко.

На роствах какой-то мужчина, низко наклонив черноволосую голову, упал на колени перед мальчишкой, видимо, пытаясь вымолить себе жизнь. Что-то неумовимо знакомое было в нем, но Квинт никак не мог взять в толк что.

Рядом, сцепив губы, бледный как мрамор стоял еще один человек. Не узнать лицо того, чью жизнь он так отчаянно хотел оборвать последние несколько лет, было невозможно. Тогда, получается, второй...

Внезапная догадка осенила Квинта.

Так вот что мальчишка имел ввиду, когда говорил про месть! Но как так получилось, что Квинт не знал о том, что они пережили мясорубку Филипп[6]?

На рострах мальчишка ухватил умоляющего мужчину — Децима Брута — за шиворот, сказал тому что-то и с отвращением отпихнул от себя. Пусть Квинт терпеть мальчишку не мог, в это короткое мгновение он был всецело на его стороне. Разве что, будь он на его месте — одним толчком этот ублюдок, которого он когда-то считал своим командиром[7], не отделался бы.

Но зачем мальчишка притащил их сюда?

На Квинта навалились смешанные чувства — с одной стороны, он был очень даже «за» то, чтобы наконец-то прикончить эту парочку, но с другой — опасался того, что могло прийти в голову мальчишке.

Мальчишка, тем временем, снова повернулся к толпе и со сталью в голосе сказал, обращаясь как бы вовсе не к ним, но конкретно к этим двоим:

— Будем надеяться, что божественный Юлий сочтет эту жертву достаточной. Вы должны умереть.

Над форумом в одночасье повисла звенящая тишина, пока все пытались хоть как-то осознать, что только что услышали.

Квинт не стал исключением. Как и все, он замер на месте и невидящим взглядом уставился на ростры. Боль в колене и раздражение ко всему на свете отошли даже не на второй — на десятый план.

Нобили. Мальчишка собрался принести в жертву нобилей. Римских граждан. Даже сейчас, когда Квинт думал, что глубже падать было просто некуда, он ухитрился одной фразой пробить очередное дно.

— Гай Октавий Фурин! — прорезал тишину знакомый мужской голос, и Квинт ожил, пытаясь взглядом разыскать этого смертника до того, как его прикончат.

В запасе у него было хорошо если минут пять. Все в Городе знали, как мальчишка относится к упоминанию того имени, что дали ему при рождении.

— Ты что тут устроил?! Какая жертва? Какое «сочтет достойным»? Мы граждане Рима, или кучка варваров, в конце концов?! — невидимый ему мужчина продолжал озвучивать вслух все его мысли, даже не пытаясь их, — а заодно и свою стремительно надвигающуюся кончину, — хоть как-то смягчить.

После этих слов толпа на секунду замерла, а затем, повинувшись нахлынувшей панике, синхронно отступила, увлекая за собой Квинта. Колено прострелило болью, дикой настолько, что у него перед глазами вспыхнули молнии, но он все равно как-то сумел удержаться на ногах и даже остаться на своем месте. Теперь, когда ряды стоявших перед ним значительно поредели, он отчетливо видел происходящее впереди.

Четверо странно одетых человек, виденных им ранее, остались один на один с легионерами и ликторами. Женщина испуганно озиралась, мужчины пытались вразумить того седого, что прошел мимо него первым, но он не обращал на них никакого внимания. Взгляд его был прикован к рострам. Квинту не нужно было видеть его лица, чтобы точно знать, что он пытается убить мальчишку взглядом.

Загораживающий от него седого, мужчина в синих одеждах махнул рукой и отошел в сторону, позволяя Квинту разглядеть первого получше.

Какого...?!

Открывшиеся его взору руки седого были покрыты ужасающего вида шрамами. Квинт

неожиданно вспомнил, что и голос того показался ему знакомым — и его чуть не сбило с ног внезапным осознанием.

Нет... Быть такого не могло...

— Что вы стоите? Схватить его! — со сталью в голосе приказал легионерам мальчишка.

Явно не ожидавший такого поворота седой растеряно оглянулся — и у Квинта закружилась голова.

Может.

На долю секунды их взгляды пересеклись.

— Калавий... — по губам Цезаря прочитал Квинт.

Легионеры обступили его со всех сторон и замерли в нерешительности.

— Схватить, я сказал! — тоном, не терпящим возражений, мальчишка повторил приказ.

Несколько легионеров переглянулись и, повинувшись приказу, набросились на Цезаря.

Квинт отмер и ломанулся вперед, бесцеремонно расталкивая стоящих спереди людей.

Гладиус одного из легионеров пронзил грудь бросившегося на помощь Цезарю варвара в синем и тот беспомощно осел на землю. Другой легионер замахнулся на мужика со странной конструкцией на переносице. Тот едва успел увернуться от прямого попадания, но Квинт видел, как меч по касательной задел его бок — и брызнула кровь.

Толпу окончательно захлестнула паника. С криком, люди бросились врассыпную — и Квинт почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

А потом пришла боль.

[1] Мы это скорее называем таверна, но в латыни *taberna* — это любой магазин. Поэтому — прямая калька с латыни.

[2] Центурион сдвоенной, первой и второй, когорт. Самая высокая должность, до которой может в теории дослужиться обычный легионер республиканских времен.

[3] Современный Рионе Монти, если конкретнее — в районе метро Кавур. На тот момент — злачный район.

[4] Первая в мире газета-не газета, но периодика. Начали выпускать в 59ом, должны были прекратить вскоре после описываемых событий.

[5] В республиканском понимании император — это не правитель, а победоносный полководец. До того, как этот термин приобретет современное значение еще не одна сотня лет.

[6] Битва при Филиппах. Случилась за два года до описываемых событий и закончилась разгромным поражением сил «республиканцев». Кавычки — потому что как обычно, все не так однозначно.

[7] Децим Брут — старый цезарианец. Был легатом еще в галльскую кампанию, остался им же во время гражданской войны, а потом по неизвестным причинам влился в ряды заговорщиков.

Беглец (Магнус III)

Трясущиеся руки сжимали непослушный штурвал до белизны в костяшках пальцев. Базовая полетная подготовка, которую обязаны были пройти все, кто хоть как-то был связан с оперативной работой, безусловно, готовила ко многому — но превращалась в почти что бесполезную надстройку, когда глаза застилала черно-серая пелена.

Поверхность планеты неумолимо приближалась. Внизу уже отчетливо виднелись деревья, пролески, столбы пара, вырывающиеся из-под земли, и несколько неприметных и небольших зданий, которые не привлекли бы ничье внимание еще недавно, но которые сейчас выделялись как черная пантера на снегу.

Навигатор на панели сигнализировал, что шаттл приближается к обозначенной точке, но в этом уточнении не было необходимости. Ничто, кроме этих выглядящих современными зданий и не могло быть его целью в той глуши, которой сейчас являлась Северная Америка.

Магнус уже почти не чувствовал ладоней, но стоило ему на мгновение ослабить хватку, руки снова затряслись, как в припадке. Он так и не сумел прийти в себя.

Пистолет лежал на панели немым напоминанием о том, что он только что сделал и от чего ему теперь никак не отмыться.

Он не знал, что произошло. В один момент они собирались на высадку, пилот проводил предполетные проверки и все было в порядке, а в следующий та женщина, которая вела запись, сообщила, что высадка отменена — и на него упала пелена. Он помнил все, но не чувствовал одного — что это действительно сделал он. Словно он был не более, чем посторонним наблюдателем.

Мир сузился до одной цели — и ничего больше не имело значения.

Руки сами нажимали кнопки на панелях, но сознание не принимало в этом никакого участия.

Земля приближалась все быстрее — и он сбросил скорость. Земля продолжала приближаться слишком быстро — и он выровнял авиагоризонт, выпустил закрылки и принялся кружить над точкой назначения, постепенно сбрасывая высоту.

От перегрузок давно заложило уши, но он едва это регистрировал.

Посадка прошла мягко. Намного мягче, чем можно было ожидать в сложившихся обстоятельствах. Выйдя из шаттла, он вдохнул полной грудью — и пелена начала постепенно отступать. Состояние аффекта, — как бы написали в протоколе, если бы те, кто мог его составить, все еще существовали, — никогда не длилось долго.

Шаттл он бросил прямо среди леса, который еще две недели назад был Национальным Парком, и остаток пути преодолел пешком, ориентируясь по компасу.

Верхние уровни комплекса зданий встретили его запустением, присущим большинству маск-строений Фонда. Настоящий вход располагался намного ниже — за замаскированной дверью в одном из подвалов скрывался лифт, после спуска на котором он оказался в просторном помещении с толстой исполинской гермодверью.

Сонный КПП взорвался возбуждением, стоило охранникам узнать о его присутствии — и это стало первым звончком. Немедленный звонок куда-то «наверх» после того, как он выложил им все как есть — вторым. То место, куда его привели на аудиенцию, и реакция всех встреченных ими по дороге людей — третьим, после которого он уже не мог не замечать того, что его появления здесь явно не ожидали.

Неужели, по какому-то странному стечению обстоятельств, именно он добрался до точки сбора первым?

Охранники привели его не в допросную, чего следовало бы ожидать, а в чей-то кабинет, после чего ушли, оставив его в одиночестве. Очень странно. Если они ему не доверяли, то должны были хотя бы поставить патруль у двери, а в идеале — вообще не должны были оставлять его наедине с документами и чьим-то рабочим компьютером.

Расположившись на стуле перед столом, Магнус принялся ждать, вяло разглядывая разложенные поверх того документы. Его совершенно не интересовало то, что было там написано, но какое-никакое переключение внимания помогало ему не думать.

Мужчина средних лет с непримечательными чертами лица вошел в кабинет спустя какое-то время. На его лабораторном халате не было никакого бейджика, а в руках он держал толстую папку.

— Добрый... Что у вас тут сейчас? — первым начал Магнус. Все, что угодно, только бы не сидеть больше в тишине.

— День, — мужчина улыбнулся одними уголками губ, сел за стол и положил на него папку, — Йоханн Сариола. А вы, как я понимаю, Магнус Густавссон? Агент под прикрытием, место работы — полиция Рейнмута, Аркадия.

Магнус кивнул. Охранники, очевидно, успели передать ему данные.

— Интересно, — Сариола сомкнул руки в замок перед собой. В глазах его плясали искорки, — Не хотите рассказать мне, как вы здесь очутились?

Его вопрос стал спусковым крючком — и Магнуса прорвало. Он выложил ему все. От смерти Оливии, побудившей его на совершение перелета, до болтающегося сейчас на геостационарной орбите вокруг планеты корабля, набитого людьми под завязку, нескольких из которых ему пришлось убить для того, чтобы оказаться здесь.

Когда он закончил свой эмоциональный рассказ, сердце бешено колотилось в груди. На мгновение кабинет погрузился в тишину, прерываемую только ритмом, который Сариола отбивал пальцами по столешнице, а затем Сариола сказал:

— Это очень странно.

Усилием воли Магнус подавил рвущуюся на волю ярость и практически спокойно спросил:

— Что «странно»?

— Скажите мне, мистер Густавссон, вы получали документацию по протоколу “Второй Шанс”? — ответил Сариола вопросом на вопрос. Магнус кивнул, — Вы внимательно с ней ознакомились? — еще один кивок, — И вы совсем не видите никаких несостыковок?

— Не вижу, — ответил Магнус вслух. Пантомима успела ему надоесть.

— Значит, вы невнимательно читали. Вашего корабля не может здесь быть, но он есть. И это очень странно.

— Почему? — не понял Магнус, — По-моему, все логично. Мы же были в варпе.

— А скажите мне, как вы думаете, сколько межпланетных рейсов осуществляется в населенном космосе за день? — Сариола задавал ему вопросы, на которые он не знал ответа, — Какой процент из них летит на Землю? Сколько кораблей находилось в момент выхода протокола “Второй Шанс” на завершающую стадию, вместе с вами в варпе? — он одним жестом прервал Магнуса, собиравшегося было открыть рот, — Я не знаю точной цифры, но позволю себе предположить, что больше одного. Однако, кроме вас из варпа никто не выходил. И поверьте мне, то, что вы вышли, куда более странно, чем то, что

остальные — нет.

— А почему Вы так уверены, что другие не вышли? — Магнус теперь тоже задавал неудобные вопросы.

Или ему так казалось, потому что Сариоле не понадобилось даже мгновения на размышления:

— О том, что вы здесь, мы знали с того самого момента, как вы отключили варп-двигатели. Любой космический корабль сильно светится в радиодиапазоне, и это “свечение” невозможно не заметить. Больше подобных сигналов мы не фиксировали. Вы такие одни. И, как я и сказал, то, что вы остались, куда как более странно чем то, что другие исчезли.

— Это еще почему? — Магнус нахмурился.

— Реконфигурация реальности, которая производится по протоколу “Второй Шанс”, происходит мгновенно по всей наблюдаемой вселенной. Не важно, где вы были, с какой скоростью двигались — она не могла вас не задеть. Вы не могли ее обогнать или переждать.

Сердце забило быстрее. Сариола вышел из-за стола и принялся мерить шагами небольшую комнату, от одной обшитой светлыми панелями стены к другой и обратно. Туда-сюда. Как маятник.

— А вы? — спросил Магнус. Сариола бросил на него непонимающий взгляд, и он развил свою мысль, — Если, как Вы говорите, реконфигурация задевает всех и вся, вне зависимости ни от чего, почему вы тогда остались?

Сариола усмехнулся:

— Этот комплекс — наш спасательный круг. Наша кнопка, которую нужно жать, когда реальность расползается на глазах. Неужели Вы думали, что мы пустим вопрос его сохранности на самотек? Он оснащен Якорями Реальности Скрэнтон, которые поддерживают постоянный уровень реальности на уровне приблизительно 20 Юм.

Магнус вздернул бровь. Половина слов, сказанных Сариолой, не имела для него никакого смысла. Сариола тоже вздернул бровь, словно не понимал, что может быть в его фразе непонятного.

— Их принцип действия полностью соответствует их наименованию, мистер Густавссон. Это в буквальном смысле якоря. Если их достаточное количество и они поддерживают достаточный уровень реальности, — грубо говоря, они достаточно надежно закреплены, в рамках этой аналогии, — пространство-время в рамках их зоны действия не подвержено никаким аномальным воздействиям, включая реконфигурацию реальности.

— И как часто вы с ней играетесь? — наполовину в шутку, наполовину всерьез, спросил Магнус, криво ухмыльнувшись.

— С чем? С реконфигурацией? — Сариола, однако, воспринял его вопрос всерьез, — Это неизвестно и не может быть известно. По окончании протокола “Второй Шанс” и аналогичных ему, после восстановления нормальности в полной мере, все сотрудники проходят обязательную обработку амнезиаками. Поверьте мне, это правило написано кровью.

— То есть... — Магнус ошарашенно смотрел на Сариолу и не находил слов.

— То есть мы не знаем, сколько раз мы восстанавливали человечество с нуля после очередного конца света. Осмелюсь, однако, предположить, что как минимум один, не считая текущего. Этот комплекс не был создан текущей итерацией Фонда.

Повисла тишина, пока Магнус пытался как-то переварить все, сказанное Сариолой.

— Но зачем? — в итоге хрипло и тихо спросил он.

— Простите?

— Зачем Вы все это мне рассказываете?

Сариола остановился и внимательно посмотрел ему в глаза. Магнуса передернуло — этот взгляд был слишком хорошо ему знаком. Строгий и твердый — в его детстве он сулил немало неприятностей.

— Чтобы Вы знали правду, — наконец-то сказал Сариола, — Как знают ее все остальные. Это было одним из первых решений Совета — снять все уровни секретности для всех сотрудников, которые пережили реконфигурацию. Они предполагали, что нас останется слишком мало и каждый человек будет на счету. Но даже они не догадывались, что кроме нашего объекта не выживет никто.

— Как так получилось? — сил удивляться уже не оставалось, и голос Магнуса звучал безучастно.

— Досадная, фатальная ошибка в расчетах количества необходимых якорей реальности. Ладно, — голос Сариолы снова стал расслабленным, прямо как в начале их разговора, — Учитывая все то, что Вы рассказали, я полагаю Вам сейчас необходимо отдохнуть. Вам уже показали, где квартиры персонала?

Магнус равнодушно кивнул.

— Отлично. Не смею Вас дольше задерживать.

Он собирался было уходить, когда Сариола воскликнул: «А, точно», привлекая его внимание.

— Что-то еще? — уже стоя в дверях обернулся Магнус.

— Я назначу общую встречу на 12:00 завтра, чтобы ввести всех остальных в курс дела. Можете тоже присутствовать? Возможно, понадобится Ваше участие.

— Хорошо, — Магнус вяло кивнул. Вряд ли завтра от него будет какой-то толк, но почему бы и нет?

— Спасибо большое, — лицо Сариолы просветлело, — А теперь идите, идите. Вам нужно отдохнуть.

Если бы это было так просто...

Как ни странно, выделенную ему квартиру среди бесконечных одинаковых коридоров Магнус нашел с первого раза. Небольшая студия была покрыта тонким слоем пыли. Черный рюкзак, составлявший на данный момент все его пожитки, так и валялся поперек большой двуспальной кровати, где он его бросил раньше. Вываленные из него вещи потревоженной кучей лежали рядом.

Здесь ему не корабль, здесь никто за ним убирать не будет.

Одним жестом он отправил и рюкзак, и вещи на пол, и завалился на кровать прямо как есть — в одежде и уличной обуви.

Плевать. На все плевать.

В голове не было ни одной мысли. Глаза закрывались сами собой.

Будильник разразился противной трелью, по ощущениям, всего спустя несколько мгновений после того, как его голова коснулась матраца. Выругавшись, он потянулся к прикроватной тумбочке, пытаясь с закрытыми глазами нащупать на ней смартфон.

После нескольких неудачных попыток, ему все-таки пришлось открыть глаза и сесть. Неужели уже одиннадцать? Почему же он тогда чувствовал себя так, словно не спал всю ночь, а вместо этого по нему топталось стадо слонов?

Искать ответы на этот и множество других удивительных вопросов, роившихся в голове,

у него не было времени. Совещание начиналось через час, и до этого ему нужно было успеть хотя бы чем-то перекусить — пустой со вчерашнего завтрака желудок сильно болел.

До зала, где проходило совещание, взмыленный Магнус добрался за несколько минут до его начала — и только сейчас смог выдохнуть. Опоздать на первый сбор на новом месте было бы очень неловко.

Зал был под завязку забит людьми, — и ему с трудом удалось найти свободное место между лысеющим щуплым мужичком в халате с каким-то жутко дорогим на вид амулетом на шее, и не менее помятой, чем он сам, девушкой. Очень вовремя — стоило ему устроиться поудобнее, на импровизированную невысокую платформу поднялся Сариола в компании старичка азиатской внешности, и, без промедления, начал говорить.

Речь его представляла мало интереса для самого Магнуса — он просто пересказывал собравшимся все, о чем сам узнал только вчера от него. Иногда он задавал уточняющие вопросы — а Магнус на них отвечал, но в целом если бы он поспал еще пару часов вместо того, чтобы тащиться сюда, никакой катастрофы не случилось бы.

— ...на экране вы можете видеть расчеты, произведенные докторами Ченгом и де Ройтером.

Магнус отвлекся от увлекательного созерцания пары мух, сидящих на потолке, и перевел взгляд на экран за трибуной. Похоже, у Сариолы все-таки были какие-то интересные козыри в рукаве.

— Как хорошо видно отсюда, — Сариола ткнул указкой в какую-то невероятно запутанную диаграмму, — Подобная ситуация могла возникнуть только в том случае, если уровень реальности в окрестностях корабля находился в пределах 20–55 Юм.

Магнус честно попытался понять, что значит изображение на экране, но кроме “это график зависимости чего-то от чего-то” никаких выводов у него не было.

— Подождите, как такое возможно? — спросил кто-то с первых рядов, — У нас здесь 25 якорей, и уровень реальности болтается в районе 20 Юм. Откуда такой же на обычном пассажирском космическом корабле?

— Раз случилось, значит возможно, — старичок, что был на “трибуне” вместе с Сариолой, усмехнулся, — А как... Разве не в этом вся прелесть нашей работы — выяснять, почему случилось то, что случиться никак не могло?

Его вопрос вызвал слишком уж бурную, на взгляд Магнуса, реакцию. Зал сразу разделился на две половины — часть присутствующих считала, что прав невидимый парень с первых рядов, другая часть — всецело поддерживала старичка, и разобрать в этой каше голосов что-либо было невозможно. Сариола несколько раз пытался призвать их к порядку — но его никто не слышал и, после совета со старичком, он отошел к пульту звукорежиссера и вернулся назад с другим микрофоном и довольной ухмылочкой на лице.

— Если у вас есть какие-то действительные предположения — высылайте их на почту доктору Ченгу, — голос Сариолы, многократно усиленный колонками, пронесся над залом и люди стихли, схватившись за уши. Магнус не стал исключением, — Он назначен ответственным за этот объект. В любом случае, призываю всех присутствующих к тишине, — несмотря на то, что Магнус заткнул уши пальцами, голос Сариолы не стал ни на йоту тише. Казалось, он проникает напрямую в мозг, минуя уши.

Нужно было признать, его метод подавления “беспорядков” оказался эффективным. Присутствующие какое-то время еще подержались за уши, а затем он без препятствий смог продолжить свою речь.

Теперь она была переполнена неизвестной терминологией — и очень скоро превратилась для Магнуса в белый фоновый шум, непонятный, но провоцирующий размышления и вопросы.

Закончив с речью через несколько десятков минут, Сариола довольным взглядом обвел собравшихся, а затем махнул рукой, давая старт обсуждениям. Вовремя — еще немного, и ученые бы взорвались.

Принимать участие в разразившейся дискуссии Магнус не мог — слишком большой была пропасть между ними и им, но вопросы никак не хотели идти из его головы, и он знал только одного человека, который мог ответить ему на них в доступной форме. Сариола.

Недолго думая, он поднялся с места и, то и дело расталкивая людей и извиняясь перед ними, направился к “трибуне”.

— Доктор, у меня вопрос лично к вам, — начал он, как только подошел достаточно близко.

Сариола повернулся и вопросительно посмотрел на него. Магнус поспешил пояснить:

— В тех документах, что получил я, были подробности по протоколу “Второй Шанс”, описание использованных технологий и информационное письмо о устранении угрозы конца света ZK класса. Но... Что это была за угроза? Там нигде не было сказано.

Сариола дружески похлопал его по плечу и пошел к выходу, увлекая его за собой:

— Это разговор долгий. Пойдемте, выпьем по чашечке кофе и обсудим.

— А совещание? — удивился Магнус.

— Закончено.

— Но...? — Магнус удивленно оглянулся. Остальные собравшиеся не собирались никуда расходиться, наоборот — увлеченно вели дискуссию.

— Они тут до ночи будут сидеть, а у меня других дел полно. Я и не планировал оставаться, — усмехнулся Сариола.

Для Магнуса осталось загадкой, как Сариоле удавалось так легко и непринужденно ориентироваться в бесконечных одинаковых металлических коридорах бункера. Он никогда не жаловался на топографический кретинизм, но тут глазу совершенно не за что было зацепиться. Одинаковые, как под копирку, коридоры с одинаковыми дверями без знаков различия.

Однако, Сариола довольно быстро вывел его по ним прямо к буфету.

Они заняли столик в самом дальнем углу, Сариола принес две чашки ароматного напитка и только после этого начал говорить:

— Начну с самого начала. Пожалуйста, не перебивайте меня, даже если Вам покажется, что никакого отношения к сложившейся ситуации то, что я говорю, не имеет, — Магнус кивнул и он продолжил, — Первые звоночки того, что что-то не так, мы начали фиксировать приблизительно с 2060 годов. Где-то за десять лет до этого начался взрывной рост конспирологических форумов, и мы были вынуждены установить за ними наблюдение — иногда среди гор хлама и бреда там попадалась действительно важная информация. Порой — даже ее утечки.

Так вот, в начале 60ых наши системы автоматического мониторинга обнаружили, что количество тем о так называемых “ложных воспоминаниях” на этих форумах возросло многократно за короткий промежуток времени. Обычно это была какая-то сушая мелочь. Кто-то заметил, что у него под домом растет клен, хотя всю жизнь рос дуб, кто-то был уверен, что его черная машина всегда была зеленой, все в таком духе. Ничего интересного,

но сам всплеск не укладывался в рамки моделей — и Совет решил для галочки поставить его на мониторинг, собирая огромные базы данных архивов, но ничего не предпринимая. Чудовищная ошибка, но кто тогда мог знать?

А потом пропала станция Гиперион-1. Полностью. Весь персонал, все упоминания, абсолютно все, словно ее и не было никогда. Но воспоминания многих людей никуда не делись.

— Гиперион-1? Не помню такой, — Магнус задумчиво почесал голову, — Когда это было?

— В 70-ых, но вы и не можете помнить. Тогда мы были вынуждены обработать почти все население Федерации амнезиаками класса А. С колониями, к сожалению, так не вышло. Сами знаете, там нам приходится играть со связанными за спиной руками. Не удивлюсь, если там остались люди, которые все помнят.

Магнус горько усмехнулся и кивнул. О чем — о чем, а об ухищрениях, на которые вынужден был идти Фонд, чтобы поддерживать нормальность в независимых колониях, он был прекрасно осведомлен.

— Даже самого факта реконфигурации реальности таких масштабов было достаточно для того, чтобы начать бить в набат, но кроме того — наши автоматические системы каким-то образом ее полностью пропустили. Или же данные о ней были затерты, как и другие данные о Гиперионе-1, несмотря на все наши слои защиты, мы до сих пор точно не знаем. После этого мы подключили специалистов из отдела конфигурации реальности — и результаты поставленных ими экспериментов стали шоком. Уровень реальности упал до 5 Юм и продолжал снижаться. Чтобы вы понимали, нормальный уровень реальности составляет от 10 до 25 Юм и до даты предполагаемого исчезновения Гипериона он, пусть и падал, но оставался в рамках этих референсных значений и допустимых естественных колебаний.

Значения совпадали по всему обитаемому космосу. Не важно, где стояли датчики и какие были изначальные значения — дельта была идентичной. Причин этому тогда установить не удалось. Явлений, обычных для столь низких значений уровня реальности не наблюдалось, реконфигураций больше не происходило — и было принято решение наблюдать за ситуацией, не вмешиваясь в нее, параллельно занимаясь разработкой улучшенных моделей якорей реальности, способных, в случае чего, заземлить всю вселенную. Лечить симптом, а не болезнь.

К середине 80-ых уровень реальности упал до 3 Юм., но никаких *видимых* изменений все еще не наблюдалось. Сами понимаете, что, если бы так продолжалось и дальше, мы бы с Вами сейчас тут не сидели.

Магнус грустно усмехнулся и спросил:

— И что же произошло?

— Все посыпалось к чертям в феврале прошлого года. За считанные часы уровень реальности лавинообразно обвалился до 0.3 Юм и зафиксировался на этом уровне. Чтобы Вы понимали весь масштаб катастрофы — минимальное значение уровня реальности, которого нам удавалось достичь в лабораторных условиях — 0.15 Юм. Всего в два раза меньше. Мы несколько недель не могли понять, в чем же дело, пока по чистой случайности не наткнулись на одну лабораторию при мюнхенском институте Макса Планка. Незадолго до обвала уровня реальности, им удалось сделать рабочий прототип машины времени и протестировать его. И под “незадолго”, я имею ввиду, что обвал случился сразу после

запуска.

Магнус боялся лишней раз шумно вдохнуть, чтобы не сбить его с хода мысли.

— Но это еще не самое дерьмовое, — Сариола усмехнулся.

Кофе перед ними давно уже остыл, но никто из них так и не притронулся к нему.

— Что может быть хуже? — вздернув бровь, спросил Магнус.

— Разработку лаборатория вела отнюдь не по своей инициативе. Заказ им пришел от подставной фирмы с насквозь липовой финансовой документацией, владельцем которой, через десятые руки, являлся один из тогдашних членов Совета.

— То есть... — глаза Магнуса расширились в удивлении.

Сариола кивнул:

— Именно так. Оттягивая проведения расследований и игнорируя очевидные реконфигурации реальности, Совет совершал не случайную ошибку, но шел на сознательное предательство. Они забыли, зачем мы здесь, и решили спасти только себя. Разумеется, их отстранили тем же днем, машину времени конфисковали, поставили на содержание, сотрудникам лаборатории стерли память. К сожалению, не всем — двоим из них удалось сбежать, прихватив с собой человека, которого они выдернули из прошлого.

— Выдернули из прошлого? — удивляться еще сильнее Магнус был просто не способен.

— Их эксперимент пошел немного не так, как ожидалось, — усмехнулся Сариола, — Но в любом случае, это не имеет значения. Пусть только одного из них удалось найти и нейтрализовать, другие не смогли бы пережить реконфигурации.

— А Совет?

— Было проведено внутреннее расследование и их отстранили от занимаемых должностей, затерли им память и отправили доживать в обычный мир.

— Слушайте, но почему это так важно? — спросил Магнус, — То, какие циферки написаны на каком приборе? Может быть, он просто сломался, что теперь — из-за этого откатывать всю вселенную?!

У них должна была быть причина, какая-то чертовски серьезная причина, очевидная для Сариолы, но неочевидная для него, — иначе он не понимал, как можно было уничтожить столько народу ради каких-то циферок.

— Потому что наше восприятие, оно довольно крепкое. Его сложно пробить. Оно способно достраивать картинку до нормальной, даже если что-то в ней фундаментально сломано. Почему, думаете, я так напираю на том, что мы не видели *внешних* проявлений?

Магнус пожал плечами.

— Потому что детектируемых приборами внутренних проявлений было более, чем достаточно, — Магнус боялся, что Сариола скажет именно это — и вот, он именно это и сказал, — Самое очевидное и опасное из них... Чтобы не нагружать Вас техническими деталями, представьте себе, что у вас есть воздушный шарик. На нем есть две точки. Эти точки — два электрона в атоме какого-нибудь химического вещества. Пока вы не надуваете шарик, они рядом друг с другом. Потом вы начинаете надувать шарик, они становятся все дальше и дальше друг от друга, пока шарик в какой-то момент не лопается. До того, как шарик лопнул — он продолжал быть шариком, после этого — от него остались только ошметки, которые с легкостью унесет ветром.

Магнус потряс головой. Единственный вывод, который он мог сделать, пугал его до глубины души:

— То есть вы хотите сказать, что наша вселенная расширялась с такой скоростью, что

вы видели, как увеличивается расстояние между элементарными частицами в атоме и когда оно стало бы достаточно большим — ничего бы не стало?

— Именно так, — кивнул Сариола, — При экстремально низких уровнях реальности именно это и происходит. Реальность в буквальном смысле разрывается на лоскуты, как на уровне микромира, так и на уровне макромира.

Несмотря на исправную систему климат-контроля, поддерживающую комфортную температуру, Магнус резко замерз и его пробил мелкая дрожь.

— Вы так и не выяснили, почему это произошло? — собрав последние силы в кулак, спросил он.

— Варп-двигатели на экзотической материи. Все это время они медленно дестабилизировали реальность на фундаментальном уровне. К огромному сожалению, мы заметили это только тогда, когда амплитуда стала достаточно большой и дороги назад уже не было.

— И насколько же далеко вам пришлось сбросить реальность? Я видел Северную Америку с высоты птичьего полета, здесь же ничего нет! — воскликнул Магнус.

— К сожалению, дальше, чем нам хотелось бы, — Сариола грустно улыбнулся, — Прежде, чем делать хоть что-то, мы провели многочисленные симуляции альтернативных вариантов развития человечества, и они показали, что, самым поздним моментом, когда можно остановить развитие современной технической цивилизации является переходный период между Республикой и Империей в Риме. Если позволить средиземноморью того времени впасть в упадок, к переселению народов не останется ничего сколько-нибудь значимого, на основе чего ее можно будет построить. Вероятность создания варп-двигателей на экзотической материи может быть сведена к нулю только в этом случае.

— То есть...

— Нам пришлось откатиться больше, чем на две тысячи лет назад, — Сариола кивнул и устало прикрыл глаза.

Магнусу понадобилось какое-то время для того, чтобы возможность говорить связными предложениями к нему вернулась

— И что теперь?

— Теперь? — Сариола вздернул бровь, — Будем заниматься тем же, чем мы всегда занимались. Фундаментальные аномальные объекты нашей вселенной никуда не делись, им все так же требуется содержание, точно так же, как и текущей цивилизации требуется поддержание завесы нормальности.

— А корабль?

Сариола замолчал. Взгляд его стал тяжелым, даже ледяным.

— Если они не уберутся подальше, его придется уничтожить. Вместе с пассажирами и экипажем.

— Но... Но почему?! — говорить с упавшей вниз челюстью было тяжело, но Магнус справился.

— Слишком большой риск. Они могут стать катализаторами процессов, которые нам необходимо предотвратить.

Это неправильно. Но, в конце концов — они монстры. Зло, необходимое для предотвращения еще большего зла.

— И откуда ты все это знаешь только... — на самом деле Магнус не намеревался говорить это вслух, оно как-то само получилось.

Сариола улыбнулся:

— Всех на этом объекте после реконфигурации ввели в курс дела полностью. И я был одним из тех, кто голосовал «за» это решение, — Сариола протянул ему руку, — Советник Йоханн Сариола, очень приятно.

Пленник (Гай Цезарь I)

Мрачные конвоиры до сих пор не проронили ни единого слова. Наполненный криками удивления, беспокойства и боли, форум остался позади, и сейчас их молчание особенно резало по ушам.

Втроем против нескольких когорт — у них не было ни единого шанса с самого начала.

Бой начался неожиданно. Гай даже не успел в полной мере осознать, какой приказ только что прозвучал, как меч просвистел возле его уха. Вбитые глубоко на подкорку рефлексy не заставили себя ждать, но их не могло быть достаточно при таком неравенстве сил. Один из пропущенных ударов, — нанесенный, что удивительно, голыми руками, — заставил его сложиться пополам, а следующий — выбил землю из-под ног.

Что-то треснуло в кармане — и осколок впился в ногу. Недостаточно сильно для того, чтобы повредить какой-нибудь сосуд, но достаточно — для того, чтобы понять, что именно случилось.

Комм не пережил падения на брусчатку с высоты его роста.

Крик Джузеппе раздался сверху, но попытка поднять голову и посмотреть, что с ним, закончилась прицельным ударом, который вдавил Гая в землю — и спровоцировал взрыв в голове.

Звон в ушах начинал стихать только сейчас.

Возвышавшиеся храмы, прямоугольный — Кастора и круглый — Весты, остались позади, и конвоиры повернули направо, увлекая его за собой. Разбитые губы расползлись в неуместной усмешке. Сомнений больше быть не могло.

Словно в каком-то сюрреалистичном сне, он возвращался домой по тому же самому пути, по которому около года назад ушел оттуда прямо на ножи.

Дурацкое зеркальное отражение — самым удивительным в нем было то, что он все еще был жив.

Дверь дома, — *его* дома, — открылась. Незнакомый раб-привратник, не издав ни звука, юркнул в свою каморку. Один из конвоиров с силой толкнул его в спину — и ребра прострелило болью. Только перелома ему сейчас не хватало.

— Иди. Август хочет тебя видеть, — бросил конвоир.

Август[1]...

Усмешка висельника застыла на лице Гая, словно на посмертной маске[2]. Его ошибки с каждым разом все дороже и дороже обходились окружающим — и эта стала кульминацией. Можно сказать — фатальным постскриптумом.

Пусть и невозможно было предугадать, что смышлёный и серьезный сынишка Атии за каких-то несчастных восемь лет превратится в того человека, про которого он читал в чудом сохранившихся письмах Лепида[3] — казавшийся настолько незначительным, но ставший роковым, выбор все равно сделал он.

И только он нес за него ответственность.

Переступив через высокий порог, он прошел в залитый светом атрий. Визуально, внутри совсем ничего не изменилось — та же мебель, те же мозаики, украшающие стены, те же статуи по углам, — но в то же время, что-то было не так. Неправильно. Не на своем месте.

Дом, когда-то его собственный, теперь ощущался чужим. Сейчас он был здесь не хозяином, но пленником — и в этом была какая-то странная ирония.

— Отец! — непривычное слово[4] резануло слух, и он повернулся на звук.

Радостно улыбающийся Гай Октавий сидел в таблинуме, — *его* таблинуме, — и приветливо махал ему рукой. Он нахмурился. Слишком резкий контраст за каких-то несколько десятков минут. Октавий мог хотя бы немного постараться.

— Прости моих ребят. И меня. Я тебя не признал. Боги, да мне до сих пор трудно поверить, что ты жив! — Октавий выскочил из-за стола, подбежал к нему и замер, словно не решаясь обнять.

— Все в порядке, — отозвался Гай. На лице его не дрогнул ни единый мускул — и на так и не предложенный жест он тоже не ответил.

Лицо Октавия исказилось разочарованием:

— Ты мне не веришь, да? — виноватый взгляд проникал в самую душу, — Извини, пожалуйста! Я... Пойми, пожалуйста, в Городе сейчас такая обстановка... Здесь война, там голод, тут парфяне! Я... Принял тебя за одного из местных смутьянов! Прости! — голос Октавия сорвался на надрывный крик, а в глазах, казалось, даже встали слезы.

Как-будто два абсолютно разных человека. Тот, который был полчаса назад на рострах, ничем не напоминал этого — действительно похожего на сына Атии, и Гай не знал, что и думать.

Он похлопал Октавия по плечу и сказал:

— Все в порядке. Я тебе верю.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы тот, шмыгнув носом, бросился ему на шею, так, словно абсурда и без этого не было достаточно. Однако, довольно быстро Октавий отпустил его и, смотря ему прямо в глаза спросил:

— Ты, наверное, голоден? — и было в этом что-то странное. Не в самом вопросе — в совокупности. Эмоции Октавия ощущались искренними, слова — звучали правдиво, но глаза его не выражали ровным счетом ничего.

Гай растеряно кивнул, — нужно же было что-то ответить, — и Октавий крикнул в сторону:

— Леарх, там в триклинии[5] все готово?

Из двери, что вела на кухню, выскочил раб, — кучерявый тощий грек, — и дёргано отозвался:

— Да-да, хозяин. Почти... Сейчас... — после чего тут же втянул голову в плечи и закрыл глаза, словно готовясь к удару.

Гай нахмурился. Хочешь узнать человека получше — посмотри на его рабов. Реакция Леарха была красноречивее любых речей Октавия — и он больше не был уверен ни в чем, кроме того, что с каждой секундой происходящее нравилось ему все меньше и меньше.

Раб исчез на кухне снова, а Октавий махнул ему рукой, приглашая идти за собой. Так, словно он мог не знать, где триклиний в его собственном доме.

Они устроились за накрытым столом, — и только после этого предсказуемый и ожидаемый допрос начался:

— Ну давай, рассказывай! Как так получилось, что ты выжил, но четыре года о тебе не было ни слуху, ни духу?

Октавий изо всех сил старался, чтобы все выглядело как простая дружеская беседа, однако Гай все равно чувствовал повисшее в воздухе напряжение.

— Погоди, — он одним жестом прервал Октавия. В глазах того промелькнуло что-то, что он не успел распознать, но от чего стало не по себе, — Со мной были четыре человека.

Двое мужчин и две женщины. Что с ними?

— О, не беспокойся, с ними все в порядке. Давай, как поговорим, я сам тебя к ним отведу? — слегка улыбнувшись, ответил Октавий.

Ложь. Гай слышал крик Джузеппе, а до того — видел, как на землю упал Стан. Как минимум с ними никак не могло быть «все в порядке» — и одного этого было достаточно, чтобы тонкий волосок, на котором держалось его доверие Октавию, опасно треснул.

Вслух, однако, он сказал совсем другое:

— Замечательно.

— Это все? Давай... — попытался было продолжить Октавий, но Гай снова его перебил — и снова в глазах Октавия ему почудилось что-то пугающее.

Сейчас ему не было до этого никакого дела.

— Октавий, что это было? Полчаса назад, на форуме. Что. Это. Было? — в его голосе звучали нотки стали.

Нельзя было сказать, что Гай совсем уж не был готов к увиденному. После того, как они с Витторией, путая следы и хватая самые подозрительные попутки, ухитрились выбраться из Германии и добраться до римской квартиры Джузеппе, он перечитал всю домашнюю библиотеку последнего — и это жертвоприношение не имело ни единого шанса ускользнуть от его внимания. Тогда его вполне удовлетворило объяснение Джузеппе, что это не более, чем искажение источников — масштабы устроенной Октавием резни все равно поражали, но хотя бы не отдавали настолько диким варварством и нарушением всех мыслимых и немыслимых традиций, — но сейчас, после того как он все увидел своими глазами, это объяснение уже не работало.

И ему было необходимо услышать версию Октавия, прежде чем делать какие-то далеко идущие выводы. На что он надеялся — он не знал и сам.

Вопрос поставил Октавия в тупик. Отшатнувшись, тот уставился на него, словно пытаясь пригвоздить его к земле взглядом. Неожиданное спасение пришло, откуда не ждали — дверь триклиния открылась, пропуская вовнутрь того же кучерявого раба. В руках он нес амфору с вином и две чаши.

Октавий тут же переключился, отдавая ему очередные приказы, и, когда ноша раба оказалась на столе, а сам раб отошел к двери, ожидая новых приказов, словно ни в чем ни бывало, сказал:

— Так, на чем мы остановились? А. Ну рассказывай, как так вышло.

— Ты от вопроса-то не увиливай, — нахмурился Гай. Октавий на мгновение ответил ему тем же, а затем взял себя в руки. Глубокая морщина, прочертившая его лоб, разгладилась и он сказал:

— А?. Извини, отвлекся, — *или хотел съехать с темы, но не прокатило?* — Что ты там спрашивал?

Тонкая нитка лопнула еще глубже — и сейчас доверие Гая держалось больше на честном слове, чем на чем-то еще.

— Что ты только что устроил на форуме?

Он не знал, какой ответ его бы удовлетворил. Скорее всего — никакой.

Повисла тишина, в которой стало отчетливо слышно шум дневного Города за стенами дома — и на него накатило какое-то странное состояние.

На короткое мгновение, ему показалось, что весь прошедший год ему причудился. Что сейчас привратник откроет двери и впустит вовнутрь промокшего Гирция, который прямо с

порога примется крыть последними словами снова что-то учудившего Антония. Из сада на шум выглянет Кальпурния, а из кухни покажутся несколько особо любопытных рабов. Зенон принесет очередной многословный ответ Марка Цицерона на его приглашение, вкратце сводящийся к тому, что Цицерон, конечно, его безмерно уважает, но прийти вечером ну никак не может.

Собственный голос, прорезавший тишину, показался ему чужим:

— Я правильно понял, что ты собирался принести всех этих пленников в жертву... *мне*?

Гирций погиб, Цицерон пал жертвой проскрипций, Антоний был где-то в Египте и возвращаться не собирался.

— Правильно, — Октавий кивнул.

А в Риме сидел его приемный сын, который издавал проскрипционные списки и так спокойно говорил о принесении *человеческих* жертв, словно он был не римлянином, а каким-то галльским друидом.

Маска спокойствия на лице не треснула только каким-то чудом.

— Зачем? — ровным, сухим голосом спросил он.

Так, как раньше, больше никогда не будет.

Октавий вздохнул и зарылся лицом в свои собственные ладони прежде, чем сказать:

— Я уже не знаю, что и делать. Мы уже четвертый год в бесконечной войне — и я не вижу этому ни конца, ни края. Закончишь одну войну, тут же начинается другая, за ней третья. Я... Думал, что такой пример сможет хоть кого-то из них остановить!

— *Мне*? В жертву *мне*? Ты с ума сошел?!

— А что я еще могу им сделать?! — воскликнул Октавий, поднимая голову. В глазах его снова стояли слезы, но взгляд все так же не выражал ничего, — Они не боятся меня, пусть хоть боятся богов, которые стоят за мной!

— Ты бредишь, — констатировал Гай почти спокойно, — Какой я тебе, к гарпиям, бог?!

Сама мысль никак не хотела укладываться в голове.

— Это не я, это Сенат принял этот закон! Еще четыре года назад, — пусть в его словах и не было прямой лжи, но чувствовалась если не фальшь, то недомолвка. Кроме Октавия, от этого закона больше никто не выиграл совершенно ничего, — Народ требовал этого, общественное мнение требовало этого, они не смогли против этого пойти.

Гая терзали смутные сомнения, что никто этот закон на голосование народного собрания[6] ни на каком этапе не выносил.

— И ты решил, что...?

Октавий перебил его, не дав закончить мысль:

— Я не знаю, как еще остановить эту резню. Понятия не имею.

— Какую резню? Которую вы с Антонием и начали? — Гай подозрительно прищурился.

Он слишком хорошо знал Лепида для того, чтобы поверить источникам, повесившим на него всех собак. От закона о проскрипциях за километр разило Антонием, и, как бы ему ни было горько это признавать — Октавием. Не этим, который изображал раскаяние и растерянность сейчас, но другим, про которого писал Лепид, и в которого с каждым мгновением верилось все больше и больше.

Октавий копал себе глубокую яму, сам того не подозревая.

— Меня продавили! Он и Лепид! — вскричал он.

Доверие сорвалось с тонкой невидимой струны, на которой все еще держалось, и упало куда-то вниз, разбиваясь вдребезги. Пытаясь убедить его, Октавий слишком сильно заврался.

— Но ты нас тоже пойми! Вот ты, ты оставил всех в живых — и чем это закончилось? — в голосе Октавия были слышны истерические нотки, — Неужели жизни какой-то горстки ублюдков стоили продолжения резни на долгие годы?! Неужели не стоило послушать народ и прикончить их, чтобы этого избежать?

Неужели Октавий действительно считал, что у него все настолько плохо с памятью, что это может сработать?

— И как? — Гай вздернул бровь, — Избежал?

Октавий замолчал. Маска с его лица на мгновение упала, — и Гай чуть было не отпрянул. Он уже видел это выражение лица. Много лет назад, еще мальчишкой, после того как послал Суллу[7] с его требованиями по известному всем маршруту.

Тогда, чтобы сохранить голову на плечах, ему пришлось провести в бегах не один месяц, а его матери — пойти на все возможные уловки. Теперь же он, сам того не предполагая, собственноручно выдал второму Сулле путевку в жизнь. Если бы не его завещание, у Октавия не было бы ни единого шанса.

— Пока эта клика у власти, мы никогда эту резню не остановим, — отрезал Октавий, тон его полностью контрастировал с выражением лица.

И случилось удивительное — первый раз за этот разговор, он сказал правду.

Гай потянулся к амфоре, — правда эта была такой, что ее хотелось запить, — и раб, стоявший у двери, дернулся в его сторону. Он махнул тому, чтобы не беспокоился, и сам наполнил свою чашу.

— У нас нет выбора, — продолжал Октавий, — Если мы хотим выжить, а не уничтожить друг друга в кровавой мясорубке под корень — у нас нет выбора. Сенат показал, на что способен. Народ хочет мира, но пока власть у этой закостенелой клики в руках — мы никогда его не увидим. Они никогда не смирятся с неизбежным.

Отражение Суллы в кривом зеркале — вот кем был Октавий. И как только он ухитрился так долго этого не замечать?

— Я не прошу тебя мне поверить. Я понимаю, что это, должно быть, шок, но... Дай мне шанс. Просто посмотри, что сейчас происходит — и ты увидишь, что другого варианта действительно нет. Республика больна — и отчаянно нуждается в лекарстве.

Где-то он уже это слышал. Где-то он это уже читал. Правда, те авторы приписывали эти слова то ему самому, то народу, то кому угодно еще, но только не Октавию. Теперь он, кажется, нашел первоисточник.

Если бы Джузеппе был здесь, он бы выпрыгнул из штанов от радости.

Если, конечно, он все еще был жив.

Пытаясь отогнать мрачные мысли, Гай отпил вина, а затем, недолго думая, достал из кармана пачку сигарет.

— Это что такое? — тут же отвлекся от своих высокопарных рассуждений Октавий.

— Сигареты, — когда было нужно, Гай умел давать удивительно точные и одновременно с этим удивительно бесполезные ответы на вопросы.

Октавий удивленно вздернул бровь — Гай ответил ему тем же, молча прикурил, и тема сама по себе сошла на нет.

— Я ответил на все твои вопросы? — обтекаемо спросил Октавий, и Гай тут же понял, куда он клонит.

Ну да ладно, этот вопрос все равно был неизбежен.

Если раньше он всерьез рассматривал вариант “выложить Октавию все как есть”, сейчас

такой опции больше не существовало. Он не собирався собственноручно предоставлять пищу тому сумасшедшему культу, который тот строил на основании очередного идиотского, принятого Сенатом под давлением, закона.

— Более чем, — сухо отозвался Гай. Более чем.

Времени оставалось все меньше и меньше — а никакого стройного и логичного ответа на вопрос “так и где ты был четыре года?” у него так и не появилось.

— Отлично, — Октавий с явным облегчением наложил себе фиников и подозвал раба, чтобы тот разлил вино, — Теперь моя очередь. Может, объяснишь мне, что тут вообще происходит? Четыре года назад весь Город присутствовал на твоих похоронах. Четыре года назад весь Город видел твое тело. Меня, конечно, там тогда не было, но каким, к гарпиям, образом так вышло, что никто не обратил внимания на то, что похоронили не тебя? Где ты сам был все это время? Раз уж ты ухитрился как-то выжить, почему не вернулся раньше? И, боги, что на тебе надето?

Последний вопрос был, пожалуй, самым сложным, но, к счастью, его легко было утопить в потоке других.

— Давай по порядку, — когда Октавий выговорился, начал Гай, — Извини, но на первый твой вопрос у меня ответа нет. Я понятия не имею, что случилось на похоронах, но единственное, что я тебе могу сказать, да ты и сам, без меня, это прекрасно понимаешь — похоронили не меня.

— И Антоний ничего не заметил, хочешь сказать? — подозрительно прищурился Октавий.

— Может и заметил. Может, он это и подстроил, откуда мне знать? Это тебе лучше у него самого спросить.

С Антония стало бы устроить все таким образом, чтобы как можно скорее избавиться от него и попробовать занять его место. Жив он, мертв — не важно. Он ни на секунду не удивился бы, если бы выяснил, что в этом и заключался план Антония с самого начала.

— Хорошо, допустим, — прищур Октавия намекал на то, что доверие к нему пошатнулось.

— Что до остального... — он сделал небольшую паузу, быстро перебирая в уме все возможные варианты, — К сожалению, я немного могу тебе рассказать.

— Почему? — немедленно насторожился Октавий.

— Я очень мало что помню. Да и то, что помню, честно говоря, как в тумане, — он пожал плечами, стараясь выглядеть как можно более непринужденно, — До начала прошлой недели одни отрывки — ничего цельного. Помню, что очнулся в каком-то доме. Не могу вспомнить ни лица его хозяина, ни каких-либо еще подробностей. Там было несколько человек, они сказали, что я потерял очень много крови и мне понадобится много времени на восстановление. На самом деле, думаю, у них были какие-то дурные намерения. Помню, я пытался сбежать — но не помню почему, и ничего толкового из этого все равно не вышло, видимо в чем-то они все-таки были правы. Помню, что кто-то еще пытался меня убить — но не помню кто, когда и где. Помню удар чем-то тяжелым по голове. А потом я очнулся на корабле, вместе с этими четырьмя, которые были со мной на форуме. Почему-то мы плыли в Неаполь, но никто из них меня до того не знал и не мог ничего прояснить.

Он развел руками, словно извиняясь. Весь его рассказ был насквозь шит белыми нитками — потяни за одну, все мигом развалится, но, к сожалению, ничего более складного и последовательного он сейчас сочинить не мог, так, чтобы никого при этом своими

словами не подставить.

Сердце бешено колотилось — и его стук забивал все звуки. Только приступа ему сейчас для полного счастья не хватало.

— Н-да, — задумчиво протянул Октавий, для приличия выждав несколько минут после того, как он закончил говорить. Гай едва смог разобрать его следующие слова, — И больше совсем ничего?

— Увы, — отозвался Гай.

По лицу Октавия, к огромному сожалению, не выходило ничего прочитать. Маска или нет — она была абсолютно непроницаемой — и он не понимал, поверил ли тот его лжи хоть на йоту.

— Беда, — протянул Октавий, — Ладно. Пойдем. Я же обещал отвести тебя к твоим спутникам.

Гай немедленно насторожился. Октавий не только не забыл о той неловкой и очевидной лжи, но и, очевидно, планировал что-то на ее основе. Впрочем, вряд ли он сейчас располагал роскошью выбора. Конвоиры пусть и остались за дверью дома, наверняка были готовы ворваться и снова помять его по первому же писку Октавия.

Нет, здесь нужно было действовать хитрее.

Вслед за Октавием, Гай встал и почувствовал легкое головокружение, не очень похожее на начало приступа. Или усталость брала свое, — что маловероятно, — или ему заехали по голове куда сильнее, чем казалось.

Покинув триклиний, Октавий направился к выходу. Гаю пришлось проследовать за ним.

— Они не у тебя? — спросил он, когда они переступили порог его дома, — *бывшего* его дома, — и вышли под яркое дневное солнце.

— Почему? У меня. Я тут просто... Хм... Еще один дом себе прикупил, — сперва замямвшийся, Октавий быстро нашелся.

Прикупил? Или лучше сказать — внес хозяина в проскрипционные списки и присвоил?

Конвоиры на улице успели смениться — теперь вместо ликторов под дверью их караулили пять лениво переговаривающихся гладиаторов. Странно.

— В городе небезопасно, — сказал Октавий, поймав недоуменный взгляд Гая, и замолчал, словно это было достаточным объяснением.

Они шли по непривычно пустым улицам в абсолютной тишине, казалось, целую вечность. С каждым шагом голова кружилась все сильнее и сильнее. Так, словно он перебрал алкоголя, с одним единственным “но” — от чаши вина не могло быть такого эффекта. Когда они, наконец, поднялись на Паллатин, все его силы уже уходили только на то, чтобы идти ровно.

Оказавшись наверху холма, среди застроенной домами улицы, Октавий завернул в первый же поворот направо. Еще несколько улиц и поворотов — и Гай понял, куда они идут. К дому Гортензия[8]. Хоть старый оратор и умер еще до начала гражданской войны, у него оставался сын — и Гай сильно сомневался, что тот продал свою недвижимость Октавию добровольно.

Всегда шумный, дом мертвого оратора встретил их несвойственной тишиной. Смутные подозрения, закрались в голову, но он никак не мог их сформулировать. Мысли словно путались в плотной паутине — и ему казалось, что еще немного, и...

— Проходи, они здесь, — сказал Октавий, жестом приглашая его вовнутрь.

Озарение пришло внезапно — и он зацепился за порог внезапно ставшей непослушной

ногой, только чудом не пропахав мозаичный пол носом.

— Что ты делал в моем доме?! — он озвучил свои подозрения вслух быстрее, чем в полной мере осознал, что именно говорит. Язык его, почему-то, заплетался, — Лепид же великий понтифик[9].

Октавий смерил его победным взглядом и кровожадно улыбнулся.

— О, он не был против, — ответ его прозвучал зловеще.

Что он...

Сперва отдаленная, темнота накрыла Гая за каких-то несколько мгновений, и он почувствовал, что падает.

Последним, что он услышал, стало бестелесное:

— Ну наконец-то. Для мертвеца, ты какой-то слишком крепкий, деда[10].

Вино...

Крысеньш!

[1] (лат.) священный, великий.

[2] Римский прикол — выставлять посмертные маски предков в атрии. В описываемое время, вроде бы, уже изживал себя.

[3] Не существуют. Авторская выдумка, больше будет в приквеле, может быть — дальше по ходу ПОВА Цезаря, но не факт, не факт.

Но и в реальности там была очень некрасивая история.

[4] У Цезаря была только одна дочь, которая умерла за 12 лет до описываемых событий. То есть, по его внутренней хронологии, 9 лет назад. Достаточно времени, чтобы отвыкнуть.

[5] По сути — столовая.

[6] Очень коротенько — в Риме времен республики ВСЕ законы принимались через народное собрание. Сенат без ратификации мог принимать только указы, и то по ограниченному количеству вопросов.

[7] Луций Корнелий Сулла.

[8] Квинт Гортензий Гортал, консул 69 г. до н. э., основной оппонент/друг Цицерона. Domus Augusta на современном Паллатине — это таки изначально дом Гортензия, который Октавий на каком-то этапе раздобыл себе. Детали неизвестны.

[9] Дом, куда привели Цезаря — это Общественный Дом, основная резиденция великого понтифика. Принадлежит государству и отдается в пользование строго текущему великому понтифику. На данный момент великий понтифик — Марк Эмилий Лепид.

[10] Цезарь — двоюродный дед Октавия (Августа).

Собственно, почему они все по-разному Августа называют? Потому что для Цезаря — он Гай Октавий, его так звали до того, как Цезаря убили. Потом, приняв завещание Цезаря он стал Гаем Юлием Цезарем Октавианом. А дальше начал играть со своим именем и не наигрался, пока оно не превратилось в Император Цезарь Август. И да, Император — это не титул, это преномен, живите теперь с этим.

Детектив (Альберт III)

В каюте сильно пахло акварелью. Соседи Густавссона, отец и дочь Ходжесы, сидели напротив Ала на нижней полке. Мужчина выжидающе на него смотрел, а девочка увлеченно что-то рисовала в альбоме красками.

— Скажите, пожалуйста, мистер Ходжес...

— Можно просто Малкольм, — поправил Ходжес.

— Да, хорошо, Малкольм, — легко согласился Ал, — Скажите, пожалуйста, вы ничего странного за мистером Густавссоном в последнее время не замечали?

— Да нет, вроде, — ответил Ходжес, после непродолжительных раздумий, и поправил очки, — Хотя, погодите. После выхода из варпа он каким-то совсем дерганным стал, пить начал. Но вряд ли это что-то значит. Ну кто из нас после этого остался спокойным?

— Есть такое, — кивнул Ал, нервно улыбнувшись.

Девочка оторвалась от альбома и посмотрела на него тем наивным, доверчивым взглядом, что встречается только у маленьких детей. Вопрос ее, однако, не показался ему детским:

— Мистер Ал, а правда, что Землю захватили инопланетяне из Андромеды и поэтому мы не садимся? — наивно хлопая ресницами, спросила она.

Не сдержавшись, Ал хохотнул.

— Это кто тебе такое сказал... — начал было он, но быстро замаялся, поняв, что не знает имени девочки.

Малкольм пришел ему на помощь:

— Дженни.

— Спасибо, — кивнул Ал ему и снова повернулся к ней, — Кто тебе такое сказал, Дженни?

— Элли из пятнадцатой каюты, — ответила она.

— Элли? — Малкольм нахмурился и обернулся к ней, — Дженни, что я тебе говорил по поводу игр со старшими?

Дженни тяжело вздохнула:

— «Я понимаю, тебе скучно, но пожалуйста, не нужно общаться с этими старшекласниками. Это может быть небезопасно». Но папа! Они же хорошие! Я знаю. Я точно-преточно знаю!

— Дженни, мы уже об этом говорили, — строго сказал Малкольм.

— Хорошо, хорошо, — Дженни тут же надулась и сложила руки на груди.

Со стороны это выглядело ужасно забавно.

— Мистер Киркегор? — непривычное обращение резануло ему ухо.

— Лучше просто Ал, — теперь пришла его очередь поправлять.

— Хорошо. Ал, знаете, я тут кое-что вспомнил, насчет Магнуса... — начал Малкольм, задумчиво теребя дужку очков, — Когда мы только вышли из варпа, он получил какое-то сообщение. Я еще тогда подумал, что мой телефон просто снова загрузил, и связь на самом деле есть.

Сердце Ала подпрыгнуло куда-то в район горла и забилось быстрее. Древние римляне никак не могли отправить сообщение ни на одно из современных средств связи, и это могло значить только одно. Они были здесь не одни. Остался еще кто-то.

Понять бы еще, хорошо это или плохо.

— Сообщение? Не знаете, что в нем было? — совладав со своими эмоциями, спросил

Ал.

— Увы. Я пытался заглянуть, но он свернул планшет прямо у меня под носом и куда-то ушел. Видок у него, конечно, при этом был...

— Как у Скруджи, когда она... — перебила отца Дженни.

Малкольм строго на нее зыркнул:

— Дженни, старших перебивать невежливо. К тому же, мистер Киркегор, — Ала снова передернуло, — Наверняка и знать не знает персонажей твоих любимых мультиков.

— Как? У него что, нет детей? — искренне удивилась Дженни.

— Есть, — отозвался Ал, привлекая к себе внимание, — Но мальчики и они уже давно выросли. Ближе к делу, — обратился он к Малкольму, — То есть Густавссон непосредственно после выхода из варпа получил какое-то сообщение, которое его сильно взволновало?

Смартфон в руках Ала тихо пикнул, сообщая, что место на карте памяти закончилось и запись дальше вестись не будет. Теперь он мог полагаться только на свою память.

— Все верно, — кивнул Малкольм, — Мне вообще сначала показалось, он сейчас в обморок грохнется — так побледнел.

— Что он сделал дальше?

— Я же говорил — свернул планшет и ушел в неизвестном мне направлении. Вернулся ближе к вечеру, такой же бледный, посидел, что-то почитал в планшете и снова куда-то ушел. Собственно, все. В следующий раз я увидел его ближе к полудню через два дня. Он выглядел помятым, но уже куда более адекватным. И от него сильно разило перегаром.

— А дальше?

— Мы прилетели, вы объявили сбор на высадку, он собрал рюкзак и ушел, — неопределенно пожал плечами Малкольм.

— Остальные его вещи все еще здесь?

— Да. Мы с Дженни ничего не трогали. Не знаю, может Джеффри что взял.

— Джеффри? — вздернул бровь Ал. Это имя было новым.

— Наш второй сосед, — пояснил Малкольм, — Он, вроде, в душ ушел.

— Ясно, — Ал поднялся с полки, — Так, можете мне показать, где его чемодан?

— Да, конечно. Он под вами, — указал направление Малкольм, — Наши под полкой Дженни лежат.

Ал встал и поднял полку. Большой черный пластмассовый чемодан действительно лежал под ней и уже слегка покрылся пылью, — видимо, Густавссон нечасто им пользовался. Плохо — это сильно уменьшало вероятность обнаружить там что-то полезное.

Он вытащил чемодан, оказавшийся на поверку не только большим, но еще и тяжелым, из отсека и задвинул полку на место. К осмотру он, однако, приступить не успел — дверь в каюту открылась с легким металлическим скрипом, представляя их взору молодую, взволнованную женщину.

Ал не сразу узнал в ней соседку Джузеппе.

— А где Магнус? — скороговоркой спросила она.

Взгляд ее скользнул по каюте и остановился на Але, склонившимся над разложенным на полу чемоданом, и она в ужасе прикрыла рот ладошкой.

— Боже, неужели люди правду говорят? — ее голос звучал ошеломленно.

Не было никакой нужды уточнять, что именно она имела ввиду.

— Боюсь, что да, — Ал разогнулся. Если он простоит так еще немного дольше, ему потом придется вправлять спину, — Простите, а вы...?

— Пенни. Мы с Магнусом... Боже... — из глаз женщины брызнули слезы, и она попробовала вытереть их платком, размазывая по щекам те остатки туши, что еще были на месте.

Плакала она за сегодня явно не первый раз.

— Пенни, успокойтесь, пожалуйста, — ровным уверенным тоном сказал Ал, — Мы как раз сейчас пытаемся разобраться в мотивах мистера Густавссона.

Он знал ровно один способ остановить женскую истерику, и сейчас применял именно его. Пенни понадобилось несколько минут для того, чтобы совладать с собой и перестать увеличивать влажность в отдельно взятой каюте.

— Пенни, у вас есть какие-нибудь идеи, зачем мистер Густавссон поступил так, как поступил? — спросил Ал, когда ее рыдания перешли в тихие всхлипывания. Развивать эту тему было не лучшим, что он мог сейчас сделать для нее — но он должен был знать.

— Не знаю, — всхлипнув, сказала она, — Он мне рассказывал, что у него крупный контракт сорвался из-за проблем со связью. Он даже напился из-за этого, после того как мы из варпа вышли. Но... Неужели из-за этого? Это же такая мелочь!

— Он вам говорил про какие-то сообщения, которые ему пришли после выхода из варпа?

— Нет, — Пенни опешила и помотала головой из стороны в сторону, — Наоборот, жаловался, что не может связаться с заказчиком, злился, что потерял из-за этого кучу денег. А что, ему кто-то писал?

— Мистер Ходжес утверждает, что да, — Ал посмотрел на Малкольма и тот кивнул.

— Странно... Почему он тогда мне ничего не сказал? — Пенни выглядела удивленно, но хотя бы больше не плакала.

Ал пожал плечами:

— Полагаю, Вам лучше знать.

— Я понятия не имею... — помотала головой она, после чего неожиданно вздрогнула. Глаза ее широко раскрылись, и она в ужасе посмотрела на Ала, — А ведь на их месте могла бы быть я... Если бы его перемкнуло чуть раньше, на их месте могла бы быть я...

Ал положил ладони ей на плечи и крепко сжал.

— Успокойтесь, прошу вас, — спокойно сказал он, — Мистера Густавссона уже нет на корабле. Вам совершенно ничего не угрожает.

Знал ли Густавссон о том, что шаттл постоянно обменивается сигналами с кораблем или нет — в любом случае ему не удалось отключить систему геолокации, и они прекрасно видели, куда он направлялся и где находился в каждый момент времени.

За последние сутки, его шаттл проделал путь от корабля до поверхности Земли, приземлился посреди Йеллоустоунского национального парка, что в Вайоминге, и теперь излучал слабые диагностические сигналы с той же самой точки, на которой остановился. Вернуться на корабль незамеченным у него не было ни единого шанса — и, учитывая то, как он рвался на поверхность, Ал сомневался, что он собирался.

Дальнейшие опросы Пенни, как и Малкольма, и остальных пассажиров, так или иначе вступавших в контакт с Густавссоном, не принесли никакой новой информации. Точно таким же ничем закончился осмотр его вещей, оставшихся на борту.

Загадочное сообщение оставалось единственной их зацепкой.

Связисты, — те из них, кто все еще был достаточно трезв для того, чтобы работать, — бились над попытками установить его источник и, в идеале — расшифровкой, но Ал не питал особых надежд. Если бы сообщение было передано через обычные каналы, им бы хватило одного запроса к базе подключений для того, чтобы восстановить и его текст, и источник, однако записей в базе не обнаружилось и это значило только одно — кто бы ни писал Густавссону, он использовал нестандартные каналы и, весьма вероятно, нестандартные алгоритмы шифрования.

Они бились о прочную бетонную стену — и от одной мысли об этом у Ала по спине начинали бегать мурашки.

За последние дни кабина пилотов окончательно превратилась в штаб. Внутри всегда находился минимум десяток человек, стоял столбом сигаретный дым, и кто-то непрерывно матерился то ли на кого-то конкретного, то ли на ситуацию в целом. Поэтому сейчас, вернувшись в кабину, Ал сильно удивился, когда обнаружил там только одиноко пьющего кофе Стива.

— А чего это ты один сидишь? — с подозрением спросил он, занимая одно из свободных кресел.

— А, — махнул рукой Стив, — Пауль долго ругался непонятными словами, а потом ушел к своим, Натали вызвали на вторую палубу, там опять что-то школьники начудили, Мика отловила Фло и под угрозой расстрела через повешенье увела обратно в лазарет. Вот и сижу.

— Связисты?

— Продолжают планомерно уничтожать запасы алкоголя, — пожал плечами Стив, отпивая еще кофе, — Если будут и дальше идти по графику, мы все станем вынужденными трезвенниками дня через три.

Подчиненные Стана очень плохо перенесли новость о его кончине, и Ал не собирался мешать им заливать горечь утраты алкоголем. Что толку? Делать им все равно было совершенно нечего.

— Ясно. Что там Кароцца, не знаешь?

— Фло говорит — еще пару дней, и будет как новенький, но пускать к нему отказывается. Мол, ему нужен покой.

Стив сжал опустевший бумажный стаканчик из-под кофе и с остервенением задулил его в урну. Попал. Надо же, меткий какой.

— Зато, пока тебя не было, я пообщался с Шимковой, — продолжал Стив, — Кое-что стало понятнее, но не особо.

— Ну?

— Она говорит, что все произошло слишком быстро, они толком и сообразить не успели. Когда они вошли в город, Цезарь их сразу повел на форум. Там они наткнулись на огромную толпу, которая, вроде как, собралась посмотреть на какие-то жертвоприношения. Этот факт почему-то очень возмутил Цезаря. Почему — она не знает, он им ничего не объяснял. Он ломанулся к ораторскому возвышению, они побежали за ним, по дороге где-то потеряли Марию.

— «Где-то потеряли Марию», прелесть какая, — саркастично прокомментировал Ал.

— Ага. Потом Цезарь поссорился с... А фиг его знает с кем. Шимкова сказала — «с каким-то пацаном лет двадцати, который вел себя как король». Вроде как, он там за

главного был. Цезарь его назвал Гаем Октавием Фурином, но кто это — ни я, ни Шимкова не знаем, — Стив картинно развел руками, — Что ему Цезарь сказал, она не поняла, но в конце концов, по приказу этого пацана его атаквали легионеры. Стан с Джузеппе вмещались... Ну, чем это закончилось — ты и без меня знаешь.

— Знаю-знаю. Нет, ну такой же шикарный план был... — сокрушенно сказал Ал, после чего пододвинул к себе стоящую на приборке пепельницу и достал из кармана рубашки сигарету.

Стив махнул рукой, отгоняя от себя дым.

Следующие несколько минут прошли в тишине, прерываемой только мерным писком устройств на приборке и периодическими звуками втягивания дыма в легкие.

Тишину нарушил Стив:

— Слушай.... А нам-то теперь что делать? — его растерянный взгляд бесцельно метался по кабине, словно пытаюсь найти в окружающем интерьере ответ на свой вопрос.

— Не знаю, — просто ответил Ал.

Они помолчали еще.

— Слушай, а может, просто улетим?

— В смысле? — не понял Ал.

— Помнишь, была такая старая книжка... Названия не помню. Там еще самолет пролетел через какую-то аномалию и провалился в прошлое на пару минут, — Ал отрицательно помотал головой, — Там правда людей не было и мир медленно умирал, не совсем похоже на нашу ситуацию, но не суть. Суть в том, как они назад вернулись. Они просто запустили автопилот на тот же маршрут, по которому прилетели. Прошли сквозь точку перехода назад — и оказались дома. Может, и у нас так получится?

В голосе Стива сквозила такая надежда, что Алу было даже как-то неловко ее разрушать, но промолчать он не мог — слишком многое зависело от этого решения:

— А что, если нет? — вздернул бровь Ал, — Как есть, Аркадия для жизни не пригодна. С такой концентрацией азота, как была там до терраформирования, один вдох — и труп готов. Еды у нас, даже если ввести распределение и поставить самые мизерные нормы, из расчета “только бы никто не умер от голода”, хватит не больше, чем на две недели, так что об обратной дороге можно забыть. Если хочешь мое мнение — это слишком большой риск. У нас двести человек на борту.

Стив тут же поник и принялся разглядывать свои туфли.

Они помолчали еще.

— А что тогда?

— Не знаю, Стив. Не знаю, — Ал уронил голову на руки, сложенные на приборке.

Выход, если он и существовал, упорно скрывался от него за плотной непрозрачной пеленой сомнений, страхов и растерянности.

Сложно было сказать, сколько прошло времени, прежде чем дверь кабины громко хлопнула, вытаскивая Ала из мрачных, — и абсолютно бесполезных, — мыслей.

— Ал... — он услышал голос Натали и только после этого оторвал голову от рук.

— Ну, давай, добей меня, — глухо отозвался он.

— Ал, — ощущалось, что слова даются ей с трудом, но она все-таки нашла в себе силы продолжить говорить, — Там к тебе люди ломаются. Парни из охраны их надолго не задержат.

— Кто?

— Пассажиры. Кажется, им надоело сидеть в неизвестности. Они требуют объяснений.

Волнения, пусть и неувидительные, сейчас были очень некстати. Впрочем, вряд ли Ал мог обвинить в них кого-нибудь, кроме себя самого — нужно все-таки было выделить время и проинформировать пассажиров о ситуации. Тем более, что расследование действий Густавссона все равно привело его в тупик.

Хорошая мысль всегда приходила в голову слишком поздно.

Ладно.

Ал тяжело вздохнул и поднялся с кресла:

— Скажи парням, пусть впускают. Мне есть, что им сказать.

— Но... — начал было Стив, но Ал его перебил:

— Буду импровизировать, что мне еще остается?

Мгновенно набившиеся в зал управления люди были в ярости. По одним только выражениям их лиц было легко понять, что они, вот уже четвертый день не имеющие понятия, что происходит, хотели одного из двух — или пояснений и какого-нибудь плана действий, или его крови. Третьего варианта не существовало.

— Минуточку внимания, — сказал он, примирительно поднимая руки вверх.

Голова уже закипала от лихорадочного обдумывания, какие из имевшихся у него на руках карт можно было наиболее безболезненно вскрыть перед общественностью.

Люди проигнорировали его призыв и продолжали кричать, делая любые попытки что-то им сказать невозможными.

— Я понимаю, вы хотите объяснений, но пока вы так кричите, я не смогу вам их дать! — закричал он во всю мощь легких — и это тоже не сработало.

Его в упор отказывались слышать.

— Тихо, я сказал! — разозлившись, рявкнул он в итоге — и в зале управления мгновенно воцарилась тишина, а несколько десятков пар глаз пристально уставились на него.

— Спасибо, — легко сбавил обороты он, — В первую очередь, я хотел бы перед вами извиниться. В вашем вынужденном информационном вакууме виноват я и только я. События последних дней развивались слишком стремительно не только для того, чтобы я успевал информировать вас, но даже и для того, чтобы оперативно транслировать всю поступающую информацию членам экипажа. Поэтому прошу вас не винить бортпроводников в том, что они от вас что-то намеренно утаивали — они и вправду знали не больше вашего.

По толпе пронесся гул, но он более не был злым — скорее растерянным. Вероятность того, что сейчас его будут бить, возможно даже ногами, стремительно снижалась.

— Далее. По поводу сложившейся ситуации, — Ал сделал небольшую паузу, пытаясь придумать, как сформулировать фразу получше, — Я понимаю, что это сейчас прозвучит совершенно безумно, но мы провалились во времени. В середину первого века до нашей эры. Нет, я не знаю как.

Весь его рассказ полностью уложился примерно минут в пять. Спасибо стараниям Анны, а также остатков римской группы высадки в лице Шимковой — большая часть несостоявшихся мятежников была и без того более-менее в курсе произошедшего. Поначалу люди несколько скептически отнеслись, разве что, к информации, что с ними на одном корабле летел древнеримский император, но после демонстрации соответствующих изображений любые вопросы отпали. Вряд ли ему все так просто поверили, но хотя бы никто не спорил вслух, накаляя и без того обжигающую обстановку.

Закончив, Ал обвел взглядом затихшую толпу:

— Вопросы?

Спустя несколько долгих мгновений тишины голос неуверенно подал молодой парень из первых рядов:

— Только один. А дальше-то что?

Не знаю! — правда чуть было не вырвалась изо рта Ала, но он вовремя себя остановил. Оказавшись по воле случая лидером этих людей, он не мог себе позволить ни малейших колебаний и уж тем более неуверенности.

— Высаживаться, — твердо сказал он, надеясь на то, что ничто в голосе не выдаст его, — С корректировкой на то, что там внизу нас никто не ждет.

Историю с непонятным сигналом, полученным Густавссоном после выхода из варпа, он в своем рассказе предпочел опустить, дабы не пугать людей еще сильнее. Она еще не успела стать всеобщим достоянием и по правде говоря, Ал надеялся, что так оно и останется.

Выйти на связь с кораблем не представляло никакого труда, при наличии технической возможности, и, если те, кто писал Густавссону, до сих пор этого не сделали — значит не хотели. А если не хотели — у Ала возникали большие подозрения касаясь их намерений.

Возможно, молчание было для них лучшим выходом.

— Высаживаться? — резко повернула к нему голову немолодая женщина, производящая впечатление учительницы младших классов, — Вы в своем уме, молодой человек?! Если все действительно так, как вы говорите, нам там не выжить! Нет, я не могу так рисковать моими детками, я отказываюсь!

Детками? Точно учительница. Учитывая то, как вели себя на борту ее подопечные, Ал сомневался в возможности конструктивного диалога с ней.

— Миссис... — начал он, и она мгновенно его перебила:

— Вообще-то мисс!

Оно и не удивительно.

— Хорошо, мисс...

— Дженкинс.

— Замечательно. Мисс Дженкинс, да, этот план рискованный. Да, шанс выжить далек от стопроцентного...

— Вот! Я...!

— Дослушайте! — рявкнул потихоньку начинающий закипать Ал, — Но это хотя бы какой-то шанс! Если мы останемся здесь, все, что нас ждет — это медленная смерть от голода. По самым оптимистичным прикидкам — если мы сократим пайки до минимально возможных, еды у нас хватит не более, чем на две недели.

Женщина осеклась и испуганно посмотрела на него.

— Если ничего не делать, мы умрем. Без никаких шансов и альтернатив, — припечатал ее Ал, — Еще вопросы?

Остальным тоже понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя, но как только это произошло — они завалили его вопросами со всех сторон.

Когда он снова оказался в кабине, он чувствовал себя как выжатый лимон.

— Ну что там? — мгновенно вышел из прострации Стив, до того тарашившийся в приборную панель без особой цели.

Все системы корабля были в порядке, на геостационарной орбите они были надежно зафиксированы силами гравитации, — и присутствие пилотов в кабине вообще не требовалось. Они ходили сюда больше по привычке.

Остальные немногочисленные присутствующие тоже немедленно уставились на него, ожидая ответа. Ал устало упал в свое кресло, закурил и только после этого ответил:

— Будем высаживаться.

— Что? — вздрогнул от удивления Стив, — Но это же опасно!

— Я должен был предложить им хоть какой-то вариант дальнейших действий, иначе нас тут просто сожрали бы, — пожал плечами Ал, — Ничего лучше в голову не пришло, уж извини.

Возникшую неловкую паузу через короткое время нарушил Пауль, уютно устроившийся прямо прямо на полу:

— Кстати, ты в курсе уже? — спросил он.

— Что еще? — немедленно напрягся Ал. По всему его предыдущему опыту, если Пауль задавал такой вопрос — ничего хорошего ждать не стоило.

Однако, сегодня Пауль умудрился его удивить:

— Связисты определили источник сигнала, который принял Густавссон, но расшифровать его пока не могут.

От неожиданности, Ал подавился дымом и, только прокашлявшись, спросил:

— Ты серьезно? Они в таком состоянии еще и работать ухитряются? Снимаю шляпу!

— Да я сам в шоке! Так вот. Источник недалеко от того места, где он приземлился.

— В Йеллоустоуне? — удивился Стив, — Бред. Это же Вайоминг, там никогда ничего не было. Страшная глушь. А сейчас — так и подавно.

— А что? По-моему, прекрасное место, чтобы что-то спрятать, — задумчиво протянул Ал.

Во всяком случае, если бы ему нужно было что-то спрятать подальше от любопытных глаз — “страшная глушь” стала бы его первым кандидатом.

Но кто такой загадочный мог прятаться посреди пустоши Вайоминга?

Центурион (Квинт Калавий II)

Небо постепенно затягивалось дождевыми тучами.

Квинт сидел на теплой брусчатке, обняв свое больное колено, и бездумно смотрел за тем, как форум стремительно пустеет. Из рассеченной в давке брови сочилась кровь, но в целом он считал, что отделался легким испугом.

Первичное ошеломление постепенно отступало, однако ни одной дельной мысли в голове так и не появилось. Он был совершенно уверен в том, что видел, но что делать с этим знанием, никак не мог придумать. Если бы Лепид не пропал бесследно около двух месяцев назад, это даже не стало бы проблемой, но сейчас...

Боль в колене стихала, и спустя короткое время, он попробовал подняться, аккуратно придерживаясь за стену захлопнувшей свои двери для всех базилики. Владельцы лавок не хотели рисковать и забаррикадировались внутри — сквозь толстые двери до него доносились их приглушенные возбужденные голоса.

Ему нужен был кто из своих, кто все еще не связался с мальчишкой.

Припадавший на правую ногу Квинт медленно ковылял в сторону Паллатина, прокручивая в голове имена всех знакомых ему нобилей-цезарианцев. Список получался внушительным ровно до тех пор, пока он не начал выкидывать из него тех, кого совершенно точно не было в Городе, тех, кто умер, и тех, кто спутался с мальчишкой, решив, что им будет легко манипулировать, — и теперь плотно запутался в паутине своих собственных ошибок.

К тому моменту, как он дошел до новых лавок, в его списке осталось всего два имени. Гай Азиний Поллион и Луций Корнелий Бальб. К сожалению, со вторым он не был знаком лично — и поэтому не мог позволить себе роскоши выбора.

Неожиданный шум из подворотни сразу за лавками привлек его внимание. Посреди обезлюдившего форума, он мог значить только одно — местные банды уже проснулись и вышли на дело. Может быть, он прошел бы мимо, если бы не услышал посреди приглушенной, но оживленной перепалки смутно знакомый женский голос. Он не мог взять в толк, где слышал его раньше, но даже этого хватило для того, чтобы заставить его завернуть за таверны, в тенистую узкую подворотню.

Там несколько мужчин крепкого телосложения обступили девушку в непонятных синих варварских одеждах. На лицах их застыли мерзкие и довольно однозначные ухмылки. Заслышав шаги, девушка обернулась. Смутная догадка появилась у Квинта в голове, но он никак не мог ухватить ее за хвост и сформулировать.

Единственное, что он знал — это то, что он точно видел эту девушку раньше.

— Э! — крикнул Квинт и присвистнул, привлекая их внимание.

Пусть, когда он был маленьким, они с мамой и жили на Квиринале[1], почти все его детство все равно прошло на Субурре, где он прекрасно выучил правила общения с подобными придурками. Там и тогда — это было вопросом выживания.

Один из мужчин — плечистый и бритый почти что налысо, повернулся к нему и криво ухмыльнулся, обнажая отсутствующие передние зубы:

— Чего тебе? Тоже захотел?

Главарь, без сомнения. Такие отбросы никогда не открывали рот вперед главаря.

— А ну сдрыснули отсюда, чмошники, — говорить с ними надо было на их языке.

— А то че? — ухмылка мужика стала еще нахальнее.

— А то хана вам, — негромко и спокойно, Квинт просто констатировал факт.

Если они не боялись нападать только по трое, и то — на женщин, в бою они явно ничего из себя не представляли. Ссыкуны, которые побегут, стоит пролиться первой крови.

Женщина что-то закричала ему, но Квинт не понял ни единого слова.

Теперь все мужики уже скалились на него, а их главарь выступил вперед на два шага.

— Это кто у нас тут такой бессмертный нарисовался? — сказал он, выдергивая из-за пояса нож.

— А ты подойди и посмотри, — кровожадно ухмыльнулся Квинт.

Этого приглашения оказалось достаточно. Главарь с криком метнулся к нему, замахиваясь рукой, в которой блестел нож. Дилетант.

Квинт увернулся, перехватил его руку и завел ее ему за спину, заставляя главаря сложиться пополам. Нож выпал из его ладони и звякнул по брусчатке. Главарь вскричал от боли, когда Квинт, продолжая заламывать ему руку, надавил ему на спину локтем.

Наглые ухмылки пропали с лиц оставшихся двоих, и теперь они смотрели на Квинта с ужасом. Тот амбал, что прижимал девушку к стене, даже разжал свою хватку.

— Что вылупились? — Квинт ухмылялся, — Так же хотите? — сказал он и провернул руку мужика до того, как услышал хруст.

Тот взвыл. Его товарищи, в ужасе, переглянулись. Один из них поднял руки и начал пятиться назад, но второй медлил, все еще не отходя от девушки. Та смотрела на Квинта в упор, словно ожидая чего-то. Квинт молча махнул головой в сторону выхода из переулка. Она поняла его без слов, и, освободившись из ослабевшей хватки, с удовлетворением зарядила амбалу промеж ног, после чего немедленно спряталась у Квинта за спиной. Амбал сложился пополам и отчаянно матерился.

— Наша девчонка, — одобрительно усмехнулся ей Квинт, и тут же переключил внимание обратно на главаря, — Ну чего, будешь еще так делать, чмошник? — для большей убедительности, он продолжал давить локтем тому промеж лопаток.

Главарь замотал немойтой башкой и дрожащим голосом выпалил:

— Нет. Нет. Я все понял.

— Вот то-то же, — Квинт отпустил его руку и пнул напоследок под зад, придавая ускорения в направлении его идиотов-дружков.

Сделав несколько шагов, мужик обернулся и с надеждой посмотрел на нож, валявшийся у Квинта под ногами.

— Не-а, — цокнул языком Квинт, наступая на рукоятку, — Эту штуку я оставлю себе. Еще поранишь кого ненароком.

Глаза главаря начали снова наливаться кровью, когда один из его дружков постучал его по плечу и воскликнул:

— Да ладно тебе, валим отсюда, он же псих!

Квинт ухмыльнулся еще шире, подтверждая его слова. Главарь недолго колебался — и скоро спины мужиков скрылись с той стороны переулка. Недолго думая, Квинт поднял брошенный нож с брусчатки и заткнул его за пояс.

— Спасибо, — раздался женский голос из-за спины, и он обернулся.

— Пожалуйста, — улыбнулся он, и теперь, когда ему, наконец, удалось разглядеть ее лицо, внезапное осознание яркой свечой вспыхнуло в голове.

Эта девушка была одной из тех, кто был с Цезарем.

— С тобой все в порядке? Они не успели ничего сделать? — обеспокоенно спросил он, но она не ответила — только посмотрела на него непонимающим взглядом, — Как тебя зовут?

Она нахмурилась — глубокая складка на ее лбу выдавала напряженный мысленный процесс. Похоже, она не говорила на латыни. Проблема — в свою очередь, Квинт очень плохо знал греческий и только немного умел ругаться на паре галльских диалектов.

— Мария, — наконец, представилась она. Неуверенность читалась на ее лице, словно она не поняла вопроса, но догадалась по каким-то косвенным признакам.

— Квинт Калавий, — кивнул он, — Это же ты была с Цезарем[2], я не ошибся? — снова попытался он, но безрезультатно. Мария, очевидно, совершенно не понимала, что он говорил.

Интересно. И очень-очень странно.[3]

Квинт махнул ей рукой, приглашая следовать за собой — и, к его удивлению, она именно так и поступила. Вдвоем они поднялись на такой же безлюдный, как и форум, Паллатин. Из-за стен домов раздавались разговоры, топот и местами даже лязг оружия — но на улицах они не встретили никого, кроме пары перепуганных рабов и одной мокрой собаки.

Солнце полностью скрылось за тучами, и с неба начинал капать неприятный мелкий дождь.

Квинт ускорился — и уже скоро они с Марией добрались до дома Поллиона. Квинт с силой постучал в дверь и, стоило ему только убрать руку, та приоткрылась. Выглянувший в образовавшуюся щелку, привратник быстро сказал:

— Хозяина нет дома, — и попытался было закрыть дверь, но Квинт успел всунуть ногу между косяком и дверью.

— Да ты послушай меня сначала. Я — Квинт Калавий, бывший примпил Десятого, у меня есть очень важные новости для твоего хозяина. Она, — Квинт указал на Марию, стоявшую сбоку, — Со мной. Открывай давай.

— Хозяина нет дома, а хозяйка повелела никого не впускать без ее приказа. Прости, — пробормотал раб так тихо, что Квинт едва смог разобрать его слова.

Какой упертый.

Квинт выругался про себя, и принялся думать. Стоять на улице пока Поллион не вернется оттуда, куда ушел, ему совершенно не хотелось. Дождь постепенно усиливался и обещал скоро превратиться в настоящий ливень. Тогда, какие у него еще оставались варианты?

— Ну, хозяйку тогда позови хотя бы, — неуверенно сказал Квинт.

Про жену Поллиона он знал только то, что ее звали Квинкцией, и что она была на редкость склочной матроной. В любом случае, он ничего не терял.

— Хорошо, — после недолгих раздумий сказал привратник и скрылся в глубине дома.

— Я договорился, — Квинт обернулся к Марии.

Теперь он старался говорить с ней медленно и наиболее простыми фразами, но она все равно понимала далеко не все. К счастью, сейчас ее лицо просветлело, и она несколько раз кивнула. Какой-никакой контакт был налажен.

Привратник вернулся быстро — они с Марией даже не успели толком промокнуть под усиливающимся дождем. За его спиной маячила молодая светловолосая женщина, обеспокоенно оглядывающаяся по сторонам.

— Вы кто? — раздался ее приглушенный дверью голос и Квинт еще раз повторил:

— Квинт Калавий. Бывший примпил десятого легиона. Это — Мария, она со мной. У меня есть важные новости для твоего мужа.

— Что за новости?

— Если не возражаешь, я сперва хотел бы войти в дом. Тут дождь идет.

— Возражаю. Говори так.

Да, слухи не ошибались насчет ее характера.

— Хорошо, — вынужден был согласиться Квинт, — Ты сегодня была на форуме?

— Нет, — отрицательно помахала головой Квинкция. Ну да, он и сам мог догадаться. Что благонравной матроне было делать на таком сомнительном мероприятии? — И Гай, насколько я знаю, тоже не собирался. Говорил, что сразу пойдет в храм.

Отчего-то Квинту захотелось немного повредничать. То ли оттого, что травмированное колено, начинало заметно болеть от длительного стояния, то ли оттого, что он уже неплохо промок.

— Ну и зря. Там такое было... — загадочно закатил глаза он.

Лицо Квинкции вытянулось. Квинт явно завладел ее вниманием — и продолжал растягивать этот момент, наслаждаясь.

— Ну? — нетерпеливо сказала она.

— Ты же в курсе, что там начались беспорядки? — Квинкция кивнула, — А знаешь с чего? — Квинт решил зайти издалека.

— Нет, не знаю, — отозвалась она, и Квинт по тону понял — не врет. Не врет, и ей очень любопытно, — Слышала, вроде кто-то посмел что-то против Августа сказать... Это правда?

— Более чем, — кивнул Квинт.

— Самоубийца.

— Возможно, — дурашливое настроение испарилось так же внезапно, как и появилось.

Пока Квинкция не озвучила эту мысль вслух, до Квинта словно не доходило, в насколько серьезное дерьмо вляпался его полководец.

— Короче, — продолжил Квинт, — Так уж вышло, что я там был, в первых рядах. Не хотел идти, но пришлось, — он не знал с чего начать и ходил вокруг да около.

— Ну?! — нетерпеливо воскликнула Квинкция.

— Это был Цезарь, — не придумав ничего лучше, сходу выложил Квинт.

— В смысле? — Квинкция недоверчиво вздернула бровь, — Луций? Луций Цезарь решил спорить с Августом? Он что, с ума сошел?! Юлия едва смогла тогда упротить триумвиров исключить его из проскрипционных списков!

— Не Луций. Гай, — Квинт был убийственно серьезен.

— Какой еще Гай? — с подозрением косясь на него, переспросила Квинкция.

— Тот, о котором ты подумала.

— Ты пьян, центурион? — воскликнула Квинкция, — Он давно мертв!

— Я его видел. Так же ясно, как вижу тебя сейчас, — сказал Квинт и, после небольшой паузы, добавил, — Кроме того, ты много знаешь в этом городе покрытых с ног до головы шрамами людей, способных при самом Августе назвать его Гаем Октавием Фурином, и заявить, что он рехнулся?

В повисшей тишине был слышен только мерный стук дождя по крышам домов.

— Проходи, — после недолгих раздумий сказала Квинкция и дверь, шелкнув, открылась.

Квинт раньше не бывал в домах нобилей, но, если желание крутить головой по сторонам, и появилось вовсе, его быстро отодвинули на второй план более насущные переживания — и все, что он с удивлением заметил, так это то, что дом Поллиона оказался не таким уж и большим.

— Литавис, запри дверь и больше никого, кроме хозяина, не пускай, — приказала Квинкция привратнику.

Тот кивнул и уточнил:

— А если тебя позовут снова?

— Если меня позовут, никого нет дома. Понял?

Привратник еще раз кивнул и поспешил удалиться, явно неуютно себя чувствуя под тяжелым взглядом хозяйки.

Тем временем внимание Квинкции переключилось на них:

— Калавий, Мария, проходите, устраивайтесь, — она кивнула в сторону круглого столика с тремя стульями, словно поставленного здесь, в атрии, специально для них.

Мария указала на один из стульев, и вопросительно посмотрела на Квинта. Квинт кивнул — и только после этого она села.

— Твоя спутница немая? — Квинкция тоже устроилась за столиком и теперь выжидательно смотрела на него.

— Нет, — Квинт последним занял свое место, — Но она очень плохо знает латынь. Пока мы с ней сошлись на том, что нам проще всего общаться жестами.

— Кто она вообще такая и зачем ты притащил ее с собой?

— В том-то и дело, что я понятия не имею кто она такая. Она была с Цезарем там, на форуме — и это все, что мне известно. Жестами сильно многое не спросишь, сама понимаешь, — Квинт пожал плечами.

Квинкция кивнула:

— Ладно. Потом с ней разберемся. Давай, выкладывай, что там с Цезарем, Августом и жертвоприношениями?

Квинт развел руками, словно извиняясь:

— Да я, в общем, все, что знаю, рассказал уже. Куда Цезаря утащили — я не видел. Стоило ему назвать Августа Фурином, в толпе поднялась такая паника, что меня чуть не растоптали. Очнулся я, когда все уже было кончено. Подумал и решил, что твоему мужу стоит об этом узнать. По дороге нашел Марию. Собственно, это все. Добавить мне нечего.

Поллион вернулся домой затемно. К тому времени Квинкция, как и полагалось хорошей хозяйке, уже успела предложить Квинту и Марии разделить с ней ужин. Он не стал отказываться — за последние пару недель питания стряпней из каупон, он успел жутко соскучиться по нормальной, домашней еде. Сейчас они втроем сидели в триклинии и постепенно заканчивали с первым блюдом, переходя ко второму.

По крыше мерно барабанил дождь — и было в этом что-то невообразимо уютное.

— Хозяйка, там хозяин вернулся, — в дверь заглянула незнакомая рабыня.

Квинт зевнул во весь рот. После сытого обеда его всегда клонило в сон. Старая армейская привычка — если ты ешь от пуза и в тепле, значит враг далеко. Если враг далеко, значит надо успеть отоспаться, пока он не подобрался поближе. Потом может быть поздно.

Снаружи доносились приглушенные дождем голоса, из которых Квинт уверено мог опознать только одного Поллиона. Еще один голос он когда-то слышал в штабе, два же оставшихся были ему совершенно незнакомы.

— ... что, прямо так и сказал? — спрашивал смутно знакомый голос.

— Да зуб даю! — отвечал ему Поллион.

— Тогда, куда он делся?

— А я знаю? Я же неблагонадежный республиканец, забыл? Кто передо мной отчитываться будет?

— А мы вообще уверены... — подключился к разговору третий голос.

Квинт открыл дверь посильнее и, немного подвинув рабыню, выглянул в атрий. Стоящие там четверо промокших до нитки мужчин немедленно прервали свой разговор, и все взгляды оказались прикованы к нему.

— Ты еще кто? — начал было темноволосый обладатель смутно знакомого ему голоса, но его тут же перебил Поллион:

— Калавий? Ты что здесь делаешь?

Квинт смачно зевнул и сказал:

— Тебя жду. Я днем на форуме был, в первых рядах, и все видел. Посчитал, что тебе будет интересно узнать подробности.

Он вышел в атрий и еще раз пересказал все то небольшое, свидетелем чего ему довелось сегодня стать. К чести сенаторов, прежде чем завалить его лавиной вопросов, столь высокой, что она могла бы перекрыть горный перевал в Альпах, они молча дослушали его до конца. Но когда он закончил...

— Ты совершенно точно уверен, что это был он? — первым ожил темноволосый обладатель смутно знакомого голоса.

— Абсолютно, — Квинт немного замялся, не зная, как обращаться к собеседнику.

Тот все понял без слов.

— Прости, совсем забыл представиться. Луций Корнелий Бальб.

А, точно! Как он мог забыть...

Бальб, сейчас избранный консулом суффектом на вторую половину года, был одним из ближайших соратников Цезаря. В военных действиях он, однако, участия почти не принимал — и как следствие, Квинт встречался с ним лично хорошо если пару раз.

— Прости, не признал. Слишком давно не виделись. Квинт Калавий, бывший примпил десятого, — представился он.

Бальб кивнул.

К их диалогу подключился еще один незнакомец — мужчина средних лет в простой белой претексте. Даже не сенатор[4]. Любопытно.

— По городу множатся слухи, что это был какой-то из людей Антония, просто немного похожий на Цезаря.

Поллион повернулся к нему:

— Оппий, ты же знаешь, кто их распространяет. Он штатный демагог Октавиана.

Квинт понятия не имел, о ком шла речь, но не преминул вставить свои пять ассов:

— Полная чушь. Откуда, скажи мне, кто-нибудь из людей Антония мог знать меня?

Кто-кто, а Антоний никогда не отличался феноменальной памятью, да и вообще желанием запоминать младший командный состав. Кроме того, легион Квинта всего один раз был под его командованием, и то — больше десяти лет назад, еще в Галлии.

— И это тоже, — кивнул Поллион и, резюмируя, продолжил, — То есть, что мы имеем, квириты? Происходившее днем на Форуме бесчестие сорвал наш мертвый друг и патрон, оказавшийся, как ни странно, не таким уж и мертвым. Как? Почему мы об этом раньше не

знали? — сейчас не имеет совершенно никакого значения. Его атаковали по приказу Октавиана и утащили в неизвестном направлении. В Туллиануме его нет — я уже проверил. Н-да, — задумчиво протянул он, — Мы в заднице, квириты.

Он замолчал — и снова стало слышно барабнящий по крыше дождь.

Если не в Туллиануме... Где его еще могли держать? Вряд ли за те два года, что Квинт отсутствовал в Городе, здесь успели построить новую тюрьму. Хотя с такими масштабами проскрипций, все могло быть.

— Не пойму, зачем он это сделал? — словно ни к кому не обращаясь, сказал Бальб.

— Кто? — не понял Поллион.

— Октавиан. Просто... Зачем? Ну Цезарь. Ну живой. Ну взбешенный. Ну и ладно. Вы его знаете, я его знаю, Октавиан его тоже знает. С ним без труда можно было договориться даже после такого представления.

— Плохо ты Октавиана знаешь, Луций Корнелий, — криво усмехнулся Поллион, — Сейчас Цезарь представляет слишком сильную опасность для его власти, а в этой белобрысой голове это абсолютно достаточная причина для самых жестких мер.

— Как будто похищение Цезаря среди бела дня, при свидетелях, на его власти вот вообще никак не скажется! — скептически посмотрел на него Бальб, — Да если люди достоверно узнают...

— Если мы дадим ему еще пару дней форы, готов поспорить, он убедит весь Город, что это был не Цезарь, а провокатор Антония. И, если мы при этом куда-то рыпнемся, наши головы вывесят на рострах. Рядом с его.

— А может оно так и есть... — под нос пробормотал последний из гостей Поллиона, так и оставшийся для Квинта незнакомым.

— Вот! — воскликнул Поллион и ткнул в него пальцем, — Видишь, Кальвин *уже* начал сомневаться!

— Ты что же, считаешь, что я мог не узнать человека, с которым десяток лет из одного котла ел? — синхронно возмутился задетый неверием за живое Квинт.

— Хорошо, хорошо, допустим, — тут же пошел на попятную Кальвин, — Допустим это так. Но что это нам дает? Он наверняка уже мертв. Или вы думаете, Октавиан решил сохранить ему жизнь? — сказал он и хохотнул. Всем своим видом он выражал глубочайший скепсис.

Да ну, чушь. Если бы мальчишка хотел убить Цезаря на месте — он бы отдал соответствующий приказ. Эти свеженабранные салаги и его бы выполнили без особых колебаний. Квинт был в этом практически полностью уверен.

— Не думаю, — сказал Бальб, — В отдаленной перспективе, он точно Октавиану нужен только мертвым. Желательно — еще и обезличенным и обожествленным. Но, — Бальб поднял указательный палец вверх, — Но если бы он хотел его убить прямо на месте, он бы это сделал. Кто ему мог помешать? — Квинт, синхронно с Поллионом, кивнул в знак согласия, — А если не сделал — значит, пока Цезарь ему зачем-то нужен живым. А значит, у нас все еще есть время, но с каждым мгновением его становится все меньше и меньше. Мы не можем позволить себе жевать сопли и рассуждать, нужно действовать, пока не стало слишком поздно.

— Хорошо, — внезапно достаточно легко согласился Кальвин, — Но я все равно не вижу, что же мы можем сделать.

— Для начала, вы можете пройти поужинать, — настолько неожиданно, что Квинт чуть

не подпрыгнул на месте, за его спиной раздался женский голос. Квинкция, — Думать лучше на сытый желудок.

Их ужин затянулся далеко за полночь. Рабы сменили еще несколько блюд, после чего на столе остались только закуски и вино. Последнее, однако, было разбавленным, поэтому захмелеть Квинту так и не удалось. Впрочем, он и не стремился — подходить к подобным вопросам лучше было на трезвую, — или хотя бы относительно трезвую, — голову. Когда они уже изрядно проредили хозяйские запасы еды и питья, а время приближалось к утру, слегка опьяневший Бальб подвел черту:

— Хорошо, квириды. Значит, вкратце, план пока такой — мы с Поллионом и Кальвином, после сегодняшнего заседания Сената, созываем на ужин как можно большее количество клиентов и друзей, которым можем доверять, и пытаемся донести до них мысль, что Цезарь, во-первых, каким-то чудом жив, а во-вторых — является единственным на данный момент возможным потенциальным лидером оппозиции режиму Октавиана. Он всем давно как кость в горле, не думаю, что мы встретим какое-то сопротивление здесь.

— А ты прямо уверен, что Цезарь пойдет против собственного приемного сына? — встрепнулся Кальвин.

Надо же, оказывается он не спал все это время. Удивительно.

— А это совершенно неважно! — махнул рукой Бальб, — У нас какая цель в конце концов, переворот устроить или друга спасти? Я думал, что второе, — остальные согласно кивали, разве что сам Кальвин немного замялся, — Если для этого придется соврать кучке сенаторов и всадников — пусть будет так. Да нас вообще можно будет назвать любимчиками Фортуны, если хватит только этого.

— Но как же...

— Хватит! — перебил его Поллион, — Гней Домиций, если ты против даже малейшего риска — выход вон там. Можешь идти восвояси, только не забудь забыть все, о чем здесь говорилось.

В полумраке лицо Кальвина выглядело словно посмертная маска. К его чести, однако, с места он все-таки не сдвинулся, продолжая сверлить взглядом Бальба. Квинт на какое-то мгновение даже почувствовал к нему что-то похожее на уважение.

— Возражений больше нет? — обвел их маленькую компанию взглядом Бальб. Возражений больше не было, — Отлично. Дальше. Оппий и Калавий идут в народ, — он повернулся и сказал, уже обращаясь к ним, — Ваша задача одновременно проще и опаснее. Я думаю, чтобы взбаламутить народ и ветеранов, донести до них мысль, что Цезарь жив и пострадал от рук Октавиана, будет вполне достаточно. Но вы и без меня прекрасно понимаете, чем сейчас чреватые подобные речи на форуме.

Квинт с Оппием синхронно кивнули. Прибитые к роstrам списки, растущие с каждым днем, несмотря на вычеркнутые имена, и все увеличивающееся количество голов, на этих роstrах вывешенных, ни на мгновение не давали забыть о том, какая их ждет судьба, стоит хоть немного растерять бдительность.

— Понимаю, что вы и без меня разберетесь, но все-таки постарайтесь быть поосторожнее, — закончил Бальб, — И последнее. Квинкция идет сегодня вечером в гости к Скрибонии и пытается узнать хоть что-нибудь, — он повернулся к Квинкции, — Сильно не рискуй, настойчивости не проявляй, если что. Попробуй все обставить так, как будто тебе просто жутко хочется посплетничать.

— Мне даже притворяться не придется, — усмехнулась Квинкция.

— Отлично, — молчавший до того Поллион, встал из-за стола, — Со всем, вроде, разобрались. А теперь... Ника, проводи пожалуйста наших гостей в свободные спальни. И сама иди спать. Сегодня и завтра можешь отдохнуть, — обратился он к сидевшей у двери молодой рабыне, которая всю ночь подносила им еду и напитки. После последних слов ее лицо просветлело, и она воодушевленно кивнула.

— Погоди, Гай! А как же она? — перебила мужа Квинкция, кивая в сторону задремавшей Марии.

— А, да. Ника, и еще, пришли кого-нибудь, чтобы ее в спальню тоже перенесли, — сказал Поллион и тут же поймал непонимающий взгляд Квинкции, — А поговорить мы с ней можем и завтра, — ответил он на так и не заданный вопрос.

Остаток этой ночи Квинт спал очень беспокойно.

[1] Один из холмов Рима, в пределах городских стен.

[2] Произношение этого когномена в латыни и в современных языках очень различается, там без шансов, что Мария поняла бы о ком речь, не зная латыни.

[3] Марий/Мария — итальянский номен. Это все равно, что встретить Володю, который совсем не понимает по-русски и говорит только на хинди.

[4] Претекста — обычная гражданская белая тога. У сенаторов тога с красной каймой и туника с двумя параллельными красными полосами по бокам.

Безопасник (Магнус III)

Пробить бюрократическую стену головой казалось невыполнимой задачей. Пусть из каждого угла на всей территории комплекса и твердили о том, что у них крайний дефицит оперативных кадров, пусть руководство и вело одновременный набор нескольких новых мобильных опергрупп для поиска и постановки на содержание якорных аномальных объектов их реальности — Магнусу словно выдали красную карточку.

Его заявления как будто и не рассматривали вовсе, сразу отправляя в шредер, и чем больше он старался пробиться, чем большее выражал желание наконец-то сделать хоть что-то толковое в своей жизни — тем толще становилась стена. Пока не дошло до того, что сотрудники, ответственные за набор опергрупп, начали избегать его всеми возможными способами — и ему в конце концов не пришлось сдаться, и пойти попытать счастья в службе собственной безопасности.

Он не питал никаких иллюзий — его бэкграунд сильно ограничивал спектр доступных ему в рамках Фонда специальностей. Все они сводились к одному — тупой работе мускулами, но тупая бесполезная работа мускулами, заключающаяся в протирании штанов и наблюдении за камерами, была далеко не пределом его мечтаний.

Однако, он все-таки оказался здесь — в комнате охраны с нашивкой ССБ на новенькой форме. Здесь людьми не перебирали, и даже его потенциальная “психическая неуравновешенность” не была противопоказанием.

Наверное, ему стоило радоваться хоть такой работе — сидя в четырех стенах своей квартиры, он уже за первую неделю пребывания здесь начал чувствовать, что у него подтекает крыша и развивается клаустрофобия. Может быть, он бы даже и радовался, если бы не его коллеги.

Никого из них, кроме загадочной женщины с безумной стрижкой, отзывавшейся на “имя” Третья, совершенно не беспокоило то, что все их дни состояли из однообразной рутины патрулей и дежурств, и даже наоборот — они считали такую непыльную и несложную работу идеальной, чем неизменно раздражали и его, и Третью.

Поэтому сегодня, когда их командир, Кларк, под конец смены неожиданно лично собрал их в комнате охраны и объявил, что им выдан ордер на арест одного из докторов, который необходимо произвести как можно скорее — обрадовались этому только они двое.

— Есть! — стоило Кларку закончить говорить, рука Магнуса выученным движением потянулась к козырьку новенькой форменной фуражки.

По рядам остальных пронеслись нестройные недовольные шепотки. Все они надеялись на очередную непыльную смену, а арест под самый ее конец разрушал эти надежды полностью.

Кларк словно не замечал неудовольствия:

— Отлично, выдвигаемся! — скомандовал он и первым, чеканя шаг, двинулся к выходу. До того, как оказаться в Фонде, он, вроде как, был военным — и это чувствовалось.

Магнус с Третьей проследовали за ним без промедления, а уже за ними вяло потянулись остальные. Несколько из них Кларк даже снял с патрулирования — и теперь Магнусу было любопытно, что это за доктор такой, что для его задержания потребовались все они. Обычно научная половина Фонда не отличалась боевой подготовкой и для ареста любого из них было бы достаточно только ордера — и пистолета, чтобы пригрозить.

— Да, — едва покинув комнату, Кларк резко остановился и развернулся к ним, вынуждая их остановиться на месте, — Пока не забыл. Ни в коем случае не вздумайте дотрагиваться до его амулета, если хотите сохранить свои мозги.

Они снова двинулись вперед.

— Да что с ним не так, с доктором этим? — полушепотом, словно нашкодивший школьник, спросил Магнус у идущей рядом Третьей, — То для его ареста нужны мы все, то амулет какой-то, до которого нельзя дотрагиваться.

— Не знаю, — так же тихо ответила Третья, — Но я давно знаю командира Кларка и, поверь, если уж он отдал такой приказ — его лучше выполнять.

Магнус недоуменно пожал плечами.

И почему только его так настырно не хотели зачислять в опергруппу? Люди говорили, “Багряная Десница” недавно отправилась куда-то в Месопотамию для постановки на содержание одного из якорных объектов. Новый, только сошедший с инкубаторов, состав “Не Вижу Зла” тоже собирались вскорости куда-то отправить. Они делали что-то полезное. Они действительно имели значение.

А Магнус с толпой сослуживцев годились только на то, чтобы задержать какого-то докторишку, который и опасности-то никакой наверняка не представлял. В той ситуации, в которой все они оказались после реконфигурации, такое вопиюще неправильное использование имеющегося персонала казалось Магнусу просто идиотизмом.

Все чаще и чаще у него возникал вопрос, а приносят ли они вообще хоть какую-то пользу?

Они дошли до лестницы и Кларк остановился еще раз:

— Группа Альфа перекрывает доступ к лифту, группа Бета — за мной, по лестнице. Мы не должны оставить ему возможных путей отхода.

— А вентиляция? — Лоренс, один из сослуживцев Магнуса — двухметровый добродушный негр, — ткнул пальцем в вентиляционное отверстие.

— У него физически не получится, — отрезал Кларк, — Во-первых — баззеры слишком глубоко, во-вторых — его текущее тело уже немолодо, а в-третьих — в нашей вентиляции и пара кошек-то едва поместится, не говоря уж о взрослом мужике.

По стройным рядам охраны пошли шепотки.

- “Баззеры”? — Магнус снова повернулся к Третьей. Он не знал, кто она и откуда, но она была информирована намного лучше него.

— Гоминидные Репликаторы Брайта-Зартиона, — и сейчас она снова не подвела, — Название слишком длинное, яйцеголовые придумали его так сокращать. Еще инкубаторами иногда называют, но это редко. Но меня больше другое интересует. Мне послышалось, или Кларк сказал “текущее тело”? — понизив голос еще сильнее, спросила она.

Вторя ей, Магнус тоже перешел на шепот:

— Если и послышалось, то не тебе одной.

— Странно, — недоуменно потерла подбородок Третья.

— Выполнять! — рявкнул Кларк — и все разговоры сошли на нет.

Приказ попал в подсознание минуя сознание — и Магнус сам не понял, как оказался на лестнице, в составе своей группы.

Они спускались долго. От нечего делать Магнус начал считать пролеты и насчитал их уже сорок штук, но лестница все не кончалась. Он понятия не имел, какой длины был стандартный лестничный пролет, но ему казалось, что они давно уже преодолели

двухсотметровую отметку глубины.

А лестница все не кончалась.

Ноги Магнуса с каждым шагом болели от непривычной нагрузки все сильнее, а ремешок, на котором висел автомат, растер ему плечо. Он слышал, как идущая рядом Третья тихонько матерится под нос. Что вообще за приказ такой дурацкий — идти по лестнице метров на двести-триста вниз?

Какие из них после этого будут боевые единицы?

По вспотевшим и покрасневшимся лицам сослуживцев он видел — никакие.

Еще спустя несколько пролетов боковые двери на лестнице исчезли, сменившись сплошной бетонной стеной. То ли на этой глубине уже не было никаких рабочих помещений, то ли, наоборот — за этими глухими стенами скрывалось что-то исполинское.

Они прошли еще пролет и Магнус с облегчением выдохнул, увидев, бесконечная лестница наконец закончилась большой площадкой с лифтом и широкой двустворчатой дверью.

Кларк остановился и, дождавшись, пока замыкающие спустятся и окажутся на площадке, зычным голосом спросил:

— Все помнят план?

— Так точно, — рявкнули ему в ответ десятки глоток.

— Напоминаю — ни в коем случае не дотрагивайтесь до его амулета. Ни при каких условиях. Усекли?

— Так точно!

— Отлично, тогда вперед! — рявкнул Кларк и, перехватив автомат поудобнее, открыл дверь с ноги, — Всем оставаться на своих местах! Работает служба собственной безопасности!

Они ворвались в помещение, — и Магнус на мгновение остановился, почувствовав, как воздух вышибло у него из легких.

Поистине исполинское помещение, потолок которого терялся где-то в вышине, было заполнено... Инкубаторами. Огромными колбами, больше человеческого роста, пустыми и полными, — и если на первые можно было смотреть без опаски, то от взгляда на вторые его начинало неумолимо подташнивать. В непонятной, мутноватой жидкости, в оплетенных трубками колбах находились люди. Взрослые, дети, младенцы, зародыши. Все они, — те, кто был достаточно сформирован, чтобы можно было хоть что-то понять, — словно спали.

Тошнота подступала к горлу, пока Третья не ударила его легонько прикладом на спине и не сказала:

— Смотри под ноги. Так проще.

Странно, что зарождение новой жизни вызывало у него такую реакцию. Еще страннее — что не у него одного.

Однако, он послушался ее совета — и дело сразу пошло веселее.

Он очень быстро потерял всяческую ориентацию в пространстве — полы по всему помещению были одинаковые, ряды инкубаторов тоже ничем друг от друга не отличались. По-хорошему им не мешало бы разбиться на группы и прочесать все помещение, но даже Кларк понимал, что тогда они никогда в жизни не найдутся — и не отдавал такого приказа, молча ведя их всех по одному ему известному маршруту.

Когда они, словно по волшебству, оказались возле обычной двери с табличкой “Доктор Джек Брайт”, Кларк остановился и поднял руку, призывая их к тому же:

— Магнус, Третья, Лоренс, проверьте кабинет, — тихо скомандовал он.

Они в абсолютной тишине кивнули. Жестами согласовали диспозицию и, когда все показали, что готовы, Магнус со всех сил толкнул дверь плечом. Та жалобно затрещала и слетела с петель. Сидящий за компьютером немолодой и уже лысеющий мужчина в очках поднял глаза на них и стремительно изменился в лице.

Они ворвались вовнутрь и направили на него дула автоматов.

— Подождите! — мужчина подскочил со своего стула, глаза его расширились в испуге.

Амулет с большим красным камнем посередине болтался у него на шее поверх лабораторного халата. Магнусу казалось, что где-то он этот амулет уже видел, но он гнал мысли подальше от себя. Сейчас это не имело никакого значения.

И все-таки интересно, что в этом докторишке такого, что для его ареста понадобились все? Выглядел он как самый обыкновенный сотрудник Фонда.

Третья навела на доктора дуло автомата:

— Рыпнешься — пристрелю.

— Напугала, — мрачно хохотнул доктор и развел руки, — Ну? Ну что ты тянешь? Стреляй! Стреляй давай! Только потом, прошу тебя, засунь эту срань, — он с отвращением схватил амулет, — Куда подальше! В жерло вулкана кинь, на Солнце запули, я не знаю! Хотя, да. Кто ж тебе даст? — быстро сбавил обороты он. На лице его застыла разочарованная и усталая усмешка.

— Руки вверх! — Магнус махнул дулом в указанном направлении.

Доктор смерил его скептическим взглядом и даже не думал выполнять приказ.

— Ну и как они вас заставили это сделать? Что они вам сказали? Что я — вселенское зло во плоти? Чудовище, поглощающее сознания других, которое необходимо изолировать? — перевел он тему, — Или, может быть, что я собираюсь уничтожить Фонд изнутри? Что?! Впрочем, это совершенно не важно, — он успокоился так же быстро, как и завелся, — Вам солгали. Намеренно или нет, но вам солгали.

Дверь хлопнула еще раз, и вошедший Кларк рявкнул:

— А ну заткнись! Ты что, решил заболтать нам зубы? У нас ордер на твой арест.

— О, я даже не сомневаюсь в этом, — доктор коварно ухмыльнулся, — Может быть даже, ордер на мой расстрел? Вы, вы все, — он поочередно указал на каждого из них пальцем, — Вы все идиоты, подчиняющиеся другим идиотам, которые попали под антимагическое воздействие и угрожают нас всех...

...

Магнус потряс головой. Горячая чашка чая, зажатая между ладоней, потихоньку начинала обжигать. Он на автомате отпил напиток и тут же пожалел об этом — язык отозвался болью. Дерьмо. Зачем они вообще такой кипяток наливают?

— Здорово! — Лоренс упал на стул напротив него, — Ну чего, пойдешь к Такахаси на день рождения?

Магнус пожал плечами:

— Почему бы и нет? Какое-никакое, а разнообразие. Извини, конечно, Лоренс, но тухло у вас тут как-то, — подумав, он отпил еще немного чая. Ожог он себе все равно уже заработал, чего уж теперь.

— Ну конечно, — хохотнул Лоренс, — Не чета вам, первичникам. Но ты привыкнешь. Все привыкают.

Магнус грустно вздохнул и принялся разглядывать ароматный напиток у себя в чашке.

Лоренс приступил к обеду — и ел свой бургер с таким аппетитом, что Магнусу сразу захотелось такой же.

— Слушай, Лоренс... А этот Такахаси... Это кто? — спустя некоторое время решил уточнить Магнус.

— Тьфу ты, — невнятно проговорил Лоренс с набитым ртом. Потом проглотил и уже не в пример четче продолжил, — Постоянно забываю, что ты новенький. Во-первых — Такахаси — это не он, это она. Во-вторых — вон она сидит, — Лоренс бесцеремонно ткнул пальцем в низко склонившуюся над планшетом женщину средних лет, без макияжа и с волосами, собранными в короткий конский хвост.

Магнус присмотрелся к ней повнимательнее и недоуменно спросил:

— А почему Такахаси? — Лоренс вопросительно посмотрел на него, и он поспешил пояснить, — В смысле, она вроде не японка.

— А, ты об этом. По-моему, она русская. Начальница какого-то отдела из девятнадцатой зоны. А фамилия по мужу, он у нее японец. Был.

— Был? — переспросил Магнус, допивая уже остывший до комфортной температуры чай.

— Ну да, — кивнул Лоренс, — Ее перед реконfigurацией передислоцировали сюда, а ее мужа и сына — эвакуировали в девятнадцатую. А дальше... Ну сам понимаешь.

Магнус понимал. А дальше — одна ошибка в расчетах, и из всех комплексов Фонда, остался только этот.

— Мда, — протянул он. Праздник обещал быть больше похожим на похороны.

Так и вышло. Несмотря на висящие везде шарики, надписи «с днем рождения!» и праздничный торт, атмосфера совершенно не соответствовала внешней обертке. Виновница торжества без единой положительной эмоции на лице задула свечи на торте и теперь мрачно опрокидывала в себя бокал за бокалом вино. Большинство гостей, вяло и без энтузиазма пропев «с днем рожденья тебя», расселись за столы и тоже принялись уничтожать запасы алкоголя Фонда. Даже те немногие, кто, как казалось Магнусу, пришли сюда именно для того, чтобы развлечься, не рискнули пытаться расшевелить это болото.

Вряд ли это стало бы уместным. У каждого здесь была своя трагедия.

Магнус опрокинул в себя еще один стакан виски и понял, что стул под ним внезапно начал шататься:

— Нет, вот ты прикинь. Я тут из трусов выпрыгиваю для того, чтобы их не раскрыли, всю свою сраную жизнь, а они мне что? Даже документы мои на зачисление в опергруппу не принимают! Ну не гады ли? — жаловался он уже начавшей расплываться Третьей.

Как оказалось, она была не только идеальной коллегой, но и идеальной собеседницей — внимательно слушала, кивала в нужных местах головой и поддакивала, а большего сейчас Магнусу и не требовалось — только выговориться.

— Гады, — согласно кивнула Третья. Язык ее уже порядком заплетался, но Магнус все равно прекрасно ее понимал.

Они выпили еще.

— Меня они точно так же бортанули, — неожиданно начала Третья, — Я сдала документы, меня вызвали на собеседование, потом на экзамены, на физподготовку, и когда я уже была готова примерить на себя новую форму — нате вам, отказ. Так и не объяснили почему, сволочи.

Они собирались выпить еще по одной, но их перебил женский голос:

— Извините, — Магнус обернулся и увидел виновницу торжества, нервно теребящую ворот лабораторного халата, — Извините, а вы случайно Джека Брайта не видели? — неуверенно спросила она.

Джек Брайт... Что-то знакомое.

Магнус пытался вспомнить, где он мог слышать это имя, но в голове было совершенно пусто.

— Извините, не знаю такого, — развел он руками.

Третья молча кивнула, подтверждая его слова..

— Да что за... — пробормотала Такахаси, — Никто ничего не знает. Неужели он опять...?

— Что опять? — вопросительно вздернул бровь Магнус.

— Умер, — задумчиво пробормотала себе под нос Такахаси.

— В смысле? — не понял Магнус, — Это как это, «опять умер»? — крикнул он ей вслед, но его уже не слышала, переключив свое внимание на сидящего неподалеку Сариолу.

Бесполезная трата времени — если бы кто спросил Магнуса. Сариола уже с час клевал носом и от падения лицом в салат его спасал только сидевший рядом пожилой мужчина с короткой бородкой, который постоянно тыкал его локтем под ребра.

— Йоханн, ты когда последний раз видел Брайта? — словно не обращая внимания на состояние Сариолы, спросила у него Такахаси.

Магнусу пришлось немного привстать, чтобы лучше слышать их разговор.

Сариола икнул и, с трудом задрав голову, заплетающимся языком спросил:

— Какого еще Брайта?

— Йоханн, ты что, последние мозги пропил? Джека Брайта. Ну знаешь, противного двухсотлетнего бессмертного чувака, который меняет тела как перчатки, и у нас директором по подбору персонала уже лет сто пятьдесят как работает.

Двухсотлетний бессмертный чувак? А, впрочем, почему бы и нет. Магнус в своей жизни и не такое видывал.

— А, по-моему, это ты бредишь, — неожиданно трезво ответил Сариола, — У нас никогда никто с таким именем не работал. И бессмертных сотрудников у нас нет, — отрезал он.

— Но...!

Кто-то подергал его за рукав. Магнус перевел взгляд и увидел лицо Третьей.

— Нужны они тебе? Давай лучше еще выпьем, — кивнула она в сторону стоящих на столе и снова наполненных до краев стаканов.

— А, давай! — махнул Магнус. В конце концов какое ему было дело до фантазий этой Такахаси?

Мать (Атия I)

Градус беспокойства в Городе нарастал с каждым днем. От человека к человеку множились самые невероятные слухи, но, несмотря на всю изобретательность людей, если выжать из них всю воду, в сухом остатке у всех версий оставалось одно и то же. Против ее сына, против ее любимого маленького Гая[1], зрел заговор. Как назло, он уже несколько дней уклонялся от любых попыток с ним поговорить, утверждая, что тонет в работе, что совершенно не помогало унять беспокойное сердце, поэтому сегодня она решила навестить его лично.

Привратник впустил ее в дом сына без вопросов. Оказавшись внутри, она сразу кивнула своим рабам, освобождая их. Многие считали своих рабов своего рода своим продолжением — и не стеснялись обсуждать деликатные вопросы при них, но ее сын был исключением и не открыл бы и рта, если бы она привела за собой целую свиту. Обрадованные возможностью ничего не делать рабы тут же скрылись на кухне, оставляя ее наедине со Скрибонией, ее невесткой.

— Скрибония, дорогая!

Они обменялись поцелуями.

— Атия, что привело тебя в наш дом? — приветливая улыбка вышла у Скрибонии какой-то кривоватой, заставляя Атию напрячься.

Что-то уже случилось?

Нет, если бы что-то уже случилось, она бы знала.

— Разве у матери должна быть причина, чтобы проведать своего единственного сына и его жену? — ее улыбка была самой обворожительной и невинной из тех, на которые она была способна.

— Да, действительно, чего это я? — Скрибония хохотнула и тут же спохватилась, — Проходи, пожалуйста, в сад. Мой муж сейчас... немного занят. Надеюсь, ты не будешь против, если я составлю тебе компанию, пока ты ожидаешь?

Занят, как всегда... Иногда у Атии появлялось подозрение, что это все не более чем отговорки, но она гнала его от себя. Пусть Луций, ее муж, и не одобрял того, чем занимался Гай, в его словах была доля правды, как минимум — в той их части, где он говорил, что политика в этом городе отнимает все предоставленное ей время — и еще чуточку больше.

С дежурной улыбкой на губах, Атия согласилась и они со Скрибонией прошли в глубину дома, в по-весеннему цветущий и благоухающий сад.

Однако, что-то было не так. Яркий солнечный свет заливал атрий, рабы Гая выглядели расслаблено, и ничего не намекало на возможные неприятности, но противное ощущение, что появилось где-то сзади головы как только она переступила порог никак не хотело отступить. Пытаясь понять причины своего волнения, она оглядывалась по сторонам, но без толку. Все в доме сына выглядело совершенно обычным.

Он часто ей говорил, что она накручивает себя, но она не могла ничего с собой поделаться. Какой бы она была матерью, если бы ей было совершенно наплевать на сына, что вязался в столь сложную и опасную для жизни игру?

— Присаживайся, — пригласительным жестом указала на стоящее в тени портика ложе Скрибония, — Фруктов хочешь?

— Нет, спасибо, — снова улыбнувшись, Атия заняла предложенное место, — Я не

голодна.

На доли секунды над садом повисла неловкая пауза. У них со Скрибонией никогда не было много общих тем для разговора, а сейчас, когда все мысли Атии занимал только и исключительно готовящийся против ее сына заговор — она и вовсе не могла придумать ни одной.

Ее взгляд бездумно скользил по саду, пока она наконец не нашла, за что зацепиться.

— О, ты новые розы купила? — спросила Атия, пытаясь завязать разговор, — Какие красивые!

— А? — невестка дернулась, словно она выдернула ее из мыслей и как-то отстраненно кивнула, — Да, спасибо.

— Тебя что-то беспокоит? — немедленно насторожилась Атия.

— Нет, — отрицательно помотала головой Скрибония и попыталась улыбнуться, — Извини, — она немного помолчала и все-таки решилась, — Да. Да, беспокоит.

Сердце Атии ускорилося.

— Что случилось? — изменившись в лице, спросила она.

— Знаешь, — Скрибония опустила голос настолько сильно, что Атии пришлось придвинуться к ней буквально вплотную, чтобы что-то расслышать, — Август не хочет, чтобы я об этом говорила, но... Похоже, у нас в доме завелся лемур, — выпалила она скороговоркой.

С души упал камень — и Атии дорогого стоило удержаться от неуместной сейчас улыбки.

Всего лишь лемур.

Скрибония, однако, выглядела сильно обеспокоенной, и из вежливости она уточнила:

— Лемур? С чего ты взяла?

Скрибония отвела взгляд и принялась разглядывать свои колени. Атия не стала ее торопить, терпеливо ожидая, пока она соберется с мыслями.

— Все началось с пару месяцев назад, — наконец сказала она, — Сначала это были просто шорохи. Знаешь, как будто кто-то или что-то скребет в стену моей спальни. Первый раз я услышала их вечером и подумала, что у нас завелись мыши. Однако звук не прекращался, а ближе к ночи — к нему добавились невнятные крики. Так, словно кто-то пытался докричаться до меня, привлечь мое внимание.

— А что Гай? — спросила Атия. Скрибония прервалась и недоуменно посмотрела на нее, — Он ничего не слышал?

— Нет, — Скрибония отрицательно помахала головой, — Он как с кампании вернулся, ушел спать в отдельную спальню. Говорил, что стал часто просыпаться и не хочет мне мешать. Я не стала беспокоить его той ночью, и только наутро рассказала ему обо всем. Днем шум затих, но вечером — повторился вновь. Я позвала его, и он, послушав, подтвердил мои опасения насчет лемура. Тогда он пообещал провести обряд изгнания как можно скорее, но ты же знаешь, насколько он занят.

Атия кивнула. Она знала этот обряд, — еще девочкой видела, как дедушка проводит его на их загородной вилле, — и его подготовка действительно занимала кучу времени. Неудивительно, что у сына не удалось столько выкроить.

— Знаешь, дух вроде бы и не сильно шумел, но я несколько дней не могла уснуть, и лежала ночи напролет прислушиваясь к каждому его звуку. Иногда он стучал, иногда скребся, иногда мне даже казалось, что я сейчас пойму, что он хочет мне сказать, но так у

меня ни разу и не вышло. Тогда еще, как назло, на Августа навалилась гора работы, и он очень редко ночевал дома.

Скрибония содрогнулась, побеспокоенная неприятными воспоминаниями, и Атия ободряюще приобняла ее за плечи:

— Ну-ну, тебе совершенно нечего бояться. Ты же знаешь, лемуры могут дотянуться только до тех, кто имеет отношение к их безвременной кончине, не более. Остальных они могут только пугать.

Скрибония несколько раз рвано кивнула, но Атия чувствовала, что она если и верила в это когда-то, то совершенно перестала после случившегося.

— Так... Так продолжалось примерно около недели, а потом... — продолжая свой рассказ, Скрибония запинаясь, словно ей было тяжело вспоминать, — Потом он закричал. Боги, я никогда не слышала, чтобы кто-то так кричал. Так, словно попытки вырваться из лап Аида доставляют ему нестерпимые страдания. Это случилось посреди ночи, я выбежала из спальни, побежала искать Августа, но, к сожалению, он в тот день в очередной раз заработался допоздна и остался ночевать в общественном доме.

Скрибония всхлипнула, и Атия слегка сжала ее плечо, пытаясь помочь ей унять дрожь и собраться с мыслями.

— Он кричал, и кричал, и кричал, пока вдруг не затих. Это было так резко и странно, но я словно почувствовала, что все кончено. Глупая, наивная дура, — она грустно улыбнулась, глядя на Атию заполнившимися слезами глазами, — Я вернулась к себе и попыталась уснуть, но сон все никак не шел, и я вышла в сад, чтобы отвлечься. И там... — голос Скрибонии сошел на нет, и она подняла на Атию расширенные в ужасе глаза.

— Что там было? — спросила Атия, не зная, хочет ли она на самом деле знать ответ.

— Там стоял он, — слегка прикрыв рот ладошкой, почти шепотом выдавила из себя Скрибония.

— Кто “он”? — не поняла Атия.

— Лемур, — еще тише и с еще большим ужасом в голосе, сказала Скрибония, — Он стоял в неосвященной части сада, в окровавленной тоге, и смотрел... Смотрел прямо на меня, — она замолчала, пытаясь совладать с эмоциями, и только потом продолжила, — Я... Я, по правде, не помню, что было дальше. Следующее, что помню — я лежу на ложе в спальне мужа, вокруг суетятся рабы, и сам Август стоит рядом. На нем совсем лица не было, представляешь, насколько я его напугала?

Атия кивнула. Ее сын с детства очень скупно проявлял эмоции, и его редко чем можно было действительно удивить или напугать. Если Скрибонии удалось — она могла только догадываться, насколько пугающей была картина.

— Не знаю, сколько я так пролежала, — продолжала тем временем Скрибония, — Потом мне рассказали, что я своим криком разбудила всех в доме и пол-Паллатина в придачу. Нашли меня рабы здесь, в саду, лежащей у фонтана без чувств. Август очень распереживался и, стоило мне немного прийти в себя — тут же провел обряд изгнания, прямо посреди ночи. Оказывается, у него все было готово, и он планировал его на следующий день.

— И? — переживания невестки накладывались на переживания самой Атии, и сейчас у нее все колотилось внутри.

— Сработало. Больше я того духа не слышала, словно его и не было вовсе, — сказала Скрибония, и Атия шумно выдохнула в облегчении, — Но это еще не все.

— Не все? — удивленно вздернула брови вверх Атия.

— Это было в январе, думаешь с чего бы я решила рассказать тебе об этом сейчас, если бы все тогда и закончилось, — грустно улыбнулась Скрибония, — Дней пять назад я проснулась среди ночи и сразу почувствовала, что что-то не так. словно в моей комнате кроме меня еще кто-то есть. Я сначала не поверила своим ощущениям, но потом снова услышала этот треклятый шорох! Я... Не думаю, что у меня когда-нибудь выйдет забыть его. Этот дух вернулся.

— Ты уверена, что это был он? — нашла уместным спросить Атия, — Обряд изгнания лемунов — очень действенная штука, он не мог не сработать.

Невестка одарила ее взволнованным взглядом:

— Да, да, я абсолютно уверена. Я тут же побежала к Августу, разбудила его, привела к себе. Но когда он вошел, шорохи затихли. Я кое-как уговорила его посидеть со мной немного, но это больше не повторялось. Он сказал, что я, наверное, переволновалась и мне почудилось и ушел назад к себе. По правде, я к тому моменту уже сама себя убедила, что мне просто приснилось невесть что, а я до конца не проснувшись перепутала сон и явь, но... Стоило ему ступить за порог — в стене заскреблось в несколько раз громче. Кажется, я даже пару раз слышала удары, — она всхлипнула и замолчала, переведя взгляд обратно на свои ноги.

Не зная, что еще сделать, Атия ободряюще похлопала ее ладонью по плечу:

— Может быть тогда обряд не сработал, потому что дух сам ушел до того, как мой сын его провел? — ее предположение было диким, лемуры не могли уйти самостоятельно, не завершив своей мести, но Скрибонию нужно было как-то успокоить.

— Может быть. Не знаю. А может быть я просто сошла с ума, — в широко раскрытых глазах Скрибонии стояли слезы, — Понимаешь, я не могла заснуть до утра, дух все продолжал буйствовать, и утром я позвала мужа к себе. Я... Понимаешь, я слышала звуки? Понимаешь? — из прически Скрибонии выскочил локон, а взгляд ее был отчаянным.

— Понимаю, — согласилась Атия, не вполне понимая, куда она клонит.

— Я слышала, а Август нет, — припечатала ее Скрибония, — Он не слышал совсем ничего и, хоть и пытался меня успокоить, счёл, что я обезумела, — я видела это по его глазам. Потом к нему пришел Марк Агриппа, рассказал что-то про кого-то баламутящего ветеранов. Август строжайше запретил мне в ближайшие несколько дней покидать дом без него или хотя бы без свиты гладиаторов, и они ушли. С тех пор он появился дома едва ли два раза, и то только для того, чтобы поспать, а я... Я смалодушничала. Без него мне было до жути страшно заходить в свою комнату, поэтому я заняла одну из гостевых спален, — бушевание духа там тоже слышно, но не настолько сильно, — и выставила у дверей своей нескольких вооруженных рабов. Я дура, да? Как рабы смогут остановить духа? — вымученно улыбнулась она.

— А рабы его слышали? — уточнила Атия как только у нее появилась возможность вставить хоть слово.

— Кого? Духа? — удивленно посмотрела на нее Скрибония. Она кивнула, — Слышали. Они даже не хотели стоять в карауле возле моей комнаты, так он их пугал.

— Если рабы тоже его слышали, ты совершенно точно не обезумела, брось эти глупые мысли, — ободряюще улыбнулась Атия.

— А как же...? — Скрибония удивленно посмотрела на нее.

— Август? — уточнила Атия, — Ну мало ли, может быть действительно не расслышал.

Он когда чем-то сильно занят, становится ужасно невнимательным.

Другого объяснения выборочной глухоте сына она не видела.

С лица Скрибонии словно спала темная вуаль, и она улыбнулась — первый раз за сегодня облегченно, а не наиграно.

— И что было дальше? — легонько подтолкнула ее Атия к продолжению рассказа.

— Пока больше ничего, — отозвалась Скрибония, — Август дома не появлялся, дух продолжает шуметь. Наши рабы-германцы даже принесли пару зайцев в жертву на алтаре своим богам, чтобы он замолчал, но без толку.

Атия теперь с опаской косилась на дверь в ее спальню, но вслух ничего не говорила.

Ей были больше по душе материальные враги — легионеры, наемники, бандиты, без разницы. Она знала, что делать в таких случаях — выставить вокруг дома охрану, вооружить рабов и нанять гладиаторов — и снова можно будет спать спокойно. Неупокоенные духи, которых не берут обряды изгнания, пугали ее куда как больше.

— Еще и из дому выйти не могу, — продолжала жаловаться Скрибония, — Сижу здесь одна, как дикарка. Я понимаю, что Август обо мне беспокоится, но все равно...

Атия горько усмехнулась про себя. “Беспокоится”? Бедная наивная Скрибония. Любви в их браке не было совсем, один только политический расчет — а сын был не из тех людей, которые могут и, что самое главное — хотят обернуть оный расчет в дружбу или любовь.

— Атия, что там происходит? — Скрибония внимательно посмотрела на нее, — Я слышала, как рабы говорили, Антоний высадился в Брундизии и со дня на день приведет войска к Городу.

— Глупости, — рассмеялась Атия, вынырнув из мыслей, — Это они все сами придумали. Нигде Антоний не высаживался, уж поверь мне — будь иначе, я бы уже об этом знала. Но воду в Городе мутит определенно он.

— Да, я знаю. Август мне рассказывал про его провокатора, сорвавшего жертвоприношение в честь Божественного Юлия. Рабы между собой перешептываются, что на самом деле это был вовсе не наемник Антония, а очень даже сам Цезарь, представляешь? Какая глупость! — воскликнула Скрибония.

Похоже, душевное спокойствие полностью к ней вернулось.

— И не говори! — горячо согласилась Атия, — Люди не могут возвращаться из мертвых. Чего эти варвары только не выдумают!

Несмотря на пессимизм Скрибонии, ожидания Атии все-таки оправдались. Спустя несколько часов, когда Солнце уже перешло грань зенита, дверь дома открылась — и из атрия раздался голос сына, спешно раздающего приказы рабам. Стоило Атии показаться из сада, он замер и удивленно посмотрел на нее:

— Мам? Мам, ты что здесь делаешь?

Рядом с ним стоял кучерявый грек-раб, который тоже замер и перевел взгляд на нее. Двое ликторов за его спиной безучастно ждали приказов.

— Я что, не могу захотеть проведать своего сына? — Атия пыталась выглядеть как можно более благопристойно, но ее не хватило надолго и, широко улыбнувшись, она заключила сына в объятия, — Ты так давно ко мне не заходил, я так соскучилась, Гай!

Сын вздрогнул и спешно прошептал:

— Мам, ну мы же уже говорили об этом. Это больше не мое имя. Если не хочешь называть меня Августом, называй хотя бы Цезарем. Чего стоят все указы, если их даже моя собственная мать игнорирует?

Атия слегка отпрянула и, продолжая держать ладони на плечах сына, прошептала:

— Извини, я просто никак не могу привыкнуть, — а затем махнула рукой, приглашая его в триклиний, — Пойдем, пообедаешь с нами со Скрибонией. Ты так исхудал!

Сын всегда отличался худощавым телосложением, и сейчас, после всех переживаний и бесконечных военных походов, казалось, был недалек от того, чтобы стать невидимым на просвет.

— Мам, я занят. Заскочил буквально на две минуты, забрать рабов. Мне надо идти, — попытался увильнуть он, но Атия не собиралась больше поддаваться на уговоры и настойчиво увлекала его за собой, пока он не сдался, — Хорошо. Ладно, мам, будь по-твоему. Леарх, — обернулся он к кучерявому рабу, — Иди отнеси все сам, передай ему, что я потом подтянусь.

Глаза раба расширились в удивлении, но он подчинился. Когда они с сыном скрылись в саду, она услышала, как хлопнула входная дверь.

— Сынок, что у вас здесь происходит? — стоило им остаться с сыном наедине, спросила она полупшепотом.

— А что у нас здесь происходит? — он удивленно на нее посмотрел.

— Скрибония говорит, что у вас завелся лемур.

— Мам, это было в январе, ну ты и вспомнила! — любому другому человеку показалось бы, что лицо сына не выражало совсем ничего, но она явственно видела, что он веселится, — К тому же, я провел обряд изгнания, все уже давно в порядке, не переживай.

— Ты уверен? — переспросила она, — Она говорила, что он недавно вернулся.

— Абсолютно. Скрибония просто слишком сильно испугалась тогда, и теперь каждый шорох принимает за возвращение лемура, — всем своим видом сын выражал непоколебимое спокойствие и уверенность, и у Атии сразу же отлегло от души.

— Рада слышать. Я уж было испугалась, — сын хохотнул в кулак, но она сделала вид, что ничего не заметила, — И еще, до того, как мы войдем, — вместо этого сказала она, — По Городу множатся слухи, что кто-то замыслил тебя убить. Ты ведь в курсе?

Сын кивнул, даже этот вопрос не сумел поколебать его спокойствия:

— Мам, все в порядке. Это Антоний никак не смирится с тем, что я победил его брата и пытается взять реванш таким странным образом. Я скажу — пусть приходит сюда лично и мы сравним свои силы в бою, раз уж ему так хочется.

— Гай, — она приобняла сына, — Просто пообещай мне, что будешь осторожен.

— Обещаю, мам, — отозвался он, и они вошли в триклиний, где их уже ждала Скрибония.

Домой она отправилась уже после того, как солнце скрылось за горизонтом. Гай долго настаивал на том, что ей стоит взять для безопасности с собой его ликторов, но она не видела в этом нужды. Дорога между их домами занимала не больше десяти минут. Он слишком сильно перестраховывался.

Ее собственный дом встретил ее звуками пьянки и кучкой чужих рабов, столпившихся у кухни. Одного этого было достаточно для того, чтобы догадаться, что она увидит в триклинии, но, не удержавшись, она все-таки заглянула вовнутрь. Луций[2], ее муж, в компании своего брата Квинта и сына от первого брака распивал вино и, судя по обстановке, делал это не первый час.

Обычная картина в их доме — она вот уже три года как сопровождала каждое заседание сената. Муж был крайне подавлен происходящим в Городе и обвинял себя в том, что ему не удалось удержать Гая от развязывания очередной междоусобицы — и именно заседания

почему-то всегда провоцировали у него обострение чувства вины, хоть он и не ходил на них вот уже несколько лет как.

Атия аккуратно прикрыла за собой дверь, напоследок услышав пьяное «боги покинули этот город!», сказанное голосом Квинта Марция, затем приказала рабыням сегодня подать ей ужин прямо в спальню и поднялась на второй этаж. Впрочем, расслабиться за чтением поэзии ей сегодня было не суждено — стоило ей развернуть свиток, в комнату постучали. После короткого «войди!» на пороге нарисовался домоправитель и сказал:

— Госпожа Атия, тебе письмо. Пришло сегодня днем.

— От кого? — переспросила она, то и дело переводя взгляд с домоправителя на свиток и обратно.

— От госпожи Кальпурнии.

— Хорошо, положи на стол, я позже прочитаю, — сказала она и, стоило домоправителю ретироваться, вернулась к чтению.

Однако, долгожданный покой продлился недолго. Спустя короткое время снова раздался стук в дверь — и снова это оказался домоправитель.

В этот раз он выглядел взволнованно.

— Ну что там? Не томи! — нетерпеливо сказала Атия. Такой заманчивый, но такой далекий сборник поэзии лежал на столешнице и манил ее к себе, но между ними снова стоял домоправитель.

— Записка, — отозвался он, — От твоей невестки Скрибонии. Только что пришла ее рабыня в сопровождении гладиаторов. Просила, чтобы ты ее безотлагательно прочитала.

Атия кивнула, взяла записку в руки и аккуратно развернула папирус. Там неровным почерком, словно писавший жутко переживал, было написано всего две строки.

«Это началось снова. Пожалуйста, приходи.

Скрибония.»

Бессмертные боги!

[1] Гай Октавий, он же Гай Юлий Цезарь Октавиан, он же Император Цезарь Август. У римлян было принято, что внутри семьи близкие родственники обращаются друг к другу по преномену.

[2] Луций Марций Филипп, консул 56 г. до н. э.

Поселенец (Яна III)

С самого возвращения на корабль Яна не знала, куда себя приткнуть. Свободного времени резко стало до неприличия много, однако занять его ничем не выходило — она не могла сконцентрироваться ни на фильмах, ни на книгах, ни даже на разговорах с Пенни, которые представляли из себя переливание из пустого в порожнее и сводились к тому, что они обе не знали ни что случилось, ни как им быть дальше.

Хотелось куда-то бежать и что-то делать, но все, что она могла — это раз за разом пытаться прорваться в медотсек к Джузеппе, мимо Цербера, который по какому-то недоразумению принял облик немолодой француженки Фло, что мнила себя корабельным медиком. С чем было связано столь ярое нежелание пускать ее к нему, Яна не понимала, но догадок предпочитала не строить.

Ставшие бесконечно длинными дни походили один на другой под копирку.

Она бездумно шаталась по палубам корабля, пытаясь хоть куда-то сбросить не находившую выхода энергию, когда, вылетев из-за поворота, в нее кто-то врезался. От неожиданности она потеряла равновесие и удержалась на ногах только потому, что ухитрилась схватиться за угрожающе скрипнувшую стенную панель.

— Яна?! — возбужденно спросил кто-то и, подняв глаза от переставшего шататься пола, она увидела Джузеппе, — А я как раз тебя ищу!

Еще более растрепанный и возбужденный чем обычно, он улыбался, проверяя свои очки на предмет повреждений, и выглядел вполне здоровым.

— Джузеппе?! — не удержалась от восторженного возгласа Яна. Губы ее непроизвольно расплзлись в улыбке, — Тебя уже выпустили?!

— Можно и так сказать, — Джузеппе хмыкнул и водрузил очки на переносицу, — Правда Фло не в курсе.

— В смысле? — Яна недоуменно вздернула бровь.

— Мик заговорил ей зубы, чтобы я смог ускользнуть. Только тш-ш-ш, — он поднес указательный палец к губам, — Это секрет.

Яна не удержалась и хохотнула:

— Хорошо-хорошо. Ты как сам-то?

— Да все уже давно в порядке. На мне вообще всегда все как на собаке, — он похлопал себя по левому боку, где должна была быть рана от меча, и даже не скривился, — Слушай, Мик долго Фло сдержать не сможет, у нас очень мало времени, — неожиданно возбужденно сказал он.

— Мало времени? На что?

— Пойдем, пойдем, по дороге расскажу, — он ухватил ее за руку и увлек за собой.

Яна и сама была не против пойти посмотреть, что у него на уме, но не спешила выдергивать свою руку из его.

Джузеппе шел к лифту, и она шла рядом, едва поспевая за его размашистыми шагами. Остальные пассажиры заинтересованно на них поглядывали, — за последние несколько дней они успели стать местными знаменитостями, — но ничего не говорили.

Когда они оказались в лифте и Джузеппе нажал на кнопку первой палубы, она не выдержала и все-таки спросила:

— Так что ты задумал?

Джузеппе перевел на нее рассеянный взгляд:

— А? — переспросил он, а затем помотал головой. Взгляд его сразу стал куда более сфокусированным, — А сама-то как думаешь?

Яна недоуменно оглянулась и пожалала плечами.

— Нам надо вытаскивать Цезаря, вот что, — выпалил Джузеппе с таким выражением лица, словно это было самоочевидным, — И тут дело не только в том, что я его знаю кучу лет, а последний год — еще и лично...

— Слушай, а как так вообще получилось? — неожиданно даже для самой себя, выпалила Яна. Джузеппе осекся и вопросительно посмотрел на нее, — Ну в смысле... Откуда ты его знаешь? Ты не рассказывал.

— А, — воскликнул Джузеппе, — Помнишь, я говорил про сестру, которая работает в институте Макса Планка, который разработал прототип машины времени?

— Помню, — кивнула Яна.

— Так вот, где-то год назад они должны были проводить предпусковые тесты на людях. Ну то есть, у них там была длинная тестовая программа, сначала предметы, потом органика, потом животные и так далее, — и заканчивалась она тестом, где ее коллегу должны были отправить на 10 минут в прошлое. Подробностей не знаю, Виттория их рассказывала, но я ничего не понял, — усмехнулся Джузеппе, — И вот когда они начали этот тест, произошло что-то странное. Ее коллега исчез, как и должно было произойти, но вместо него появился...

— Цезарь? — вздернула бровь Яна. Джузеппе кивнул, — Но как? Я не понимаю. Если ты говоришь, что ее коллегу должны были забросить назад на 10 минут, при чем тут вообще он?

— Понятия не имею, — развел руками Джузеппе, — Они и сами не поняли. Он истекал кровью, они запаниковали, кое-как вызвали скорую, в общем здесь все закончилось благополучно, только коллегу Виттории не нашли. А через пару недель началась какая-то чушь. На их институт устроили рейд какие-то чуваки в тактической форме с незнакомыми эмблемами, после чего все коллеги Виттории и Карстена словно потеряли память.

— Карстен? — прищурившись, переспросила Яна, — Это еще кто такой?

— Жених моей сестры. У них должна была быть свадьба через несколько месяцев, у меня до сих пор где-то приглашение валяется, — грустно усмехнулся Джузеппе, — Его убили люди Фонда. И Витторию бы убили, если бы Цезарь вовремя не сориентировался в ситуации и не увез ее ко мне.

Яна смотрела на него и удивленно хлопала глазами:

— Но как?

— Не знаю, — Джузеппе усмехнулся, — Я тебе больше скажу, он нам и поддельные документы достал. Нашел в даркнете каких-то чуваков, взял кредит, отмыл бабло, заплатил им криптовалютой. Мы с Витторией сидели как беспомощные дураки и не могли придумать, как отвязаться от этого Фонда, а он смог, хотя ему еще пару месяцев назад планшет был в новинку, прикинь.

Шокированная, Яна открыла было рот, чтобы задать еще один вопрос, но дверь лифта открылась, перебивая ее.

Джузеппе приложил палец к губам, осмотрелся и махнул рукой, мол “потом”.

Теперь они оказались на командной палубе, и их появления тут явно никто не ожидал.

— Куда мы? — шепотом спросила Яна, недоуменно оглядываясь.

Техники оборачивались им вслед, а один охранник, вяло подпиравший стену у лифта,

даже попытался было дернуться в их сторону, но глянув на уверенную походку Джузеппе, передумал и остался на месте.

— В кабину, куда же еще? — ответил Джузеппе.

Раздвижная дверь в кабину пилотов была наполовину открыта — и только это спасло их от того, чтобы, после такого триумфального прохода, поцеловать толщу металла и уйти назад ни с чем.

Внутри сидели двое — капитан, легко запомнившийся ей своими усами, и мужчина испанской наружности, которого она не знала. Они о чем-то негромко переговаривались, но тут же замолчали, стоило им услышать шаги.

— Синьор Кароцца? Мисс Шимкова? Чем обязаны? — недоуменно спросил капитан. В руках его мелькнул огонек сигареты, и Джузеппе, словно в немом кино, одним взглядом, попросил у него одну. Капитан понял его без слов.

— Спасибо, — Джузеппе прикурил и отдал зажигалку назад, — Ваша Фло — какой-то зверь. Она меня даже в курилку не отпускала. Думал, уши скоро свернутся.

Капитан усмехнулся:

— Да, есть такое дело. Так чем обязаны?

— Альберт, послушайте, мы должны вернуться назад на поверхность, — живо начал Джузеппе, — Нам просто необходимо вытащить Цезаря. Мы не сможем сидеть на этом корабле вечно, нам придется высаживаться рано или поздно, а без него нам там просто кранты. Нам надо срочно собрать еще одну группу высадки, Октавиан не будет с ним церемониться, это не тот человек.

Пока Джузеппе говорил, капитан выглядел так, словно ему не терпится вставить свои пять центов, но когда Джузеппе закончил, он задал только один короткий вопрос:

— Октавиан? — и вздернул вверх одну бровь.

— Ну да, — закивал Джузеппе, — Вы его скорее знаете под именем Август. Там очень запутанная история, но вкратце — он несколько раз менял свое имя. Первый раз — по традиции, при усыновлении, второй — по своей собственной инициативе, потом — по инициативе Сената ему присвоили титул Август.

На лице капитана читалась растерянность. Словно Джузеппе настолько перегрузил его информацией, что он теперь не мог откопаться из-под этой кучи.

— Но это не важно, — продолжал Джузеппе, — Что важно, так это то, что, если мы не пошевелимся, он просто убьет Цезаря, а нам без него внизу быстро придет конец.

Яна смотрела на Джузеппе и никак не могла понять, действительно ли он так думал, или же пытался придумать любые поводы для того, чтобы вытащить друга.

— Синьор Кароцца, это все, конечно замечательно, но у нас нет возможности отправить вниз еще одну группу высадки.

Глаза Джузеппе расшились в удивлении, и теперь он просто молча таращился на капитана, словно не в состоянии поверить в его слова.

— То есть как это “нет”? — возмутилась вместо него Яна, — Нас тут две сотни человек!

— Ну что же вы не продолжаете дальше, мисс Шимкова?! — быстро переключился на нее капитан, — Две сотни человек, из которых семьдесят — школьная экскурсия с учителями, пятьдесят семь стариков и детей и двадцать членов экипажа, из которых покинуть свои посты не может никто. Кого вы предлагаете мне добровольно-принудительно назначить спасателями?

— Меня. Джузеппе. Еще пару-тройку человек. Мы справимся, — без раздумий и доли

сомнений выпалила Яна.

Капитан тяжело вздохнул:

— Насколько я понимаю, там, внизу, вы наткнулись на армию, — Джузеппе поник и несколько раз кивнул головой, — И вы хотите вчетвером пойти войной на нее? Мисс Шимкова, это же глупость, вас просто убьют.

— Но...

— Из оружия у нас на борту только два травматических пистолета и ножи из буфета, — капитан сложил руки на груди, — Сомневаюсь, что они дадут вам хоть какое-то преимущество.

— Но... Может быть, это была не армия? — неуверенно сказала Яна, цепляясь за последнюю соломинку. Она и сама себе не верила — пусть познания в римской истории у нее были весьма посредственными, но уж настолько тупой, чтобы не узнать броню легионеров она не была.

— Была, Ян, была, — ожил понурый Джузеппе, — Пара регулярных когорт, ликторы, гладиаторы или наемники какие-то, я точно не понял.

Капитан кивнул и припечатал:

— Кроме того, нет ни малейшей гарантии, что Цезарь и Мария до сих пор живы вообще. Прошло три дня, там уже могло случиться все, что угодно.

Яна потупила глаза от внезапно накатившей волны стыда. Про Марию они вместе с Джузеппе совершенно забыли. Она беспомощно глянула на него, но он только отчаянно посмотрел на нее в ответ. Капитан не выглядел как человек, которого удастся переубедить.

Однако...

Черт с ним с капитаном. Даже если он был прав на все сто, она отказывалась в это верить. Они должны были хотя бы попытаться — хотя бы для того, чтобы у всех на этом борту появился хоть какой-то шанс, если уж совсем отбросить все моральные рассуждения.

Она с вызовом смотрела на капитана, чувствуя на себе растерянный взгляд Джузеппе.

Если у них ничего не выйдет, они хотя бы с чистой совестью смогут сказать, что сделали все возможное вместо того, чтобы остаток жизни грызть себя за малодушие.

— Хорошо, — с каменным лицом сказала Яна капитану. Его лицо вытянулось в удивлении, — Я вас услышала.

После чего она тут же развернулась и направилась к выходу из кабины пилотов. За спиной, с небольшой задержкой, раздались быстрые шаги Джузеппе.

— Мисс Шимкова, не делайте глупостей! — крикнул капитан ей в спину, — После инцидента с Густавссоном в эвакоотсеке постоянно дежурит отряд безопасников! И, кроме того, вам *никак* не удастся открыть шлюз.

Гады предусмотрительные!

Сбитая с толку тирадой капитана, она чуть было не зацепилась за порожек, но быстро спохватилась и, размашистым шагом, вышла из кабины, только мимолетно пожалев о том, что хлопнуть хорошенько напоследок раздвижной дверью было невозможно.

— Эй, смотри, куда прешь! — рывкнула она на какого-то парнишку в форме связистов, от которого жутко разило перегаром.

На самом деле, это она сама чуть не сбила его с ног, но сейчас ей было необходимо сорвать на ком-то злость, а он очень удачно подвернулся.

— Ян, ты чего? — спросил едва поспевающий за ней Джузеппе, когда парнишка-связист скрылся из виду сзади.

Она остановилась и с вызовом уставилась на него. Хотя он и не был ни в чем виноват, сейчас она была именно в том состоянии сознания, в котором от нее разумнее всего было бы держаться подальше.

— Джузеппе, ты дурак? — раздраженно отозвалась она, — Ты же сам говорил, что, если мы его не вытащим, нам всем кранты.

— Говорил, — легко согласился Джузеппе, — И продолжаю так считать. Но ты как-то слишком бурно...

Она перебила его на полуслове:

— Тебе легко говорить, ты мужчина. А теперь представь себе, что будет со мной, если я загремлю в рабство. М? М?

Мрачные перспективы отчетливо вырисовывались в воображении, и от одного их образа у нее по спине начинали бегать холодные мурашки.

Джузеппе осекся и побледнел.

— Мы должны найти возможность спереть этот шаттл, даже если это станет последним, что мы сделаем в жизни, Джузеппе.

— Но как мы потом...

— Ты знаешь язык.

— Ага, — кивнул Джузеппе, на его лице проступил глубочайший скепсис, — Но это все, Ян. Я, может быть, могу придумать, к кому обратиться, но я не знаю ни где эти люди живут, ни как они выглядят. Меня никто не знает, у меня нет патрона, нет никаких социальных связей. В самом лучшем случае, если я начну приставать к людям со своими идеями, меня просто посчитают дурачком и проигнорируют. В худшем — я буду болтаться на кресте где-то возле Аппиевой дороги, не успеешь и глазом моргнуть.

Яна осеклась на долю секунды, но быстро нашлась:

— Но у тебя же был какой-то план! Ты же не просто так пошел к капитану!

— Если бы он согласился на полноценную высадку и, если бы на борту было хоть какое-то оружие — это был бы совсем другой разговор, — отрезал Джузеппе, — Вдвоем нам там не светит совсем ничего.

— Но...

— Если мы сопрем шаттл и полетим туда одни, твои страхи станут куда более реальными, — припечатал Джузеппе, и куда более спокойно добавил, — Ладно, я пойду обратно в медотсек. Что-то мне не очень хочется злить Фло.

Быстрее, чем она успела придумать хоть какие-то контраргументы, он скрылся за поворотом, оставляя ее в полной растерянности. Она чувствовала огромную дыру в его логике, но никак не могла уцепиться за эту мысль, развернуть ее и толком сформулировать.

Неожиданное озарение посетило ее только следующим утром и она, мгновенно оторвавшись от едва начатого завтрака, подорвалась и убежала, оставляя ошарашенную Пенни в одиночестве. Идея яркой лампочкой сияла в голове.

В медотсек она ворвалась, подобно злющему маленькому урагану, однако Фло не оценила ее драматического появления и быстро осадила ее:

— А ну стоять! — рявкнула она так, что Яна чуть не села прямо на бегу, — Прием посетителей с пяти до семи вечера. У нас тут режим, если Вы забыли.

— Мне срочно нужно к Джузеппе! — пискнула Яна, прижатая к полу ее тяжелым взглядом. Весь воинственный настрой куда-то разом испарился.

— Девушка, прием посетителей строго с пяти до семи. Что Вам не понятно? — с

нотками стали в голосе отозвалась Фло, раздражая Яну еще сильнее.

После того, как у них на борту произошло такое серьезное ЧП, все эти чертовы инструкции давно пора было отправить на помойку, но она вцепилась в них, как дура.

— Кроме того, Вашего Джузеппе я еще с утра выписала, — продолжила Фло, не прекращая сверлить Яну взглядом, — Так что, он где угодно, но только не здесь! — припечатала она и отвернулась к монитору компьютера, всем своим видом символизируя, что аудиенция окончена.

Дверь медотсека захлопнулась у Яны за спиной. Начать поиски Джузеппе было бы логично с их каюты, но до нее она так и не добралась. Все встреченные ею по дороге люди, возбужденные и переговаривающиеся между собой, двигались в противоположном направлении — и, одернув одну незнакомую девушку, она быстро выяснила почему:

— Там, похоже, переворот. Пилоты что-то не поделили, — сказала та, перед тем, как быстро скрыться из виду.

Повинуясь стадному инстинкту, — и любопытству, — Яна, позабыв обо всем, поспешно последовала за ней. Бунт на корабле в безвоздушном пространстве даже звучал как что-то ужасно дерьмовое, а уж как выглядел бы — она боялась и представить.

Она вернулась оттуда, откуда все и началось. В зал управления, с которого открывался прекрасный вид на кабину пилотов.

Точнее — на толпу, собравшуюся у кабины пилотов. Яна пристроилась в конец оной и встала на цыпочки, пытаясь рассмотреть, что происходит впереди, однако успеха ее тактика не возымела.

— Открывайте дверь, это уже не смешно! — прокатился над толпой зычный голос Киркегора.

Какой-то мужской голос, приглушенный толщей металла, что-то ему ответил, но с такого расстояния у нее не было шанса разобрать, что.

Голос замолк, Киркегор грязно выругался и спросил:

— Вы совсем идиоты, или как? Вы серьезно собираетесь выполнять инструкции из ужастика столетней давности?! Стив, я думал, ты пошутил.

Яна продолжала шажок за шажком, мягко, но настойчиво, пробивать себе путь в первые ряды толпы. Люди вокруг колебались. То тут, то там раздавались возмущенные возгласы, но у нее никак не выходило собрать из них полную картину происходящего.

Стоило ей продвинуться еще немного и оказаться за спиной невысокой женщины, над ее ухом раздалось:

— О, привет, — и она, вздрогнув, перевела взгляд на источник звука. Джузеппе? И его сюда затащило, как в воронку? — Занимательно, правда? Они так уже час срутся.

— А что тут, собственно, происходит? — опустил голос, спросила она.

— О-о-о, — многозначительно протянул Джузеппе, — Тут происходит рейдерский захват отдельно взятого космического судна. Проще говоря, в кабине закрылись безопасники, два пилота и несколько стюардесс и чем они там занимаются — никому не известно. Ну точнее, некий Стив утверждает, что они требуют миллион долларов и лететь назад на Аркадию, но мне кажется, это все потому, что все там по парам разбились, а ему никого не досталось, вот он и обиделся. А капитан считает, что они идиоты и нам надо высаживаться, но его никто не пропускает вовнутрь. Вот так и живем.

— Бред какой-то, — помотала головой Яна.

— За что купил, — отозвался Джузеппе и поднял голову, пытаясь рассмотреть

происходящее.

Этот цирк без коней Яне наскучил довольно-таки быстро — аргументы «за» свой план и «против» плана оппонента у спорщиков скоро подошли к концу, и они самозабвенно пошли на второй круг. Мнение толпы колебалось — она явственно слышала, как одни и те же люди сначала кричали «мы не рабы!» и «летим назад!», а спустя несколько минут и пару аргументов Киркегора — «лучше рабство, чем смерть!» и «внизу у нас есть хоть какой-то шанс!». И так по кругу.

— Тебе еще не надоело? — спросила она у Джузеппе после того, как Киркегор в третий раз спросил закрывшихся в кабине, готовы ли они взять на себя ответственность за смерть двух сотен человек, если что-то пойдет не так.

— Надоело, — легко согласился Джузеппе, — Но, знаешь, мне как-то не хочется внезапно и без предупреждения обнаружить себя летящим назад.

Яна только молча кивнула в ответ и снова принялась напряженно вслушиваться. Лететь назад в надежде на то, что они снова пройдут через «портал», через который провалились в прошлое — звучало как самый бредовый план, который только мог существовать. Портал мог уже закрыться, портала могло вовсе не быть, им могло не хватить ни топлива, ни воздуха, чтобы добраться до Аркадии. И так далее, и так далее. Набрасывать этот список она могла до бесконечности, но одно она знала точно.

Она еще слишком хотела жить для того, чтобы подписываться на такие путешествия в один конец.

Неожиданно, корабль качнулся и раздалось мерное гудение включившихся двигателей. По спине пробежал холодок.

Неужели...

— Ладно! — во всю мощь легких рявкнул Киркегор, — Ладно! Я понял. Голос разума вы слышать отказываетесь. Хорошо. Пусть будет так. Но мы можем попробовать прийти к компромиссу.

Двигатели продолжали гудеть.

Из-за двери раздался возмущенный бубнеж и Киркегор перешел на повышенные тона:

— Пока я капитан этого корабля и решать буду я! — звучал он так, словно, если бы дверь была открыта, он бы убил всех этих недоделанных бунтовщиков голыми руками, — Мое предложение, первое и последнее — я даю вам, идиоты, полный карт-бланш. Летите куда хотите и делайте что хотите. Я даже напишу на твое, Стив, имя бумагу, что «в связи с чрезвычайными обстоятельствами» полномочия капитана переходят к тебе.

Толпа дружно охнула, но Киркегор поднял руку и продолжил:

— Но. Но только при двух условиях. Первое — вы глушите двигатели, открываете дверь и покидаете кабину. Второе — мы собираем всех пассажиров, да, всех без исключения пассажиров, и проводим голосование. Кто за возвращение на Аркадию, а кто за то, чтобы остаться здесь. После этого я, с теми, кто решил остаться, провожу высадку вниз. Дальше, как я уже говорил — летите куда хотите и делайте там что хотите. Что скажете?

Над мостиком на какое-то время повисла тишина. Даже разговоры в толпе затихли — пропустить тот момент, когда решалась их судьба, не хотелось никому.

А затем двигатели отключились.

Яна облегченно выдохнула.

Выслушав приглушенный голос из-за двери, Киркегор ответил:

— Отлично, — а затем повернулся к ним и громко сказал, — Все отойдите на пять

шагов назад!

Стоявшие спереди начали на нее давить, повинувшись приказу и она тоже отступила на пару шагов назад. Потом еще на пару. Потом еще. Когда толпа остановилась, она снова встала на цыпочки, пытаясь увидеть, что же там происходит, но на этот раз ее попытка не увенчалась успехом — двухметровый парень, стоявший спереди, не оставлял ей ни малейшего шанса.

— Готово, открывай, — услышала Яна голос Киркегора, за которым, спустя пару мгновений, последовал механический звук открытия двери и шаги.

— Ну что, расходимся? — сказал стоявший рядом Джузеппе и в ответ на ее изумленный взгляд пояснил, — Представление окончено, следующее представление капитан объявит отдельно.

— В смысле? — не поняла Яна.

— Пошли вещи собирать, или ты хочешь лететь в этой консервной банке обратно туда — не знаю куда?

Яна быстро помотала головой, и они с Джузеппе вернулись в каюту в последний, как ей казалось, раз.

Втроем с присоединившейся к ним Пенни, они не успели даже собрать все свои вещи до того, как под потолком ожил динамик и голосом Киркегора объявил всеобщий сбор в эвакоотсеке.

На удивление, голосование прошло спокойно. Киркегор и альтернативно мыслящая группа обозначили свои позиции более обстоятельно и без ругани, пассажиры так же мирно разделились на две группы. Конечно совсем без столкновений не обошлось — одна из сопровождающих школьной экскурсии решила, что решать за всех школьников должна она одна, с чем не согласилась группа старшекласников. Но дальше словесной перепалки дело не дошло — вмешался Киркегор и было решено, что за несовершеннолетних решают ответственные, а совершеннолетние вольны решать и за себя, и за младших братьев и сестер.

— Итого семьдесят человек за высадку и сто тридцать шесть за возвращение, — пересчитав собравшихся, заключил Киркегор. Такое разделение его явно не удовлетворило, но он ничего не мог с этим поделать, — Хорошо. Времени у нас впритык, поэтому. Все, кто со мной, собирайте вещи, встречаемся здесь через четыре часа, вылетаем в 20.00 по корабельному времени. Меня все слышали?

Нестройный хор голосов, в числе которых были и Яна с Джузеппе, ответил утвердительно.

Она повернулась к Джузеппе и неуверенно спросила:

— Ну что, назад дороги нет?

Возмутитель спокойствия (Квинт Калавий III)

Кабак возле Марсова поля, как и подобает в этот час, был забит людьми под завязку. Толпа галдела на сотню разных голосов, разносчики сбивались с ног, пытаясь успеть обслужить всех желающих выпить, а владелец, — Квинт готов был поспорить на что угодно, — воодушевленно подсчитывал прибыль. Заведение располагалось недалеко от того места, где были расквартированы ожидающие распределения земель без-пяти-минут-отставные легионеры, — и чего-чего, а денег у них водилось в достатке. Для Квинта же оно представляло идеальное место для того, чтобы обсудить некоторые вопросы с бывшими сослуживцами.

Стоило ему войти в душное заполненное запахами помещение, на него накатила острый приступ ностальгии — и с прощанием времени, измеряемого уже в количестве выпитого вина, он все равно никак не хотел отступать. Сколько раз он так же кутил, разбрасываясь свежеполученными деньгами, в ожидании очередного триумфа...

Харон, прошло всего-то каких-то пять лет с тех пор, как он был на месте этих парней в последний раз, а казалось, что минула целая вечность.

Сейчас, однако, у него была совершенно другая задача, и приходилось себя контролировать, чтобы волна ностальгии не унесла его в увлекательное путешествие по морю вина, которое обычно заканчивалось в лупанарии.

Струдившиеся вокруг него бывшие сослуживцы выглядели не особо воодушевленно. Он ожидал иной реакции на свои слова, однако судьба в этот раз не была к нему благосклонна.

— Нет, на мою поддержку и моих ребят можешь не рассчитывать, — вынес, после продолжительной паузы, свой вердикт его предложению Марк Авит, который заделался центурионом тринадцатого за те три года, что они не виделись.

Добив последнюю амфору вина, он встал из-за стола и, тяжело вздохнув, добавил:

— Мы устали, Квинт. Мы жутко устали от всей этой бесконечной войны. Единственное, чего мы хотим — получить уже нашу землю и осесть. Ты же предлагаешь нам предать человека, который нам эту землю обещал, и ввязаться в какую-то авантюру с непонятными шансами на успех, на основании каких-то там слухов, что ходят по Городу.

— Я сам, собственными глазами его видел, Марк! — взвился задетый за живое Квинт, — Точно так же, как вижу сейчас тебя!

— Люди не возвращаются из мертвых. Ты наверняка просто обознался, — Авит похлопал его по плечу, — Впрочем, могу пообещать, что мы с парнями останемся в стороне от всего этого дела и не будем тебе мешать. По старой дружбе.

Это не было вопросом доверия или недоверия словам Квинта, просто Авит всегда любил стоять в сторонке, выжидая, чья возьмет, для того чтобы в конце присоединиться к побеждающим.

Ничуть не изменился, засранец.

Спина Авита только успела раствориться в пьяной галдящей толпе, как на его место уже упал Луций Ворен. Старый боевой товарищ, успевший дослужиться до примпила тринадцатого — он был одним из тех, кто первым безоговорочно поверил Квинту.

Налив себе вина, Ворен залпом осушил стакан и жизнерадостно заявил:

— А я тебе говорил. Авит как был осторожной ленивой скотиной, так и остался. Он без прямого приказа сейчас даже задницу не почешет.

— Ладно, ладно, твоя взяла, Луций, — развел руками Квинт, подливая себе еще.

Ворен усмехнулся.

— Это была плохая новость. А теперь хорошая. Я все-таки нашел Тита. Где бы ты мог подумать? — не дав Квинту вставить и слова, он сам ответил на свой вопрос, — В лупанарии! — чтобы удержать рвущийся наружу смешок, Квинт приложился к стакану. Действительно, это же так не похоже на Пулло! — Короче, он и его парни с нами. Как было легко взять «на слабо», так и осталось[1], - хохотнул Ворен.

— Итого нас без малого триста человек, — после непродолжительных подсчетов заключил Квинт, — С этим уже можно работать.

Ворен задумчиво посмотрел на него и добавил:

— Только сначала надо убедиться в нейтралитете большей части оставшихся. За наши третью и пятую когорты я могу ручаться, но остальные... Особенно шестой, целиком, второй и третий. Сам понимаешь, если они выступят за Августа, у нас нет ни малейших шансов.

— Насколько мне известно... — Квинт отхлебнул вина, маскируя неудачную паузу, — Впрочем, нет. Не здесь. Слишком много лишних ушей, — он многозначительно оглянулся, — Вот что я тебе скажу — это не настолько большая проблема, как ты думаешь. Давай так. Бери сегодня вечером Пулло и подтягивайтесь к моему патрону. Ну, помнишь, я тебе про него рассказывал? — Ворен нахмурился, явно пытаясь понять, кого имеет в виду Квинт. Через несколько мгновений его лицо просветлело, и он кивнул, — Отлично. Подробности нашего плана я тебе там расскажу.

— Но нам запрещено пересекать померий[2], - начал было Ворен, но Квинт прервал его коротким смешком.

— Ты кому это рассказываешь? Скажи еще, что никогда, вот совсем ни разу этого раньше не делал!

— Не делал! — возмутился Ворен.

— Да ладно! — с притворным удивлением воскликнул Квинт, — А чью тогда, если не твою, тощую задницу мы восемь лет назад, за сутки до триумфа, отбивали у гладиаторов Галлы? Припоминаю я что-то про жадных нищелюбов, которые как услугами воспользоваться, так да, а как платить за это — так нет...

— Ничего не помню, — насупился Ворен.

— Ну конечно не помнишь! Ты же совсем в дрова был тогда, — Квинт откровенно веселился.

Крыть такой железный аргумент Ворену было нечем, поэтому ему не оставалось ничего, кроме как прикинуться, что он ничего не слышал.

— Ну что, еще по одной? — спросил он, переводя тему.

Квинт отрицательно покачал головой.

— Да ладно, до вечера еще полно времени! — Ворен ткнул пальцем в песочные часы на стойке, равнодушно сообщавшие любому желающему, что скоро полдень.

— Мы на одной не остановимся, Луций, я нас знаю. А вечером нам позарез нужно быть трезвыми. Так что нет, и даже не уговаривай. Кроме того, мне еще с парой человек нужно успеть встретиться до вечера. Кстати, может хоть ты знаешь, где Целий? — спросил Квинт, поднимаясь из-за стола.

— Утром в лагере его видел, сейчас — понятия не имею, — Ворен развел руками.

— Ладно, начну с лагеря. Спасибо. И не забудь — вечером у моего патрона, — Квинт дождался ответного короткого кивка и только после этого принялся пробивать себе дорогу

на выход сквозь пьяную толпу бывших сослуживцев.

Очередной круг переговоров, на удивление, вышел куда более продуктивным, чем все предыдущие три дня вместе взятые. Надо было отдать должное Оппию — свое дело он знал прекрасно, и наслушавшиеся его речей рядовые легионеры, до кучи получившие им подтверждение в виде слов Квинта, выражали поддержку их делу буквально толпами. Командиры их, впрочем, были настроены куда менее решительно, однако уговорить шестой и еще не присоединившиеся к ним части тринадцатого сохранять нейтралитет ему удалось без особого труда.

Однако, это была всего лишь капля в море.

Ворену легко было рассуждать, но соваться ко второму и третьему легионам стало бы самоубийством — или даже хуже. Обязанные всем Августу молодые салаги — и их командиры, лица которых Квинт привык видеть с другой стороны баррикад, — быстрее сдали бы их с потрохами, чем стали бы его слушать.

Соваться ко второму и третьему легионам стало бы самоубийством — и он быстро получил подтверждение этому, о котором никого и никогда не просил.

Подтверждение выглядело как десяток молодчиков форменных туниках. Они появились у него на пути внезапно и, сперва не сообразив, он попытался обойти их и уйти на широкую, забитую людьми улицу, что вела к воротам, но они пресекли все его попытки и взяли его в кольцо.

— Чего вам надо? — прищурившись, спросил Квинт, тихо жалея о том, что меч его остался за много сотен миль, в сонной и спокойной колонии.

— Да так... Слышали тут кое-что... — лидер молодчиков быстро обнаружил себя. Парень, рыжина волос которого выдавала среди его предков галлов, выступил вперед и смерил Квинта нахальным взглядом.

— Что, например? Давай быстрее, у меня мало времени, — Квинт нахмурился.

— Разговоры всякие. Ты на что наших мужиков подбиваешь, ты, крыса гражданская? — с терпением у рыжего было не очень хорошо, и он сорвался на крик за несколько мгновений.

— Ты что, щенок, совсем берега попутал? — контрастируя с ним, Квинт говорил угрожающим шепотом, — Я примпил десятого.

— А, этих предателей и дезертиров? Тогда все понятно, — ехидство сочилось с каждого слова рыжего, — Думаешь что, все все забыли? Не-е-ет.

Это уже был удар ниже пояса. Глаза Квинта быстро наливались кровью, слепая ярость поднималась откуда-то снизу, подступая к горлу и требуя выхода — и он мог выбрать только одно — будет ли этот выход словесным или физическим.

Он выбрал первое.

Из длинной и нецензурной тирады салаги узнавали такие подробности о себе и о своих родственниках до десятого колена, о каких никогда не могли подумать. С каждым словом Квинта они все больше изменялись в лице — и скоро он понял, что сейчас его будут бить.

Однако, задетый за живое, никак не мог остановиться.

— Ах ты... — рыжий, казалось, был готов взорваться. Его сослуживцы в упор смотрели на Квинта, разминая кулаки.

У него оставалось не больше нескольких мгновений в запасе — и если он хотел, чтобы у него появился хоть один шанс, он должен был бить первым.

— Вы дебилы, — усмехнувшись, с угрозой сказал Квинт, — Вы еще не вышли в отставку. Знаете, что вам светит за нападение на безоружного гражданского?

Одной фразы оказалось достаточно для того, чтобы на лицах некоторых из салаг появилась растерянность — а большего ему было и не нужно. Одним молниеносным движением, он сорвал с себя тогу и швырнул ее прямо в них, а затем так же быстро и неожиданно атаковал.

К сожалению, этого оказалось недостаточно. Салагам не понадобилось много времени, чтобы оправиться от первого удара и, перехватив инициативу, повалить его лицом на брусчатку.

— Еще раз я про тебя услышу, пеняй на себя, старый пердун, — рыжий с отвращением плюнул в его сторону.

Собрав в кулак последние оставшиеся силы, Квинт поднялся с земли, мрачно сплюнул кровь на землю, и протяжно выругался. Что-что, а оставлять последнее слово за этими щенками он был не намерен.

— Вали отсюда, дедуля, а то мы ведь можем и не сдержаться, — мрачно заявил рыжий в ответ на его тираду.

Ярость снова поднимала голову, и Квинту понадобилось недюжинное волевое усилие для того, чтобы остановить этот слепой порыв. Нельзя. Не сейчас. Если его забьют насмерть, он провалит весь план — и, вполне вероятно, собственноручно загонит Цезаря в могилу, на этот раз по-настоящему.

Довольные засранцы скрылись за поворотом, пропадая из поля зрения, и неумное желание заехать по этой наглой рыжей морде медленно отошло на второй план.

Солнце клонилось к закату. Мрачный Квинт, припадая на правую ногу, брел по мощеным, необычайно пустынным улицам. Мимо вывалившихся за стены Города инсул, временных лагерей на Марсовом и театра Помпея, сквозь ворота, за стены. Мимо Капитолия и казначейства, в сторону Субурры.

Ему слишком ясно дали понять, что к набранным мальчишкой из новобранцев и старых помпеянцев легионам лучше было не соваться — и теперь его мысли были далеки от радужных. Салаги составляли половину из собравшихся под Городом сил, и теперь, когда даже о нейтралитете с их стороны речи быть не могло, им с товарищами нужно было действовать поистине молниеносно, иначе их ждало только одно — Туллианум и петля.

Со стороны форума доносился такой привычный, родной и давно позабытый гул толпы, провоцируя очередную порцию ностальгических воспоминаний, и полностью отодвигая на второй план все подозрения. Людское море шумело точно так же, когда он, еще безбородым мальчишкой, заслушивался речами Квинта Гортензия. Точно так же возмущенно галдело, когда Цицерон сулил Городу чудовищные несчастья, если только консулом будет выбран Луций Катилина. Точно так же радостно встречало триумфальную процессию, в которой шел сам Квинт, целых три раза.

Точно так же...

Квинт потряс головой, отгоняя захватившее его наваждение. Времена изменились — и сейчас такой шум вряд ли мог значить хоть что-то хорошее.

Прибавив скорости, он быстро оказался на форуме, на северной окраине которого какой-то молодой начинающий оратор надрывался, выступая перед неожиданно большой толпой. Пробиваясь сквозь неожиданно плотное скопление людей, Квинт сперва не мог понять, о чем идет речь, но, когда паренек произнес имя Оппия, он остановился и наострил уши.

— Сочиняя наглуую ложь, он подбивал вас, уважаемые граждане Рима, к

совершенно государственной измены! Подумать страшно, что могло произойти, если бы ему сопутствовал успех! — размахивающий руками паренек слишком явно переигрывал.

Весь смысл его слов дошел до Квинта с запозданием, но как только это произошло — он замер на месте. Подбивал? Почему этот парень говорил об Оппии в прошедшем времени?

Его охватило нехорошее предчувствие и, не в силах ему сопротивляться, он поковылял к рострам. С каждым шагом волнение нарастало и достигло своего пика, стоило ему остановиться у висящего прямо на уровне глаз длинного списка имен.

Проскрипционного списка.

Гай Лигарий. Перечеркнуто. *Марк Лигарий.* *Публий Овидий Назон.* Перечеркнуто. *Гай Саллюстий Крисп.*

Боги, а этот-то что мальчишке сделал?! Он же последние несколько лет только книги писал.

Гай Оптий. Перечеркнуто.

Сердце пропустило несколько ударов. Харон.

Гней Домиций Кальвин. *Гай Азиний Поллион.*

— Эй, смотри, уже за головы консулов деньги дают! — словно сквозь толщу воды донесся до Квинта звонкий, практически мальчишеский голос.

Луций Корнелий Бальб.

Сердце бешено стучало в ушах. Весь мир сузился до этого длинного и зловещего куска папируса.

Квинт Калавий.

Квинт почувствовал, как мир схлопнулся.

На плечо ему легла рука. Замершее было сердце, заколотилось с утроенной силой. Бессознательно зажав в кулаке мешочек с монетами для утяжеления удара, Квинт приготовился дать последний в своей жизни бой.

Люди часто говорили, что непосредственно перед смертью у каждого проносится перед глазами вся его жизнь. Он никогда ничего подобного не испытывал, хотя множество раз ходил по лезвию ножа, и считал все эти рассказы не более, чем байками.

До сего дня.

Он зажмурился, готовясь к неизбежному удару — и перед глазами стали мелькать мысленные образы. Мать, отец, по ошибке погибший в сулланских проскрипциях. Квинт родился уже после его смерти, но это не мешало ему всю жизнь иметь четкий образ в голове. Друзья детства. Строгий школьный учитель.

Подготовительный лагерь. Смешавшиеся в одну кучу бесконечные кровавые битвы и не менее бесконечные пьянки. Триумфы. Отставка.

Гелия, держащая на руках маленький сверток с плачущей Калавией. Сердце сжалось — не такой судьбы он для нее хотел. Видел Юпитер — не такой.

Снова кровавые битвы, снова пьянки, снова триумф. Еще одна отставка.

Квинт резко обернулся — и едва успел остановить занесенную для удара руку. Глазами размером по пять ассов, на него в упор смотрел Ворен.

— Квинт, ты чего? — ошарашенно спросил он, уставившись на выброшенный в его сторону кулак, а затем, заметив заляпанную грязью тунику Квинта, наливающийся на его скуле синяк и сбитые в кровь костяшки пальцев, добавил — С кем-то подрался?

— Да чтоб тебя, Луций! Нельзя же так подкрадываться! — с облегчением хохотнул Квинт и только после этого опустил руку.

— Ты уже минут пять стоишь тут как истукан и таращишься на список. Что там?

Квинт сделал шаг в сторону, позволяя Ворену рассмотреть имена получше. Тот быстро пробежал их глазами до самого низа и, не выказывая никаких эмоций, обернулся к нему.

— Возьми себя в руки, и уходим отсюда.

— Не надо. Я все равно уже мертв, — обреченно покачал головой Квинт, — Не подставляйтесь. Бери Тита и идите к моему патрону без меня. Нашему общему другу, — он сделал ударение на последнее слово, — Все еще нужна помощь. Если мы все умрем... Сам понимаешь, что его ждет.

— Квинт, — Ворен схватил его за плечи, — Осмотрись. Ты думаешь, кто-то рискнет нас тронуть?

За его спиной стояли люди. Десяток, два, три. Одеты они были в гражданское, но военная выправка выдавала их с головой. Свои. Боги...

Как они добрались до дома Поллиона, в памяти Квинта не отложилось. Пусть Ворен и Пулло всю дорогу пытались его разговорить, мыслями он был не здесь — и поддержать беседу никак не мог, ограничиваясь односложными ответами невпопад.

Он не понимал, как могло так получиться. Кто мог их всех сдать. Вариантов, к сожалению, было куда больше, чем ему хотелось признавать.

— Квинт, очнись! — Ворен помахал перед его глазами рукой.

Квинт моргнул и перевел взгляд на него. Пришли уже что ли?

— Мы решили — человек двадцать для охраны останутся с твоим патроном, а мы, со всеми остальными, пойдем к нашим, — продолжил Ворен.

— Зачем? — не понял Квинт, — Я только от них.

— Ну ты сам подумай! — вмешался Пулло. Весельчак и балагур, сейчас он выглядел необычайно серьезным. Квинт никогда его таким не видел, — Мальчишка же только что расписался в том, что Оппий все это время говорил правду.

Нестройный хор голосов легионеров подтвердил, что они всецело разделяют мнение своих центурионов.

— В смысле? — голова Квинта никак не хотела начинать работать.

— Тупишь, Квинт, — подхватил Ворен, — Зачем ему затыкать Оппия таким радикальным методом, если он несет какую-то не имеющую ничего общего с реальностью чушь? Совершенно незачем. Даже если ему кто и поверит, достаточно предоставить толпе этого «провокатора Антония», чтобы развеять любые сомнения. Ну что может быть проще? — легионеры одобрительно загудели, — А он как действует? Убивает Оппия, вносит вас всех скопом в проскрипционные списки. И никому, совершенно никому не показывает этого «провокатора», которого его солдаты уволокли на глазах всего Города. Какой еще вывод тут можно сделать? Думаешь, кто-то из наших не поймет?

Да. Да, пожалуй, это имело смысл.

Квинт неуверенно кивнул ожидающему хоть какого-то ответа Ворену.

Их колонна тормозила. Идущий впереди Пулло остановился на очередном перекрестке как вкопанный и, покрутив головой по сторонам, обернулся к Квинту:

— А дальше-то нам куда?

— А? — Квинт все еще не совсем пришел в себя, и реакции его были заторможенными, — Налево. Мы уже почти пришли.

Он первым пошел в указанном направлении, и остальные гуськом потянулись за ним по узкому переулку.

Несколько рабов впереди, услышав их шаги, оглянулись и, с неподдельным страхом на лицах, прижались к стене чьего-то дома. Разминуться на улочках застроенного до предела Паллатина было задачей нетривиальной, и Квинт несколько удивился, когда они ловко избежали столкновения.

Дверь в дом Поллиона оказалась не запертой. Ему стоило насторожиться уже в этот момент, но усталость, — и моральная, и физическая, — брала свое, и он сперва не придал этой мелочи никакого значения. Потом по ушам ударила оглушающая тишина, а взгляд выцепил из полутьмы потеки крови на вымощенном мозаикой полу — и его словно пронзило молнией.

Что, к гарпиям, здесь произошло?

Несмотря на теплый душный вечер, по рукам пробежал холодок. Смутная догадка, сколько он ни гнал ее от себя, никак не хотела исчезать, переходя постепенно в железную уверенность.

— Гай Азиний? — громко крикнул Квинт в тишину и полутьму.

Никто не отозвался. Дорожка крови уходила вглубь дома, в атрий. По левую руку, под мозаикой, изображавшей рождение Афродиты, стояла тренога с закрепленным сверху светильником, которая вполне могла сгодиться за оружие.

Сзади раздался звон мечей, вынимаемых из ножен. А Ворен-то не дурак, сказал своим парням, чтобы были готовы ко всему.

Квинт подхватил треногу, выставил ее вперед себя и, все так же припадая на правую ногу, пошел вперед. За ним тут же раздались шаги десятков человек.

— Гай Азиний, это я, Квинт Калавий. Я солдат привел, — кричал он в темноту, но тишина была ему ответом.

Неужели они нарушили и последнее негласное правило, “никогда не трогай женщин”? Было ли куда дальше падать после этого?

— Квинкция, ты здесь? Это Калавий! — прокричал он вглубь пустынного атрия. Ничего.

Противный внутренний голос очень некстати напоминал, что еще пару недель назад его уверенность в том, что человеческие жертвоприношения — удел зарейнских варваров и галльских друидов, была непоколебимой.

Дорожка крови вела глубже в дом, но больше никаких следов борьбы он не видел. Неужели Поллион сдался без боя?

Не желая заранее афишировать их количество, — эффект неожиданности еще никому не мешал, — Квинт одними жестами показал Ворену с Пулло, что им нужно разделить и пойти в сад разными путями. Дождавшись ответного кивка, Квинт переложил треногу в левую руку и пошел в правое ответвление коридора, соединявшего атрий с садом, увлекая за собой примерно десяток легионеров.

— Квинкция? — дежурный раз крикнул он в темноту почему-то неосвященного коридора, совершенно не ожидая услышать ответ.

Однако жизнь снова подкинула ему сюрприз — и спереди раздался тихий, едва различимый всхлип. Он прибавил шагу и спустя пару мгновений вышел в освещенный заходящим солнцем сад.

Крови в саду было намного больше. Становящаяся все шире дорожка заканчивалась...

Боги...

Квинкция действительно была здесь. Она сидела на парапете возле бассейна, и плечи ее

сотрясались в беззвучных рыданиях.

На коленях у нее лежал обезглавленный труп в окровавленной тоге.

Где-то слева протяжно, как умели только боевые центурионы, выmaterился Ворен.

Опоздали.

[1] Caes. BG, V, 44, 1-14. Копировать было бы слишком много, но эпизод очень прикольный.

[2] Что-то вроде священной границы Города. Не совпадает с географической (географическая намного больше). Примерно проходит, с этой стороны, в районе современной Площади Венеции. Марсово поле находится за померием.

Друг императора (Марк Агриппа I)

В таблиуме светлого, просторного и необычайно тихого атрия общественного дома сидели двое. Место хозяина, не по праву, предоставленному должностью, но по праву сильного, занимал Август, напротив него, сложив перед собой руки замком, сидел грузный Марк Агриппа и сверлил взглядом две лишенных тела головы перед собой.

— Минус два, — жизнерадостно заключил, нарушая тишину, Август и откинулся на спинку кресла, — Быстро же Кальвин раскололся, я даже и не ожидал.

Еще вчера утром Марк разговаривал с Гаем Поллионом, а сейчас его голова, с застывшей маской страха и боли на лице, лежала на рабочем столе его донельзя довольного друга детства. Пусть вина Поллиона и была неоспорима, Марку все равно делалось не по себе каждый раз, когда взгляд падал на нее.

— Вот кто бы мог подумать, что такой маленький человек, как Ликаон, может оказаться настолько полезным? Вчерашний вольноотпущенник, а какой сообразительный. Сразу почуял, куда ветер дует, — на лице Августа отражалась смесь удивления и восхищения, — Такие нам определенно нужны. Выпиши ему чек на 25 тысяч сестерциев, кстати.

Марк, старательно огибая взглядом головы на столе, посмотрел на пустую глиняную табличку, но выполнять просьбу Августа не поторопился.

— Ты точно уверен? Два преданных патрона из двух, за каких-то несчастных три месяца. Лепид ему вообще-то вольную недавно подписал, а он его так легко продал, еще и по собственной инициативе, — Марк покачал головой, — Если хочешь мое мнение — подпустим его к себе слишком близко, он и нас кому-нибудь продаст не моргнув.

На короткое мгновение на переносице Августа появилась глубокая морщина, а затем его лицо снова просветлело.

— Да, Марк, ты прав, — кивнул он, — Но чек ему, все-таки, выпиши. Если пойдет слух, что мы кидаем информаторов на деньги, с нами больше никто работать не станет. А потом... — многозначительная ухмылка появилась на лице Августа, но продолжать мысль он не стал.

Марк подтянул к себе табличку, но, колеблясь, пока не притрагивался к стилусу.

— Что “потом”? — спросил он вместо этого, не намереваясь играть в угадайку.

— Я могу легко и непринужденно сделать так, чтобы ему больше никогда не светила никакая работа, кроме как охранником на какой-нибудь богами забытой каменоломне, — легко отозвался Август.

Только после этого Марк серьезно кивнул и приступил к чеку. Он бы предпочел, чтобы Ликаона не оставили в живых, — слишком уж много тот знал о некоторых их подковерных делах, — но раз Август не хотел, переубедить его не представлялось возможным.

Установившееся молчание спустя несколько мгновений одним вопросом нарушил Август:

— А с остальными что?

Марк оторвался от почти законченного чека, и доложил:

— С центурионом осечка вышла. Его просто невозможно подловить в одиночестве. Вчера он полдня пил в кабаке, забитом легионерами под завязку, а потом затерялся в толпе и пропал. Мои гладиаторы вернулись ни с чем.

— Ничего, — Август легкомысленно махнул рукой, — Его свои же прибьют, когда списки увидят. А может и уже прибили, как знать.

Марк не разделял его уверенности, но говорить об этом вслух не хотел.

Легионеры, особенно старые ветераны Цезаря, друг за друга были готовы кому угодно голову отгрызть, гладиатору ли, императору ли — без разницы. Глупо было надеяться на то, что среди них найдутся желающие продать одного из своих за сколь угодно большую цену.

Единственным способом вывести центуриона из игры и при этом не спровоцировать стихийное восстание легионеров, оставалось подловить его где-нибудь в одиночестве и обставить дело как банальное ограбление, или пьяную драку. Именно такую инструкцию Марк дал своим гладиаторам. Возможно, она была не такой уж идеальной, раз закончилась таким оглушительным провалом.

Однако, это не меняло того факта, что внесение имени центуриона в проскрипционные списки было грандиозной глупостью, которая не могла им не аукнуться в ближайшем будущем. Но дело было сделано — и сейчас слишком поздно было пытаться что-либо изменить. Списки красовались на самом видном месте форума, и Август не намеревался слушать никаких возражений по этому поводу.

Патовая ситуация, единственным выходом из которой было уничтожить центуриона быстрее, чем информация дойдет до галльских колоний, где проживала основная масса ветеранов десятого. После этого списки можно будет безболезненно откорректировать, вымарав его имя без следа.

Август даже не обратит внимания. Мертвые всегда беспокоили его куда меньше живых.

— А что Бальб? — не замечая его задумчивости, продолжал задавать вопросы Август.

— Бальб о чем-то догадался, — отозвался Марк, — Мои люди сообщают, что он закрылся в своем съемном доме, вооружил рабов до зубов и носу на улицу не кажет.

— А, так вот почему его не было на заседании! — воскликнул Август, — Тоже неплохо, хотя бы под ногами путаться не будет, но на перспективу так не пойдет. Нам нужна его голова на рострах. Кстати, о... — он хлопнул себя ладонью по лбу, — Совсем забыл! Леарх, Леа-а-арх! — прокричал он имя раба.

Тощий грек нарисовался рядом практически мгновенно.

— Прибейте этих красавцев к рострам. И имена из списка вычеркните, — кивнул Август в сторону голов. Леарх нервно сглотнул и кивнул, — Да не трясись ты так, я сегодня добрый!

Подхватив предназначенный для него груз, Леарх быстро похромал восвояси, так и не проронив ни единого слова, — и только после этого Марк почувствовал, что снова может вздохнуть спокойно. Мертвые взгляды больше не пронзали его насквозь.

— Надо его проучить. Да так, чтобы всем остальным неповадно было, — задумчиво проговорил Август, и только поймав недоуменный взгляд потерявшего нить разговора Марка, пояснил, — Я имею ввиду Бальба и его домашних. Всем должно быть ясно, что бывает с теми, кто укрывает проскрибированных. Мне кажется, люди уже начали забывать, надо бы им напомнить.

— Ввести второй в город? — спросил Марк.

Фантазии Августа его интересовали мало — наоборот, чаще даже пугали, — поэтому он предпочитал им практические вопросы. Второй был для их решения идеальным — его набором руководил лично Август, и уже одним этим он наголову превосходил любой из легионов, где могли затесаться старые ветераны Цезаря, которые частенько бывали слишком

своенравными и непредсказуемыми.

— Нет, нет, пока слишком рано, — помотал головой Август, — Да и кто его знает, чего этот центурион успел наворотить и кого уговорить. Сначала мы продемонстрируем всем провокатора, и он сознается на публику, а потом... — он сжал кулаки в хватающем жесте, — После разоблачения ни у центуриона, ни у Бальба поддержки не останется вообще. Легкая добыча.

— Но ты же сам говорил... — растеряно посмотрел на него Марк.

В последнее время он все чаще и чаще не мог разобрать, играет Август роль, или же настолько искусно врет, что и сам верит в свою ложь.

— Я уже нашел рычаг воздействия, — загадочно сказал Август.

Они помолчали.

— А ты уверен, что он точно скажет то, что нужно те... нам? — опасения долго грызли Марка изнутри, и вот наконец-то он нашел в себе достаточно наглости для того, чтобы высказать их вслух.

— Уверен, — Август лучезарно улыбнулся, — Я нашел очень *действенный* рычаг воздействия.

Марк кивнул и натянуто улыбнулся. В умении Августа добиваться от людей того, чего ему нужно, он даже и не сомневался, приходилось уже видеть результаты.

— Марк, его время прошло. Теперь настало наше время, и мы исправим все то, что натворили наши предшественники, — в этот раз Август правильно интерпретировал его выражение лица, и Марк не мог не согласиться с его словами.

То, что они делали, было необходимо. Не ради него, не ради Августа — ради блага Рима. Если позволить трупу Республики и дальше гнить, он медленно, но верно погребет под собой весь их народ. Им нужен был новый лидер, способный своей железной волей провести все необходимые изменения — однако многие отказывались это признавать.

Марк неустанно благодарил всех богов за одно — за то, что этим лидером оказался не он. Он никогда бы так не смог.

— Все будет хорошо, Марк. Поверь мне. Он скажет, все что нужно, — этих слов было недостаточно для того, чтобы развеять терзавшие Марка опасения, но, поймав выжидательный взгляд Августа, он все равно кивнул.

Продолжения разговора не последовало. Вместо этого Август принялся разбирать сваленные в кучу на краю стола письма, а Марк, немного подождав для приличия, снова взялся за чек Ликаону.

Спустя пару минут он протянул табличку назад Августу. Тот неопределенно махнул рукой, не желая отвлекаться от чтения и скороговоркой проговорил:

— Иди, проследи, чтобы головы нормально повесили. А то знаю я их — так прибьют, что и не разберешь, кто это был. Этого нам не нужно.

Марк равнодушно пожал плечами. Прогулка никогда не была лишней, к тому же у него как раз ноги затекли.

— И на, вот, почитай потом, — не отрываясь от папируса, Август протянул ему свиток, который держал в левой руке, — Уже не первое подобное сообщение, нужно проверить, что там такое в окрестностях Геркуланума происходит.

Марк кивнул и спрятал свиток под складками тоги.

Несмотря на опасения Августа, Леарх и другие рабы справились со своей задачей неплохо. Осмотрев результаты их работы, Марк удовлетворенно кивнул. Во всяком случае,

Поллион и Кальвин были все еще узнаваемы, а большего и не требовалось. Август, конечно, нашел бы к чему придрататься, но Марк был не настолько щепетильным. По лицам рабов пробежала волна облегчения.

Вечерняя прохлада приятно освежала после знойного дня и Марк, управившись с поручением Августа и отчитавшись по результатам, решил немного прогуляться до того, как возвращаться домой. Он бродил по опустевшим после заката улицам Города без какой-либо цели несколько часов. Бояться ему было совершенно некого, особенно когда за ним неотрывно следовали несколько десятков гладиаторов.

Он любовался ночными звездами, прекрасно видимыми прямо в Городе в столь поздний час. Гулял по узким и опасным для любого, кроме него, улочкам ночной Субурры. Разглядывал все еще ведущуюся стройку форума Юлия, представляя себе, как он будет выглядеть, когда Август закончит начатый своим божественным предком проект.

О врученном ему свитке он вспомнил только глубокой ночью, когда уже улегся на ложе и приготовился отходить ко сну. Глаза после вечерней прогулки слипались, по телу растекалась приятная расслабленность — и, немного подумав, он принял решение отложить свиток до завтра. Вряд ли там было что-то слишком уж срочное.

Следующее утро началось для Марка на рассвете. Сонно зевая, он осоловелыми глазами смотрел на разбудившего его раба и тряс головой, пытаясь отогнать образы из странного предрасветного сна.

— Просыпайся, хозяин. За тобой Август послал, — повторил раб.

— Что там еще случилось? — смачно зевнув, уточнил Марк.

Раб протянул ему чашу с холодной водой, и он быстро умылся, чувствуя, как вместе с водой назад в чашу стекают остатки сна.

— Не знаю. Каратакос мне ничего не сказал.

— Ладно, ладно. Скажи ему, что я сейчас искупаюсь, оденусь и приду, — он снова смачно зевнул.

Когда Марк в компании Каратакоса вошел в общественный дом, Август смывал в чаше с рук чью-то кровь. По спине сразу побежали непрошенные мурашки, а отчаянные попытки отогнать от себя мысли о том, кому она могла принадлежать, закончились ничем.

Для человека, чьи руки были заляпаны кровью в самом буквальном смысле, Август выглядел слишком воодушевленным. Кто-нибудь посторонний вряд ли смог бы это понять, но Марк за долгие годы навострился распознавать настроение своего обычно неэмоционального друга по малейшим признакам, — и сейчас эти признаки в один голос кричали, что он был чем-то жутко доволен.

— Ты за мной посылал? — вопрос Марка вышел откровенно дурацким.

Разумеется, Каратакос пришел к нему домой не по своей воле, но спросонья он не придумал лучшего способа начать разговор.

— Марк, мы победили! — повернувшись к нему, торжественно объявил Август. Судя по фиолетовым мешкам под глазами, он явно не спал всю ночь, — Скрибония правда снова очень невовремя влезла, почти как тогда, но не важно. Главное, что все получилось!

— Добился, чего хотел? — во рту у Марка отчего-то пересохло.

— Эй, что, не проснулся еще? — Август хлопнул его по руке, интерпретировав его эмоции по-своему, — Да. Да, Приап побери! Собери сегодня сходку за померием, — обязательно проследи, чтобы там были легионеры, — и объяви, что завтра провокатор Антония даст признательные показания. Нам нужно торопиться. Надежные источники

докладывают, что среди легионеров гуляют идеи. Опасные идеи. Надо пресечь их на корню, если мы не хотим получить мятеж.

Марк кивнул и, переводя разговор на не менее важную тему, спросил:

— А что там Бальб? Наблюдатели уже отчитывались?

— А, — махнул рукой Август, — Никанор, ленивая задница, уснул прямо на посту. Я приказал его выпороть, — над домом действительно разносились крики наказываемого раба. Странно, что Марк не обратил на них внимания сразу, — Но он говорит, что пока не уснул — ничего особенного не видел.

— Отлично, просто отлично, — пробормотал себе под нос Марк.

Если все пойдет так, как задумал Август — эта проблема решится в ближайшие пару дней, и он наконец-то сможет переключиться с бесполезных моральных терзаний на куда более важное дело — на подготовку войны с Антонием. И Апполоновых игр. Поддержка плебса была им критически необходима, кто бы там что ни говорил.

Но как же он все-таки был рад, что не ему нужно было разруливать эту неожиданную и донельзя деликатную ситуацию. Он бы так не смог, и кто знает, к каким последствиям привело бы его малодушие.

— Веселее, Марк! Одной проблемой, считай, меньше, — радостно улыбнувшись, сказал Август.

— Веселиться будем потом, когда он даст показания, — буркнул Марк.

И если до правды об их афере никто и никогда не докопается. Стыд от потенциального разоблачения жег даже сейчас, когда еще ничего не случилось.

Август же был полностью уверен в их успехе — однако его уверенность провоцировала у Марка только новую волну стыда. Понимание, зачем все это необходимо, едва могло заткнуть его совесть.

— Ты свиток-то прочитал?

Август упал на стул и, не дав ему и мгновения на ответ, жестом подозвал к себе блондинистую рабыню:

— Сообрази нам что-нибудь перекусить, — сказал он ей и, когда она развернулась, собираясь уходить, хлопнул ее по заднице. Рабыня вздрогнула от неожиданности, злобно на него зыркнула, но затем, осознав, чем чревато подобное поведение, виновато потупилась и поспешила удалиться.

Да, у него действительно хорошее настроение, — думал Марк, задумчиво глядя ей вслед, — *Даже выпороть не приказал.*

— Что, нравится? — кивнул в ту сторону, в которой только что исчезла рабыня, Август. Марк недоуменно глянул на него, не понимая, куда он клонит, — Если нравится, могу тебе ее подарить. Если ты понимаешь, о чем я, — Август многозначительно ухмыльнулся.

Кажется, Марк сильно недооценил степень его удовлетворения.

— Так что насчет свитка? — Август, так и не дождавшись ответа, выжидающе уставился на него.

Давно позабытый и оттого неожиданный вопрос стал ударом под дых.

— Я его не смотрел еще, — мрачно буркнул Марк, — Меня вчера вечером сморило, думал прочитать сегодня.

Август вмиг посерьезнел.

— Ладно, у меня все равно есть еще немного времени. Я тебе так расскажу, — сказал он и поднялся со стула, — Примерно десять дней назад ко мне в руки попало письмо от

Кальпурнии, вдовы Цезаря, адресованное моей матери.

То, как походя он назвал Кальпурнию вдовой, резануло по уху и заставило Марка поежиться.

— Ты же знаешь, что она последние четыре года проживает в Геркулануме? — спросил Август.

— Знаю, — неожиданно хрипло отозвался Марк.

— Ну так вот... Она писала, что в последние дни там начало происходить что-то странное. В произвольное время дня и ночи над городом стали раздаваться жуткие, леденящие кровь завывания, непохожие ни на одно животное или человека. Они исходили со стороны Везувия и от них нигде невозможно было спрятаться.

В задумчивости, Август принялся мерить комнату размашистыми шагами.

— Потом местные дуумвиры решили выделить людей, чтобы те провели разведку — и на этом письмо заканчивалось. Остальную информацию мне пришлось собирать по крупицам. Группа разведки не вернулась, из Геркуланума и окрестностей начала разбегаться аристократия, — да что там, даже сама Кальпурния недавно снова написала моей матери, и сказала что возвращается в Рим. Потом стали появляться сообщения из Помпей, и в них было все то же самое — жуткий вой и исчезновения людей. При этом, никто не упоминал ни о выбросах пепла, ни о лаве, так что вряд ли дело в вулкане.

— Чушь какая-то, — Марк потер глаза, — А мне зачем эта информация?

Август остановился, перевел взгляд на него — и Марк на мгновение почувствовал оцепенение.

— Если подсчитать всех, упомянутых в письмах — в окрестностях Везувия за последний десяток дней пропало немногим меньше пятидесяти человек, включая нескольких местных сенаторов и даже одного из помпейских дуумвиров. Мне нужен надежный человек, который бы отправился туда и проверил, что там происходит.

Прищурившись, Марк разглядывал лицо друга, но то оставалось непроницаемым. Его действительно так обеспокоили провинциальные слухи или он просто искал повод сплавить его из Города?

— Ясно. Я разберусь, — спокойно отозвался он, — Возьму с собой когорту второго.

— Лучше две, — Август задумчиво барабанил пальцами по столу, — Кто знает, с чем мы имеем дело? Но это позже. Сперва — сходка и Игры.

— Игры? — удивленно отозвался Марк, — Но ведь мы планировали...

— Придется менять планы. Людям нужно как можно скорее дать новый повод для обсуждения, иначе кто знает, к каким выводам они придут после нашей завтрашней демонстрации. Игры нужно устраивать как можно скорее. Чем раньше, тем лучше.

Как всегда, Август думал наперед и просчитывал все, даже самые дерьмовые варианты.

— Насколько раньше? — насторожился Марк.

Запланированные на июль, Игры сейчас находились у него в подготовительной стадии. Сильно подготовительной стадии. Настолько подготовительной стадии, что арену под навмахию за Тибром только-только начали возводить.

— Послезавтра, — сказал Август и челюсть Марка упала куда-то на пол.

Он с ума сошел? Кто вообще мог подготовить игры за два дня!

— Но это было бы в идеале, — продолжал Август, — Понятное дело, что успеть невозможно. Хм... Месяца тебе хватит, чтобы оставшееся подготовить?

Ну и шуточки же у него, — подумал Марк, чувствуя, как по спине побежал холодный

пот.

— Месяца, пожалуй, хватит, — кое-как совладав с чувствами, ответил он, — Если убрать из программы слонов. Не успеют их привезти, сам понимаешь — штормы, пираты, Помпей.

— Да-да, — резко отрезал Август, — Можно и без слонов. И еще — добавил он, — Нам нужен заговор.

Собиравшийся уходить Марк остановился на полпути к двери и обернулся:

— Заговор?

— Заговор, — легко согласился Август, — Если мы хотим, чтобы ни у кого не возникло никаких вопросов — нам нужен заговор. Свидетели, информаторы, понятые, весь фарш, сам понимаешь.

Марк понимал. А еще Марк понимал, насколько тяжело будет организовать все это с нуля за один-два дня.

И почему Август не мог предупредить его раньше?

Свекровь (Атия II)

Зажженные свечи не оставляли в комнате Скрибонии ни единого темного уголка, несмотря на позднюю безлунную ночь. Ни единого необычного звука не доносилось до ушей Атии, но она все равно продолжала стоять возле стены, на которую указала невестка, и напряженно прислушиваться.

Скрибония нервно мерила комнату размашистыми шагами.

— Сейчас, сейчас. Сейчас точно снова начнется! — говорила она, пытаясь убедить то ли Атию, то ли саму себя.

Атия послушно напрягала слух, но ничего, кроме отдаленного лая собак и криков чаек с улицы не доносилось до ее ушей.

— Ну давай же, давай, — с надеждой, граничащей с одержимостью, шептала невестка, вызывая у Атии беспокойство за ее душевное равновесие.

Все-таки сыну стоило почаще ночевать дома и в целом обращать внимание на домашние дела. Однако убедить его в этом вряд ли было ей под силу — он всегда ставил государственные дела выше семейных и обращал внимание на последние только тогда, когда они пересекались с первыми.

— Может быть, он ушел? — предположила Атия, — Понял, что ты не та, кто ему нужен, и решил перестать тебя донимать? Духи и не на такое способны.

Она уже едва ли верила в реальность этого духа — скорее всего, прав был сын, предполагая, что Скрибония настолько сильно испугалась еще в январе, что теперь принимала за его проделки любые звуки, — но невестку нужно было как-то успокоить. Попытки ее переубедить вряд ли помогли бы хоть сколько-нибудь.

— Не знаю, — Скрибония остановилась и задумчиво посмотрела на Атию, — Может быть.

Стук раздался внезапно. От неожиданности Атия вздрогнула и отпрянула от стены.

— Вот! Ты слышала, слышала?! — радостно вскричала невестка, указывая пальцем на стену.

Ошарашенная, Атия кивнула, втайне надеясь, что ей всего лишь показалось.

Однако ее робкие надежды быстро рухнули. Стук даже не думал смолкать. Он был не очень громким, — из-за пределов комнаты такой и не разберешь, — но отчетливым и весьма настойчивым. Если закрыть глаза, она с легкостью могла бы представить себе, что находится перед дверью, в которую стучится кто-то, желающий войти. Только вот двери перед ней не было, а была глухая стена, выходившая на улицу.

Невестка села на ложе, — то тихо скрипнуло, — и испуганно сказала:

— Атия, я боюсь.

Атии уже тоже было не по себе, но она нашла в себе силы натянуть на лице успокаивающую улыбку и повернулась к Скрибонии:

— Я тебя прекрасно понимаю, дорогая, но поверь мне — бояться совершенно нечего. Знаешь, как-то раз, когда мне было пять лет, родители отправили меня на лето с бабушкой на дедушкину виллу в Байях[1].

Шмыгнув носом, Скрибония растерянно на нее посмотрела.

— Это ты к чему? — спросила она.

— К тому, что через пару дней после нашего приезда, у нас тоже завелся лемур. Я всех

подробностей, конечно, не помню, но припоминаю, что в ночи раздавались шаги в саду, пропадали всякие мелкие предметы, в безветренные дни сами по себе открывались окна. И все в этом духе. Дедушка обещал нам приехать и разобраться с ним, как только освободится, но шли дни, недели, а он все никак не мог оставить Город. В итоге, мы прожили в доме с лемуром до его приезда около трех недель. И ничего. Спать, конечно, первое время было страшновато, но я быстро привыкла. Мертвым нет хода обратно, в мир живых. Это, — она неопределенным жестом указала куда-то в сторону стены, — Максимум того, на что они способны.

Стук резко стих, словно дух мог услышать ее слова.

Над комнатой повисла тишина, в которой снова стали отчетливо слышны крики чаек и далекий шум города. Начиналась третья стража[2] и рабы торговцев спешили пополнить припасы лавок хозяев[3].

Все в облике Скрибонии умоляло о том, чтобы слова Атии оказались правдой.

— Дорогая, бояться совершенно нечего, — Атия села на ложе рядом с ней и положила руку ей на плечо, — Но, все же, если тебе настолько страшно, может, ты поговоришь с моим сыном? Может быть вам лучше будет на какое-то время переехать в общественный дом, пока он не проведет все причитающиеся обряды и не принесет очистительные жертвы?

— А толку-то, — Скрибония вытерла начавшие было слезиться глаза платком, — Он уже проводил обряды. И жертвы приносили мы оба. Что там, даже его германские гладиаторы как-то забили на алтаре своих кровавых богов несколько зайцев. Результата нет, сама видишь.

Атия кивнула и, подумав, добавила:

— Но насчет общественного дома все-таки подумайте. Мне кажется, это выход. Хотя бы временный.

Словно в подтверждение слов невестки, из стены снова раздался стук. Но на этот раз в нем было что-то не так. Приложив палец к губам, Атия попросила невестку молчать, прислушалась и быстро поняла, что стук следовал какому-то неизвестному ей шаблону.

Пять коротких ударов. Пауза. Один длинный, два коротких, еще два длинных. Снова пауза. Один длинный, один короткий, один длинный и еще два коротких. Пауза.

Рядом всхлипнула Скрибония и Атия немедленно сбилась со счета, однако никаких сомнений в том, что звучащий сейчас стук, в точности повторял тот, что она слышала парой минут ранее, у нее не осталось.

— Вот чего ему от меня нужно, а?! — с нотками истерики в голосе спросила Скрибония, — Что я ему сделала, что он так хочет свести меня с ума?

— Знаешь, — после недолгих раздумий, Атия решила поделиться с невесткой своими наблюдениями, — По-моему наоборот. По-моему, он пытается тебе что-то сказать.

К стуку добавился едва слышный голос, заглушаемый толщей кирпича. Тембр показался ей смутно знакомым. Неужели Квинт Гортензий?

— Почему ты так думаешь? — удивленно уставилась на нее Скрибония.

Еще мгновение назад она была на грани истерики, но сейчас голос ее звучал заинтересованно. Кажется, Атии все-таки удалось ее немного успокоить, пусть и не таким образом, каким она рассчитывала.

Короткий, длинный, короткий, два длинных. Пауза.

— В этом стуке есть какие-то закономерности, — ответила Атия, поймав короткий промежуток между звуками, — Я практически в этом уверена.

Короткий, длинный, три коротких. Пауза.

— И он повторяется, — дождавшись следующего промежутка, добавила она, — Неужели ты этого не слышишь?

Два коротких, три длинных. Пауза.

Скрибония отрицательно помотала головой.

— По-моему совершенно не похоже.

Короткий, длинный. *Три коротких*, — успела подумать Атия, уловившая закономерность, но вместо этого стук резко затих. На несколько мгновений над комнатой повисла тишина, а затем из стены снова раздался голос.

Единственное слово, что ей удалось разобрать, заставило ее похолодеть.

“Атия”. Она отчетливо слышала, как дух назвал ее имя, пусть и не могла разобрать больше ничего.

Неужели Гортензий знал, что она здесь? Как такое возможно?

Голос смолк. Затем из стены раздались неритмичные глухие удары, которые, впрочем, скоро стихли, снова оставляя их с невесткой в тишине.

— Как думаешь, это все? — спустя несколько минут, растянувшихся до вечности, спросила невестка.

Холодные огромные мурашки все еще бегали по спине Атии, но она нашла в себе силы снова ее ободрить:

— Не уверена, но в любом случае, этот лемур, как и любой другой, совершенно ничем не опасен. Знаешь, я думаю, это может быть Гортензий. Он и при жизни был шумным, но безобидным.

Сложив руки на коленях, Скрибония смотрела на нее так, что не оставалось никаких сомнений в том, что все попытки убедить ее в безопасности лемура потерпели оглушительный крах. Не помогла даже история про Байи — самый весомый аргумент, имевшийся у Атии в заглазнике.

Значит, пора было переходить от разговоров к действиям.

— Тебе нужно немного поспать, — решительно сказала Атия, поднимаясь с ложа.

На невестке не было лица. Красовавшиеся под ее глазами фиолетовые мешки, которые не могла скрыть даже косметика, красноречиво свидетельствовали о том, что она страдала от бессонницы не первый день.

— Если тебе так будет спокойнее, я могу переночевать у тебя, — улыбнулась Атия.

Быстрее, чем она успела закончить фразу, Скрибония несколько раз судорожно кивнула, словно опасаясь, что, если она хоть немного затянет с ответом, Атия тут же передумает и заберет свои слова обратно.

Боги, если бы она только знала, чем обернется ее такая простая и ничем не примечательная затея, она бы сразу схватила невестку в охапку и убежала бы домой. Туда, где единственную опасность представлял брат ее мужа, Квинт, который имел неприятную привычку, как напьется, засыпать в самых неожиданных местах брат.

Однако, увы, Атия не была Оракулом или даже какой-нибудь Кассандрой — и именно поэтому она сейчас сидела в освещаемом только несколькими слабыми светильниками атриум дома своего сына вместе со всеми его домочадцами и напряженно вглядывалась в темноту. Где-то рядом плакала рабыня, германские гладиаторы стояли у дверей в сад. Хоть она и могла видеть только их силуэты, она была уверена, что они сжимали в руках свои мечи и старались выглядеть как можно более сурово, даром что боялись не меньше, чем они с

невесткой.

Все началось, когда они со Скрибонией уже разошлись по разным гостевым спальням, собираясь отходить ко сну. Сперва во всем доме разом погасли все светильники. Уже устроившаяся на кровати, Атия даже не заметила бы этого, если бы успела закрыть глаза раньше — но из-за стенки раздался вскрик невестки и она, отгоняя от себя сон, подскочила и побежала ее успокаивать.

Это не заняло много времени, и уже скоро она вернулась в свою комнату и снова устроилась на кровати. Засыпая, она слушала как за стеной тихо ходят и переговариваются разжигающие светильники заново рабы.

Оглушительный по своей силе хлопок прервал ее отход в царство Морфея мгновенно. Вслед за ним, с коротким промежутком, раздалась еще два. На ее испуганный зов отозвался незнакомый раб и сбивающимся голосом объяснил, что это всего лишь от порыва ветра в доме открылись несколько окон. Глаза его, однако, были расширены в ужасе, ставя под сомнения все его слова.

Стоило ему уйти, над домом пронесся глухой, но отчетливо слышный крик — и последние остатки сонливости растворились без следа.

— Боги! Дагда! Пусть он уже замолчит! — возвращая Атию в действительность, вскричала одна из молодых галльских рабынь, что досталась сыну по наследству от дяди, — Я принесу тебе любую жертву, какую только пожелаешь!

Видимо, галльские боги все-таки не имели в Риме никакой силы. Крик духа повторился еще раз, — и только сейчас Атия поняла, что теперь он раздавался откуда-то снизу. Словно не из стены в спальне Скрибонии, но из самой земли под полом дома.

Мертвым нет хода обратно в мир живых, — упорно, словно мантру, повторяла она про себя фразу, однажды услышанную от матери. С каждым повторением в нее верилось все меньше и меньше.

— Боги, ну почему мы? — тихо пробормотала невестка. Полностью растратившая все силы, она уже не плакала, а от слов ее веяло обреченностью.

Атия нервно сглотнула, отгоняя прочь от себя невеселые размышления о том, что же ждет их после смерти. Что, если никакого спокойного и умиротворенного царства Аида никогда не существовало? Что, если все души когда-либо погибших, были обречены в посмертии страдать так же, как этот несчастный, пытающийся вырваться на свободу прямо в доме ее сына, лемур? Гортензий... Ей было страшно даже просто об этом подумать. Она едва знала старого оратора, но сейчас испытывала к нему невыносимую жалость.

— Ааааа! — воздух пронзил чей-то крик.

Атии понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что кричали прямо в атрии, а голос кричавшего принадлежал вовсе не затихшему духу, но старому рабу-философу Архидаму, в дискуссиях с которым ее сын предпочитал проводить те короткие моменты досуга, что изредка у него выдавались.

— Я его видел! Он там! Там за окном! — Архидам ткнул пальцем куда-то в темноту улицы, что скрывалась за незакрытым ставнями окном кухни и, с несвойственной ему резвостью, подскочил и побежал к входной двери.

Спустя мгновение все, присутствовавшие в атрии, последовали за ним.

На улице слабый свет светильников едва отвоевывал небольшие участки пространства у крошечной темноты безлунной ночи. Следуя за Архидамом, они завернули за дом — и застыли все, как один.

В темноте отчетливо виднелся мужской силуэт. Странный, словно деформированный, он стоял на одном месте и не двигался. Нижняя половина его тела была похожа на нормальную, но верхняя резко расширялась от груди до исполинских плеч, на которых не было видно даже намека на голову.

На короткое мгновение двор погрузился в абсолютную тишину.

А затем словно взорвался. Кричали все — начиная от самых молодых рабынь сына и Скрибонии, никогда не отличавшейся крепостью духа, заканчивая германскими гладиаторами, выпустившими мечи из внезапно ослабевших рук и с суеверным ужасом вглядывающимися туда, где без движения стоял силуэт.

Сложно было определить, кто из них первым окончательно отдался в объятья паники и побежал, но стоило ему это сделать — процесс было уже не остановить.

Атия не стала исключением. Последних остатков ее ускользающего рассудка хватило лишь на то, чтобы найти Скрибонию и ухватить ее под локоть, но как только это произошло — рассудок покинул ее с концами, оставляя на своем месте только инстинкты, древние как сама жизнь.

Инстинкты кричали ей “надо бежать!” — и она бежала.

...

— Атия? — донесся до нее пьяный и заспанный голос — и она резко, словно кто-то открыл дверь, впуская ее рассудок обратно, пришла в себя.

Из приоткрытых дверей дома на нее разъезжающимися карими глазами смотрел Луций. Ее Луций. Ее пьющий и упертый, но все равно такой родной Луций. Следом за зрением к ней вернулось осязание — и она почувствовала, что все еще сжимает ладонью руку невестки.

— Атия, что случилось? — Луций потер глаза рукой, пытаясь отогнать сон.

Они с невесткой стояли на пороге их с Луцием дома.

Они были в безопасности.

— Ты ведь собиралась... — закончить фразу Луций не успел.

Стоило ступору отпустить Атию из своих цепких объятий, она бросилась мужу на шею и крепко его обняла. Ее обдало крепким перегаром качественного фалернского. Обычно она не выносила этот запах, но сейчас он был самым родным и самым желанным на свете.

А затем слова полились из нее потоком. Луций не мог вставить и слова, только жестом пригласив их с невесткой войти в дом, а она все продолжала и продолжала рассказывать.

Тогда ей казалось, что она проявляла чудеса ораторского искусства, достойные самого Красса Оратора, но позднее, вспоминая этот эпизод, она с удивлением осознавала, что речь ее была на редкость невнятной и перескакивала с мысли на мысль настолько неуклюже, что удивительно, как Луций, и сам находившийся не в самом трезвом состоянии ума, смог понять, о чем идет речь. Видимо он обладал каким-то особым сенаторским умением.

Луций слушал ее не перебивая. Склонив голову на бок, он серьезно смотрел на нее — и ничто в его виде не позволяло заподозрить, что он ей не доверяет. Лишь когда она закончила, он, выдержав небольшую паузу для уверенности, позволил себе сказать:

— Атия, это все, конечно, замечательно, но с чего вы взяли, что в доме твоего сына вообще мог завестись лемур? Гортензий умер от болезни, своей смертью, а сын его и вовсе жив.

Несмотря на весьма теплую погоду, Атия внезапно почувствовала, словно на нее вылили ушат холодной воды.

Луций был совершенно прав.

Умершие своей смертью никогда не превращались в мстительных духов, сколько бы у них не осталось незавершенных дел.

[1] Курорт возле Неаполя. Без шуток. Самый натуральный.

[2] Около 23.00–00.00.

[3] Въезд в Рим на лошадях и с повозками днем был запрещен. Все припасы подвозили ночью.

Вождь (Альберт V)

Раскинувшийся перед ними город выглядел так, словно сошел с пленки исторического фильма прямо в реальность.

Тянущиеся ввысь каменные стены окружали богато украшенные дома с колоннадами, что соседствовали с домами городской бедноты. Узенькие улочки, где и двум людям было проблематично разойтись, плавно перетекали в мощенные мостовые, по бокам которых стояли раскрашенные статуи неизвестных Алу людей, а те, в свою очередь, стекались к большой городской площади с ораторским возвышением и храмами каких-то богов.

Среди белого дня на улицах было много народу, и их небольшая, но пестрая компания привлекала к себе больше внимания, чем ему хотелось бы, но пока местные ограничивались только недоуменными взглядами — и он надеялся, что так будет и дальше.

— И что дальше? — с непривычки щурясь на ярком солнце, спросил стоявший рядом с ним Джузеппе Кароцца.

После той сцены, что они с Шимковой устроили в кабине пилотов, Ал почти не сомневался в том, каким будет их решение, но все равно у него действительно отлегло от сердца только тогда, когда он узнал, что Кароцца летит с ними. Профессор кафедры античной истории, владеющий латынью на разговорном уровне и понимающий древнегреческий был им необходим как воздух.

— Как ни странно, но нам нужны деньги, — хмыкнул Ал, — Той еды, что мы взяли с собой, нам хватит хорошо если на пару дней — и это крайний срок, чтобы найти какую-нибудь подработку, — он говорил негромко, не желая побеспокоить остальных, — Не знаешь, где здесь вывешивают объявления? Ну типа «Николаос ищет грузчика, обращаться в такую-то такую-то лавку»?

Джузеппе пожал плечами:

— Не знаю, но предлагаю начать с агоры.

— Агоры? — переспросил Ал.

— Центральная площадь. Там обычно рынок и храмы, — пояснил Джузеппе, — Помнишь площадь, которую мы проходили? Думаю, это была она.

— Ну, давай попробуем, — Ал мрачно усмехнулся и тут же пожалел об этом необдуманном поступке.

Кожу над верхней губой нещадно саднило. Он смутно помнил, — то ли откуда-то из детства, то ли из фильмов, — что греки никогда не носили усов, и либо гладко брились, либо отпускали длинные лопатообразные бороды, поэтому перед самой высадкой он, со слезами на глазах, сбрил свои усы в первый раз за последние двадцать с лишним лет. Теперь он не узнавал своего лица в зеркале, а с возникшим после непривычного бритья раздражением, не удавалось справиться никаким кремам после бритья.

— Пойдем, — кивнул Джузеппе, и они направились к площади вдвоем, оставляя остальных разглядывать окрестности с раскрытыми ртами.

Никакого рынка там сейчас не было, и вообще людей было не в пример меньше, чем на узеньких улочках. Двери в храмы и в здание, распознанное Джузеппе как некий аналог городского совета, были закрыты — и быстро стало ясно, что они пришли сюда зря.

— Где все? — недоуменно спросил Ал, оглядываясь.

— Не знаю. Наверное, сегодня какой-то праздник, — недоуменно ответил Джузеппе,

повторяя за ним.

— Ладно, черт с ними. А объявления-то где?

Из похожего на объявление на площади обнаружился только папирус, прибитый к дверям здания совета и оповещавший местных жителей о результатах какого-то голосования, смысл которого ускользал от Ала несмотря на перевод Джузеппе.

— Как они здесь вообще работу ищут? — сокрушенно спросил Ал.

Каждый миллиметр площади был рассмотрен разве что не под лупой, но никаких ни бумажек, ни табличек с объявлениями они так и не обнаружили, а надписи на стенах были полезны разве что в качестве словаря местных ругательств.

Джузеппе пожал плечами:

— По знакомству? Этот городок совсем маленький, здесь все должны друг друга знать.

— Ну и что дальше? — Ал выудил из кармана сигарету и, воровато, словно нашкодивший школьник, оглянувшись по сторонам, прикурил.

Джузеппе последовал его примеру.

— Пойдем напрямую у торговцев поспрашиваем? — неуверенно предложил он, — Мол, так и так, помощь по части грубой мужской силы не нужна?

— Думаешь, сработает? — Ал разглядывал дымящуюся сигарету, зажатую между пальцев, и мысли его были совсем не о судьбах их маленькой, но дружной компании.

В загашнике у него оставалось всего три пачки сигарет, а табак не был для Европы эндемичным растением, что в совокупности оставляло ему всего три дня спокойной жизни, после которых ему вынужденно и безальтернативно придется бросать курить.

Всего три несчастных дня.

— У нас есть другие варианты? — пожал плечами Джузеппе.

— На виллу какую-нибудь заглянуть? Может, там руки нужны? — робко предположил Ал.

— Не получится, — Джузеппе покачал головой, — Те, что поменьше, обходятся своими силами, а у тех, что побольше, всю тяжелую и пыльную работу делают рабы. А чтобы устроиться на непыльную и нетяжелую нужно хотя бы знать язык.

Куда ни плюнь, обязательно попадешь в какую-нибудь засаду.

Под недоуменными взглядами местных они докурили, после чего направились на поиски торговых рядов. Поиски не заняли у них много времени — Джузеппе был прав, городок действительно оказался таким же небольшим, каким казался с высоты птичьего полета.

Лавки, торгующие всем, что только может пригодиться жителю античного города, тянулись вдоль широкой улицы сплошной шеренгой, перемежаясь тавернами и кабаками. Между ними хаотично перемещались мужчины, одетые в туники и длинные тряпки наподобие тог прямо на голое тело, и женщины в длинных платьях с причудливыми прическами.

Здесь на них с Джузеппе никто не обращал никакого внимания и Ал даже не знал, радоваться ему или огорчаться.

Осмотревшись, Джузеппе оценил обстановку и завернул к небольшой лавочке, на прилавке которой были разложены всевозможные ювелирные изделия. За прилавком стоял немолодой мужчина, большой нос и характерные черты лица выдавали в нем еврея. Ал пожал плечами и последовал за ним, больше для солидности, чем для чего-то еще.

Греческий звучал для него как белый шум, и помочь Джузеппе в переговорах он ничем

не мог.

Первая попытка закончилась ничем, не успев толком начаться. Еврей-ювелир едва понимал латынь, а Джузеппе не мог бегло говорить на греческом — и быстро стало ясно, что общего языка им не найти. Еще несколькими торговцам, к которым они зашли, не требовалась помощь, и удача улыбнулась им только на пятой лавке, в которой бородастый улыбочивый грек продавал мебель.

— Я сказал ему, что тебя контузило на войне и теперь ты очень плохо слышишь, — сообщил Алу довольный Джузеппе по пути назад в лагерь.

Солнце уже скрылось за горизонтом и на город постепенно опускалась ночь.

— Зачем? — удивленно спросил Ал.

— Здесь все говорят на греческом или латыни, разве что кроме африканцев и зарейнских германцев. Для первого ты слишком бледный, а вторых здесь не особо любят. Так проще.

— Ну допустим, — подозрительно прищурился Ал, — А с остальными-то что делать будешь? Сколько ему там еще людей нужно?

— Трое. И охранник, — отозвался Джузеппе.

— Тоже скажешь ему, что они глухие? — саркастично спросил Ал.

Джузеппе на мгновение замолчал, и только потом ответил:

— Что-нибудь придумаю. И еще. Для него ты — Альбин, а я — Карр.

К тому моменту как они вышли за стены, на остров опустилась необычайно темная ночь. Бледная молодая луна смотрела на них с небосвода, но ее свет был слишком слаб. Если бы не фонарики на телефонах, они бы точно переломали себе ноги раньше, чем добрались до импровизированного лагеря, разбитого в пролеске недалеко от городских стен.

Впрочем, “лагерь” было слишком громким словом для обозначения места их стоянки. На небольшой поляне посреди редкого леса, очерченной виртуальной “стеной” из закрепленных на деревьях фонариков, стояло всего шесть палаток. Непозволительно мало для семидесяти человек — но протоколы действий в экстренных ситуациях, применяемые в гражданской космонавтике, никогда не предполагали возможности высадки на необитаемую планету — и спасательного оборудования для выживания в диких условиях на борту корабля тоже не было.

Эти палатки некогда принадлежали тем немногим туристам, что летели их рейсом.

Различные вещи валялись то тут, то там прямо под ногами — но освещение в лагере было не в пример лучше, чем в городе, что сводило на нет вероятность сломать себе что-нибудь, неудачно оступившись. Несколько миниатюрных аккумуляторов на термоядерных батареях, которые Ал сумел отвоевать у Стива и остальных, могли обеспечивать их электроэнергией ближайшие двадцать лет — и экономить на освещении не было нужды.

По центру лагеря кто-то развел костер — и все собрались вокруг него, занимаясь каждый своими делами. Один из старшеклассников играл на гитаре, — и несколько человек слушали его, — кучка пассажиров жарила остатки маршмеллоу на открытом огне, но большинство привычно сидело, уткнувшись носом в телефон или ноутбук.

На первый взгляд со стороны могло показаться, что они большой компанией выбрались на природу где-нибудь в Эссексе, но эта иллюзия быстро рушилась, стоило оглядеться по сторонам. Разбросанные везде ящики и чемоданы, оборудованные прямо на земле импровизированные спальные места скорее намекали на то, что они потерпели кораблекрушение.

Возвращение Ала и Джузеппе не осталось незамеченным. Музыка тут же стихла и взоры всех присутствующих обратились к ним.

— У нас для вас хорошая новость, — убедившись, что все его слушают, начал Ал, продвигаясь ближе к потрескивающему костру, — Мы нашли подработку. Нам понадобятся еще два-три крепких парня.

— Что за подработка? — тут же оживился народ.

— Грузчиками в одной мебельной лавке. Нужны люди на две смены, — ответил Ал. По толпе прокатился разочарованный рокот, — Ну да, грузчиками. А вы что думали? Что нас примут за богов, сошедших с небес, и мы будем купаться в роскоши? Местные не идиоты, — припечатал он, закрывая эту тему, и продолжил, — Короче, ближе к делу. Платят по 50 драм в день на брата, кормить на работе будет жена хозяина лавки. Оплата в конце недели. Негусто, конечно, но если получится пристроить на такую же зарплату еще десяток человек, нам всем хватит на какую-никакую жизнь и, возможно, даже на съём жилья. В общем, не все так плохо.

Джузеппе одернул его за рукав и, когда он обернулся, полупшепотом сказал:

— Ал, ты ничего не забыл?

Точно!..

— И еще, — добавил Ал, — Если кто-то из вас уверен в своей способности махать мечом, хозяину лавки нужен охранник.

— Зачем? Тут что, нет городской стражи? — насторожился Франсуа, молодой парень из пассажиров. По его внешнему виду можно было понять, что он не вылезает из фитнес-центров.

Ладно, начистоту — так начистоту. В конце концов скрытность сейчас была неуместна и вполне могла в будущем стоить кому-нибудь жизни.

— Фидиас, хозяин лавки, говорит, что здесь в последнее время оборзели пираты, — народ дружно охнул, — Римляне, говорит, слишком заняты грызней между собой, им никакого дела нет, а сами греки слишком слабы, чтобы дать отпор. Вот и защищаются, кто как может. Может, это и к лучшему. Если бы тут было спокойно, нашли бы мы работу, ага, — звучать еще скептически, чем звучал Ал сейчас, было невозможно, — Ну что, — он сомкнул руки в замок, — Есть желающие немного подработать?

Желающие нашлись быстро и в количестве в три раза превышающим количество вакантных мест у Фидиаса. Даже желающие похвастаться своими навыками рукопашного боя обнаружили, хоть на это Ал совсем и не рассчитывал. Однако вакансий у Фидиаса от этого больше не становилось — и нужно было что-то решать. Желательно — так, чтобы обошлось без тяжких телесных.

Задумчиво почесав подбородок, Ал предложил желающим тянуть жребий — и это стало приемлемым для всех выходом.

Управившись с жеребьевкой, все собирались было вернуться к своим занятиям, но Ал снова отвлек их:

— Еще минуточку внимания, — сказал он, — Учитывая местную проблему с пиратами, я не думаю, что спать просто так, под открытым небом, безопасно. Если ночью начнется набег — мы не успеем даже отреагировать. Мне кажется, целесообразно будет назначить людей в дозор. Скажем, первая смена заступает с 11 вечера и до 3 ночи, а вторая — с 3 ночи и до 7 утра.

Он обдумал это предложение еще по дороге и сейчас просто озвучивал его.

Желающих провести пол ночи на ногах нашлось меньше, чем желающих таскать мебель и подпирать спиной стенку лавки в поисках воришек, однако две дозорных группы по пять человек все же удалось наскрести. Маловато, но и их лагерь нельзя было назвать большим.

Отпустив остальных, Ал раздавал инструкции свежее испеченным дозорным. С его точки зрения они были прописными истинами, но, отдавая себе отчет в том, что он имеет дело с гражданскими, он рассказывал все в мельчайших подробностях.

— ... и последнее — если увидите хоть какое-то, малейшее непонятное движение, не поднимайте панику, но сразу будите меня. Дальше действуете в соответствии с указаниями.

— А почему только тебя? — недоуменно подняла бровь Шимкова, вызвавшаяся нести дозор в первой группе.

— Если вы начнете будить всех на своем пути криками «пираты идут!», знаешь, что произойдет? — Шимкова помотала головой, — Все запаникуют и побегут кто куда. Кто-то за стены, а кто-то и на врага. Это очень опасно, поэтому будите меня, а дальше я скажу, что делать.

Шимкова кивнула, отступая на пару шагов назад.

— Больше вопросов нет? — обратился Ал ко всем. Тишина стала ему ответом, — Отлично. Значит так, первая группа — заступает через двадцать минут, три человека дежурят на холме, двое — ближе к лагерю. Вторая — заводите будильники на три и идете спать. Потом — по той же схеме, что и первая группа. Всем все ясно?

Десять человек синхронно кивнули головами.

— Отлично, — сказал Ал, — В случае форс-мажора — будите меня, — повторил он еще раз, — Все, по местам.

Дозорные разошлись по своим импровизированным постам, а он, недолго думая, присоединился к остальным и отправился спать. Этот бесконечно долгий день совершенно его вымотал.

Настойчивая и жутко противная трель комма буквально вонзилась ему в мозг, выдергивая его из приятного сновидения, в котором он тискал грудастую бразильянку на морском побережье. Спросонья плохо соображая, что происходит, он попытался встать и тут же запнулся мизинцем о чемодан.

К трели комма добавился громкий и недовольный мат, — и этого оказалось достаточно для того, чтобы люди вокруг проснулись и принялись сонно крутить головами, пытаясь выяснить причину ночной побудки.

Выругавшись, Ал обнаружил, что удар мизинцем о чемодан был неплохим средством для того, чтобы продрать глаза и практически нормальным голосом беззлобно буркнул в комм, нажимая на кнопку приема:

— Слушаю.

Выяснив, что ничего страшного не происходит, а просто их командир решил ночью исполнить ритуальный танец вокруг чемодана, народ попадал назад на импровизированные подушки, тихо ругаясь себе под нос.

Сквозь помехи до Ала донесся голос Стива:

— Ну все, мы добрались до орбиты Плутона. Покидаем солнечную систему и уходим в варп. Просто хотел, чтобы ты знал.

— Стив, у нас четыре утра. Ты мне весь лагерь перебудил, — тот факт, что большая часть людей проснулась именно от его пируэтов, Ал предпочел замолчать.

Из комма раздался неопределенный звук, а затем Стив сказал:

— Прости, все время забываю, что у вас минус шесть от корабельного.

— Ладно, проехали. Удачи вам, Стив, — Ал уже не злился на напарника за бунт, но за отправившихся с ним все равно переживал.

— Спасибо, вы там внизу тоже держитесь, — отозвался после паузы Стив, — Если все получится, мы пришлем вам помощь.

— Принято.

— Кстати, — Стив хихикнул, — У нас тут учительский бунт. Дженкинс орет, что ты украл ее драгоценных деточек и требует, чтобы мы свернули назад.

Ал прыснул:

— Ну пусть побунтует, ей это полезно.

— Я ей этого говорить не буду — мне еще людей довести надо, а это, знаешь ли, будет немного проблематично сделать, если меня насмерть забьют сумкой, — хохотнул Стив на той стороне, но быстро посерьезнел, — Ну все, мы у точки входа. Прощай, Ал. Надеюсь, еще свидимся как-нибудь. Стив, конец связи, — сказал он, прежде чем Ал успел открыть рот, и комм замолчал.

Ну вот и все. Теперь они окончательно сами по себе.

Второй неожиданный звонок прозвучал на следующий день, когда они, вместе с Джузеппе и Паулем подпирали спинами стены лавки Фидиаса и лениво (а на таком солнце пеке сложно было что-то делать не лениво) оглядывали улицу. Фидиас за стойкой торговался с очередным покупателем и не обращал на них никакого внимания.

Из кармана Джузеппе раздался сигнал комма — и он чуть было не подпрыгнул от неожиданности. В ответ на его заданный одним взглядом вопрос, Ал коротко кивнул, после чего они отошли немного в сторону от лавки.

С явным волнением, Джузеппе нажал на кнопку приема, и из комма в то же мгновение раздался возбужденный женский голос:

— Прием. Стан, это Мария. Мария Диас. Ты меня слышишь?

Мария?! Неужели она жива?!

— Мария? — ошарашенно переспросил Джузеппе, — Мария, это я, Джузеппе. Mãe Mãe, как я рад тебя слышать!

— Джузеппе? — из комма раздалась шорохи и затем Мария добавила, — А где Стан? Это же вроде его комм.

— Стан... — влез Ал, не дожидаясь приглашения, — Стан мертв, Мария.

— Ал? — голос на той стороне звучал удивленно, — В смысле “мертв”? Что у вас там происходит? Почему вы никого за нами не прислали? — скороговоркой вывалила она на него поток вопросов.

Недолго думая, Ал вкратце пересказал ей события последних дней. Темнить сейчас было бесполезно, и даже немножечко вредно.

Когда он закончил говорить, Мария молчала. Мария молчала настолько долго, что он было подумал, что сигнал пропал, когда из комма раздалось ошарашенное:

— Н-да... Все наперекосяк пошло.

— И не говори, — усмехнулся Ал, позабыв, что она его не видит, — Я так понимаю, тебе нас тоже порадовать нечем? Почему ты так долго на связь не выходила?

— Ага, нечем. Я комм расколошматила. Не критично, но на починку нужно было время, а вот как раз с ним у меня не задалось.

— Почему? — не понял Ал.

— Потому что остаться в античном доме наедине с самим собой дольше, чем на полчаса — это очень сложно, я тебе скажу! Вокруг меня постоянно кто-то есть. Постоянно. И знаешь, что самое странное? Им вообще нормально! Они даже мыться по одному не ходят, Ал!

— Стоп, стоп, стоп! — Ал совершенно потерял нить разговора и мириться с этим так просто не собирался, — Давай по порядку. С того момента, как вам на форуме надавали.

— Ну... Давай, — немного замявшись, отозвалась Мария, — Спрашивай, я не знаю, с чего начать.

— Джузеппе и Яна сказали, что ты потерялась. Как так получилось?

— Очень просто. Я отстала. Че... Цезарь очень быстро бежит для человека, который умер две тысячи лет назад, — не сдержавшись, Ал прыснул в кулак от ее слов, — Что дальше случилось, я не видела. Я была прямо в толпе и в какой-то момент люди просто побежали. Это уже потом мне рассказали, что Цезарь наехал на Октавиана, который собирался принести ему в жертву каких-то военнопленных.

— Чего?! — удивился Ал.

— Я тебе позже расскажу, — одернул его Джузеппе, позволяя Марии продолжить.

— Потом, когда все побежали, меня как-то занесло в переулок, где на меня напали какие-то местные бандиты, — рассказывала Мария, — Но со мной все хорошо, Квинт их раскидал как котят.

— Квинт? — переспросил Ал, — Это еще кто такой?

— Центурион мой знакомый, — отозвалась Мария, — Ну, тогда, очевидно, еще незнакомый. Он просто мимо проходил и заметил. Хотя... — неожиданно задумалась она, — Знаешь, Ал, вот пока ты не спросил, я не понимала, но... Он откуда-то знал, что я была с Цезарем. Спрашивал меня потом постоянно. Тот еще ребус был — у нас с ним ни одного общего языка нет.

Кто-то дернул Ала за рукав футболки и, когда он поднял глаза, он увидел обеспокоенного Пауля, одним взглядом указывающего в сторону Фидиаса. Тот уже закончил торговаться с клиентом и теперь выжидательно смотрел на них.

— Ага-ага, — быстро пробормотал Ал, — Давай быстрее, у нас мало времени. Мы на работе.

— На работе? — удивилась сперва Мария, но потом спохватилась, — Короче. Я уже немножко понимаю местных, и... Те чуваки, к которым меня притащил Квинт — они какие-то старые друзья Цезаря и они уже вот несколько дней как в мыле носятся по городу, ищут его и пытаются поднять народ на восстание против Октавиана.

Ал присвистнул и собирался было задать уточняющий вопрос, но Джузеппе быстро выхватил комм у него из рук и нервно спросил:

— Кто они, Мария? Ты знаешь их имена?

Мария на той стороне задумалась, а затем ответила:

— Ну я сейчас живу у Гая Азиния Поллиона. Еще был Луций Корнелий Бальб и несколько других чуваков, я их в лицо помню, а по именам — нет. Надо у Квинкций спросить. Это жена Поллиона, очень общительная женщина.

Джузеппе облегченно выдохнул. Ала так и подмывало задать ему пару вопросов, но времени на это сейчас не было — и он переключился на Марию:

— Они уверены, что он жив?

— Уверены, но я не могу понять почему. Они все так быстро говорят, — почему-то Ал

был уверен, что на той стороне Мария развела руками.

Давно позабытая надежда снова робко поднимала голову где-то внутри.

Со стороны лавки раздавались быстрые шаги Фидиаса. Разговор пора было сворачивать.

— Ладно, давай вечером поговорим? Нам работать надо, — скороговоркой выпалил в комм Ал и, нажав на красную кнопку, сбросил связь.

Когда он обернулся к Фидиасу, на его лице сияла широкая улыбка.

Рупор (Марк Агриппа II)

Марк сидел за столом и сверлил взглядом центуриона, который разъяренно размахивал перед ним куском папируса. За спиной того толпились пара десятков легионеров, и ему дорогого стоило сохранять каменное выражение лица. По спине строем ходили мурашки и липкий страх обволакивал его целиком.

— Это ты как объяснишь, а? — рявкнул ему прямо в лицо центурион, когда ему наскучило размахивать папирусом.

— Для начала, прекрати мельтешить и скажи нормально. В чем дело? Что это за свиток? — собрав волю в кулак, твердо сказал Марк.

Он лукавил — папирус в руках центуриона он узнал тотчас же, как его увидел, — и сейчас просто тянул время, пытаясь выдумать хоть какую-нибудь относительно правдоподобную ложь. Задницей же чувствовал, что затея Августа с внесением того центуриона в проскрипционные списки не закончится ничем хорошим. И вот. Не закончилась.

Несмотря на уверенность в том, что у него оставалось еще какое-то время в запасе, чтобы разрулить эту в высшей степени опасную ситуацию, делегация, жаждущая объяснений, пожаловала к Августу в гости уже сегодня в обед, хоть обновленные списки на рострах и повесили только вчера ближе к вечеру.

Пусть легионерам по закону было запрещено пересекать померий до официальной отставки, сейчас Марк не рискнул бы им об этом напомнить. Выражения их лиц не оставляли никаких сомнений — их терпение было на исходе и могло закончиться в любой момент.

— Вот только не надо тут придуриваться! — центурион швырнул проскрипционный список на стол перед ним, — Смотри! И ответь, где этот урод, Август? — продолжал надрываться он, — Мы хотим говорить с ним, а не с его цепным псом!

— Он плохо себя чувствует. Хочется вам того, или нет — говорить придется со мной, — процедил Марк, после чего взял свиток в руки и сделал вид, что внимательно его изучает, — А, собственно, что здесь не так? — он поднял одну бровь, стараясь как можно правдоподобнее изобразить удивление.

— Вот что! — центурион ткнул пальцем с безобразно обгрызенным ногтем в строчку с надписью «Квинт Калавий».

— Квинт Калавий... Квинт Калавий... — пробормотал себе под нос Марк, словно он видел это имя впервые.

Ложь постепенно вырисовывалась у него в голове, и он собирался придерживаться ее до последнего.

— Квинт Калавий, твою мать! — закричал центурион, — Бывший примпил десятого. Что он здесь делает?

— М-м-м... — протянул Марк, хмуря лоб, а затем изо всех сил постарался изобразить озарение, — Вот ведь!.. Опять эти придурки все перепутали.

— Какие придурки? — центурион удивленно отпрянул.

— Рабы, — уверенно заявил Марк и, пользуясь небольшим замешательством делегации, принялся врать дальше, — Я вообще знать не знаю, кто такой этот ваш Калавий. Здесь должен был быть Квинт Кальвизий. Опять эти безграмотные идиоты все перепутали. Я

прикажу найти виновного, и он понесет заслуженное наказание.

К такому повороту легионеры явно были не готовы. Еще мгновение назад они требовали аудиенции у Августа в самых нецензурных выражениях, а теперь замолкли и принялись недоуменно переглядываться меж собой. Даже тот борзый здоровяк, что размахивал у него перед носом списком, явно растерялся.

— Что-то еще? — нахмурившись, нетерпеливо, словно его отвлекают от очень важного дела какими-то глупостями, сказал Марк.

Сейчас главным было не утратить инициативу и вести себя как можно более естественно. Одно смутное подозрение, что он лжет — и им с Августом конец. Пусть все прятавшиеся в саду рабы и были вооружены, они все равно не имели ни единого шанса против хоть и безоружных, но все-таки боевых ветеранов.

— Да нет, вроде... — задумчиво почесал нос центурион.

— Тогда свободны, — махнул рукой Марк, приказывая им удалиться.

— А... — коротко сказал центурион и снова ткнул пальцем в злополучный список.

— Сейчас исправлю, да, — кивнул Марк, придвигая к себе исписанный именами кусок папируса.

Удовлетворившись его пояснениями, легионеры удалились, оставляя Марка наедине с невеселыми мыслями.

Сейчас ему удалось заболтать им зубы, но, поставленный на эту растяжку в самый неподходящий момент, он совершенно не видел ни одного приемлемого в долгосрочной перспективе выхода. Будь на то его воля — он бы вымарал имя центуриона из списков и просто подослал к нему убийц, но, увы, решения принимал не он.

Дверь, ведущая в сад, открылась и из-за нее высунулась лохматая голова испуганного Леарха:

— Они ушли? — нервно оглядываясь, спросил он, — Хозяин интересуется.

— Ага, ушли. Скажи ему, что уже можно выходить, — кивнул Марк.

Голова Леарха исчезла в саду, и спустя минуту оттуда в атрий вышел целый и невредимый Август без единого следа недомогания. Марк открыл было рот, собираясь пересказать ему суть разговора, но он прервал его одним жестом.

— Я все слышал, — сказал он.

— И что думаешь по этому поводу? — нахмурившись, Марк разглядывал друга.

Ответа не последовало. Август с задумчивым выражением лица смотрел куда-то поверх Марка — и он отчего-то принялся оправдываться за свой вопрос:

— Я имею ввиду... Мы не можем просто так вывесить списки назад, не убрав оттуда этого Калавия. Еще раз спихнуть все на нерадивых рабов не выйдет. Можно, конечно, просто вычеркнуть его из списков и заменить на того Квинта Кальвизия, которого я только что придумал, а к самому Калавию потом просто подослать убийц...

Август оборвал его на полуслове:

— Нет, — жестко отрезал он и посмотрел на Марка тем самым ледяным взглядом, обычно предназначавшимся врагам, — Никаких убийц. Он предатель и должен умереть как предатель — лишенным гражданских прав и имущества, от рук сознательных граждан.

Отстаивать свою точку зрения Марку резко расхотелось, поэтому он просто кивнул и спросил:

— Какие-нибудь варианты? Сейчас возвращать список на роstrу в таком виде нельзя.

— Сейчас нельзя, — на удивление легко согласился Август. Лицо его, казалось, даже

немного смягчилось, но лед в глазах никуда не делся, — А вот завтра, после нашего небольшого представления... — его губы растянулись в торжествующей ухмылке.

Он искренне верил в то, что обвинение центуриона в пособничестве Антонию сможет хотя бы на йоту изменить мнение его сослуживцев по поводу внесения его имени в проскрипционные списки — и это навевало на Марка едва уловимый ужас. Пусть он и сам считал, что подстрекательство к мятежу нужно пресекать жестко и решительно — и, желательно, публично, — но в текущей ситуации это было даже не невозможно — самоубийственно. За перебои в поставках продовольствия их и так ненавидела добрая половина Города, а за распределение земель между ветеранами — все, задетые им города Италии без исключения.

Легионеры оставались их единственной опорой — и, вызвав их гнев по столь незначительному поводу, ее слишком легко было лишиться.

К сожалению, сказать этого напрямую Августу Марк не мог. Слова просто застревали в горле, отказываясь звучать — и ему оставалось только одно. Попробовать зайти издалека и мягко подтолкнуть друга к таким же выводам.

— Думаешь, сработает? — под ледяным взглядом Августа Марк запнулся и только сглотнув вставший в горле ком, смог продолжить, — Я имею ввиду, они ведь и с солдатами Антония служили вместе...

Все его робкие возражения вмиг разбились об один-единственный вопрос:

— И что с того?

Рвущиеся наружу аргументы так и остались невысказанными. Пытаться переубедить Августа, принявшего какое-то решение, было бессмысленно. В военных вопросах он доверял Марку безоговорочно, но в политических — предпочитал решать исключительно сам, и любая попытка с ним поспорить неизбежно оставляла неприятное послевкусие подпорченных отношений.

А портить отношения с Августом не хотелось и, по правде, было даже немного боязно.

Марк поник.

— Зачем нам нужны потенциальные предатели? — продолжал рассуждать Август, не замечая его настроения, — Сегодня они посчитают, что продавшийся Антонию центурион не сделал ничего такого, а завтра сами продадутся и устроят мятеж. Нам самим будет лучше, если мы накроем их всех вместе и за один раз.

А ты уверен, что все наши солдаты не окажутся предателями? — чуть не сорвалось с губ Марка, но он вовремя себя одернул и коротко кивнул в знак «согласия».

Нет, он не станет спорить с Августом. А списки... А со списками он что-нибудь придумает. В конце концов у него было на это аж целых полтора дня...

Боги, во что он вляпался и как отсюда выбраться?!

— Ладно, что-то мы засиделись, — констатировал Август. Не встретив сопротивления, сейчас он выглядел вполне довольным жизнью, — Тебе уже пора на форум. Объявление само себя не сделает, Марк.

И снова Марк не стал с ним спорить — и просто молча выполнил приказ, плохо завуалированный под просьбу.

Несмотря на дневной час, людей на форуме было не много. Не проводились приостановленные заседания судебных комиссий, не принимали посетителей закрытые до следующих праздников храмы, никто не будоражил народ крамольными речами — и не было ничего удивительного в том, что люди были где угодно, только не здесь.

Оставив гладиаторов из охраны внизу, Марк поднялся на ростры и призвал всех к вниманию.

— Квириты! — начал он, когда большинство из немногочисленных присутствующих подошло к рострам и обратило взгляды на него, — Сообщаю вам, что сегодня в одиннадцатом часу[1] на Марсовом Поле состоится народная сходка. На ней будет сделано несколько объявлений, а также дано официальное пояснение по поводу случившегося на иды.

Если бы на его месте был бы Август, он несомненно превратил бы это подобие речи в полноценную речь, а кучку, собравшуюся под рострами, в полноценную сходку, — но Марк никогда не славился красноречием и не пытался лезть не в свое дело.

Закончив с объявлением, он спустился с ростр и нацарапал на куске папируса сообщение, которое затем приказал гладиаторам прибить к дверям базилики Эмилия. Несмотря на столь позднее объявление, ему необходимо было обеспечить высокую явку на этой сходке, если он хотел, чтобы хотя бы одной из неожиданно размножившихся проблем стало меньше.

Новости всегда разносились по Городу со скоростью пожара, и, когда вечером Марк пришел на Марсово Поле, там уже собралась пестрая галдящая толпа из граждан, легионеров и даже рабов. На скорую руку сколоченная трибуна пустовала — его друг иногда любил добавить театральности и драматизма своим действиям, и сейчас намеренно опаздывал.

Ну или Марк хотел надеяться, что он намеренно опаздывал, а не что-то пошло не по плану.

Многочисленная и многоголосая толпа уже начинала недовольно возмущаться, когда со стороны театра Помпея появилась процессия, во главе которой шел Август. Все было в порядке — Марку хватило одного взгляда на него, чтобы понять это. Другой на его месте увидел бы на лице Августа непроницаемую маску безразличия ко всему, но Марк слишком давно с ним дружил — и слишком хорошо его знал.

Пусть и на короткое мгновение, но от сердца отлегло.

Процессия поравнялась с Марком и, присоединившись к ней, он вместе с Августом поднялся на трибуну. Толпа внизу затихла. Десятки тысяч глаз оказались прикованы к Августу, но ничто не могло поколебать его спокойствия. Марк никогда не понимал, как ему это удастся — для него самого любое публичное выступление, кроме разве что речей перед солдатами, было настоящей пыткой.

Август поднял руку в коротком жесте, призывающем собравшихся к тишине, словно в этом была какая-то необходимость, и начал:

— Квириты! Полагаю, вы догадываетесь, зачем я вас здесь собрал. Вы, вы все были свидетелями тому, каким вопиющим образом были сорваны угодные богам жертвоприношения на иды. Вы, вы все видели все в мельчайших подробностях, однако вас наверняка мучают вопросы. Что это было? Зачем и кому могло понадобиться столь возмутительное вмешательство в божественные дела?

Август бросил беглый взгляд на свиток, что держал в руках. Он никогда не произносил свои речи экспромтом, подобно какому-нибудь Гортензию, но всегда составлял их заранее и, не полагаясь на несовершенную человеческую память, брал записанный вариант с собой.

— В первую очередь, я прошу вас меня извинить за столь долгое молчание. То, что казалось не более, чем чудовищной, но все же необдуманной выходкой одиночки, оказалось на деле только вершиной сокрытой под толщей воды горы. Вы все, наверняка, были

шокированы узнав, что имена действующих консулов оказались среди рядов имен гнуснейших и вероломнейших людей Республики.

Толпа отозвалась утвердительным гулом, но он был далек от единогласного одобрения. Проплаченные люди обеспечивали только фон, для всего остального было необходимо, чтобы и простые зеваки к ним присоединились.

Пока простые зеваки смотрели на Августа с подозрительностью, заставляя Марка начать переживать.

— Тогда вы можете представить себе, каковым было мое удивление, когда я узнал о том, что они — одни из первых людей в нашем государстве, которым мы все доверились и вручили в руки высшую власть, оказались... Предателями.

Толпа шокировано охнула — на этот раз вполне искренне, и лучик надежды снова забрезжил.

— Боги были поистине милостивы ко мне, когда позволили мне на иды захватить возмутителя спокойствия живым. Если бы этого не произошло, он никогда не дал бы показаний, что позволили мне размотать этот клубок — и раскрыть заговор, что столь долго вызревал в самом сердце Республики. Когда все прояснилось, я долго не мог поверить своим глазам, — короткий взгляд в свиток, — А вы, вы, квириды, смогли бы поверить в то, что консулы продались Антонию, этому предателю, что возомнил себя каким-то восточным царьком и вознамерился заставить нас признать его таковым? Вы, вы смогли бы поверить, что возмутительная, но несуразная провокация, свидетелями которой мы все стали, должна была стать началом длинной цепочки бедствий, направленной на то, чтобы сделать жизнь в Городе столь ужасной, что мы сами отдали бы нашу свободу Антонию без малейшего сопротивления?

В массе своей, толпа, затаив дыхание, внимала речи Августа, однако Марк видел в ней и недоверчивые лица и слышал потихоньку возобновляющиеся шепотки.

— В это было тяжело, почти невозможно поверить, однако все поступающие сведения, — не только полученные в ходе допроса, — указывали именно на это. К счастью, среди окружения заговорщиков нашелся достойный муж, не лишенный чести и мужества. Человек, что ставит государственное благо превыше всего личного. Однако, вдобавок ко всем своим многочисленным добродетелям, он также обладает великой скромностью, поэтому попросил меня не называть его имени. Сей достойный муж, узнав о поистине жутких замыслах своего патрона, не испугался, не присоединился к нему, не сбежал, трусливо поджав хвост на загородную виллу, но нашел в себе силы прийти ко мне и доложить обо всем, о чем ему стало известно.

Внимание толпы все больше рассеивалось, шепотки переходили в откровенные, громкие разговоры. И недоверия на лицах собравшихся, — особенно, к ужасу Марка, на лицах легионеров, — становилось все больше и больше. Боги, но почему? Август, как ему казалось, говорил очень убедительно. Неужели они недооценили центуриона и Оппия?

— Благодаря его сознательности, мне удалось узнать полный состав заговорщиков буквально за считанные дни.

Из толпы раздался насмешливый мужской крик:

— Ну-ну, давай, рассказывай! Интересно, как ты объяснишь то, что все твои заговорщики — старые друзья твоего отца, а?! С чего это им вдруг так приспичило помогать какому-то непонятному типу, нанятому Антонием?

Август побелел, вне себя от ярости.

Пытаясь сбавить накал враз раскалившейся ситуации, Марк несколькими короткими жестами указал своим ликторам на кричавшего. Еще немного — и Август бы просто взорвался от возмущения, собственноручно поставив крест на их таком простом и эффективном плане.

Ликторы поняли его без слов, — такая работа была им не впервой, — и спустя пару минут вывели возмущенного мужчину из толпы и принялись при помощи дубинок доходчиво объяснять ему, почему он не прав. Сам же Марк подошел к Августу, схватил его за предплечье и с силой сжал. Боль, даже столь незначительная, была хорошим средством для того, что привести человека в себя.

Август моргнул — и бурное море слепой ярости, плескавшееся в его глазах, затихло.

Достаточно для того, чтобы он мог, все так же с виду спокойно и безэмоционально продолжить:

— Я понимаю ваше недоверие. Мне известно о распространяемых отдельными провокаторами в последние дни по Городу слухов. И, разумеется, я не смею требовать от вас, квириты, безоговорочно верить мне на слово.

Недовольный шум толпы утих, давая возможность Августу беспрепятственно озвучить, пожалуй, самые главные строки его короткой речи:

— Завтра в шестом часу дня[2], на Форуме, с роstr, перед лицом всего народа, захваченный мною провокатор даст показания и вы, каждый из вас, квириты, сможете самолично убедиться в том, что эти слухи совершенно не имеют под собой никакой основы.

Людское море перед трибуной стихло, не зная, как реагировать на подобное заявление. Марку, наверное, следовало бы радоваться тому, что все прошло по плану.

Но вместо этого он, с все нарастающим беспокойством, думал только об одном.

Что, если обработка Августа провалилась? Что, если он завтра не скажет то, что нужно им?

Боги, почему они не могли просто его убить и нанять похожего актера?!

[1] У римлян день делился на 12 часов — от рассвета и до заката. В марте “11 часов” по римской системе исчисления примерно равно 18.00 по нашей системе.

[2] Около полудня.

Бунтовщик (Квинт Калавий III)

— Если бы не ты, он был бы жив!

Тумаки сыпались на Квинта, но он даже и не думал сопротивляться или говорить что-то в свое оправдание. А что тут можно было сказать? Квинкция была совершенно права. Не приди он на иды домой к ее мужу, не Расскажи, что на самом деле случилось — Гай Азиний определенно не ввязался бы во все это и точно был бы еще жив.

С этим было невозможно поспорить.

Бледная, как мел, Мария дернулась в их сторону, но Квинт остановил ее одним коротким жестом. Не надо. Пусть лучше Квинкция поколотит его. Может быть, и ей станет легче — и его невыносимое чувство вины хоть немного отступит.

Квинкция отпрянула от него так же резко, как и накинулась:

— Ну зачем, зачем, во имя богов, ты вообще к нам пришел?! — вскричала она. В глазах ее стояли слезы.

А что я, по-твоему, должен был сделать?! — хотелось закричать в ответ, но он сдержался и, чтобы уж точно не сорваться, принялся разглядывать свою обувь.

За спиной скрипнула входная дверь. Быстрее, чем пришло осознание, Квинт обернулся и метнулся вперед, загораживая Квинкцию своей спиной. В этой борьбе больше не оставалось никаких правил — и надеяться на то, что противник пощадит хотя бы женщин, было бы в высшей степени глупо.

В дверном проеме стоял Тит Пулло и, ошарашенный такой реакцией, таращился на него. За спиной у него маячил еще один, незнакомый человек. Облегченно выдохнув, Квинт опустил занесенные для удара кулаки, и улыбнулся:

— Ну и напугал же ты меня, Тит.

— Ты меня тоже, — напряженно хохотнул Пулло.

— Матий?! — раздался из-за спины удивленный голос Бальба, — и хозяин дома, в котором они все прятались, вышел из тени портика.

Пулло отступил в сторону, освобождая проход, и незнакомый Квинту худой мужчина в простой белой претексте вошел в атрий.

— Матий, боги, как я рад тебя видеть в целости и сохранности! — Бальб на мгновение заключил его в дружеские объятия, но затем отпустил, — Какими путями?

— Шутишь? До меня как слухи дошли, я сразу к вам, — отозвался названный Матием. Голос его показался Квинту смутно знакомым, — Скажи мне, Бальб, они ведь не врут?

— Смотря, что ты слышал, — ухмыльнулся Бальб.

Все еще растерянный, Квинт поравнялся с Пулло и шепотом спросил:

— Это еще кто такой?

Бальб увлек Матия за собой вглубь атрия и теперь взбудоражено пересказывал ему события последних нескольких дней. Их с Пулло сейчас никто не мог услышать.

— Ты что, не помнишь? — удивленно вздернул бровь Пулло. Квинт помотал головой, — Гай Матий, друг Цезаря. Ну он еще с письмами за Помпеем бегал в начале гражданской войны[1] и в штабе потом иногда тусовался, ты забыл что ли?

Как Квинт ни напрягал мозги, имя никак не хотело всплывать в памяти.

— Забыл, — в итоге признался он.

— Ну у тебя и решето вместо памяти! — беззлобно хохотнул Пулло и дружески хлопнул

его по плечу.

— Ну. Зато если я завтра забуду твое имя, ты хотя бы не удивишься, — хмыкнул Квинт.

— Ты главное с какой стороны за меч держаться не забудь, — Пулло старался выглядеть серьезным, но глаза его улыбались.

Закончив свой лаконичный, пусть и эмоциональный, пересказ, Бальб вернулся к ним с Пулло. Выбранный в качестве их основного информатора, не засвеченный нигде и ни перед кем, последний регулярно выбирался из дома и приносил с собой свежие новости.

— Ну что там снаружи происходит? — спросил Бальб.

От дурашливого настроения Пулло не осталось и следа.

— По-моему, нас окружили, — нахмурившись, отозвался он, заставляя Квинта немедленно сосредоточиться.

В том, что мальчишка решил не ограничиваться периметром наблюдения вокруг дома Бальба, не было совершенно ничего неожиданного — судьба в последнее время только и делала, что била их палкой по хребту.

Подоспевшие рабыни и присоединившаяся к ним Мария увели не оказывающую сопротивления и тихо всхлипывающую Квинкцию вглубь дома — и над атрием повисла зловещая тишина.

— Сколько их? — первым отмер Бальб.

Пулло помотал головой:

— Точно не знаю, но человек сто будет. Может, больше.

— Кто они? — вклинился в разговор Квинт.

— Гладиаторы. Бандиты какие-то. наших парней я не видел, — обернулся к нему Пулло.

Мальчишка не хотел рисковать и не использовал легионеров. Отлично.

— Что они делают? — Квинт продолжал выдавливать сведения из Пулло по капле.

— Пока просто по периметру стоят. Мы с Матием их через дом Исаврика обошли. Я ему сказал, что мы с вами — и он нас пустил без вопросов. Удачи, кстати, нам пожелал.

Приказ на штурм еще не поступил, но у Квинта было мало сомнений в том, что это вопрос ближайшего времени.

Больше Пулло добавить было нечего, и Квинт, с неожиданным даже для самого себя азартом, предложил, обращаясь ко всем присутствующим:

— Ну что, будем держать оборону?

Никаких возражений, предсказуемо, не последовало. У них не было никакого выбора.

Приготовления к штурму не заняли у них много времени — Бальб и без них успел за вчерашний день основательно подготовиться к любой атаке. Десяток человек под началом Ворена блокировали главную дверь, пятнадцать — с Квинтом засели на крыше со всем, что только можно было метнуть во врага, на тот случай, если у него есть лестницы, и последний десяток вместе с Пулло остался в резерве, готовый, если что, перемахнуть через стену, и зайти врагу в спину.

Квинт взобрался на самый верх крыши и, подслеповато шурясь от яркого солнца, осмотрелся. Пулло не ошибался — их действительно взяли в кольцо. С высоты второго этажа дома он явно видел очерченную гладиаторами замкнутую фигуру, которую вряд ли смог бы разглядеть, будучи на земле.

Дерьмово, но лучше так, чем сидеть в неведении до тех пор, пока на них не нападут.

Он окинул Паллатин взглядом еще раз, и тактика потихоньку сформировалась в голове.

Со стороны уходящей под уклон улицы атаковать их было сложно, со стороны слишком крутого склона холма — так и вовсе невозможно, и открытыми для нападения оставались всего лишь два фланга, которые им было под силу укрепить даже со столь ограниченным количеством людей. Хоть раз палка, которой их с упорством колотила судьба, оказалась завернутой в мягкую ткань.

Он жестами показал своим ребятам, кому и какую позицию следует занять, и только убедившись, что все разошлись по своим местам и залегли так, чтобы их не было видно снаружи, сам упал на покатуую крышу. Где-то внизу Бальб раздавал команды рабам.

Теперь оставалось только ждать.

Вопреки его ожиданиям, штурма не последовало. Квинт не мог сказать, сколько они с парнями так провалялись на крыше, но когда ему начало основательно припекать голову, он съехал на самый край и, свесившись вниз, сказал:

— Они, похоже, вообще не собираются нападать.

— С чего ты взял? — отозвался Бальб, который нервно расхаживал по саду меж вооруженных чем попало рабов.

— За все то время, что я сижу на этой крыше — ни единого движения. Почесывание задницы и отливание на стену дома Цицерона по определению за движения не считаются.

— Я понял, — сперва снизу раздался голос Ворена, и только потом из-под крыши портика показался он сам, — в лорике Бальба и с обнаженным мечом наперевес, — Они и не будут нас атаковать, их не затем сюда поставили.

Внезапность осознания заставила Квинта на мгновение потерять равновесие. Ему пришлось вцепиться ладонями в край крыши, чтобы не соскользнуть головой вниз.

— Их задача — не дать нам отсюда высунуться, вот и все, — озвучил его мысли ничего не заметивший Ворен, — Октавиан хочет проверить что-то, в чем мы можем ему помешать. А потом уже — расправиться с нами.

— Значит, мы обязательно должны ему помешать, — Бальб ударил кулаком по раскрытой ладони, обозначая свои намерения, — Только как?

Лежа на крыше и чувствуя сквозь тунику жар, исходящий от нее, Квинт лихорадочно соображал. Остаться здесь было равно смертному приговору — пусть не немедленному, но неизбежному. Идти на прорыв в лоб — тоже. Их было всего тридцать пять человек, и у многих из них, включая более крупного чем Бальб Квинта, не было никакой брони. Против минимум сотни подготовленных и вооруженных соответствующим образом гладиаторов на открытом пространстве у них не было шансов.

И что же де...?

Решение пришло в голову быстрее, чем он успел внятно сформулировать вопрос.

Мысленно отвесив себе еще одну оплеуху за тупость, Квинт крикнул своим парням, чтобы пока не спускались, и спрыгнул с края крыши прямо в сад. От силы удара ступни пронзила боль, и он выругался.

Решимость Бальба сменилась удивлением такой резкой смене настроений, и он выжидательно уставился на Квинта уставился, ожидая пояснений.

— Я знаю, что делать, — вдоволь выругавшись, начал Квинт, — И вы, Луций, Тит, готов поспорить, тоже. Только еще не поняли. Короче. Один из нас должен выбраться из дому и привести с Марсова остальных.

Они не первый раз оказались в такой ситуации, только в прошлый раз они выступали в роли осаждающих. Ворен и Пулло должны были догадаться. Пусть подобный план и не

сработал у галлов, но так и они — не галлы, и кто бы там ни был за главных у этого сброда — он точно не Цезарь[2].

Луций выглядел так, словно был готов разбить свой лоб ладонью в кровь прямо здесь и сейчас, и останавливал его от этого только долг.

— Они вдарят гладиаторам в спину, одновременно с этим мы пойдем на прорыв, — выпалил он.

— Не, — Квинт отрицательно помахал головой, — Зачем на прорыв? У нас сейчас нет цели дать решающий бой. Смотри. Если зайти им в спину со стороны Паллатина, еще и превосходящими силами, им хочешь-не хочешь, а придется снять охрану с улицы, — он сопровождал пояснения активной жестикуляцией, — Как только это будет сделано — мы просто уйдем вниз. А потом подадим нашим знак, что бой можно сворачивать. Если, конечно, они раньше этот сброд не сметут, — губы искривились в ухмылке.

— А если не будет? — неожиданно влез в их разговор Бальб.

— Что? — не понял Квинт.

— Что, если они не снимут охрану? — уточнил Бальб.

Квинт равнодушно пожал плечами:

— Тогда мы их сметем, пока их основные силы будут заняты стычкой. И все равно уйдем.

На пару мгновений в саду повисла тишина и затем Ворен кивнул:

— Ясно.

Квинт еще раз обвел взглядом присутствующих:

— Возражения? Предложения?

Бальб поднял вверх указательный палец, снова привлекая к себе внимание:

— А дом мой, — начал он, — вы собрались оставить на разграбление что ли?

— Луций Корнелий, ты жить хочешь? — без раздумий ответил вопросом на вопрос Квинт. Бальб нервно сглотнул и кивнул, — Ну тогда не вижу вообще никакой проблемы. Еще вопросы?

Вопросов больше не было, равно как и сомнений, кому идти в эту вылазку.

Переодевшись в гражданское, Пулло оставил доставшуюся ему лорику Бальба одному из своих легионеров, спрятал куда-то под тогу меч и, опасливо оглядываясь, покинул дом.

Им снова оставалось только ждать.

Ворен оказался прав — атаки не последовало. Спустя какое-то время Квинт с опаской отпустил пятерых своих парней вниз, чтобы дать им немного отдохнуть, потом, убедившись в безопасности этого начинания, еще пятерых. В итоге к вечеру они несли вахту по трое на крыше и у дверей, сменяясь каждый час. Спускавшиеся с крыши неизменно докладывали, что противник не предпринимает никаких действий, поэтому после ужина Квинт наконец-то позволил себе расслабиться и сел за письмо Гелии.

Слова никак не хотели складываться в хоть сколько-нибудь устраивающий его текст. Гора исписанного, почерканного папируса по левую руку от него все росла, и ему казалось, что сейчас, вот прямо сейчас, Бальб скажет, что он его достал и отберет у него стилус, но Бальб все никак этого не делал. Казалось, ему вообще не было дела до того, что Квинт портит такой дорогой материал в подобных количествах. Низко склонившись над планом Рима, он что-то в полголоса обсуждал с Матием и ничего вокруг не замечал.

Квинт Калавий шлет большой привет Гелии.

S. v. b. e. e. v. [3] Во всяком случае, пока. В первую очередь, я хотел бы извиниться за

то, что так долго не давал о себе знать. События последних дней развивались слишком быстро, у меня не было ни одного свободного мгновения. Мне очень многое нужно тебе рассказать, но я не уверен, что не поставлю тебя этим самым в большую опасность. Посему вынужден тебе сообщить только то, что я останусь в Городе еще на некоторое время. У одного моего хорошего друга возникли серьезные неприятности, и я должен ему помочь. С Меммием все еще не встречался, нет времени. Ответь мне обратной почтой.

Прилагаю к этому письму свиток с зашифрованным сообщением. Обратись к нашему общему знакомому, он поможет тебе с расшифровкой.

Будь здорова.

За десять дней до апрельских календ.

Квинт перечитал получившееся письмо и, наконец-то вполне удовлетворенный содержанием, свернул его и сунул за пояс. Главное теперь улучшить момент отправить.

— Ну что, решили что-нибудь? — управившись, он подсел к Бальбу и Матию за стол.

— Если бы, — подняв глаза от плана, грустно сказал Бальб, — Даже если мы выберемся отсюда и поднимем народ на восстание, что толку? Мы ведь даже не знаем, где его искать. Переворачивать весь Город вверх дном что ли?

Ответом ему стала тишина.

Квинт настолько далеко предпочитал не загадывать. Им бы сначала из дома выбраться и, желательно, без серьезного боя, а там они уже что-нибудь придумают. Наверняка. Он был почти в этом уверен.

Харон...

— Хочу обратно в Галлию, — после паузы, сокрушенно добавил Бальб.

Губы Квинта растянулись в грустной усмешке.

Покажите ему в этом доме человека, который не хочет...

Квинт не находил себе места. Солнце уже скрылось за небосклоном, но никаких изменений не происходило. Люди мальчишки все так же держали их в плотном кольце, не предпринимая никаких действий, Бальб мерил атрий размашистыми шагами, вызывая у Квинта головокружение, Ворен мирно посапывал, а Квинкция закрылась в одной из спален и теперь с маленьким сынишкой Поллиона возилась вызвавшаяся добровольцем Мария.

От Пулло не было ни единой весточки.

— Боги, уже первая стража пошла. Куда он подевался? — Бальб прошел мимо Квинта.

И потом еще раз. Туда-сюда.

Достал.

— Откуда я знаю?! — взвился Квинт, — Я вообще-то весь день тут, с тобой, просидел, если ты забыл!

Бальб отчаянно зарычал и принялся мельтешить с утроенной силой.

Достал.

Дверь из сада в атрий со скрипом открылась, из нее высунулась кучерявая голова Матия, и он сказал:

— Калавий? Бальб? Легионеры говорят, что снаружи что-то начинается, пойдём.

По спине Квинта пробежало стадо мурашек.

— Что конкретно? — спросил он.

Матий пожал плечами:

— Мне не сказали. Пойдем, сами увидим.

Квинт кивнул, но идти не спешил. Сперва он потряс за плечи спящего Ворена. Потом

еще раз. И еще раз. И только убедившись, что тот достаточно проснулся, чтобы не завалиться тут же назад на ложе и не захрапеть вновь, последовал за Матием.

Стоило им только оказаться на крыше, по ушам сразу ударили неуместные для ночного Паллатина звуки. Людские крики и лязг оружия на мгновение чуть не перенесли Квинта куда-то далеко, в леса Галлии, но он потряс головой и, стараясь не обращать внимания на них ловко взобрался на самую высокую точку, на которой только можно было удержаться. Вслед за ним забрался Матий, а Бальбу, как самому медлительному, не досталось места и теперь он просто тихо ругался сзади, внося свою лепту в какофонию звуков.

С этой точки крыши открывался прекрасный вид на застроенный домами холм — и было отчетливо видно, что в паре кварталов шел ожесточенный бой. Мелькали факелы, от мечей отражался свет фонарей, выдавая местоположение их хозяев. В полутьме, люди мальчишки в спешке покидали свои посты и с криками сбегались к дому Исаврика. До Квинта доносились только обрывки их фраз, но и этого было достаточно, чтобы понять, что они в панике.

Причина у этого могла быть только одна.

Пулло. Вернулся. Живой. С подмогой. Боги!

Тяжелый груз упал с плеч Квинта и, обернувшись к Матию, он широко улыбнулся.

— У нас получилось? — раздался снизу неуверенный вопрос Бальба.

По улице внизу в сторону боя бежали гладиаторы, что целый день перекрывали проход в сторону Цирка.

Получилось.

Квинт кивнул и обернулся к Бальбу:

— По-моему самое время отступить.

Тот коротко кивнул в ответ, соглашаясь с его выводом, и тут же исчез на лестнице.

Шаги его постепенно затихали по мере того, как он спускался назад в дом. Собираясь последовать за ним, Квинт бросил последний взгляд на улицу внизу — и замер на месте.

— Эй, — окликнул его спустившийся Матий, — Калавий, ты идешь?

Его словно окатило ледяной водой.

Небольшая группа гладиаторов, которую он сперва не заметил, обходила бывший дом Цицерона сзади с явным прицелом ударить Пулло прямо в неприкрытый фланг. Тот этого совершенно не замечал, продолжая давить основные силы противника.

Харон!

Не поясняя Матию ничего, Квинт соскочил с возвышенности и побежал в дом настолько быстро, насколько был способен. Колено отозвалось резкой болью, но он игнорировал ее, только краем сознания отмечая, что так просто это ему с рук не сойдет.

— Луций Корнелий! — нагнав Бальба уже в атрии, воскликнул Квинт, — Хватай Ворена с парнями, рабов, женщин и мелкого Гая, — и быстро уходите вниз по улице! Матий, ты с ними.

Нагнавший его Матий шумно втягивал воздух, пытаясь восстановить дыхание.

— Что случилось? — Бальб резко остановился, и глаза его расширились то ли в удивлении, то ли в испуге.

— Там Пулло сейчас обойдут и во фланг ударят! — коротко пояснил он и без промедления повернулся к легионерам, равномерно распределившимся по помещению, — Вы, все. Вы все идете со мной.

— Диспозиция? — Бальб отошел от первичного шока, и теперь его лицо выглядело

сосредоточенным.

— Тит завязал стычку возле дома Исаврика. Правый фланг прикрыт его стеной, левый немного продвинулся вперед, к дому Цицерона и сейчас с левой стороны полностью открыт. Почти все люди мальчишки уже ввязались в бой, но небольшая группа откололась от них и сейчас пытается обойти дом Цицерона сзади и вдарить Титу прямо во фланг.

— Ясно, — отозвался Бальб. От былой радости не осталось и следа, — Дорога вниз, как я понимаю, все еще открыта?

Квинт коротко кивнул, не утруждая себя ответом.

И три голоса, слившиеся в один, отдали одну-единственную команду:

— С-с-стройсь!

Квинт осторожно ступал вперед, стараясь не создавать лишних звуков, способных выдать его местоположение. За его спиной тот же самый трюк, не нарушая строя, пытались проделать двадцать пять легионеров. Получалось, откровенно говоря, плохо, но солнце уже зашло за небосклон и прямо перед ними шумела стычка, что позволяло надеяться, на то, что в полутьме и какофонии звуков их заметят не так скоро, как могли бы.

Беззвучно матерясь, Квинт продрался через очередные заросли кустов между домами, и прямо перед ним показались спины замыкающих строй вражеских гладиаторов. Его угол обзора не позволял сказать, какое расстояние оставалось сейчас между врагом и левым флангом Пулло, но богатый боевой опыт подсказывал ему, что если они сейчас побегут вперед — они успеют напасть до того, как враг осознает, что произошло и перестроится — или столкнется с флангом Пулло.

Рука Квинта взмыла над головой и звуки за спиной окончательно затихли.

А затем он привычным, давно отработанным до уровня автоматизма, жестом подал сигнал к атаке.

С громким криком «За Цезаря!» строй немногочисленных легионеров врезался в отряд гладиаторов.

Все мысли и переживания отступили на второй план, уступая место такой знакомой и родной холодной сосредоточенности.

Увернуться от летящего в его сторону оружия, поднырнуть под руку варвара, ударить. Увернуться, поднырнуть, ударить. Оценить ситуацию. Отдать несколько команд. Увернуться, подставить подножку, добить.

Квинт не мог с уверенностью сказать, когда гладиаторы дрогнули, и что стало этому причиной. Просто в какой-то момент он с той же отстраненной сосредоточенностью осознал, что враг отступает. Осознал — и незамедлительно дал своим парням команду нажимать.

Все было закончено быстро.

Тяжело дыша, Квинт убрал окровавленный меч в ножны и криво улыбнулся. Стоящие напротив парни Пулло выжидающе разглядывали их и не спешили убирать свои мечи.

— Свои! — подняв пустые руки в знак того, что он не собирается атаковать, сказал Квинт.

Распугивая одним своим видом редких ночных прохожих, они с Пулло шли в окружении десятка легионеров по улице, что соединяла Паллатин с Велабром. Им пришлось разделить — толпа из сотни человек в окровавленных туниках и тогах не имела шанса не

вызвать ни у кого вопросов, — и теперь они двигались в сторону Марсова небольшими группками и разными маршрутами.

О стычке и без того уже очень скоро должно было стать известно всем — незачем было приближать этот момент.

— Ты почему так долго? — наконец отойдя от боевого ража, спросил у Пулло Квинт.

— Мальчишка собирал вечером на Марсовом сходку, — отозвался Пулло, — Я не мог этого пропустить.

— Сходку? — удивленно вздернул брови Квинт, — Какую сходку? Зачем?

В их ситуации любые телодвижения мальчишки вряд ли сулили хоть что-то хорошее.

— Чтобы озвучить официальную версию того, что случилось на иды, — хмыкнул Пулло, — Проще говоря, насыпать людям в уши.

Квинт прыснул:

— И как же она выглядит, эта официальная версия? — Пулло уже открыл было рот, чтобы ответить, но Квинт не дал ему шанса, — Дай угадаю. Мы все — гнусные заговорщики, покушающиеся на Республику, а Цезарь вовсе не Цезарь, а просто какой-то мутный подкупленный тип?

Пулло кивнул:

— А еще вы все работаете на Марка Антония, который хочет нас захватить и править Республикой как восточный монарх, ага, — ему не удалось сдержать смешка.

— А гений Октавиана раскусил этот гнусный план и пресек его на корню? — иронично прищурился Квинт.

— Конечно, как же иначе? — фыркнул Пулло.

Еще один вопрос крутился у Квинта на языке, но он не решался его задать — и какое-то время они шли молча, пока он все-таки не переступил через себя и не спросил:

— Про Цезаря — тишина?

Последние следы веселья смыло с лица Пулло. Ему понадобилось какое-то время, чтобы ответить — и начал он издалека:

— Знаешь, народ встретил речь Октавиана прохладно. Я даже не беру в расчет наших, там просто почти не было довольных. Не знаю, на что он надеялся. Под самый конец кто-то вообще начал громко задавать неудобные вопросы, — Квинт не понимал, куда он клонит, но на всякий случай кивнул, — После того, как его заткнули... Октавиан завершил свою речь сообщением, что он намерен положить конец ходящим по Городу слухам и что завтра, в шестом часу дня, захваченный им провокатор даст показания прямо на форуме.

Это наш шанс, — мелькнуло в голове у Квинта.

А затем слова Тита окончательно уложились у него в голове. Ситуация предстала перед ним как на ладони — и в который за сегодняшний день раз у него на спине проступил холодный пот.

Существовало всего два варианта, при которых мальчишка мог решиться на подобное представление — или он нашел актера, которому сначала хорошо заплатит, а потом воткнет нож в спину, чтобы не болтал, — и в таком случае Цезарь уже был мертв, и они уже опоздали, или...

— *Что* он сделал с Цезарем?.. — неожиданно для самого себя, ошарашенно сказал вслух Квинт.

Тот никогда не согласился бы оговорить сам себя перед лицом всего Города похорошему — и варианты, которые подкидывало Квинту воображение, были один хуже

другого.

Пулло замер на месте и невидящим взглядом уставился куда-то в темноту. Осознание нанесло ему слишком сильный удар.

— Настроения солдат? — Квинт попытался перевести тему, надеясь, что это выведет его из ступора.

И это сработало.

Пулло потряс головой, отгоняя ошеломление, и спустя несколько бесконечно долгих мгновений ответил:

— Тринадцатый и шестой на нашей стороне, Квинт. Все, до единого. Завтра мы его вытащим, — на его лице читалась мрачная решимость.

— Или отомстим.

[1] Имеется ввиду гражданская война 49–45 до н. э.

[2] Жирный намек на осаду Алезии в 52 г. до н. э. Подробнее — Caes., BG, VII, 68–89.

[3] *Si vales, bene est; ego valeo.* Стандартная форма, которой римляне часто начинали письма. Перевод — если ты здорова — хорошо, я здоров.

Скептик (Атия III)

Окончательно сбита с толку Атия молча наблюдала за тем, как в лучах восходящего солнца Луций Марций, проклиная фалернское, сенат, триумvirат и почему-то Митридата Евпатора, пытался натянуть на себя панцирь. Панцирь активно сопротивлялся. Рабы не решались к нему подходить, зная, что с похмелья хозяин всегда не в духе, Атию с ее попыткой предложить помощь, он послал куда подальше немногим ранее.

Поэтому она сидела в кресле, наблюдала за выписываемыми мужем пируэтами и пыталась решить, стоит ей на него обижаться, или все-таки нет.

Последняя застежка после неравного боя все же сдалась Луцию и он, облегченно выдохнув, мешком повалился на стоявшее неподалеку ложе:

— Эй, мальчик, — окликнул он молодого раба, что ошивался рядом и тихо хихикал в кулак, наблюдая за его потугами, — Принеси-ка мне еще фалер...

Атия возмущенно кашлянула:

— Луций, что я тебе говорила?

— У меня голова раскалывается, — мрачно проворчал Луций, — Это лекарство.

— Знаю я твоё лекарство. Сегодня полечишься, завтра полечишься, послезавтра. А потом — привет запой. Не допущу. Эбурий, стой, где стоял, — одернула она раба. Луций отчаянно застонал, — И вообще, ты мне обещал сегодня сходить к Гаю и помочь выяснить, что у него там происходит. Раз уж ты утверждаешь, что никаких лемуров там быть не может.

Пусть по прошествии времени и при свете солнца та роковая ночь и казалась ей страшным сном, который ушел с рассветом, чтобы больше никогда не вернуться — Скрибония и домашние сына тоже все видели, а значит ей не могло причудиться.

— Да пойду я, пойду, — глухо отозвался Луций, — Но, если ты хочешь, чтобы от меня была хоть какая-то польза — ты дашь мне выпить.

Атия была непреклонна:

— Мы уже об этом говорили, я не хочу повторяться. Нет. Я не хочу, чтобы мой муж превратился в Катона[1]. Или, чего хуже — Бибула[2].

Очередной глухой стон со стороны Луция стал ей ответом.

— И скажи мне, чего ради ты вообще так вырядился? — перевела она тему, надеясь, что хоть так получится отвлечь мужа от желания выпить.

Луций осекся прямо посреди очередной страдальческой тирады, вкратце сводящейся к «люди добрые, помогите, злая жена не дает опохмелиться!», а потом повернулся к ней и неожиданно серьезно сказал:

— Ты просто не помнишь Суллу. Ты тогда еще слишком маленькой была, — по спине Атии пробежал холодок. Мама ей рассказывала... — Ты меня, конечно, извини, но твой сын... Слишком сильно мне его напоминает.

— К чему ты клонишь? — голос Атии практически сошел на нет. Она была совершенно не уверена, что хочет услышать ответ на этот вопрос.

— Честно? К тому, что у твоего сына мы сможем обнаружить все, что угодно. И к этому чему угодно лучше по максимуму подготовиться заранее.

Но как тебе панцирь поможет против духов? — чуть не сорвалось с ее губ, но она одернула сама себя. Луций не верил в духов. Судя по всему, Луций считал, что в произошедшем как-то замешан ее сын, — и боялся его.

Атия нервно сглотнула.

Он ошибался. Он просто не мог не ошибаться. Возможно, он был прав и дело было действительно не в лемуре, но то, свидетелями чему они со Скрибонией стали, просто не могло быть делом рук человеческих.

— А мне точно надо идти? — раздался неуверенный голос Скрибонии.

Два предыдущих дня рабы отпаивали ее успокаивающими травами, и только сейчас она более-менее вернулась в сознание. Это хрупкое равновесие было слишком легко разрушить, но Луций все равно настаивал на том, что ей необходимо идти с ними, потому что она может знать что-нибудь важное, но не осознавать этого. Он планировал взять с собой нескольких вооруженных рабов — и считал, что в такой компании им точно ничего не грозит.

К сожалению, его уверенность толком не передавалась даже Атии, что и говорить о Скрибонии. Все же он не видел и малой толики из того, свидетелями чего пришлось стать им.

Атии совершенно не хотелось брать Скрибонию с собой, но в словах Луция было рациональное зерно, против которого она, при всем желании, не смогла бы найти никаких аргументов. Она действительно могла знать что-нибудь важное.

Луций слово в слово повторил ее мысли, и ей оставалось только согласно кивнуть и добавить:

— Скрибония, обещаю — если духи снова начнут бушевать, мы сразу оттуда уйдем. Вне зависимости от того, успеем что-то выяснить или нет, — она бросила тяжелый взгляд на открывшего было рот Луция и тот резко передумал говорить то, что он там собирался сказать.

Многие из разбежавшихся рабов уже вернулись в дом сына и успели убрать оставленный ими беспорядок, поэтому сейчас о событиях той ночи внутри не напоминало ничего, разве что кроме настороженного настроения то и дело дергающихся от любого звука рабов.

— Ну и что тут не так? — крайне скептически спросил Луций. Она видела, как правая рука, которой он до того сжимал эфес меча, под тогой ослабила хватку.

Вдали шумел форум, на кухне и в атрии негромко переговаривались между собой рабы — и ни единого мало-мальски странного звука не доносилось до ушей Атии.

— Здесь не всегда слышно, — тихо и неуверенно сказала Скрибония, — В саду гораздо хуже.

Луций пожал плечами:

— Ну пойдем в сад тогда, — сказал он и размашистыми уверенными шагами пошел в указанном направлении. Похмелье потихоньку начинало его отпускать.

— Я боюсь, — раздалось у нее над ухом, и Атия непроизвольно вздрогнула, — А вдруг опять ничего не произойдет? Луций Марций ведь посчитает нас с тобой сумасшедшими, — невестка нервно теребила выбившийся из прически локон и не торопилась идти на Луцием.

Атия задумалась, не зная, что ответить так, чтобы не взволновать ее еще больше.

Сказать, что это будет даже к лучшему и что может быть дух больше и не объявится? Попытаться убедить, что Луций не запишет их в умалишенные даже если ничего не услышит собственными ушами?

Во втором случае Атии даже не пришлось бы лукавить. Она хорошо знала своего мужа, и максимум что им грозило — что он объявит их суеверными, пугливыми женщинами, которые испугались простого завывания ветра. Похихикает немного и забудет.

Однако для Скрибонии это было куда менее очевидно, чем для нее.

Голос Луция, раздавшийся из сада избавил ее от необходимости делать выбор:

— Атия, Скрибония, подойдите сюда, пожалуйста.

Он что-то нашел?

Луций стоял в тени портика возле комнаты Скрибонии и задумчиво разглядывал сплошную стену.

— Здесь? — даже не обернувшись, коротко спросил он.

Скрибония сперва кивнула и только потом, осознав, что он ее не видит, тихо сказала:

— Примерно здесь. Я... Я даже точно не знаю.

— Ты что-то нашел? — спросила Атия вдогонку, но Луций ее не услышал.

Он обернулся к ним.

— Женщины, а скажите мне, пожалуйста, вы хорошо знали Квинта Гортензия, когда он был жив?

Атия бросила на мужа непонимающий взгляд, но тем ни менее ответила:

— Не сказала бы, что хорошо, но знала, да. Только какое это имеет значение?

— Ты часто бывала у него в гостях? — все внимание Луция теперь было приковано к ней.

Атия честно попыталась выудить из глубин памяти ответ на этот вопрос, но так и не смогла толком ничего вспомнить. Вроде, было дело несколько раз, еще когда Октавий был жив.

— Может, пару раз, — неуверенно пожала плечами она, — Луций, он умер десять лет назад, я не помню.

Луций кивнул и выжидательно посмотрел на Скрибонию. Та молчала.

— Я так понимаю, ты тоже? — спустя какое-то время спросил Луций. Невестка коротко кивнула, — Ясно. Я в принципе догадывался. Здесь, — он ткнул пальцем прямо в стену между дверью в спальню Скрибонии и углом дома, — Была дверь. И если бы вы чаще бывали в гостях у Гортензия, вы бы об этом знали.

Он хочет сказать, что...?

— За этой стеной всегда, сколько я себя помню, была еще одна комната, — уверенно сказал Луций, — Я никогда туда не заходил, но именно оттуда рабы Гортензия обычно во время застолий выносили амфоры с вином, — он снова повернулся к Скрибонии, — Где у вас сейчас вход в подвал?

— С-снаружи, — после его слов невестка изменилась в лице и даже начала слегка заикаться, — Филипп, ты думаешь, что...

Внутри у Атии все похолодело, и она едва смогла побороть желание убежать куда подальше — лишь бы не слышать того, что сейчас собирался сказать ее муж.

Однако он ее пожалел:

— Я пока еще ничего не думаю, — отрезал он, — Но проверить подвал нужно. Сильно сомневаюсь, что здесь как-то замешаны потусторонние силы, но, если вам страшно, можете со мной вниз не ходить.

Атии с трудом удалось удержать рвущийся наружу вздох облегчения. Луций мог неправильно его интерпретировать. Она вовсе не собиралась позволить ему идти вниз одному, она просто ощущала небывалую легкость от того, что он не озвучил вслух самые страшные ее предположения.

Где-то сбоку Скрибония облегченно выдохнула и сказала:

— Тогда я, пожалуй, останусь тут. Хватит с меня потрясений.

Луций кивнул и перевел взгляд на сгрудившихся сзади рабов:

— Если кто-нибудь из вас что-нибудь знает и хочет рассказать — сейчас самое время. Я понимаю, что не могу от вас ничего требовать, в конце концов — не я ваш хозяин, но все-таки.

Рабы разом замолчали. Их задумчивые взгляды скользили по ее мужу, словно они пытались вспомнить, известно ли им хоть что-нибудь и, если и да — то стоит ли эта информация его внимания. Несколько бесконечно долгих минут они стояли в задумчивости, пока Архидам первым отрицательно не помахал головой:

— Нет, прости, мне известно не больше, чем тебе.

Остальные рабы повторили за ним. Цепкий взгляд Луция остановился на одном из них, чьи пышные светлые усы выдавали в нем германца, но тот потупил взгляд — и никаких вопросов не последовало.

— Что ж, хорошо, — процедил сквозь сцепленные зубы Луций, — Ты, — он кивнул в сторону одного из двоих рабов, которых взял с собой из дому для охраны, — Ты остаешься здесь со Скрибонией, — раб кивнул и поудобнее перехватил свой меч, — А ты, — Луций уже обращался ко второму, — идешь вместе со мной и моей женой. Вам все ясно?

Рабы синхронно кивнули.

Подвал дома сына был завален разными мешками и старой мебелью, а вдоль его стен тянулись укрытые толстым слоем пыли стойки с амфорами. Сын практически не пил вина, и обширная коллекция, оставшаяся после Гортензия, простаивала, лишь изредка радуя его гостей.

Звуки их шагов отражались от толстых стен, многократно усиливаясь. Стороннему наблюдателю, не имеющему возможности их разглядеть, но только услышать, могло бы показаться, что их вовсе не трое, а намного больше. Но здесь они были одни — и никто не мог их слышать.

Луций остановился примерно на середине большой комнаты и огляделся. Свет от светильника в его руках выхватывал из полутьмы ряды запечатанных амфор и сложенные из грубого камня толстые стены. Больше она не видела ничего. Луций, по всей видимости, тоже.

— Нам нужно рассредоточиться, — нахмурившись сказал он, — Если кто заметит или услышит что-то странное — кричите.

Если до того, как они спустились в подвал, еще оставалось какое-то место для сомнений, то сейчас, идя вдоль бесконечных рядов амфор, уходящих в темноту, Атия была уверена в том, что им не удастся ничего здесь обнаружить. Она не ощущала никакой опасности, а ровный слой пыли, который то и дело заставлял ее чихать, только служил подтверждением ее ощущениям.

Этим подвалом пользовались очень и очень редко.

А дверь наверху... Мало ли могло существовать причин ее заделать?

Фалернское, квидское, опять фалернское.

Все амфоры были подписаны не только наименованием и регионом происхождения, но и датой сбора урожая — и чем дальше вдоль стоек уходила Атия, тем меньшее количество надписей все еще можно было прочесть. Зная друзей Гортензия — это было чем-то удивительным.

Фалернское, квидское, подсыхая бордовая дорожка на полу, фалернское...

Стоп!

Атия встала как вкопанная и уставилась себе под ноги. Глаза ее расширились, а по спине побежали холодные мурашки. Бордовая дорожка, что тянулась вдоль рядов амфор, вела в темноту и даже не думала исчезать, сколько она ни моргала, пытаясь отогнать морок.

Может быть, кто-то просто разлил вино? Да, наверное, тут просто кто-то разлил вино.

Едва справившись с оцепенением, она позвала мужа:

— Луций? — голос надломился на полуслове. Никто ее не услышал, — Луций?! — прокашлявшись, громче повторила она.

— Да? — отозвался отдаленный голос мужа.

— Луций, иди сюда. Я, кажется, что-то нашла. Тут... Кровь? — неуверенно предположила она, — Или вино кто-то разлил. Не пойму.

Боги, пусть это будет вино, пусть это будет вино!

Ей казалось, что прошла целая вечность, прежде чем рядом раздалось сопение раба, и подбежавший вслед за ним Луций опустился на колени возле подозрительного пятна. Внимательно рассмотрев его, он провел по грязному полу пальцем и, подняв его на свет, констатировал:

— Кровь, — он растер вязкую субстанцию пальцами, — Я практически в этом уверен. Посвети, пожалуйста, — тут же попросил он.

С замиранием сердца, Атия поднесла светильник ближе к его подернутой редкой проседью голове. Луций внимательно посмотрел на свои перепачканные пальцы, а затем провел рукой по полу и добавил:

— И пыли здесь почти нет. Посмотри сама.

Она опустилась на колени рядом с мужем. Стоявший сбоку раб крепче сжал меч в своей руке и крутил головой во все стороны, пытаясь не упустить ситуацию из-под контроля.

Пыли на полу, в отличие от всего остального подвала, действительно практически не было.

— Здесь кто-то был. Причем, относительно недавно, — Луций не спрашивал — он утверждал, без малейшей толики сомнения, — Пойдем, посмотрим куда ведет этот след. Эбурий, не отставай.

Луций поднялся на ноги, быстрым, отработанным движением достал меч из ножен и, разгоняя темноту светом светильника, пошел вперед первым. Словно замороженная, Атия шла за ним, стараясь не смотреть себе под ноги.

Это не могла быть кровь. Откуда вообще могла взяться кровь в подвале ее сына? Сюда никто не мог проникнуть незамеченным.

Светильник выхватил из темноты грубую кладку стен. Луций резко и неожиданно остановился, и, не успев затормозить, Атия врезалась в его спину.

— Луций, ты чего? — недовольно спросила она, потирая нос.

— Здесь кого-то убили... — ошеломленно сказал Луций.

Недоверчиво вздернув бровь, она вышла из-за его спины — и замерла, в ужасе прикрыв рот ладонью. Ком поднимался откуда-то из горла, и она не была уверена в том, что ей сейчас не станет плохо.

Пол за стройными рядами стоек был залит кровью. Такая же свернувшаяся и подсыхая, она была здесь не первый день, а ее количество вызывало сомнения в том, что тот, кому эта кровь принадлежала, имел хоть какой-то шанс выжить.

Рука Луция дрогнула. Светильник качнулся, и на полу что-то блеснуло. Словно замороженная Атия подошла к предмету и, опустившись на одно колено, подняла его. Вязкая и подсохшая кровь въедалась в ткань ее столлы, но это было последним, о чем она сейчас думала.

Между ее пальцев блестело заляпанное кровью кольцо сенатора.

Имя на нем все еще можно было прочитать.

— Атия? — голос Луция раздался совсем рядом, — Что там?

— Гней... — голос ее сошел на нет, и она молча протянула кольцо Луцию, не в силах совладать с эмоциями.

— Гней Домиций Кальвин... — тихо прочитал он, а затем уже громче сказал, — Этой крови где-то дня два, не больше. Ее слишком много, только поэтому она еще не успела полностью высохнуть. Говоришь, когда ты была у Скрибонии, вы слышали крик?

Атия несколько раз рвано кивнула, и умоляющим взглядом посмотрела на него.

Она точно знала, что он сейчас скажет — и молилась всем богам о том, чтобы этого не произошло.

— Не было никакого духа, Атия. Это кричал Кальвин, — богам было не под силу ей помочь.

Ей едва удалось совладать с собой достаточно для того, чтобы сказать:

— Но... Но я своими глазами видела...

— Странную деформированную фигуру? — помог ей Луций, — Как она выглядела, говоришь?

— Внизу как обычный человек, но сверху он как будто был в два раза больше. У него на плечах не было головы... Но...

— Но? — Луций внимательно на нее посмотрел.

Атия в ужасе прикрыла рот ладонью, не в силах выдавить из себя ни слова. Головоломка складывалась слишком хорошо — и ей больше не удавалось отрицать очевидное.

— Все понятно. Кто-то нес тело Кальвина на плечах, — в свете светильника лицо Луция напоминало посмертную маску, — И вы его за этим засекли.

Никакого духа не было тогда, но...

Руки мужа легли ей на плечи прежде, чем она сказала:

— Но... Луций...

— Да? — терпеливо переспросил он. В глазах его читалось беспокойство.

— Я слышала духа в комнате у Скрибонии. Как будто прямо в стене. Мы сейчас находимся где-то под атрием, это невозможно, — она помотала головой, отгоняя морок.

Кальвин был преступником и планировал совершить государственный переворот. Какой бы ужасной ни была его судьба, он сам ее выбрал, а сын всего лишь совершил правосудие.

То, что они со Скрибонией ошиблись, записав его крик на счет духа, не значило, что духа не было и вовсе.

— Пойдем, — неожиданно махнул рукой Луций, приглашая ее следовать за собой.

Не понимая, что у него на уме, Атия молча пошла за ним. Темнота вокруг, еще мгновение назад спокойная и умиротворяющая, теперь пугала ее до глубины души.

Тошнота отступила от горла только тогда, когда они отошли от последнего пристанища Кальвина достаточно далеко.

— Куда мы идем? — немного придя в себя, спросила у мужа Атия. Ее голос

многократно отразился от стен, создавая неразборчивое эхо.

— Перед тем, как ты меня позвала, я нашел дверь, — отозвался Луций.

— Какую дверь? — переспросила Атия.

Только вернувшись на место, ее сердце снова упало в пятки.

— Не знаю, я не успел проверить, — пожал плечами Луций.

Светильник раба выхватывал из темноты только его затылок и кривые ряды старой, накрытой тряпками мебели, между которыми он ловко лавировал.

Это была просто дверь. Просто обыкновенная дверь, которая наверняка вела в другое помещение подвала, куда сын даже не заглядывал.

Самоубеждение, обычно такое эффективное, сейчас не приносило ей никакого облегчения.

Светильник Луция выхватил из темноты толстую деревянную дверь в грубой каменной кладке. Самая обыкновенная дверь, но сейчас даже она выглядела угрожающе. Луций нажал на ручку и слегка толкнул ее плечом, но она не поддавалась. Замок был закрыт.

— Эбурий? — тихо позвал Луций, и раб понял его без слов, доставая из поясной сумки набор отмычек. Он все предусмотрел. Словно точно знал, что они здесь найдут.

С замирающим сердцем Атия наблюдала, как Эбурий возится с замком, и молилась только об одном — чтобы у него не вышло. Чтобы оказалось, что замок сломан настолько давно, что в эту секцию подвала доступа не было даже у Гортензия. Чтобы там больше ничего не обнаружилось.

Мольбы снова не помогли. Замок щелкнул. Победно улыбнувшись, Эбурий нажал на ручку. Дверь распахнулась, открывая их взорам темный узкий коридор, в конце которого виднелся слабый свет.

— Атия, — Луций взял ее руку в свою и, смотря ей прямо в глаза, сказал, — Если что-то пойдет не так — беги.

Она слышала его, и не слышала одновременно. В голове билась только одна мысль.

Она должна была убедиться в том, что ее подозрения были беспочвенными. Больше ничего не имело значения сейчас — и, вырвав свою ладонь из ладони Луция, она побежала.

Оставив позади все — мужа, раба, всю свою прошлую жизнь, — она бежала вперед не разбирая дороги перед собой.

— Атия, стой! — крик Луция доносился до нее словно сквозь толщу воды.

Впереди брезжил свет факелов и виднелись стертые ступени, ведущие вверх.

— Атия! Атия, подожди! — надрывался Луций, но она его не слышала.

По ступеням. Наверх. Навстречу или безбрежному облегчению — или леденящей сердце правде.

Последняя ступенька осталась позади — и она замерла, не в силах пошевелиться.

Луций был прав. Луций все это время был прав.

Наверху была просторная комната. Единственным источником света в ней был закрепленный под потолком слабый светильник, но и этого хватило для того, чтобы подкатывающая к горлу тошнота вернулась.

Мозаичный пол то тут, то там был покрыт бурыми разводами, которые совершенно точно не были вином. Из стен торчали металлические, подернутые ржавчиной, кольца непонятого назначения, под ними валялись несколько пар кандалов, на которых были отчетливо видны следы свежей крови.

На противоположной стене, — стене, что выходила к спальне Скрибонии, — виднелись

неразборчивые царапины.

Пока Атия, словно в трансе, шла через комнату, они постепенно приобретали очертания.

До тех пор, пока не превратились в угловатые слова, выцарапанные прямо на кирпичках.

Атия не хотела даже смотреть в их сторону, но взгляд все равно скользил вниз — и она не могла его остановить.

Крупные буквы сверху равнодушно гласили:

Я не смог его остановить... М. Эмилий Лепид.

Чуть ниже...

Сердце Атии замерло.

Не узнать этот почерк, пусть и в таком виде, у нее не было ни малейшего шанса.

Боги...

Марк, прости меня. И ты, римский народ, прости. Я никогда этого не хотел. Г. Юлий Цезарь.

Дядя Гай...

...

— АТИЯ! — крик мужа с трудом пробился сквозь плотную толщу воды, что отгородила ее от мира вокруг. Спустя несколько мгновений его руки обвили ее плеч.

Это уже не имело никакого значения.

Мир Атии Бальбы Цезонии рухнул в одночасье.

Она вырастила чудовище.

[1] Марк Порций Катон Младший. Меметичный персонаж, который очень любил выпить.

[2] Еще более меметичный персонаж, Марк Кальпурний Бибул, второй консул 59 г. до н. э., коллега Цезаря. Как минимум под конец жизни бухал как не в себя.

Виновник катастрофы (Гай Цезарь II)

“Ну и натворил же ты дел. Даже не знаю, как все это теперь разгрести.” — высокий, холодный голос удивительным образом дополнял лживую до последней капли улыбку.

“Октавий, ты...” — резкий удар в живот выбил воздух из легких, заставляя заткнуться. Ноги на мгновение потеряли опору, и боль прострелила от плеч до кистей задранных наверх связанных рук.

Октавий цокнул языком, лживая улыбка на его лице теперь больше напоминала оскал.

“Я бы на твоём месте следил за словами. Мое имя — Император Цезарь Август, и тебе лучше бы это запомнить.”

Кривая усмешка — и на разбитой губе треснула тонкая корка. Рот снова наполнился вкусом крови.

“Ты так в этом уверен?” — ярость клокотала внутри, но не находила ни одного достойного выхода, — “Я жив. Мое завещание было вскрыто неправоммерно. Дальше сам продолжишь логическую цепочку, или тебе помочь?”

“Пока.” — цепкий взгляд ледяных глаз впивался прямо в душу, — “Пока жив. И, мне кажется, ты так и не понял. Ты жив только пока это нужно мне”.

Его шаги раздавались в абсолютной тишине подобно раскатам грома.

Мир вокруг был мертв. Он не знал, откуда ему это известно, не мог сказать, куда и зачем идет, с какой-то отстраненностью отмечал, что не может вспомнить даже своего имени. Единственным, что он совершенно точно знал в этот момент, было то, что мир вокруг был мертв.

И этого было достаточно.

“Неужели ты думал, что я так просто позволю тебе отобрать у меня все?” — в высоком голосе звучал глубочайший скепсис, — “Мое положение, мою должность, мое...” — смешок прозвучал зловеще, — “Ты же знаешь это. Знаешь, что я всем обязан этому имени. Думаешь, я позволю тебе так просто отобрать у меня его и снова сделать меня сыном какого-то жалкого претора?”

Маски были сброшены, скрывать больше было нечего — и наконец-то Октавий говорил правду.

“Крысеныш...”

Он шел вперед. По пустынным мощеным улицам, мимо хорошо знакомых и одновременно с этим совершенно чужих зданий. По знакомому маршруту, который он не смог бы вспомнить сейчас и под страхом смерти.

Глаза застилал плотный туман, — и он же заволакивал сознание.

“Ты рехнулся? Я не буду этого говорить!” — ничем не прикрытый шок читался в широко раскрытых глазах.

Короткий кивок — и германец-гладиатор с кровожадной улыбкой сделал несколько шагов в его направлении. Он едва понимал латынь — и это делало его прекрасным орудием для всего, что было на уме у его хозяина.

Окровавленная ухмылка застыла на губах. Взгляд впился в ледяные серые глаза:

“Если ты хочешь, чтобы я хоть что-то когда-то сказал, ты возьмешь своего пса на привязь. У меня аневризма головного мозга, я могу умереть в любой момент.”

Он шел вперед. Шел вперед, потому что не знал, как остановиться. Не помнил, как повернуть назад. Казалось, что когда-то очень давно, в другой жизни, ему было хорошо известно, как это делается, но затем он основательно забыл.

“Я слышал, твоя жена скоро возвращается в Город...” — злорадный триумф сочился из каждого слова, что слетало с губ Октавия.

Холодные мурашки бежали по ледяной спине.

“При чем тут она?!” — голос срывался на крик.

“Она точно ничего не заподозрит, если приемный сын ее трагически погибшего мужа позовет ее к себе в гости” — продолжал Октавий, — “Я, пожалуй, даже разрешу тебе быть с ней в ее последние моменты. Я же не зверь какой-то.”

Сердце замерло, пропуская несколько ударов. Шок. Непонимание. Отрицание.

Тихий голос.

“Ты не посмеешь...”

“Почему же?” — удивленно вздернутая бровь, — “Посмею. Более того, я обязательно это сделаю, если ты не скажешь слова. Выбор за тобой. Время пошло.”

Дыхание сбилось, но он не остановился ни на мгновение. Он не знал почему, но был уверен в том, что это невозможно. Что, если даже если ему каким-то чудом удастся затормозить — случится что-то ужасное. Непоправимое. Недопустимое.

Он должен был идти вперед.

“Мертвым нет хода обратно, в мир живых. Это — максимум того, на что они способны.” — приглушенные толстой стеной слова. Неожиданная пауза.

Собранные в кулак последние остатки воли.

“Атия, не тупи! Я живой, Атия!”

Он шел вперед. Странное наваждение рассеивалось вместе с предрассветными сумерками. На небосклоне разгоралась алая заря — и он прибавил ходу, словно пытаясь догнать уходящую ночь.

Времени, — утекающего сквозь пальцы песка, — с каждым мгновением оставалось все меньше и меньше.

“Что. Это. Было.”

Крик все еще стоял в ушах — и голос кричавшего был ему хорошо знаком.

“Это?” — Октавий вытирал окровавленные ладони какой-то тряпкой, — “Это Кальвин. Гней Домиций Кальвин. Ну знаешь, один из тех мудаков, которых ты предпочел мне при назначении начальников конницы.”

“Что ты с ним сделал, ублюдок?!”

“Убрал с дороги.”

Он потряс головой, и морок окончательно рассеялся.

Он шел по городу. Заколоченные окна заброшенных, оставленных на произвол судьбы и медленно разрушающихся под палящим солнцем, зданий слепо смотрели на него. Инсулы. Пустующие виллы. Навсегда заколоченные много лет назад храмы. Вдалеке что-то горело — он видел поднимающийся над крышами густой черный дым.

Озарение ярко вспыхнуло где-то в глубинах сознания. Умиравший мир предстал перед ним в совершенно ином свете. На доли секунды все стало ему кристально ясно.

А затем свет резко померк и все вернулось на круги своя. Он снова не помнил, кто он. Не понимал, что происходит. Но теперь он буквально кожей ощущал, что ему нужно торопиться. Куда и почему — оставалось для него загадкой. Но он чувствовал, что это не

важно. Что когда придет время — он все поймет. Это вселяло надежду.

Такое давно забытое чувство.

Навстречу ему бежали люди. Мужчины, женщины, дети. Бежали сквозь него, даже не замечая его присутствия. Рты их раззевались в беззвучном крике. За ними попятам гнались заросшие, косматые всадники в непонятной, незнакомой, чуждой броне. От каждого удара их длинных копий кто-то из бегущих падал на грязную, залитую кровью, дорогу, присоединяясь к горе трупов на обочине.

Взмах копья — и смутно знакомый мужчина с копной темных волос на голове упал на мостовую. Он сорвался с места, сам не понимая почему. Косматый всадник пронесся сквозь него, не нанося ни малейшего ущерба. Подбежав к упавшему, он трясущимися руками перевернул того на спину.

— Ты! — глаза на смутно знакомом лице светились ненавистью и презрением, — Это все из-за тебя!

Он отвел глаза, не в силах выдержать этого взгляда.

— Марк Эмилий, я... - голос сошел на нет. Сорвавшееся с губ имя звучало знакомо, но он никак не мог вспомнить, откуда оно ему известно. Кто этот мужчина перед ним. И откуда взялось это острое чувство вины.

“Лепид?” — в холодном голосе мелькнули нотки веселья.

“Лепид. Что ты с ним сделал, ублюдок?”

“Ничего такого. Просто подробно объяснил ему, почему вам всем, ему, тебе, Антонию и остальным, надо уйти. Он все понял.”

Рука смутно знакомого человека ухватила его за тогу и с силой потянула на себя.

“Это уже насилие!” — одним движением он вырвал ткань из рук Каски.

“Что же ты медлишь?!” — закричал тот, обернувшись назад и обращаясь к своему брату.

— Смотри. Смотри, твою мать! — палец с сенаторским перстнем указывал куда-то ему за спину.

Одно короткое движение — и направленный в лицо нож остановился. Ладонь прострелило резкой болью — и потекла кровь. Лихорадочный взгляд метался от одного искаженного злостью и решимостью лица к другому. Он был окружен.

Короткая пауза — и удары посыпались со всех сторон.

Раздавшийся сзади громкий крик вырвал его из транса мгновенно. Резким движением, он обернулся и, подскочив на ноги, машинально встал в боевую стойку. Старые рефлекс никогда его не подводили — но не всегда их было достаточно.

Он больше не был на заброшенной, заваленной трупами улице. Теперь он находился в забитом людьми атриум чужого дома. Они веселились, но он точно видел по их глазам, что это — не более, чем маска. Маска, надетая только для того, чтобы не вызвать гнев единственного человека. Человека, которого сейчас даже не было среди них.

Крик, — женский крик, — становился все громче.

Он побежал. Бесцеремонно расталкивая людей на своем пути, он, с нарастающим ужасом внутри, бежал на звук женского голоса. Какая-то часть его сознания отчаянно сопротивлялась, точно зная, что ему предстоит увидеть, но заткнуть ее ему не стоило практически ничего.

Крик доносился из триклиния.

Он буквально снес дверь, отделяющую его от атриум, плечом. И застыл на месте, напрочь

позабыв о том, что некоторое время назад считал, что вообще не способен это сделать.

Словно по команде, пять пар глаз уставились на него. Трое солдат, — *преторианцев*, — светловолосый молодой парень с неприятными чертами лица и глазами, в которых плескались безумие и какая-то звериная жестокость, — *Гай Калигула*, — кулак которого завис в воздухе, и поваленная им на ложе заплаканная женщина, что пыталась защититься от удара, выставив вперед руки. Жена сенатора, что сейчас вместе с остальными сидел в атриум и изображал веселье, в глубине души захлебываясь страхом и ненавистью к себе. Ненавистью за то, что не может найти в себе силы подняться и сделать то, что должно. Страхом того, что непременно произойдет с ним самим, если он попробует вмешаться или хотя бы посмеет недостаточно радостно слушать рассказ принцепса, когда все закончится.

Принцепса, что не делал различий между мужчинами и женщинами. Безумного принцепса, защищенного неприкосновенностью, неподвластного суду. Принцепса, на которого не было никакой управы.

Он не знал, может ли винить сенатора за бездействие, но точно знал, что если он сейчас не вмешается, то никогда самому себе этого не простит.

Кулак прошел крупное лицо принцепса насквозь. Волна отчаяния накрыла его с головой. Он ничего не мог поделать. Никому не мог помочь.

Он уже давно был мертв.

...

Люди в комнате неотрывно смотрели на него.

— Ты, — первой открыла рот женщина. В голосе ее звучала ярость, совершенно не сочетающаяся с выражением лица, — Ты всему виной! Ты не спас меня.

— Не спас меня, — эхом повторил ее слова хор голосов. Мужских и женских голосов, сейчас смешавшихся в один. Он беспомощно оглянулся. Люди из атриум, неведомо как уместившиеся в маленьком помещении, сверлили его полными ненависти взглядами.

Их слова почему-то ранили, словно ножом по сердцу.

— Смотри! — раздался хорошо знакомый голос из-за плеча.

Он стоял на колоссальных размеров арене, — *арене, которую он уже видел. Полуразрушенной, растащенной на стройматериалы, и всегда заполненной туристами.* Арене, на которую сейчас солдаты тащили сопротивляющегося мужчину в тоге с красной полосой. *Человека, чьей единственной виной было то, что он пошутил так, что принцепс оскорбился.*

— Смотри! — палец Лепида указывал прямо в центр арены.

Там, поглощая человека, полыхал костер. Он недавно во всеуслышание прочитал неудобный стих собственного сочинения.

— Смотри!

Тысячи человек замертво падали перед ним, пронзаемые мечами легионеров. За ними не было никакой вины. Просто один человек посчитал, что они могут встать на его пути, объявил заговорщиками и велел солдатам всех перерезать.

Тот же самый человек, что пытал и убивал без разбору тех, кто был выше его по происхождению.

Тот же самый человек, что, дорвавшись до власти и пытаясь скрыть свои варварские корни, на самом деле своими действиями выставлял их на всеобщее обозрение.

— Смотри!

Подожженное религиозными фанатиками здание библиотеки перед ним полыхало, —

гораздо сильнее, чем тогда. Пламя уничтожало бесценные свитки, но никому до этого не было дела. Люди вокруг заходились в религиозном экстазе и даже не думали, что-то тушить.

— Смотри!

Священники чужеземного бога заколачивали двери в храм Юпитера Капитолийского навсегда. Он никогда не верил ни в каких богов, но почему-то чувствовал, словно гвозди вбивали не в деревянные, а в него самого.

— Смотри!

Орды варваров неслись по улицам города, убивая всех и уничтожая все на своем пути. Голова императора под хохот их вожаков катилась вниз по мостовой.

Тишина.

На бесконечно долгие секунды ему показалось, что он ослеп и оглох.

Свет вернулся — и он понял, что стоит на рострах.

Непривычно высоких рострах, расположенных не там, где он помнил. Внизу, перед ним расстиралось неподвижно застывшее людское море. Оно заполняло собой все свободное пространство на том месте, где когда-то было самое оживленное место Города. Его сердце. Форум.

Он этого не видел, но точно знал, что люди внизу стоят на руинах.

— Ты! — люди синхронно, словно получив какой-то знак, подняли головы.

Он с ужасом понимал, что лица многих, слишком многих, ему знакомы.

— Ты нас убил!

Ненавидящие взгляды тысяч и тысяч глаз были сфокусированы на нем.

— Ты всему виной!

Несколько сот человек из толпы внизу выделялись из остального моря одеждой. Неуместной. *Слишком современной.*

Он чувствовал, что по щекам его впервые за долгое время текли горячие слезы, но ничего не мог с этим поделать.

— Ты нас предал!

Ноги подкосились — и он упал на колени, на холодный, обшарпанный, *древний* мрамор.

И, схватившись за голову, отчаянно закричал.

Вздрагнув, Гай открыл глаза.

Заполненные людьми руины растворились вместе с очередным сном — и теперь перед ним снова была полутьма, из которой светильник равнодушно выхватывал его собственные ноги в грязных, заляпанных засохшей кровью джинсах и очертания стен с дверным проемом.

Губы растянулись в усмешке — и едва зажившая корка снова треснула, привычно наполняя рот кровью.

Сколько прошло времени с тех пор, как он отключился и провалился в этот бесконечно повторяющийся на протяжении последнего года кошмар, он не знал. На мгновение забывшись, он дернул рукой в попытке посмотреть на наручные часы — и глухой стон сорвался с губ, окончательно смывая остатки неприятного сна.

Пусть он и не чувствовал скованных сзади за спиной рук, любая попытка пошевелить ими вызывала приступ сильной боли.

— Не бойся, Скрибония, это все еще я, — ухмыльнувшись, зачем-то сказал он, но привычных звуков из-за стены не последовало.

Он не слышал их с тех самых пор, как убили Кальвина — и об этом лучше было не

думать, хотя бы для того, чтобы не сойти с ума.

У Октавия не существовало совсем никаких принципов — это он уже давно уяснил.

Желудок неприятно свело от голода, но он не обратил на это внимания. Бывало и хуже, и дольше, а его заключение определенно двигалось к той или иной развязке.

Октавий оставил ему сутки на размышление. Еще бы он знал, когда эти сутки истекали.

Не то, чтобы определенность могла как-то помочь. Расставленная ловушка выглядела идеальной. Без единой дырки, которую можно было расколупать, чтобы обернуть все в свою пользу.

Сбежать не представлялось возможным — Октавий все продумал, и, даже если ему удалось бы освободить руки из этих проклятых кандалов, единственный предполагаемый выход отсюда охранялся германцами, готовыми сорваться при малейшем необычном шуме. Без оружия и в его текущем состоянии — он вряд ли мог надеяться от них отбиться.

Оставалось только плыть по течению, что, с настойчивостью разбушевавшегося шторма, несло его на ростры.

И ставило еще перед одним невозможным выбором.

Притупившееся было после сна желание побиться головой о такую близкую, но такую далекую холодную стену возникло вновь.

Октавий хотел, чтобы он, здесь и сейчас, решил судьбы их всех.

Октавий не мог понимать этого, но, в сущности, его требование сводилось к одному — он, Гай, должен был умереть и позволить всему идти своим чередом. Тем самым, после которого от них останутся только занесенные землей руины — и бесконечные споры историков по их поводу.

Он мог послать Октавия с его требованиями по известному маршруту. Этого требовала уязвленная честь, но одновременно с этим этот вариант был наиболее катастрофичен по своим последствиям. Маски были сброшены — и сомнений в том, что Октавий выполнит все свои угрозы, больше не существовало.

Он мог согласиться с Октавием — и спасти жизнь Кальпурнии, но обречь всех остальных на десятки лет кровавой бани, лишь изредка перемежающиеся спокойствием — и напряженным ожиданием следующей.

Или он мог...

Раздавшиеся снизу спешные шаги резко выдернули его из мыслей и заставили напрячься.

Поздно. У него было все время в мире для того, чтобы придумать действенный план — но теперь уже было слишком поздно.

Сутки, отданные ему на размышления, истекли.

...

Светильник выхватил из темноты худую фигуру вошедшего — и, не в силах сдержать неуместный смех, он рассмеялся в голос. Пересохшее горло дерло до боли, но остановиться было выше его сил.

В дверном проеме стоял кучерявый раб Октавия с амфорой и растерянно смотрел на него.

— Леарх, все в порядке, я не сошел с ума, не бойся, — напряжение ушло, словно и не бывало.

Раб вздрогнул и оглянулся, а затем, запинаящимся голосом сказал:

— Я... Меня хозяин прислал. Держи, — и протянул свою ношу.

В ответ Гай скептически вздернул бровь и демонстративно пошевелил скованными за спиной руками. Расплата последовала мгновенно — в виде острой боли, прострелившей от запястья до плеча.

— Не могу, не видишь, — бросив бесплодные попытки, прокомментировал он.

Раб несколько раз кивнул, а затем тихо добавил:

— Прости меня.

Сердце замерло — и Гай едва нашел в себе силы, чтобы задать вопрос:

— За что?

— Я знал, что вино отравлено. Я... Хотел тебя остановить.

...и хватка невидимой руки отпустила сердце, забившееся вновь с утроенной силой.

— Да забей, — смешок сорвался с губ, — Ты не мог пойти против воли своего хозяина.

А я сам дурак, что ему поверил.

После короткой и неуверенной паузы, Леарх поставил тяжелую амфору на пол и теперь переводил взгляд с нее на него, и обратно.

Озарение вспыхнуло в голове неожиданно.

Леарх.

Точно.

Неуместная радостная улыбка заставила раба отпрянуть и испуганно уставиться на него.

— Леарх, ты ведь хочешь стать свободным? — вряд ли раб ожидал услышать именно это. Глаза его расширились, грозясь выпасть из орбит — и ему понадобилось несколько минут на то, чтобы неуверенно кивнуть.

— Тогда ты должен мне помочь.

...или он мог развести Октавия точно так же, как Октавий развел его.

В эту игру можно и нужно было играть вдвоем.

Принимающий решения (Альберт VI)

Сумерки опускались на шумный порт. Палуба пришвартованного корабля покачивалась под ногами, ветер, что дул с моря, нес приятную прохладу вперемешку с брызгами соленой воды. Пот струился по спине от долгой и непривычной физической работы — и она была очень кстати.

Прищурившись, Ал разглядывал фигуры суетящихся на берегу людей — и чувство дежавю никак не хотело его покидать. Если закрыть глаза, он легко мог представить, что находится в космопорте одной из колоний, где никто не говорит по-английски, суетящиеся вокруг корабля грузчики спешно загружают чемоданы запоздавших пассажиров в багажное отделение, а сам он наблюдает за этим с мостика, ожидая пока им дадут предварительное разрешение на взлет.

Все порты во все времена были одинаковыми — и какой на улице был год не имело никакого значения.

— Слушай, Джузеппе, я все забываю спросить. А что это за типы, про которых говорила Мария? — он облокотился о борт, чтобы немного разгрузить ноющую спину.

— Какие типы? — Джузеппе выглядел не лучше него. Мокрые волосы липли к лицу, пот стекал со лба на покрасневшие щеки, и в целом казалось, что еще немного — и его хватит инфаркт.

Профессор античной истории, даже Ал был лучше подготовлен к такой радикальной смене деятельности.

— Ну эти... Как их... — непривычные имена трудно было вспомнить, — Поллион и Бальб, вроде.

— А, они. Друзья Цезаря. Первый его бывший трибун, второй — финансист из Гадеса. *homo novus* чистой воды, — лаконично отозвался Джузеппе.

— *Homo novus*? — вздернул бровь Ал.

— Новый человек, — иногда Джузеппе давал настолько же точные, насколько и бесполезные пояснения.

— Это я понял, а значит-то это что?

— Что он первым в своем роду выбился в люди, — наконец, внятно объяснил Джузеппе.

За спиной суетились и переговаривались матросы, их капитан громко кричал команды, но Ал к ним не прислушивался, и едва понимал одно слово из десяти. Джузеппе тратил огромное количество свободного времени на то, чтобы обучить их греческому, однако до разговорного уровня им всем было еще далеко — и Ал не был исключением.

— Я только одного не пойму, — Джузеппе отрешенно разглядывал мечущихся на причале людей, и, казалось, не обращался ни к кому конкретно, — Почему Поллион и Бальб? Почему не Лепид?

— В смысле? — не понял Ал.

Джузеппе даже не повел бровью, и продолжил рассуждать:

— Он один из триумвиров, буквально — коллега Октавиана. Если я еще не совсем впал в маразм, он сейчас должен быть в городе. Почему этот центурион просто не пошел к нему? У него и возможностей, и влияния намного больше, чем у Поллиона и Бальба вместе взятых.

— Кто такой этот Лепид? — переспросил Ал.

— Бывший начальник конницы Цезаря, триумvir, великий понтифик, — отозвался

Джузеппе, — Я всю жизнь думал, что у них с Цезарем чисто деловые отношения, но похоже они довольно близкие друзья.

— С чего ты взял?

— Ал, Цезарь со мной в одной квартире полгода прожил, — Джузеппе отвлекся от разглядывания людей и обернулся к нему. На губах его застыла усмешка, — Когда они с Витторией появились у меня на пороге, я как раз писал одну статью. Если очень вкратце — моя команда занималась расшифровкой свитков из Геркуланума и в нескольких из них были письма Лепида. Даже не письма, а... Не знаю. Их адресат был мертв задолго до написания. Наверное, правильнее будет их назвать дневником в формате односторонней переписки.

— И? — Ал вздернул бровь вверх, — При чем тут это?

— Цезарь до них добрался, вот при чем. И... Не знаю, мне сложно это объяснить, но так на письма коллег не реагируют. Друзей — да. Коллег — нет. Там приятного, конечно, очень мало было, что неудивительно — Октавиан вообще, как пришел к неограниченной власти, не стеснялся отрывать за все свои прошлые унижения, реальные или мнимые, но все равно.

— И с чего ты взял, что центурион обязательно должен был к нему обратиться? — Ал никак не мог уследить за ходом его мысли.

— Не знаю. Ни с чего, — Джузеппе усмехнулся, — Просто, знаешь, очень странно, что его имя ни разу не промелькнуло в рассказе Марии. Он друг Цезаря, один из трех главных людей в государстве сейчас — и ни слова. Ладно, черт с ним, с Антонием, он где-то на Востоке должен быть, но Лепид-то в Риме.

Ал пожал плечами:

— Мне кажется, ты придаешь этому слишком много значения.

— Может быть, — Джузеппе отвернулся и снова смотрел на причал.

Ал проследил за его взглядом, и обреченный вздох непроизвольно сорвался с его губ. По трапу на корабль поднимались Пауль и Франсуа, а это значило, что их импровизированный перекур подошел к концу.

— Чего стоим, кэп, кого ждем? — поравнявшись с ними, беззлобно спросил Пауль.

— Да так, — отмахнулся Ал, — Устали, решили отдохнуть.

Пауль усмехнулся:

— Фидиас нам должен сегодня должен первый раз заплатить, сейчас прямо совсем не время. Пошли, чуть-чуть осталось дотаскать.

За спиной у него пунцовый Франсуа облокотился на ящик и вытирал пот с лица. Накачанные в зале мышцы явно ни капли не помогали ему, когда на практике приходилось по полдня без длинных перерывов таскать тяжеленную мебель с причала в трюм корабля.

Если бы Ал знал, что товар Фидиаса пользовался такой популярностью, что продавался за пределы острова, он никогда бы и не подумал устраиваться на подработку именно к нему — но сделанного уже нельзя было изменить.

— Пойдем, — кивнул он Джузеппе. Тот страдальчески застонал в ответ.

Внизу стояли еще две телеги, ожидающие разгрузки. До отправления корабля оставалось несколько часов — и им позарез нужно было вложиться в это время, если они хотели получить свою оплату.

Нужно было отдать Фидиасу должное — он их не обманул. Когда они закончили с погрузкой товаров на корабль и вернулись к нему, он, как и договаривались, отсчитал им положенную оплату. Немного, но с этим уже можно было работать.

— И что дальше, кэп? — спросил Пауль, когда они вышли за ворота, направляясь

обратно к лагерю.

На город уже опустилась ночь, и они шли в темноте практически на ощупь. В дурацких местных туниках не было карманов — а значит не было и возможности спрятать где-нибудь смартфоны так, чтобы их никто не заметил.

В очередной раз убедившись, что Джузеппе и Франсуа не попадали без сил на брусчатку, но все еще плелись сзади, Ал обернулся назад к Паулю и переспросил:

— Ты о чем?

— Мы так и будем просто сидеть тут и пахать на Фидиаса за копейки? Не очень похоже на план на дальнейшую жизнь.

Ал пожал плечами:

— Я уже не хочу ничего планировать. Подождем, пока связь вернется, а потом посмотрим.

После предыдущего разговора с Марией, ему так и не удалось снова до нее дозвониться. Комм стабильно выдавал помехи, а это значило одно из двух — либо с ее коммом снова что-то случилось, либо погода где-то между ними и Римом была на редкость паршивая, и коротковолновая связь просто не добивала.

К сожалению, их корабль уже давно вылетел за пределы Солнечной системы, и воспользоваться им как ретранслятором было невозможно.

— Ну допустим, — скептически сказал Пауль, — Допустим нам удастся связаться с Марией, допустим мы все попадем в Рим. Но что дальше?

— Будем ждать новостей от Стива и остальных? — вопросом на вопрос ответил Ал, — Он обещал отправить за нами подмогу, если у них выйдет вернуться.

Пауль открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но, не произнеся ни одного звука, передумал и просто кивнул.

Невысказанный вопрос повис в воздухе — и хорошо. Ал все равно не знал на него ответа.

Лагерь спал беспробудным сном. Дозорные несли свою вахту, но тоже засыпали на ходу и только их приближение заставило их встрепенуться и начать изображать бурную деятельность. Пусть уж лучше так, чем никак. Если шагам и тихому разговору оказалось под силу их разбудить, они точно не пропустят что-то более серьезное.

Всего через каких-то несколько часов у Ала появился шанс в этом убедиться.

Оглядываясь назад, он понимал, что ему следовало бы насторожиться еще тогда, когда они быстро и без особых усилий нашли действенный способ закрыть свою финансовую дыру. Забить в набат — когда на комм Стана дозвонилась Мария. Жизнь редко баловала его удачным стечением обстоятельств, и ему, черт побери, следовало бы насторожиться ровно в тот момент, когда все начало складываться в их пользу. Но то ли на него так подействовало жаркое греческое солнце, то ли повлияли потрясения прошедших дней, факт оставался фактом — многочисленные признаки надвигающейся катастрофы он игнорировал с завидной упорностью и она, как водится, застала его врасплох

В этот раз катастрофа приняла облик Пауля, что тряс его за плечи, крича на ухо:

— Ал, да проснись ты уже!

Глубокий сон никак не хотел отпускать его из своих мягких объятий, но звуки все равно долетали до его ушей.

Звон стали. Крики. Топот.

Стоило Алу осознать, что он слышит, от сна не осталось и следа. Он подскочил с не

застёгнутого спального мешка, и, осоловело спросив у Пауля:

— Что случилось? — оглянулся.

Весь лагерь, кроме сгрудившихся вокруг него дозорных и непонятно как затесавшегося среди них Пауля, мирно спал, не обращая никакого внимания на приближающиеся зловещие звуки.

— Пираты, — коротко отозвался Пауль. В глазах его плескалась искренняя паника.

Словно по щелчку, растерянность и непонимание отступили, уступая место сосредоточенности.

— Так, — начал Ал, окинув взглядом перепуганных дозорных, — Натали, мы с тобой будим народ, но только тихо.

Старшая бортпроводница кивнула и уточнила:

— Действуем по протоколам чрезвычайных ситуаций?

— Да, — коротко отозвался Ал и поднял глаза к небу. За кронами виднелась полная Луна, и решение было принято мгновенно, — Фонари не зажигаем, движемся организованными группами по направлению к городу. Ясно? — Натали кивнула еще раз, и он переключился на остальных, — Яна, ты собираешь людей. Точка сбора — на поляне. Остальные — сворачивайте лагерь. Сколько успеете, не нужно рисковать своими жизнями ради каких-то тряпок.

Приоритеты — приоритетами, но сколько они протянут, если у них из пожитков останется только горстка монет и одежда на них самих?

Дозорные синхронно кивнули и растворились среди кустов и палаток. Оглянувшись вокруг, Ал подхватил с земли лом. Ничего более похожего на оружие у них не водилось, а пневматические пистолеты годились разве что для того, чтобы на пару мгновений испугать пиратов, — или кто там на них надвигался, — громким звуком.

Разбудить. Успокоить. Повторить. Остановить. Успокоить. Уговорить следовать за собой в безопасное место самым уверенным тоном. Повторить. Повторить. Повторить.

Периферийным зрением он фиксировал, что где-то рядом Натали так же ходила от одного спящего пассажира к другому — и это давало свои плоды. На импровизированной точке сбора с каждой итерацией собиралось все больше и больше людей. Растерянные и сонные, они испуганно оглядывались по сторонам.

Лагерь опустел и только дозорные, заканчивающие со сбором вещей, все продолжали нести их к точке сбора.

— Так, — поравнявшись с людьми, Ал поправил спадающую лямку доставшегося ему тяжелого рюкзака, — Яна, выдвигайтесь. Дозорные, вы тоже.

Пауль, что все это время помогал последним со сворачиванием лагеря, обернулся к нему:

— А как же? — спросил он, одним взглядом указывая на оставшиеся разбросанные пожитки.

Фонарики, спальные мешки, техника — их все равно оставалось слишком много, но шум приближался быстрее, чем того хотелось, поэтому Ал отрезал:

— Плевать. Если мы будем тянуть еще дальше — нам конец. Уходим. Потом вернемся.

Оглянувшись в сторону леса, туда, откуда шли звуки, Пауль нервно сглотнул и кивнул.

— Давайте, уходим, — повторил Ал, — Я буду замыкающим, — добавил он, переложив лом в другую руку.

Колонна медленно двинулась в сторону ворот, оставляя то, что некогда было их лагерем

— но до сих пор не успело стать домом. Крутя головой из стороны в сторону, Ал пытался одновременно и проконтролировать этот процесс, и не пропустить момент, когда станет слишком поздно для того, чтобы присоединиться к ним.

Неожиданно, в хвосте колонны началось какое-то движение — и быстрее, чем Ал успел сообразить, что происходит, из толпы, расталкивая людей, вылетел Джузеппе. Завидев Ала, он остановился на месте и уставился на него.

— Ты чего? — удивленно вздернул бровь Ал.

— Ты серьезно?! — вопросом на вопрос ответил Джузеппе. Его расширенные зрачки и сбивчивая речь выдавали крайнюю степень возбуждения, — Ты собираешься все просто бросить здесь? Технику, вещи, все?!

— А что такого? — не понял Ал, — Потом вернемся, заберем. Ну, может, сопрут что-то, но я не думаю, что местных пиратов заинтересуют наши шмотки.

— Ал, ты дурак? — этот разговор все больше напоминал ему диалог слепого с глухим.

— Почему?

— Ты знаешь, что такое эффект бабочки? — пусть с задержкой, но Ал недоуменно кивнул, — Так мы тут не бабочку раздавили, мы тут целого мамонта самолетом сбили и гнить бросаем в неположенном месте! — голос Джузеппе сорвался на крик.

— Не понял, — помотал головой Ал, — При чем тут это?

Звуки приближались, но не так быстро, как поначалу. Видимо, пираты наткнулись на что-то, что вызвало их интерес.

— В археологическом слое конца первого века до нашей эры никогда не находили никаких артефактов, которые можно было интерпретировать как современные! — выпалил Джузеппе. Глаза его лихорадочно блестели, — Ты что, не понимаешь, что, если мы их здесь оставим, мы создадим парадокс? Да что там, мы, может быть, вообще уничтожим место, откуда мы отправились и помножим на ноль вероятность того, что мы сами родимся!

Ал смерил его скептическим взглядом:

— То есть то, что мы уже неделю шарахаемся по античному городу и общаемся со всеми подряд — это не мамонт? То есть, то, что у нас в Риме в доме консула живет одна из связистов, а Цезарь, как я понимаю, так и вовсе уже сломал ход истории — это не мамонт? Джузеппе, не пори чушь.

— Нет! То есть да, но... Нет! — Джузеппе активно жестикулировал, иллюстрируя свои слова, — Ты не понял. Смотри. Все то, что мы делаем — это круги на воде. Мелкие изменения. Они со временем сгладятся — и общая канва не изменится. Нехорошо, конечно, но не так страшно. Но бросить где-то современную технику — это совсем другое! Это... Это... Это как, я не знаю, перекрыть течение реки валуном. Пираты вряд ли поймут, что это такое и для чего нужно, а значит, если что и возьмут, то выкинут. Полупроводники, металлы, композиты, сколько они разлагаются? Сотни лет. Тысячи. Они неизбежно должны были уйти в археологический слой. Понимаешь, если мы здесь уже были, мы бы их нашли там, в будущем. А если не нашли — значит нас здесь не было. Значит, мы прямо сейчас создаем парадокс!

— Стоп! — Ал оборвал тираду одним выкриком, — Ты сам говорил, что лаборатория твоей сестры занималась разработкой машины времени, так?

— Так, — Джузеппе замер и растерянно смотрел на него.

— Они проводили предпусковые тесты, так?

— Так.

— Ты думаешь, они бы стали заниматься такой разработкой, если бы существовал теоретический шанс, что от того, что они отправят яблоко на двести лет назад, у них у самих вырастет третья рука, а нашим президентом станет разумный фиолетовый гриб? — вздернув бровь, скептически переспросил Ал.

Хвост колонны уже не был виден из-за деревьев. Если остальные еще не успели добраться до спасительных стен, то должны были быть очень и очень недалеко от них.

— Не думаю, — обескураженно сказал Джузеппе.

— Тогда хватит нести чушь и пойдём отсюда.

Звуки голосов, крики, хохот и топот уже раздавались из-за ближайших деревьев — и тянуть дальше было некуда. Ал схватил Джузеппе за руку и потянул за собой в сторону дороги.

Но этого оказалось недостаточно. Шум за спиной нарастал. Заветная дорога уже маячила перед глазами, когда из-за спины раздался громкий крик — и Джузеппе замер на месте, побледнев. Ал оглянулся — и сердце его упало в пятки.

Трое мужиков с мечами наперевес скалились, смотря на них в упор. Выбора больше не было. Время истекло.

— Беги, — бросил он Джузеппе.

— Что? — ошарашенно переспросил тот.

— Беги! — крикнул Ал и, перехватив лом поудобнее, ухмыльнулся мужикам, — Что, думаете легкую добычу поймали?

Тяжелый рюкзак полетел на землю. Мужики что-то ответили, но он несколько не удивился, когда не разобрал ни единого слова в их беглой речи. Вряд ли в ней было что-то цензурное, кроме местоимений.

Из-за спины раздавались звуки быстрых шагов. Джузеппе бежал — и Алу хотелось надеяться, что не оглядывался. Каким бы идиотом он иногда ни был, без него у остальных было мало шансов, учитывая, что до сих пор он был единственным из них, кто владел местными языками.

Мрачная ухмылка на лице Ала стала шире.

Мужики двинулись в его сторону. Он замахнулся ломом — тяжелая железяка, звякнув, скользнула по броне одного из них, едва ли причинив хоть какой-то урон, — и...

Все закончилось.

Что-то холодное вонзилось ему в руку.

Потом еще раз. Потом еще раз. По поднятой руке потекло что-то теплое.

Кровь? — удивленно подумал он.

Из-за спины раздались торопливые шаги. Свист ветра ударил по ушам.

И это стало последним, что он запомнил.

Провокатор (Гай Цезарь III)

Шаги в коридоре разрезали привычную тишину словно раскаты грома. Они отражались от голых кирпичных стен, многократно усиливаясь, и создавалось впечатление, что на этот раз сюда пожаловала целая когорта — не меньше.

Сутки, выделенные Октавием на размышления, истекли. Последняя воображаемая песчинка вылетела из верхнего сосуда песчаных часов и с грохотом упала в нижний, отрезая любые альтернативы и пути к отступлению.

Жребий был брошен. Теперь вся надежда была только на то, что Леарх сдержал свое обещание. Иначе...

Одной мысли было достаточно для того, чтобы внутри все похолодело.

Шаги приближались. Пятеро. Нет, шестеро. Октавий и несколько охранников. Возможно, этот его мордатый молчаливый друг, Марк Агриппа.

Гай резко поднял голову и открыл глаза. Затекшие плечи прошибло жгучей болью, и потребовалось невероятное усилие воли, чтобы сдержать рвущийся наружу стон. Он не собирался предоставлять этому ублюдку ни единого дополнительного предлога для злорадного торжества. Их и так было достаточно.

В дверном проеме показался свет, и спустя несколько мгновений в комнату вошел заросший усатый германец, что держал светильник в вытянутой руке. Гай рефлекторно зажмурился. Непривычно яркий, свет буквально резал по глазам.

Шаги остановились.

— Паршиво выглядишь, — раздался холодный насмешливый голос невидимого Октавия.

Гай моргнул. Потом еще раз. И еще раз. Картинка перед глазами снова обретала очертания. Он не ошибся, фигур действительно было пять. Четверо варваров, — то ли гладиаторов, то ли просто рабов, сложно было определить, — и злорадно ухмыляющийся Октавий.

Ужасная догадка промелькнула в голове, и сердце пропустило несколько ударов. Нет. Леарх не мог его сдать. Не должен был его сдать. Не мог же он ошибиться и в нем тоже?

Надежда на это была всем, что у него осталось.

Его смятение не осталось незамеченным — и ухмылка на лице Октавия стала еще шире.

— Что, ты даже не соизволишь сказать своему единственному сыну пару напутственных слов? — с издевкой спросил он.

Гай молча смотрел на него и не понимал, как ухитрился настолько в нем ошибиться. Между тем мальчишкой, которого он помнил, и этим молодым мужчиной едва ли было хоть что-то общее, кроме черт лица.

— Так и будешь играть в молчанку? Ну, будь по-твоему, — Октавий наигранно пожал плечами и обернулся к варварам, — Чего стоите, дуболомы? — прикрикнул на них он, — Снимите с него кандалы. Или, думаете, он вместе со стеной пойдет?

Связка ключей переключивалась из рук Октавия в руки знакомого здорового варвара со зверской рожей — и очень тяжелым ударом.

— Не передумал? — снова насмешка, резко контрастирующая с не выражающими ничего глазами.

Еще одно имя в бесконечно долгом списке тех, кому он доверился, и кто воткнул в него нож. Как будто для тех еще оставалось свободное место.

Гай не удостоил его ответом.

Замок на кандалах открылся с громким щелчком. Ему пришлось закусить нижнюю губу, чтобы не застонать при попытке пошевелить занемевшими, но вместе с тем горевшими огнем руками. Деревянные мышцы едва его слушались.

Варвар, что держал ключи, отвесил ему увесистый пинок:

— Подъем! — он ухмыльнулся, обнажая неровные желтые клыки, — Или тебе особое приглашение нужно?

Второго пинка не потребовалось.

Головная боль вместе с шумом в ушах вернулись, стоило Гаю подняться на ноги. С каждым шагом, что он делал по слабоосвещенному коридору навстречу неизбежной развязке, они усиливались, все больше и больше напоминая ауру надвигающегося приступа.

Времени хуже просто нельзя было придумать.

— Быстрее! — замыкающий строй варвар толкнул его в спину, подгоняя.

От неожиданности он запнулся о порог дверного проема, что вел в пыльный подвал, но все же каким-то чудом удержался на ногах.

Потрясенные внезапной встряской мысли вернулись в ставшее привычным за последние сутки русло. У него оставался один-единственный шанс, и для того, чтобы не упустить его, он должен был сделать так, чтобы ему поверили. Поверили массово и безоговорочно. Год, что прошел для него, превратился в четыре для всех окружающих — и все это время его считали мертвым. Для того, чтобы переломить это железное убеждение, ему нужно было найти крайне весомые аргументы.

Или просто снять футболку.

Неуместную улыбку едва удалось сдержать. Предоставить Октавию хоть один повод заподозрить, что у него есть план — значило подписать смертный приговор не только самому себе, но и многим другим, ни в чем не виновным и даже еще не родившимся людям.

Из пыльного подвала навстречу вела широкая каменная лестница с высокими ступенями. Октавий, что шел во главе процессии, быстро поднялся по ней и открыл тяжелую дверь. Яркий свет ударил из проема — и Гай прикрыл глаза плохо слушающейся рукой. Это не помогло, и он снова на короткое время ослеп.

На улице их уже ждали. Десять легионеров — молодых, безусых мальчишек явно из нового набора, — обступили их со всех сторон, стоило Октавию подать им знак.

Очередной конвой. Октавий боялся, что он сбежит — не иначе. Пусть он и не мог этого знать, его опасения не были безосновательными — Гай действительно рассматривал такой вариант однажды, однако быстро признал его нежизнеспособным. В его текущем состоянии оторваться от погони не представлялось возможным, а цена провала была слишком высока.

Кольцо легионеров было столь плотным, что из-за их спин едва удавалось разглядеть отштукатуренные стены домов — и Гай едва представлял себе, в какой именно части Города они сейчас находились. Каждый шаг сопровождался взрывом боли в голове, оставляя все меньше и меньше сомнений в том, что его неожиданное недомогание действительно было предвестником скорого приступа. И без того сложная задача становилась все сложнее и сложнее с каждым моментом.

Первое время легионеры-конвоиры вели себя словно в строю перед важным боем — шли нога в ногу, не переговаривались между собой и смотрели строго вперед, в направлении предполагаемого врага, однако надолго их не хватило. Как только дорога под ногами пошла вниз, в строю начались первые, тихие и нерешительные, перешептывания. Шло время — и

разговоры становились все увереннее и громче, пока в какой-то момент Гай не почувствовал, что его кто-то беззастенчиво разглядывает.

Он резко обернулся и тут же встретился взглядом с одним из идущих сзади мальчишек. Тот спешно отвел глаза и уставился на брусчатку под ногами, но скрыть неподдельное удивление, что было написано на его лице, ему не удалось.

Узнал, что ли? Или...

Нет. Полагаться на необоснованные надежды не стоило. Должно было быть объяснение попроще. Как минимум, в этой одежде Гай выглядел достаточно необычно для того, чтобы привлечь к себе внимание.

Ободранные кандалами запястья саднило, и он, не задумываясь, потерял их. Товарищ поникшего мальчишки вздрогнул, закладывая все больше зерен сомнения.

Спуск закончился и шум людской толпы, пробивающийся сквозь гул в ушах, оповестил о том, что они приближались к пункту назначения. Паллатин. Где бы конкретно его не держали все это время, это место точно было на Паллатине.

Конец пути маячил за углом. Гай нервно слотнул, — и это не ускользнуло от внимания неведомо как оказавшегося рядом Октавия. Тот ухмыльнулся и их взгляды пересеклись.

— Почему? — вопрос сорвался с губ сам по себе, прежде чем Гай успел не то, что подумать — вообще осознать, что собирается что-то спросить. Корка на так и не заживших губах треснула и рот уже привычно наполнился вкусом крови.

Дурацкий вопрос. Сейчас, когда от былых иллюзий не осталось даже бледной тени, ответ на него был совершенно очевиден. Он был не более, чем помехой. Внезапно появившейся на проложенном пути Октавия к власти помехой. А помехи нужно было устранять.

Пусть очень во многом Октавий и походил на Суллу, конкретно эту черту он словно позаимствовал у Помпея[1].

— Мертвые должны оставаться мертвыми, — спустя бесконечно долгие секунды холодно отрезал Октавий — и Гай встал на месте как вкопанный.

Его ошеломленный невидящий взгляд смотрел одновременно и на Октавия и сквозь него.

Бесполезные возражения застряли в горле. Пусть, задавая вопрос, Гай точно знал, какой услышит ответ, тот все равно стал шоком слишком сильным для того, чтобы его так просто переварить.

Кто-то аккуратно постучал его по плечу — и оно тут же отозвалось острой болью. Шумно вдохнув, Гай пришел в себя и обернулся. Тот же самый мальчишка-легионер умоляющим взглядом смотрел прямо ему в глаза.

— Пойдем, — тихо сказал легионер, — Пожалуйста, — в его голосе не было ни вполне ожидаемой ненависти, ни презрения, ни даже отрешенности. Наоборот — беспокойство.

Неожиданное и непонятное, оно наталкивало на определенные размышления.

— Что вы с ним церемонитесь?! — недовольно прикрикнул на легионеров Октавий.

Легионер переводил взгляд то на Гая, то куда-то ему за спину и, казалось, готов был расплакаться. Служивцы его замерли в растерянности, ожидая, что предпримет товарищ.

Гай несколько раз кивнул легионеру, избавляя его от необходимости следовать потенциальному приказу, который он столь явно не хотел выполнять. Обеспокоенность на лице того сменилась облегчением — и они пошли дальше.

Каждый шаг давался с трудом и чем ближе становился шум толпы, тем тяжелее было

заставить себя просто продолжать идти. Какая-то часть сознания отчаянно сопротивлялась неизбежному, требуя то ли бить, то ли бежать, главное — прямо сейчас. Слушать ее было нельзя — на кону стояло слишком многое.

Они шли дальше. Над головами легионеров возвышались храмы. Вдалеке виднелась базилика Эмилия и недостроенное здание курии. Прямо перед ней вздымались в небо верхушки ростральных колонн. Голоса невидимых людей притихли.

Пройдя мимо базилики, они остановились перед покрытым строительными лесами зданием курии — и легионеры расступились являя взору ступени, что вели на ростры и хмурающегося мордатого друга Октавия, который стоял прямо перед ними.

Финишная прямая закончилась. Конец маячил на расстоянии вытянутой руки.

Ужасно хотелось курить — и Гай не мог придумать ни одной достаточно веской причины этого не сделать.

Он подошел к Октавию, который раздавал последние команды легионерам и Агриппе, и, заставив того вздрогнуть от неожиданности, хрипло сказал:

— Даже смертникам положено право на последнее желание.

На мгновение растерявшийся, Октавий быстро взял себя в руки и удивленно вздернул бровь. Его друг нахмурился еще сильнее.

— И чего же ты хочешь? — спросил Октавий.

— Твои парни еще после ид, отобрали у меня одну красную картонную пачку, — он жестом показал примерный размер, — И зажигалку. Верни их мне. Курить жутко хочется.

Нахмурившись, Октавий шепотом перебросился парой слов с Агриппой, после чего коротко кивнул и подозвал к себе незнакомого белобрысого раба. Похоже, просьба не вызвала у них подозрений, и они были не против ее удовлетворить.

Стоило рабу исчезнуть из поля зрения, Октавий раздал еще несколько команд присутствующим и под охраной легионеров поднялся наверх, на ростры. Шум народа, столпившегося по ту сторону мраморной конструкции, полностью смолк.

Голос Октавия пронесся по необычайно тихому форуму подобно раскату грома. Гай старался не прислушиваться к его словам, но полностью избежать этого было невозможно — и он скоро сдался, признав бессмысленность этой затеи.

Белобрысый раб обернулся на удивление быстро. Октавий только дошел до того пункта своей речи, который обличал коварного Антония и его не менее коварного пособника, и Гай едва сдерживался, чтобы не рассмеяться самым неприличным образом. Для него, знавшего всю подоплеку событий, версия, которую представлял публике Октавий, выглядела как горячечный бред.

Раб протянул ему мятую пачку сигарет и ошарашенно отшатнулся, как только его взгляд скользнул по неуместной кривой улыбке на его избитом лице.

Повергая раба в еще больший шок, Гай вопросительно поднял брови, вытряс из пачки сигарету и с наслаждением затянулся. Голову резко повело — и он пошатнулся. Агриппа дернулся в его сторону, но остановился сразу же, как только понял, что падать в обморок прямо тут он не собирается.

Раскалывающаяся голова и шум в ушах неизменно напоминали о том, что это ненадолго.

Октавий намеренно растягивал свою речь, словно наслаждаясь триумфом. Каждая секунда тянулась словно маленькая вечность. Огонь уже обжигал пальцы, опасно приближаясь к фитилю — и Гай, не глядя, одним щелчком отправил окурок вниз, на брусчатку.

Толпа за роcтрами постепенно оживала — и теперь с той стороны слышались недоуменные возгласы и неуверенные аплодисменты, перетекающие в невнятный гул.

Октавий продолжал разглагольствовать, выражаясь непривычно витиевато, так, словно его ночью покусал внезапно оживший Гортензий. Смутная догадка, что он просто тянул время до того, как его разобьет приступ, с каждой секундой казалась Гаю все менее и менее безумной.

Толпа за роcтрами недовольно загудела, реагируя на слова Октавия — и у того не ушло много времени на то, чтобы отреагировать:

— Я понимаю и разделяю ваши сомнения, уважаемые квириды, — громкий голос Октавия несся над форумом, — Но, как я уже говорил, вам нет никакой нужды принимать мои слова на веру. Провокатор сейчас сам предстанет перед вашим судом — и вы сможете лично убедиться их правдивости.

Неожиданно.

Глядя на него, мордатый Агриппа серьезно кивнул и сухо добавил:

— Иди.

И он пошел.

Дорога на эшафот, — Гай всегда это знал, — должна была занимать колоссальное время. Достаточно для того, чтобы вспомнить всех и вся. Прожить всю свою жизнь еще раз на быстрой перемотке. Вспомнить все то, что забыл и чего даже не знал.

Дорога на эшафот должна была занимать колоссальное время — он знал это всегда, но это знание оказалось полнейшей чушью.

Он не помнил, как поднимался наверх, по высоким, стертým ступеням, требующим реставрации. Не слышал тяжелых шагов Агриппы, что следовал за ним попятам. Не видел довольной ухмылки Октавия, когда тот отошел немного вбок, предоставляя ему трибуну.

Он всего лишь успел моргнуть — и тут же оказался на краю таких родных, — *невысоких и расположенных там, где надо*, — роcтр. Внизу, под ним, отгесненное легионерами, растекалось на ступени базилик такое родное и знакомое людское море. Яркое солнце било в глаза, заставляя прищуриться.

Сейчас. Именно сейчас люди внизу должны были вскинуть головы, и синхронно, словно по команде, с ненавистью воскликнуть такое обжигающее “Ты нас убил!”.

Он видел это во сне сотни раз — и казалось, что иначе просто не могло быть.

В напряженном ожидании, сердце пропустило несколько ударов. Ничего не произошло.

Многие люди действительно, задрав головы, смотрели прямо на него, но той знакомой по снам волны ненависти от них не исходило.

Голова раскалывалась на части. Время истекло. Времени больше не было.

В коротком, практически инстинктивном, жесте, он поднял левую руку, — насколько получилось, мышцы все еще плохо его слушались, — и гул внизу смолк.

— Квириды, — его голос прокатился над затихшим людским морем, — Вы все прекрасно знаете, зачем сегодня здесь собрались. Вы все прекрасно знаете, какие слова ожидаете от меня услышать. Я вынужден вас разочаровать. Этого не будет.

Перед глазами поплыли черные пятна. Короткий волосок, отделяющий его от беспмятства, готов был оборваться в любое мгновение.

— Насилием и бесчестным шантажом меня пытались вынудить оклеветать самого себя. Угрожая лишить жизни мою ни в чем неповинную жену, меня хотели заставить объявить себя тем, кем я не являюсь и ввести вас, квириды, в глубочайшее, опаснейшее заблуждение.

Но я не могу этого сделать. Не могу врать вам, квириды, в лицо. Все, что вы ожидали здесь услышать, все, зачем вы сюда пришли — это наглая ложь, не имеющая ничего общего с действительностью.

Толпа с замиранием дыхания внимала каждому его слову. На рострах начиналось какое-то движение, но мир сузился до речи и плывущих перед глазами черных пятен — и ему не было до этого никакого дела.

— Преследуя свои честолюбивые и далекие от блага государства цели, Октавий нагло врал вам в лицо. Но я знаю вас, квириды, знаю так же хорошо, как вы знаете меня. Вам под силу увидеть истину в этой паутине лжи. Вам вряд ли нужно пояснять, зачем я поступил на иды так, как поступил. Я не преследовал никаких скрытых мотивов. Безумие, что устроил Октавий, нужно было остановить — и я это сделал. Цена? — он развел руками, — Цена не имела и не имеет никакого значения.

— Август. Для тебя Император Цезарь Август, — раздался сзади холодный и яростный голос Октавия.

Не отрывая взгляда от толпы, Гай ухмыльнулся:

— Да, спасибо, я уже понял, что твоим амбициям показалось очень тесным твое прежнее имя, — он не планировал этого говорить, но сейчас его просто несло, — Однако, если ты не заметил, я все еще жив. Следовательно. Мое завещание недействительно. Следовательно. Ты не имеешь никакого права использовать и позорить мой когномен. Тебе ясно, Гай Октавий Фурин? — последние три слова он выплюнул с неожиданной даже для самого себя ненавистью.

На мгновение повисла тишина, а затем Октавий крикнул:

— Чего стоите?! Остановите его!

Резкая вспышка в голове поглотила его слова. На короткое мгновение Гай ослеп и схватился за голову в отчаянной попытке хоть как-то унять боль.

Боль отступила так же неожиданно, как и накатила, возвращаясь в выносимые рамки. Он с трудом поднял голову и окинул взглядом молчаливое море людей внизу:

— У меня осталось очень мало времени, — констатировал он. Свет невыносимо резал по глазам и требовалось неимоверное усилие для того, чтобы удержать ускользающее сознание, — Если у вас еще остались какие-то сомнения, квириды, позвольте мне их развеять.

Одним неловким движением непослушных рук он стащил с себя грязную футболку. Толпа внизу замерла в ошеломлении.

Воздуха резко перестало хватать.

Холодный и яростный голос Октавия выплюнул:

— Взять его!

Сердце упало куда-то вниз. Единственный шанс. Последняя, отчаянная попытка — и все коту под хвост. Четыре года были слишком долгим сроком. Народ просто не мог поверить в его слова.

Ожидаемого нападения не последовало, и он оглянулся.

Легионеры Октавия даже не думали шевелиться. Толпа внизу безмолвствовала.

— Взять, я сказал! — еще раз прокричал Октавий, но его никто не услышал.

Ошарашенные взгляды его легионеров были прикованы к чему-то за спиной Гая.

Он резко обернулся назад.

В абсолютной тишине над многолюдной, заполнявшей весь форум, толпой взмывали в

воздух два легионных орла и бесчисленные сигны. Сигны с быком шестого и львом тринадцатого.

...

Это...

...

Как они...

...

Неужели, Калавий?..

Воздуха не хватало.

Первые крики были робкими и нерешительными, однако подхваченные другими голосами они крепки и вскоре от былой тишины не осталось и следа.

Люди внизу четко и слаженно скандировали одно-единственное слово.

Его имя.

— Цезарь! Цезарь! Цезарь!

Несколько вооруженных отрядов в лориках, надетых под тоги, выделились из толпы.

И свет перед его глазами померк.

[1] Гней Помпей Магн. Список регалий очень и очень длинный, здесь приводить бессмысленно. Сулланец, перескочивший *cursus honorum* и сразу приземлившийся на должность консула. В 50ых годах эпизодически состоял в своего рода альянсе с Цезарем и Крассом, который по привычке ошибочно называют первым триумвиратом. Противник Цезаря в гражданской войне.

Народный вожак (Квинт Калавий V)

Несмотря на поздний час, лагерь за тонкими тканевыми стенками палатки претория жужжал как потревоженный улей. Проводились финальные приготовления, последние оставшиеся легионеры разыскивали свои подразделения.

Они готовились к бою.

На правах избранного консула-суффекта, пусть и лишённого как должности, так и гражданских прав произволом мальчишки, Бальб сидел за столом напротив входа и барабанил по столешнице пальцами. Вокруг стола, склонившись над почерканным подробным планом города, сгрудились центурионы и затесавшийся среди них Гай Матий.

Костяк их сопротивления.

— Хорошо. Итого, — начал Бальб, поднимаясь со стула, — Вторая и седьмая когорты тринадцатого, четвертая и пятая шестого под общим командованием Пулло остаются в резерве, — он провел стилусом по карте, иллюстрируя свои слова, — Наблюдайте за вторым и третьим, если увидите что-то подозрительное — сразу снимайтесь с лагеря и идите на помощь Авиту. В открытом поле против двух легионов у вас шансов нет, но ворота вам удержать под силу, я в вас не сомневаюсь.

— Понял, — отозвался необычайно серьезный Пулло, что стоял напротив Бальба.

— Дальше. Целий, — Бальб обернулся к кучерявому центуриону, — Ты с шестой и восьмой тринадцатого окружаешь форум. Ваша цель — наблюдение, в бой без особой необходимости не лезьте. Постарайтесь рассредоточиться и не вызывать подозрения. Если что заметите — присылайте гонцов ко мне, Калавию или Ворену.

— Ясно, — пробасил Целий.

— Теперь вы, Элий, Целер, — два старых афраниевских[1] центуриона-ветерана, знакомых Квинту еще с Испании, встрепенулись, — Вы со своими занимаете возможные пути отхода. На Капитолий, Квиринал и к Капенским воротам.

— А Палатин? — обеспокоенно переспросил теребящий ворот туники Луций Целер.

Нервозная атмосфера в палатке нарастала с каждым проходившим часом. Всем, кроме Квинта с Бальбом, еще оставалось что терять — и смелости для того, чтобы не свернуть с обозначенного пути, от них тоже требовалось на порядок больше.

Квинту сложно было представить, каково им. Со своим незавидным положением проскрибированного он уже успел смириться, и теперь только тихо радовался, что его мать не дожила до этого дня. Потерять и мужа и сына по одной и той же причине стало бы для нее слишком сильным ударом.

— Палатин держат Руф и Котта, — отозвался Бальб, — Их клиентов вполне хватит. Мальчишка не станет бросать туда больше нескольких когорт, в этом нет никакого смысла.

— Руф и Котта? — Квинт оторвал руки от стола, сложил их на груди и с подозрением посмотрел на Бальба, — Ты всему сенату что ли разболтал о наших планах?

— Калавий, угомонись, — отрезал Бальб, — Котта — дядя Цезаря. Руфу Октавиан поперек горла давно стоит. Я им полностью доверяю.

Слова его звучали неубедительно. Квинт уже слышал такое и не раз, и тогда все закончилось очередным витком кровопролитных братоубийственных войн.

Даже забавно. Каждая попытка остановить это безумие только закручивала кроваво-красную спираль еще сильнее.

— Еще вопросы? — Бальб окинул собравшихся взглядом.

Вопросов больше не было.

— Замечательно, — констатировал Бальб и снова вернулся к карте, — Последнее. Мы с Калавием и Вореном берем всех остальных и занимаем форум, — он обвел площадь перед рострами стилусом, — Всем все ясно? Вопросы? Предложения? Другого шанса у вас не будет, если есть что сказать — говорите сейчас.

Над палаткой повисла тишина, нарушаемая только шумом лагеря за стенками. Каждый из них напряженно пытался проиграть в голове все возможные варианты развития событий, найти изъяны в их коллективно проработанном плане и придумать возможные решения.

Первым молчание нарушил Квинт:

— Мы не можем вот так просто взять и все сняться с лагеря. Это не останется незамеченным.

Сбоку от него в знак согласия энергично кивнул Пулло, и, не дав ему завершить мысль, добавил:

— Бальб, ты же понимаешь, как только нас заметят, а нас заметят, если мы пойдем все вместе, — пиши пропало. Октавиан сразу все переиграет. Не знаю как, но зуб даю, что переиграет — и нам это не понравится.

— Да что там думать, как? Отменит сходку — и дело с концом, — подключился к дискуссии всегда рассудительный Ворен, — И что мы дальше будем делать? Брать Город и переворачивать его вверх дном? Ну вы же все понимаете, что это мало того, что невозможно — так еще и будет совершенно бесполезно. Или у кого-то есть сомнения, что Цезаря тут же убьют, как только станет известно о непонятных передвижениях толп отставников?

Если его еще не убили. Кто сказал, что им днем не подсунут актера?

— А может быть наоборот, — сорвалось с губ Квинта, но, быстрее, чем кто-нибудь успел вставить слово, он опомнился и уже громче добавил, — В любом случае, не важно. Одновременно сниматься с лагеря всем — это слишком большой риск.

— Очевидно, — Бальб так пристально сверлил взглядом план Города, что, казалось, прожег бы в нем дыру, если бы это вообще можно было сделать одним только взглядом, — Значит, мы должны выходить малыми группами. Центуриями.

— Декуриями лучше, — перебил его Квинт.

— Декуриями не успеем, — не остался в долгу Бальб, — У нас всего два часа до рассвета.

Как бы Квинту ни не хотелось этого признавать, Бальб был прав.

— Хорошо. Центуриями — так центуриями, — скрепя сердце, согласился он.

— И разными маршрутами, — после недолгих раздумий, добавил Бальб, — Думаю, мне нет никакой нужды напоминать вам, что все должны быть в гражданском. Максимум — с лориками под тогами. Не нужно еще сильнее выделяться из толпы, нас и так слишком легко будет заметить. Так... Что еще? — убрав стилус с карты, он теперь крутил его между пальцев, — А, точно. Условный сигнал.

Ворен, крепко задумавшись о чем-то своем, смотрел поверх их голов, но после слов Бальба на его лицо вернулось осмысленное выражение:

— Что? — переспросил он.

— Условный сигнал к атаке, — повторил Бальб с нотками раздражения в голосе, — Нам нужно что-то такое, что даст всем понять, когда начинать.

— А чего тут думать? — удивился Ворен, — В рог подуть — и дело с концом.

— Не, так не пройдет, — отрицательно помахал головой Бальб, — Слишком неочевидно. Нам нужно что-то уникальное. Что-то, что люди мальчишки не смогли бы интерпретировать как команду *им*. Кроме того. Вы представляете, в каком состоянии сейчас Цезарь? Нужно сразу дать ему понять, что мы свои, мы на его стороне.

Стало как-то не по себе.

Квинт переглянулся с остальными — и на их лицах тоже читалось ошеломление. Никто из них просто не рассматривал ситуацию в таком ключе.

Через несколько бесконечно долгих мгновений молчания, Ворен поднял руки в примирительном жесте:

— Ладно-ладно, сдаюсь, ты прав. Но что тогда? Нам нужно что-то заметное издалека.

— Хм, — Бальб крепко задумался, лоб его прочертили глубокие морщины, — Может, орлы? Легионные орлы?

Споры не затянулись надолго — времени у них действительно было в обрез, — и в итоге они, придя к выводу, что варианта лучше им так быстро не выдумать, остановились на предложении Бальба.

Решение было принято. Обсуждать было больше нечего — и все начали расходиться из палатки претория, чтобы приступить к своим задачам. Все, кроме Квинта.

План с орлами, конечно, вышел замечательным, но он не был бы собой, если бы не обнаружил в нем одно малозначительное в целом, но очень веское в частности “но”.

— Что-то еще? — Бальб поднял голову на него, — Я хотел подремать хотя бы час-другой, — словно в подтверждение своих слов, он во весь рот зевнул.

Квинт кивнул:

— В моих когортах не хватает одного знаменосца.

— Как так? — вопросительно посмотрел на него Бальб.

— Вот так, — развел руками Квинт, — Думаешь, я успел разобраться за эти пару часов? Нет, и все тут. Мне нужен еще один человек.

Со стороны входа в палатку раздался голос, заставляя их с Бальбом обернуться:

— Я могу.

Матий стоял прямо в проеме и на лице его читалась мрачная решимость. Хорошо, но недостаточно. Квинт с подозрением прищурился:

— Ты хоть с какой стороны держаться за меч знаешь-то?

Матий производил впечатление совершенно гражданского человека, и сомнения были вполне обоснованными.

— Обижаешь, — отозвался Матий.

Квинт прищурился еще сильнее, но в итоге сдался и махнул рукой. Времени оставалось слишком мало — и перебирать кандидатами не приходилось.

Не прошло и тридцати минут, как первые центурии, в строгом соответствии с планом, вышли из лагеря в условиях полной светомаскировки. Знаменосцы, что были среди них, все до одного, сжимали в руках длинные свертки, по которым, если только точно не знать, никак нельзя было сказать, что это замотанные в плотную ткань сигны и легионные орлы.

Выждав некоторое время, за ними последовали следующие. И следующие.

К рассвету лагерь практически полностью опустел. Когорты Тита и легионная обслуга, распределенные примерно по половине в лагеря тринадцатого и шестого, как и было условлено, изображали повседневный, ничем не примечательный быт. Эта уловка могла сработать только на расстоянии, но лучше уж так, чем совсем ничего не делать и надеяться,

что пронесет.

В первых лучах восходящего солнца выжатый как лимон Квинт брел по пустынному лагерю по направлению к палатке претория. Последняя центурия уже стояла наготове у ворот. Ему оставалось только забрать с собой удалившегося подремать Бальба — и можно было выдвигаться. Второй и третий легионы спали беспробудным сном и не подавали признаков жизни. Одним поводом для беспокойства меньше.

Он подошел к палатке претория и остановился, настороженно прислушиваясь. Изнутри доносились отчетливые звуки перебранки, слабо приглушаемые тонкими тканевыми стенками. Что там еще случилось?

— ...И все-таки ты объяснишь мне, почему я узнаю о том, что вы задумали переворот, от Руфа, а о том, что мой зять, оказывается, жив — так и вовсе от какого-то раба! — разъяренно надрывался незнакомый мужчина.

Квинт удивленно глянул на стоявшего у входа в палатку легионера, но тот только недоуменно пожал плечами.

В ответ Бальб обложил Руфа последними словами, — весь смысл его длинной и красноречивой тирады вкратце сводился к тому, какое тот трепло и как он чуть было не поставил на грань раскрытия всю их операцию, — и, после того, как выговорился, переспросил:

— Погоди, какой раб?

Так, все, хватит.

Резким движением Квинт отодвинул занавеску, скрывавшую от него вход в палатку, и решительной поступью вошел. Разговоры разом стихли, все присутствующие уставились на него — и вся уверенность тут же куда-то испарилась.

Людей в палатке оказалось намного больше, чем он ожидал. Кроме смертельно уставшего Бальба, которому, похоже, так и не удалось хоть немного передохнуть, и его собеседника — немолодого мужчины с резкими чертами лица, в сенаторской тоге, — там обнаружили зевающая во весь рот Мария и больше похожая сейчас на фурию, чем на матрону, Квинкция. Однако, если их появления Квинт еще хоть как-то мог ожидать, то как здесь очутилась жена Цезаря, оставалось где-то за гранью его понимания.

Молчание затягивалось. Квинт сглотнул, и чтобы как-то разрядить обстановку, сказал:

— Бальб, все готово. Нам пора выходить. Скоро побудка у второго и третьего, мы же не хотим попасться им на глаза?

Бальб отмер и пробурчал себе под нос:

— Да-да, сейчас. Так что за раб, Луций Кальпурний? — внимание его мгновенно переключилось с Квинта на собеседника, которого он недавно обложил матом.

За него ответила Кальпурния:

— Он вчера вечером пришел к нам с отцом и сказал, что мне нужно срочно покинуть Город. Якобы, мне грозит какая-то опасность.

— И? — удивленно вздернул бровь Бальб.

— Нам долго не удавалось его разговорить, — подключился названный Луцием Кальпурнием, — Он жутко боялся, что нас могут подслушивать и, рассказав все, он сделает только хуже. Но, в конце концов, сознался, что его подослал Цезарь.

Бальб присвистнул:

— А вот с этого момента поподробнее.

Луций Кальпурний замялся, похоже, не зная, с чего именно начать.

— Как я понял, Октавиан пытается шантажом вынудить его оговорить себя и подтвердить наличие заговора. Угрожает убить мою дочь у него на глазах, если он этого не сделает. А он не хочет ему потакать и нашел лазейку, чтобы ее предупредить.

Гора свалилась с плеч. Еще одного рокового опоздания Квинт себе бы не простил.

— Мда, ситуация... — протянул Бальб, — Одно хорошо — мы теперь точно знаем, что он все еще жив.

Луций Кальпурний неуверенно хмыкнул и потер шею:

— Не знаю, Бальб, у меня до сих пор в голове не укладывается.

— Не только у тебя, Пизон, не только у тебя, — усмехнулся Бальб.

Не сдержавшись, Квинт тоже усмехнулся.

— Так, ладно, — Бальб поднялся со стула с видимым усилием, — Калавий дело говорит — у нас нет больше времени тут рассиживаться. Пизон, ты как, с нами?

— Шутишь? — Луций Кальпурний оттянул рукой тогу и продемонстрировал всем висящий на поясе меч.

— Отлично. У меня как раз недокомплект, — сказал Бальб, после чего резко вышел из-за стола и пошел к выходу. Немного замешкавшийся Пизон последовал его примеру.

Квинт толком не успел понять, кто их покусал, как ответ сам его настиг.

— Куда это вы намылились? — в голосе Квинкции звучали нотки металла, — Мы идем с вами.

— Я уже сказал — нет! Это вам не пойти прогуляться утром по базилике! — резко обернувшись, выпалил Бальб. Похоже, этот разговор происходил не в первый раз, — Там будет опасно, вас там могут убить!

Нахмурившись, Пизон поддакнул и принялся сверлить взглядом свою дочь. Та не оставалась у него в долгу. К счастью, взглядом нельзя было не только ничего поджечь, но и никого убить, иначе сейчас они оба уже валялись бы на полу без признаков жизни.

— Я лично выцарапаю этому малолетнему подонку его рыбки глазенки, я тебе сказала! И если ты думаешь, что мне нужно твое разрешение, чтобы это сделать, Бальб, ты глубоко ошибаешься! — Квинкция не сбавляла обороты и с каждым словом ее сходство с фурией росло, — Хочешь ты того или нет — мы идем с вами.

Мария вместе с Кальпурнией энергично кивнули, на лицах их читалась мрачная решимость.

Женщины... И чего им нейметя-то?

Пауза затягивалась.

— Ладно, Харон с вами! — в конце концов махнул рукой Бальб, — Вы же все равно плевать хотели на то, что я скажу, и в любом случае пойдете, хоть с нами хоть без нас. Идемте. Только прошу — постарайтесь не лезть на мечи! И если станет совсем жарко — бегите. Хорошо?

— Хорошо, — нехотя согласилась Квинкция. В голосе ее звенела сталь.

Палатка претория опустела. Последняя когорта в лучах рассветного Солнца выдвинулась из лагеря в сторону форума. Теперь у них оставалось всего два пути. Или они вернутся победителями — или не вернутся вообще.

Как ни странно, на форуме они оказались не самыми первыми. Несмотря на ранний час, перед рострами уже топталась кучка людей, вызывая у Квинта приступ настороженности. Люди недоуменно косились на них, но не предпринимали ничего. Не соблюдая никакого строя и разбившись на маленькие группки, они с Бальбом заняли свои позиции и принялись

ждать, косо поглядывая на остальных. С каждым часом толпа все росла и росла — и скоро всякая нужда скрываться отпала.

До полудня оставалось еще несколько часов. Делать было совершенно нечего. Сперва Квинт отправил двоих посыльных к Бальбу и Пулло, а потом больше от скуки, нежели от чего другого, поддержал возмущение каких-то провинциалов по поводу возросших из-за войны цен. Неожиданно, это так его засосало, что разгорающийся в полноценный пожар протест удалось прервать только вернувшимся посыльным. Говорить с ними прямо перед его новыми знакомыми было бы весьма опрометчиво, поэтому Квинт как можно быстрее свернул дискуссию и, пока никто ничего не понял, вместе с посыльными растворился в толпе.

Их доклады вызвали у Квинта смешанные чувства — с одной стороны, все стратегические позиции уже были под уверенным контролем их соратников, но с другой — записка Пулло сообщала, что почти весь второй утром снялся с лагеря и отправился в сторону Города. Сопротивления планировалось больше, чем они ожидали.

Неудовлетворенно цокнув языком, Квинт быстро нацарапал записку Бальбу. Возможно, доверить координацию действий ему и было не самой лучшей идеей, но иначе их бунт скончался бы в зародыше из-за того, что кучка центурионов не смогла решить, кто же из них будет за главного.

Пусть и численное преимущество, и большой боевой опыт все еще были на их стороне, их силы были слишком рассредоточены для того, чтобы позволить всему течь своим чередом без какой-либо координации.

Ожидание. Больше всего в жизни Квинт ненавидел это ожидание перед самым началом боя. Когда ты стоишь в строю и напряженно вглядываешься вдаль, ожидая появления врага и гадая, удастся ли тебе сегодня выжить и, если да, то скольких старых товарищей потом придется похоронить.

На рострах постепенно собирались магистраты. С нарастающим внутренним беспокойством, он наблюдал за ними, но ни мальчишки, ни его главного прихлебателя — мордатого Агриппы, — среди них не видел.

Нервы были натянуты как канат. Сердце отбивало неровный ритм в ушах.

Толпа пришла в движение, постепенно отступая назад — и время схлопнулось. Только поднявшись на цыпочки, Квинт смог разглядеть, что стало тому причиной. Легионеры медленно, но верно оттесняли их от ростр. Мальчишка боялся реакции толпы на свое представление. Не зря.

Посыльный от Бальба с сообщением о том, что люди Котты зафиксировали какие-то передвижения легионеров у дома мальчишки, прибежал всего за несколько минут до того, как сам мальчишка вынырнул на ростры. Повисла гробовая тишина — и только выдержав театральную паузу, мальчишка принялся вещать.

Квинт его не слушал. Уже несколько не скрываясь, под недоуменными взглядами ничего не подозревающих зевак, он раздавал своим парням последние команды. Им предстояло оказаться на самом острие атаки. Первыми столкнуться с легионерами мальчишки. Отвлечь их от обходного маневра когорт Бальба, дать ему время добраться до Цезаря. Сколько легионеров столпилось у ростр он не видел — и эта выборочная слепота нервировала еще больше.

Бальбу нужно было действовать молниеносно — а значит и Квинту никак нельзя было медлить.

Толпа вокруг них безмолвствовала. Кто-то внимал каждому слову в речи мальчишки, кто-то, из тех, что находились поближе, напряженно прислушивался к Квинту, видимо, пытаясь на глаз оценить опасность ситуации. Нужно было обозначить свою позицию — и сделать это как можно скорее.

Закончив с приказами своим парням, Квинт нарочно громко добавил:

— И помните — гражданских не трогать! Ни при каких раскладах.

По толпе прокатился облегченный вздох. Сработало.

Очередной посыльный от Бальба передал Квинту, что он занял позицию между правым краем ростр и базиликой Эмилия и что сигнала нужно ждать именно с той стороны.

— ...как я уже говорил, вам нет никакой нужды принимать мои слова на веру. Провокатор сейчас сам предстанет перед вашим судом — и вы сможете лично убедиться их правдивости, — объявил мальчишка, и Квинт напряженно оглянулся.

Возле правого края ростр не происходило решительно ничего.

— По-моему уже пора, — обеспокоенно шепнул ему на ухо Матий. В руках он уже не скрываясь сжимал древко легионного орла шестого.

— Команды еще не было, — отрезал Квинт, — Не пойму, чего Бальб ждет.

Со стороны ростр раздалось хриплое «квириты» и разговор их сам собой сошел на нет.

Живой. Им не подсунули актера.

Квинт резко обернулся и, уставившись на выступавшего с ростр человека, с ужасом понял, что если бы не прослужил с ним столько лет бок о бок, если бы он сейчас начал сознаваться во всех прегрешениях, приписываемых ему мальчишкой, — ему действительно не удалось бы признать в этом заросшем бородой, измученном мужике Цезаря.

Да как этот наглый сопляк вообще посмел...

Где-то в груди поднималась ярость.

— ...если ты не заметил, я все еще жив. Следовательно. Мое завещание недействительно. Следовательно. Ты не имеешь никакого права использовать и позорить мой когмоен. Тебе ясно, Гай Октавий Фурин? — в голосе Цезаря звучала ярость.

— Так его! — одобрительно крикнул Квинт и только потом осознал, что сказал это вслух, хоть и не собирался.

Легионеры за его спиной хранили молчание, не осмеливаясь поверить своим глазам и ушам.

— Чего смотрите?! Остановите его! — рявкнул мальчишка.

На рострах Цезарь резко схватился за голову. Квинт внезапно отмер и перевел взгляд вправо. Если Бальб и сейчас не поднимет сигны, то он начнет сам, без команды. Дальше тянуть было уже некуда.

Между базиликой Эмилия и рострами в небо поднимались сигны двух когорт и легионный орел шестого.

Сердце пропустило удар.

— Давай! — рявкнул Квинт на Матия, который с открытым ртом таращился поверх голов впереди стоящих. Тот мотнул головой, приходя в себя — и спустя секунду легионный орел тринадцатого тоже взмыл в небо.

Крик Квинта «вперед!» утонул среди голосов многотысячной толпы, что скандировала имя их императора[2], но его рука с зажатым мечом взмыла в небо, отдавая когортам приказ к атаке. Приказ, которому он последовал самым первым.

— Цезарь! Цезарь! — доносилось отовсюду, люди расступались перед ними,

освобождая дорогу к рострам.

Квинт сосредоточенно всматривался вперед. Так. Сейчас они должны были выйти на свободную площадку. Развернуться там было довольно сложно, но и этого должно было хватить.

В конце концов и он командовал далеко не легионом — и мальчишка выставил перед рострами пару-тройку когорт, не больше.

Перестроившись в боевой порядок, они уже были на расстоянии броска пилума от врага, когда оставшаяся за спиной толпа громогласно охнула. Словно по наитию, Квинт вскинул голову. Только для того, чтобы увидеть, что там, наверху, Гай Юлий, потеряв сознание, повалился на ростры, и тело его прошибло судорогой.

Спустя короткое мгновение его первый ряд столкнулся с легионерами мальчишки. Все остальные мысли тут же отошли на второй план.

Им удалось застать врага врасплох и сходу перехватить инициативу в свои руки. По старой привычке орудуя мечом на самом острие атаки, Квинт прекрасно видел растерянность и ошеломление на лицах вражеских легионеров. Однако, это не мешало им довольно резко отбиваться.

— С фланга, заходите с фланга! — он пытался подкорректировать тактику на ходу, но его голос неизменно тонул в звоне оружия и криках людей.

Что-то мелькнуло слева. Повинуясь вбитой намертво привычке, Квинт поднял вверх левую руку, в которой должен был быть щит. Что-то полоснуло по предплечью — и на толстой ткани тоги проступило кровавое пятно. Удар прошел по касательной. Ерунда.

Их давление не ослабевало ни на мгновение, а запал легионеров мальчишки, наоборот, таял на глазах. Осознав, что подмоги нет и не будет, они принялись отступать вбок от ростр. Сперва они двигались слаженно, но затем на них сзади навалилась разъяренная толпа городского плебса — и мужество изменило им. Теряя мечи и знамена, молодые салаги побежали в разные стороны, не разбирая дороги перед собой.

Воодушевленные победой, его парни чуть было не пустились в преследование, но Квинт быстро их осадил:

— Бегущих и сдающихся не трогать! Пусть они и поддались обману Октавиана, они все равно наши соратники и мы не будем их убивать без особой нужды. Я сказал!

Колено горело огнем, но он не обращал на это никакого внимания.

Несколько человек все-таки предприняли попытку преследовать легионеров мальчишки, но, не получив поддержки от своих сослуживцев, они быстро остановились.

Мраморная конструкция ростр со все еще висящим на ней проскрипционным списком была у Квинта прямо перед носом. Повинуясь какому-то мимолетному порыву, обращаясь одновременно ко всем и ни к кому конкретно, он прокричал:

— Поднимите меня!

И несколько пар рук тут же подхватили его, поднимая наверх. Дотянувшись до края ростр, Квинт с трудом подтянулся — на белом мраморе остались красные разводы его крови, — и, поднявшись с колен, посмотрел вниз.

На форуме творилось форменное безумие.

Люди, что еще недавно скандировали имя их императора, сейчас кого-то били, кричали, бежали кто куда и в их передвижениях не было никакого подобия цели. Легионеры мальчишки, — рассеянные серебристо-бежевые пятна[3], - по одиночке улепетывали куда подальше. Окружавшие форум когорты отступали назад, даже не вступив в бой.

Складывалось такое ощущение, что они потеряли командование и теперь не знали, что и делать.

В отличие от форума внизу, на рострах не было почти никого. Куда-то подевались магистраты, пропали легионеры, которых нагнал мальчишка, и только один молодой парень испуганно смотрел прямо на Квинта.

Под ногами его лежало тело.

На его знакомом лице посмертной маской застыло удивление, взгляд пустых глаз смотрел в небо, а на груди расплывалось кровавое пятно.

Октавиан был совершенно, абсолютно мертв.

— Это ты сделал? — переводя взгляд с молодого легионера на тело и обратно, спросил Квинт.

Парень сглотнул и неуверенно кивнул в ответ.

— Тогда беги, парень, — ухмыльнулся Квинт, — Иначе Квинкция тебе вместо него глаза выцарапает.

Глаза парня расширились в ужасе, но он не стал ничего пояснять. Не маленький, сам разберется.

На другом краю ростр толпились люди — и именно туда ему и нужно было.

Клокочущая в крови ярость постепенно утихала и совсем сошла на нет, стоило ему завидеть спину Бальба.

— Бальб! — радостно крикнул он, привлекая к себе внимание, — Бальб, мы их сделали! — он пересек разделявшее их расстояние буквально в два шага, — Только, ради всех богов, не пускай сюда Квинкцию. Там какой-то парень грохнул мальчишку, боюсь, она его за это прибьет, — хохотнул Квинт.

Хриплый, но такой знакомый голос отозвался из-за спины Бальба:

— Грохнул мальчишку?

Бальб резко обернулся в сторону Квинта, являя его взору того, из-за кого они в общем-то все это и затеяли.

Пизон, на лице которого гуляла широченная улыбка, поддерживал Гая Юлия под руку. Вблизи тот выглядел еще хуже, чем издалека, но Квинт все равно поймал себя на том, что сейчас улыбается как полнейший идиот, и, что самое главное, совершенно ничего не хочет с этим делать.

— Калавий, что значит — грохнул мальчишку? — переспросил Цезарь, так и не дождавшись от него ответа.

— То и значит. Грохнул. Совсем. Насмерть. Вон он лежит, — Квинт махнул в нужном направлении рукой, — Не веришь мне — сам пойдешь посмотри.

На мгновение над рострами повисла неловкая тишина, а затем Цезарь сокрушенно спросил:

— Боги... Но зачем?

Нет, Квинту все-таки никогда его не понять!

На Город уже опускались сумерки, но возбуждение, бурлившее в крови, несмотря на всю навалившуюся усталость, никак не давало Квинту уснуть. Это же самое возбуждение мешало ему сконцентрировать внимание, поэтому он не мог ни на что отвлечься и просто продолжал мерить шагами атрий дома Пизона.

Поговорить было не с кем. Смертельно уставший Бальб дрых без задних ног, храпя и

процессе настолько громко, что Квинту каждый раз казалось, что начинается гроза. Цезарь тоже отрубился, стоило его голове коснуться подушки, и спал до сих пор, хоть и говорил, что завел себе какой-то «будильник» и что встанет через пару часов. Подходить к Квинкции Квинт и вовсе боялся — она все еще была в ярости за то, что ей не дали выцарапать мальчишке глаза, и попадаться ей под горячую руку не хотелось. Пизон удалился в свой таблинум, явно намереваясь написать пару писем, а о чем можно было поговорить с его дочерью — Квинт даже и не знал.

Хм. Написать пару писем. Пожалуй, это было не такой уж и плохой идеей.

Раб, которого он послал за папирусом и письменными принадлежностями, обернулся быстро.

Ни на мгновение не задумавшись, Квинт, без предисловий, заголовков и прочих вежливостей, вывел на папирусе короткое:

Мы победили.

[1] Луций Афраний. Легат Помпея в Испании. Одно из ключевых лиц первого витка гражданской войны.

[2] Все еще в значении «победоносный полководец», современное значение этого слова в описываемое время еще не существует.

[3] Туники рядовых легионеров по цвету где-то между бежевым и коричневым.

Дезертир (Марк Агриппа III)

Жизнь разделилась на «до» и «после» так быстро, что Марк толком и не успел осознать, что произошло.

Буквально только что он поднимался по мраморным ступеням роста вслед за избранным Цезарем, и все его мысли занимала ровно одна проблема — что делать с проскрипционными списками и сбежавшим центурионом? Он не разделял уверенности Августа в том, что одних “признательных” показаний Цезаря будет достаточно для того, чтобы развеять слухи и переломить мнение солдат, и, как следствие, проблема никуда не девалась, продолжая маячить над ними зловещей тенью.

То, что на караул, выставленный Августом, вчера кто-то напал, заставив их сняться со своих позиций, тоже не добавляло оптимизма. Лучшие люди Марка — и он сам тоже, провели всю эту ночь на ногах, но толку от этого было мало. Им так и не удалось выяснить личности атаковавших. У них попросту было слишком мало времени.

Буквально только что Марк поднимался по мраморным ступеням на ростры — а сейчас он, задыхаясь от длительного бега, словно испуганный заяц, петлял по узким, извилистым переулкам Субурры и молился всем богам только об одном. Чтобы преследователи наконец-то от него отстали.

Но боги оставались глухи к его мольбам.

Когда Цезарь только-только начал говорить, Марк сразу понял, что, несмотря на всю уверенность Августа в надежности его “рычага”, их план, в его идеальной версии, потерпел крах.

Неприятно, но не катастрофа. Они не были настолько идиотами, чтобы не предполагать такую возможность — и не продумать план “Б” заранее. План был простым как лопата, и таким же эффективным. Второй легион, окружавший форум, только и ждал приказа для того, чтобы подавить любые возможные беспорядки. Рабы и информаторы, заранее накачанная правильной версией событий, были готовы начать распускать невероятные слухи в любое мгновение. Гладиаторы Марка переминались с ноги на ногу в ожидании приказа на убийство центуриона и Бальба — и ничто не могло пойти не так.

Однако, пошло.

Силы постепенно покидали его. Четко осознавая, что, если он сейчас не остановится и не отдышится, он рухнет носом прямо на мостовую, Марк завернул за первый попавшийся угол и прислонился к холодной кирпичной стене спиной. Его грудь тяжело вздымалась под прилипшей к потному телу туникой.

Откуда? Откуда они все взялись? Шестой, тринадцатый... Еще вчера вечером все доклады, что оказались у него на столе, единогласно утверждали, что, хотя некоторые колебания в войсках действительно наблюдались, абсолютное большинство относилось к слухам, распространяемым центурионом и Оппием с сомнением, если не сказать большего.

Как, Аид его заведи, ситуация могла настолько радикально измениться за ночь?

И почему его наблюдатели из лагерей второго и третьего утром в один голос отчитались, что все спокойно? Неужели за ночь успели переманить и их? Другого объяснения он не видел.

Предатели. Его окружали сплошные предатели.

Быстрые шаги преследователей приближались. Марку даже казалось, что он слышит их

голоса, но разобрать слов он не мог. Короткая передышка подошла к концу.

Пытаясь определиться, куда бежать дальше, он покрутил головой по сторонам. Проулок, застроенный со всех сторон шестиэтажными инсулами, заканчивался тупиком. Глухой стеной. И только в одной из окружающих его с трех сторон стен была дверь.

Другого выхода у него не было.

Что ж.

Насколько это было возможно в ограниченном пространстве, Марк взял разбег и, навалившись всем весом, врезался плечом в дверь напротив. Он не имел ни малейшего представления, куда она ведет, но зато отчетливо осознавал, куда его приведет путь назад. В лапы преследователей. А затем на плаху. Надежды на хваленое милосердие Цезаря не было. Не сейчас. Не по отношению к нему. В такой ситуации стоило рискнуть и окунуться в неизвестность с головой.

Дверь жалобно скрипнула и слетела с одной из петель от первого же удара. Совсем хлипкая. Марк нырнул в слабоосвещенное незнакомое помещение, что скрывалось за ней, и прислушался. Торопливые шаги, что все это время раздавались сзади него, теперь сместились куда-то влево. Пронесло. Не заметили.

За спиной раздался удивленный женский вскрик. Марк вздрогнул всем телом и мгновенно обернулся, машинально сжимая кулаки. Зрение понемногу адаптировалось к полутьме.

Перед ним стояла немолодая женщина и, глазами по пять ассов, смотрела на него в упор. Грудь ее вздымалась так, словно она копила воздух, чтобы закричать еще громче.

Только этого ему не хватало.

Марк пересек помещение в один прыжок и, прежде чем она начала верещать, выдавая его с головой, зажал ей рот ладонью.

— Тихо! — прошипел он. Его свободная рука скользнула на пояс, туда, где в ножнах все еще болтался меч, — Тихо, — еще раз повторил он уже спокойнее, — Давай без резких движений.

Женщина что-то промычала через его ладонь и попробовала отстраниться. К сожалению, — а может и к счастью, тут с какой стороны посмотреть, — у нее за спиной была стена и этот маневр провалился.

— Тихо. У меня есть деньги. Много. Прямо с собой. Я заплачу за молчание, — он убрал руку с эфеса меча, аккуратно снял с пояса мешочек с деньгами и поднял так, чтобы женщине было видно, — Здесь двести денариев. И они могут стать твоими, если ты не будешь кричать и притаишь мне какую-нибудь тогу. Идет?

Женщина тут же энергично кивнула, глаза ее алчно заблестели. Марк убрал ладонь от ее рта и сказал:

— Давай сначала половину — за молчание, — он открыл мешочек и быстро отсчитал сотню денариев, — А остальное потом, когда тогу принесешь. Идет?

— Идет, — еще раз кивнула она.

— Отлично, держи, — отсчитанные Марком монеты перекочевали в ее руку, — А я тут подожду.

Только сейчас у него появилось свободное мгновение — и он оглянулся, пытаясь понять, где находится. Помещение было уставлено кухонными столами и утварью. От печи распространялся жар, а на одном из столов стояли готовые к подаче блюда. Кухня какой-то из многочисленных местных лавок. Это удачно его занесло.

— Можно я пирожок пока возьму? — кивнул в сторону одного из блюд Марк, — Со вчерашнего вечера толком ничего не ел.

Женщина немного опешила от его наглости. Еще бы. К ней на кухню ворвался мужик, которого ищет, наверное, уже весь Город, и как ни в чем ни бывало, требует тогу и пирожок. Было от чего обалдеть.

Видимо, так и не найдя подходящих к ситуации слов, она снова молча кивнула и ретировалась. Пожав плечами, Марк схватил с тарелки один из еще теплых пирожков и принялся жадно его жевать.

В голове роилось множество вопросов.

Откуда Цезарь только взялся на их голову? Как он умудрился выжить? Где он был все это время? Что вообще случилось четыре года назад, пока они с Августом были в Греции?!

Несмотря на все старания Августа и его головорезов-германцев, ответов они так и не получили. Память о неожиданной и случайной кончине Лепида была слишком сильной, и они опасались пускать в ход даже самую малую толику своего обширного арсенала, поэтому вряд ли такой исход можно было назвать удивительным. Однако вопросы никуда не девались — и их становилось все больше с каждым моментом.

Казалось, словно весь мир сговорился — и теперь планомерно рушил то благополучие, к которому Марк с остервенением шел все эти годы.

Дверь на кухню открылась снова, когда он уже дожевывал один пирожок и голодным взглядом сверлил тарелку с остальными. Машинально схватив со стола нож, он приготовился биться не на жизнь, а на смерть, но в комнату вошла все та же женщина. В руках она держала простую белую претексту. Он облегченно выдохнул и тут же положил нож на место.

— Извини, я подумал это кто-то другой, — оправдываясь, сказал он.

— Держи, — отозвалась она, протягивая ему тогу, — Давай деньги и вали отсюда. Ты меня не видел, я тебя не видела.

Мешочек перекинул из его руки в ее. Спешно накинув тогу и замотавшись в нее до ушей, Марк аккуратно высунулся из черного входа забегаловки и оглянулся. В проулке не было ни души, и ни один подозрительный звук не доносился до его ушей.

Пронесло. Ушел.

Стараясь не создавать лишнего шума, он аккуратно прикрыл за собой дверь и быстро вышел из проулка назад на улицу. Пусть ему и казалось, что весь Город уже должен был стоять на ушах, выглядывая его лицо в каждом прохожем, действительность не имела ничего общего с его фантазиями.

Люди шли мимо по своим делам, не замечая его. Замотанными до ушей странными типами обитателей Субурры было сложно удивить — и для них он сейчас должен был выглядеть как очередной мелкий бандит, который обстрипывает дело и не хочет быть пойманным с поличным. Идеально.

Нужно было решать, что делать дальше, но никаких идей, как назло, не появлялось. Еще какую-то четверть часа назад он четко знал, что ему нужно за стены, на Марсово, к третьему легиону. Поднять его по тревоге, ввести в Город на помощь второму — и задавить эти беспорядки в зародыше.

Сейчас эта идея не казалась такой уж хорошей. Второй дрогнул слишком быстро. Слишком легко. Так, словно весь этот вялый бой был не более, чем театральным представлением, призванным вынудить их с Августом поступить именно так, и заманить их

в расставленную ловушку, готовую захлопнуться. После поражения второго, ввести третий в Город было единственным возможным решением — и именно поэтому там его наверняка уже ждали.

Головоломка складывалась идеально. В нее встраивалось все — и усыпляющие бдительность доклады на фоне все растущего напряжения, и слишком легкое бегство гладиаторов от дома Бальба, и утренние отчеты наблюдателей о том, что все в порядке. Пусть то, что отставники в ожидании триумфа частенько покидали свое расположение и пересекали померий в поисках развлечений и не было ни для кого новостью — это никогда не происходило в подобных масштабах. Там, на форуме, им противостояла целая армия, и пропустить выход такого количества людей из лагеря было попросту невозможно.

Точнее не им. Ему. Ему противостояла целая армия.

Он все никак не мог привыкнуть к тому, что Август погиб — и оставил его в полном, оглушающем одиночестве. На Мецената рассчитывать не приходилось. Их третий друг больше всего на свете любил литературу и, как в военном, так и в политическом деле, был полнейшим профаном.

Других влиятельных союзников у него не было — и со смертью Августа, все видимое благополучие в одно мгновение рухнуло как песочный форт, выстроенный ребенком слишком близко к воде, во время прилива.

Ему нужно было бежать. За стены. Не к легионам предателей, нет. Ему нужно было бежать из Города. Из Италии. Он еще не понимал куда, но буквально всеми внутренностями ощущал, что других вариантов не закончить в петле Туллианума у него не было.

Бежать надо было быстро. Преследователи могли упустить его из виду, но надеяться на то, что этого будет достаточно, чтобы все и вовсе о нем позабыли, не приходилось.

Он быстрым шагом шел к форуму — и чем сильнее приближался к нему, тем более возбужденной становилась обстановка. Слухи всегда распространялись по Городу со скоростью пожара, и он готов был поставить все, что угодно на то, что через час о смерти Августа, внезапном и невозможном возвращении Цезаря к жизни и смене власти будет знать даже самая распоследняя собака, что живет возле Коллинских ворот.

Ворот ему стоило избегать всеми силами. Если он хоть что-то и знал о военном деле, так это то, что при любом перевороте любой адекватный мятежник в первую очередь возьмет под контроль именно их — и пиши пропало.

Идея пришла в голову неожиданно. Тибр. Он мог уйти по Тибру.

За форумом и Велабром, возле цирка, как раз был выход к реке прямо внутри городских стен.

Уйти по Тибру, забрать Мецената с его пригородной виллы, и бежать. Куда — вопрос пока даже не десятый — десятитысячный.

Других вариантов просто не оставалось.

Дорога до берега заняла просто неприличное количество времени. Пусть обычно она не длилась дольше четверти часа, сейчас ситуацию сложно было назвать обычной — и самый короткий путь, через форумы, был для него закрыт. Он старательно обходил все скопления людей. Шарахался в сторону, только завидев впереди хоть что-то напоминающее форму легионеров. Выбирал самые темные и узкие переулки — и в итоге все-таки оказался на берегу, и даже не в окружении безумной толпы, что притащила его сюда, чтобы утопить.

Хоть одна маленькая победа посреди этого наполненного горькими поражениями дня.

Тогу, что обошлась ему, — страшно подумать, — сотню денариев, пришлось бросить у

реки. Плавать замотанным в девятнадцатифутовый кусок ткани можно было только топором и в одном-единственном — последнем, — направлении.

Он оглянулся назад.

Город, который еще утром полностью принадлежал им, сейчас ощущался враждебным и чуждым. Город, который сулил ему успех и признание, сейчас был готов его убить просто за то, что он хотел как лучше.

Хотел как лучше, а получилось как всегда. В чем-то папа все-таки был прав.

Разбежавшись, Марк с головой нырнул в мутную воду. Течение подхватило его, и он уже не выбирал в какую сторону плыть, только пытался грести в сторону другого, спасительного берега и следить за тем, чтобы не наглотаться воды в процессе.

Не было ничего более унижительного в этой жизни, чем посмотреть своему убийце в глаза в последний раз сидя на горшке с отравлением.

Промокший насквозь Марк ворвался в дом Мецената, когда солнце было уже в зените. Спугнув стайку рабов, он вломился в таблинум и с порога выпалил:

— Гай, нам нужно сваливать!

Меценат оторвался от очередного свитка — и глаза его расширились в удивлении, стоило ему разглядеть Марка получше. Без тоги, грязный и мокрый с ног до головы, он явно не походил на гонца, который принес хорошие вести.

— Что случилось? — испуганно спросил Меценат.

— Длинная история. Собирайся, по ходу дела расскажу! — выпалил Марк.

Резко посерьезневший Меценат кивнул, незамедлительно окликнул своего домоправителя и приказал ему собираться. Вдвоем, они вышли из таблинума в атрий, и Меценат резко остановился.

— А теперь давай, выкладывай. Быстрее, чем за пару часов они все равно не управятся, — требовательно заявил он.

Не зная, с чего начать, Марк задумался. Меценат не был в курсе событий последней недели. Август считал, что чем меньшему количеству людей известна вся подоплека, тем лучше, а Меценат никогда не умел держать язык за зубами — и мог проболтаться случайно и без никакого умысла.

Пауза затягивалась. Взгляд Мецената становился все более и более подозрительным.

— Хорошо, — сказал Марк, пытаясь совладать с беспокойством, — Хорошо. Короче. В Городе переворот. Август убит.

— Что?! — Меценат ошеломленно уставился на него, — Кто это устроил? Почему ты до сих пор не ввел войска?!

Марк тяжело вздохнул и отрицательно помахал головой:

— Цезарь. Это все устроил Цезарь. Не без помощи, конечно. А войска... — он сделал паузу, не зная, как бы помягче выразиться, — В общем... У меня есть все основания считать, что они нам больше не подчиняются и за нами с тобой никто не пойдет.

— Какой Цезарь? — Меценат смерил его недоверчивым взглядом, — Луций? Зачем ему это? Почему легионы его послушали? Ничего не понимаю.

— Если бы Луций, — сокрушенно покачал головой Марк, — Гай. Гай Цезарь. Да, тот, с которым ты подумал.

Меценат замолк и уставился на него в упор совершенно опешившим взглядом.

— Марк, ты с ума сошел?! Его убили четыре года назад! — наконец-то выпалил он.

— Не убили, Гай. Я... — Марк схватился за голову. Это было куда сложнее объяснить,

чем пережить, — Я сам не знаю, что там произошло, но он жив. Неделю назад он объявился в Городе и навел там такого шороху...

Меценат вздернул бровь, безмолвно требуя пояснений. Марк вздохнул, и принялся рассказывать.

Пока рабы в спешке паковали необходимые вещи, выкидывали скоропортящуюся еду и консервировали дом, Марк безостановочно говорил. С каждым его словом выражение лица Мецената менялось, а попытки как-то оправдать свое молчание оставили горький привкус подпорченных отношений.

Стоило Марку закончить свой рассказ, они молча вышли на улицу. Самые необходимые вещи уже были упакованы и погружены на лошадей. Рабы недоуменно разглядывали их — и Марк все никак не мог избавиться от ощущения, что они прикидывают, не убить ли их прямо здесь и сейчас, чтобы выслужиться перед Цезарем и заслужить себе свободу. Единственной возможной причиной промедления могло быть только то, что Цезарь никогда не приветствовал подобных расправ.

Меценат не обращал на рабов никакого внимания. Необычайно тихий и расстроенный, он с грустью смотрел на свой покинутый дом.

— Ну и что нам теперь делать? — сделав тяжелый вдох, Меценат наконец ожил.

Марк потряс головой, отгоняя непрошенные мысли, и твердо сказал:

— Бежать.

— Куда? — растерянно уточнил Меценат.

— Не знаю, — честно ответил Марк, забираясь на лошадь, — Пока не знаю.

Они успели рассориться со всеми. От войны с Антонием их отделяло только то, что ни они, ни он еще не были готовы. Война с Помпеем пусть и текла вяло, но все-таки текла. Единственным, с кем они не были в текущий момент не были на ножах, оставался Лабиен.

Но, Харон его заberi, если ему хоть в какой-то степени импонировал этот вариант.

Он легонько стукнул лошадь ступнями по ребрам и натянул поводья, пуская ее галопом. Медлить было нельзя. Сзади раздался стук копыт. Меценат и несколько его доверенных рабов поравнялись с Марком.

Окруженные мрачным молчанием, они ехали прямо навстречу пугающей неизвестности.

Самозванец (Магнус V)

Лифт медленно ехал вверх. Номера этажей на экране уже давно не сменяли один другой, застряв на минус первом. Магнус молча разглядывал раздвижную дверь. Тишина давила на мозги, но с чего начать разговор, он не знал.

— Слушай, а нас не хватятся? — неожиданный вопрос Третьей избавил его от необходимости сочинять какой-то бред, лишь бы не молчать.

— Да кто нас может хватиться? — обернулся к ней Магнус, — Брось ты. Даже если мы на месяц пропадем, никто не заметит. В этом болоте все равно ничего не происходит.

Третья усмехнулась и заправила фиолетовую прядь волос за ухо.

— Кошмар какой-то, — помолчав, добавила она, — Никогда не думала, что даже в Фонде я буду просто протирать штаны за экранами системы видеонаблюдения.

Магнус хмыкнул:

— Знаешь, я когда-то только об этом и мечтал. Чтобы все от меня отстали и можно было наконец-то откинуться на спинку кресла, спокойно распивать чай всю рабочую смену и не париться. Бойся своих желаний, они имеют свойство сбываться.

Третья хохотнула:

— И правда.

Они помолчали. Тихо шурша, лифт продолжал исправно везти их на поверхность.

— Слушай, — Магнус закинул руку за голову и почесал затылок, — Я все хотел у тебя спросить, но никак не приходилось к слову...

— М-м-м? — Третья вскинула одну бровь вверх в немом вопросе.

— А как тебя на самом деле зовут? — скороговоркой выпалил Магнус.

— Третья, — без промедления, серьезно отозвалась она.

— Нет, — помотал головой он, — Не сейчас, а... Ну... На самом деле? По документам?

— А какое это имеет значение? — Третья подозрительно зыркнула на него.

Он тут же принялся искать оправдания:

— Ну... Не знаю, просто любопытно. Не часто встречаешь людей, которые представляются числительным вместо имени.

— Да, а я вот такая, уникальная, — хохотнула Третья.

Магнус попытался было найти что-нибудь, за что можно было бы зацепиться, чтобы продолжить этот разговор и как-то раскрутить ее на ответ, но ему не удалось обнаружить никаких зацепок.

Тишина давила на мозги. Комплекс располагался слишком глубоко под землей, а лифт, казалось, тащился наверх со скоростью черепахи с переломанными лапками.

— А почему именно “Третья”? — неожиданно для самого себя, в какой-то момент спросил Магнус и, поймав косой взгляд Третьей, тут же добавил, — Ну, то есть... Я раньше работал в полиции под прикрытием. Мне какие только преступники с какими только кличками не попадались, но, чтобы просто число вместо клички? Никогда.

— Ты думаешь, я преступница? — Третья хмыкнула и снова попыталась съехать с темы.

— Нет, нет, ты что? — энергично помотал головой Магнус, — Просто... У тебя очень странная кличка.

Третья смерила его оценивающим взглядом, прежде чем отвернуться к дверям и ответить, словно не обращая к нему вовсе:

— Это не кличка. Это мой старый позывной.

— Позывной? — удивленно переспросил Магнус.

— Не тупи, Густавссон, — хохотнула Третья, — Условное имя, которое используют, чтобы не кричать свои личные данные в общедоступные системы связи.

Магнус хмыкнул:

— Нет, я может и не гений, но уж точно не настолько тупой, чтобы этого не знать. Но откуда у тебя позывной?

Третья не спешила отвечать и вместо этого задумчиво разглядывала двери лифта в мельчайших подробностях. Пауза из просто неловкой быстро становилась ужасной — и Магнус начинал сомневаться в том, что этот разговор стоил того, чтобы его заводить в первую очередь.

Какая разница, кто кого как называет, в конце концов?

Только тогда, когда Магнус уже растерял всякую надежду получить хоть какой-то ответ, Третья неожиданно сказала:

— Я служила в мобильной опергруппе. Во время нашего последнего задания... — она замолчала. Ладони ее сжались в кулаки, — Все мои сослуживцы погибли. Я осталась последней. Меня комиссовали по состоянию психического здоровья. Нашим командиром был мой старший брат.

Последняя фраза, короткая, но емкая, стала нокаутирующим ударом под дых.

— Оу... — Магнус не нашелся что сказать и вместо этого просто подвинулся к ней и положил ей руку на плечо, — Мне жаль.

Третья шмыгнула носом:

— Да ладно. Это было давно. Я уже почти могу об этом говорить.

— А что случилось?

Вместо ответа она всхлипнула и помотала головой.

— Ладно, ладно, я понимаю, — быстро сдал назад Магнус. Рука его опустилась чуть ниже, и спустя несколько секунд он уже мягко обнимал ее за плечи.

Эта идиллия не продлилась долго. Еще раз всхлипнув, Третья дернула рукой, сбрасывая его ладонь с себя. Остаток пути они провели в гробовой тишине, под тенью тяжелых сомнений, сдавливавших воздух.

КПП встретил их сонливой негой. Лоренс дремал за столом у самой гермодвери, а остальных его коллег по смене даже не было видно.

Заслышав шаги, он встрепенулся и уставился на них сонными глазами.

— Магнус? Третья? — удивленно спросил он, — Что, смена уже закончилась?

Магнус помотал головой:

— Не, Лоренс, спи.

— А... — растерянно оглядываясь, начал было Лоренс.

— Мы просто решили прогуляться, — подключилась к разговору Третья, — А то так и рехнуться можно в этом подземелье.

— А, — ее ответ полностью удовлетворил Лоренса, и он кивнул, — Вы хоть оружие с собой взяли? Там наверху полно бизонов.

— Обижаешь, — Магнус приподнял куртку и продемонстрировал ему кобуру с пистолетом на поясе, — Мы погулять хотим, а не умереть.

— Ладно, ладно, — хохотнул Лоренс и нагнулся к ящику стола. Спустя несколько мгновений он положил на столешницу терминал, — Давайте, отметьтесь тут, и можете идти.

С чем — с чем, а с безопасностью в этом комплексе все было донельзя серьезно.

С неба накрапывал мелкий весенний дождь, из-за неплотных туч выглядывало яркое солнце — и отметка его настроения сразу поползла вверх, стоило ему только сделать первый шаг за порог маск-здания. Непривычно свежий и влажный воздух ударил в нос, и он едва сдержался от того, чтобы рассмеяться во весь голос.

Третья не нашла необходимым себя так ограничивать.

— Слушай, Магнус, — отсмеявшись, она посмотрела на него. Ни следа беспокойства от разговора в лифте больше не читалось на ее лице, — А почему мы раньше сюда не выбирались?

Магнус пожал плечами:

— Потому что мы были на смене?

С губ Третьей сорвался смешок:

— А после?

— Ну не знаю, мне даже в голову не приходило, если честно.

Свежий воздух, такой приятный сперва, теперь щекотал где-то в горле, провоцируя у него приступ кашля.

— Пойдем, — не ожидая, пока он прекратится, Третья ухватила Магнуса за руку и потащила куда-то в сторону пролеска.

Он не стал сопротивляться — только спросил:

— Куда? — как только способность говорить к нему вернулась.

— Там озеро есть. Поплаваем, — воодушевленно отозвалась Третья.

— Ты серьезно? В такую холодину? — недоуменно переспросил Магнус.

Начало апреля в Вайоминге вряд ли можно было даже с натяжкой назвать подходящим временем для начала купального сезона, с реконфигурацией или без нее.

— Почему бы и нет? — стало убийственным ответом Третьей, аргументов против которого у Магнуса не нашлось, как он ни искал.

К счастью, к тому моменту, как они дошли до озера, здравый смысл Третьей возобладал над ее же воодушевлением, и она не только не полезла купаться сама, но и даже не попыталась заставить Магнуса. Ровная гладь идеально прозрачной воды завораживала, но только до того момента, как он наклонился и попробовал ее рукой.

Один заплыв в такой — и через пару тысяч лет археологи найдут твой окоченевший труп и будут долго недоумевать, как ты такой здесь оказался.

Возвращаться назад, однако, не хотелось, поэтому, недолго думая, они приняли решение просто погулять вокруг озера.

Из густого леса, что его окружал, не доносилось ни единого звука. Приятное изменение по сравнению с вечно шумным комплексом, кроме медитативного настроения оно так же позволяло надеяться на то, что приближающегося бизона удастся услышать задолго до столкновения с ним лицом к лицу.

— Знаешь, Магнус, я вот думаю... Получается, теперь так будет всегда? — пожившись от налетевшего порыва ветра, Третья закуталась в куртку, — Я имею ввиду... Раньше мы, конечно, тоже частенько сидели в какой-нибудь зоне или комплексе месяцами, но... Но знаешь, даже просто выйти после смены в город... Это... Это... Не знаю. Ты просто идешь, смотришь на людей вокруг и понимаешь, зачем все это. Понимаешь, что вокруг все нормально. Понимаешь, что на выходных ты пойдешь в кино или по магазинам, как и все. А здесь что? А сейчас что? Мы будем сидеть всю оставшуюся жизнь посреди этого нигде и

каждый день смотреть только на опостылевшие рожи коллег?

По спине Магнуса побежали непрошенные мурашки, и он был практически уверен, что налетевший ветер не имел к ним никакого отношения.

— Сариола говорил, что... — начал было он.

— Да я знаю, что говорил Сариола! — перебила его Третья, — Просто это как-то... Несправедливо. Не знаю. Я так завидую своим пацанам. Да, они погибли, но, знаешь, у них никто не отбирал вот это ощущение...

— Я понимаю, — кивнул Магнус.

Подобрать правильные слова, чтобы описать это чувство, было сложно, практически невозможно. Не факт, что они вообще существовали хоть в одном из человеческих языков, но одновременно с этим он прекрасно понимал, о чем говорит Третья и сам чувствовал то же самое.

— Я что-то замерзла, — тихо сказала она, обняв себя руками. Взгляд ее был устремлен в затягивающееся тяжелыми свинцовыми тучами небо, — И дождь, по-моему, собирается. Пойдем назад, наверное?

— Пойдем, — легко согласился Магнус.

Всю дорогу назад его так и подмывало снова приобнять ее, но после инцидента в лифте, он решил не рисковать. У него и так не было здесь друзей, отпугивать единственного человека, который мог им стать, не хотелось.

Внизу на КПП за столом у гермодвери все так же сидел Лоренс. Стоило двери отъехать в сторону, пропуская Магнуса и Третью вовнутрь, он неожиданно подскочил, и, размахивая руками, выпалил:

— Ну, где вы там ходите?! Кларк в ярости, вас ищет.

— Что случилось? — нахмурился Магнус, прикладывая свою карту сотрудника к терминалу и фиксируя время входа.

— Не знаю, ЧП какое-то. Он так орал, что я ничего не понял, — пожал плечами Лоренс, — Идите, давайте, там в комнате охраны общий сбор всех, кто сейчас не на смене.

Пока они ехали на лифте вниз по бесконечно долгой шахте, Магнуса раздирали противоречивые чувства. С одной стороны он сам на протяжении прошедших нескольких недель неизменно ныл о том, что в этом болоте все тихо и мирно, как на кладбище, но с другой...

Не сейчас.

Все то дерьмо, что заставило Кларка бегать и орать, могло бы случиться когда угодно, только не сейчас — и он бы искренне обрадовался хотя бы одному интересному делу. Сейчас же разговор с Третью настроил его на тот удивительный философский лад, который никак не хотелось разбивать о суету, что всегда сопровождала любые ЧП.

— Где вас носит?! — вместо “здравствуйте” выпалил Кларк, как только они переступили порог комнаты охраны. С десятков их сослуживцев уже были там, в полном обмундировании и при оружии насколько, что сложно было сказать, кто где.

— Гулять ходили, — отрезал Магнус, — Мы сегодня выходные вообще-то, имеем право.

— Вы будете иметь право тогда, когда я скажу, вам понятно?! — взвился Кларк, — Быстро, привели себя в порядок, у нас ЧП, выступаем сейчас!

— Какое... — начала было Третья, но Магнус быстро наступил ей на ногу, заставив остановиться.

Она бросила на него взбешенный взгляд, но ничего не сказала и позволила ему увлечь ее

за собой к раздевалкам.

Стоило им обернуться, Кларк, не теряя ни секунды, рывкнул:

— С-с-стройсь! — и, перекинув автомат через плечо, первым вышел из комнаты охраны.

— А что происходит-то? — шепотом спросил Магнус у нераспознаваемого коллеги в маске.

Голос, что ответил ему, был сильно искажен воздушным фильтром, который не давал ни единого шанса распознать его личность:

— Кто-то прорвался в зал управления.

— Какой еще зал управления? — не понял Магнус.

Пусть он и жил в этом комплексе уже несколько недель, тот был настолько исполинским, что он не знал и половины.

Сослуживец хмыкнул:

— Магнус, ты думаешь, как запускается реконфигурация? С кнопки на ноутбуке что ли? Не-е-ет. Это очень сложный механизм, а зал управления — его сердце. Я только не пойму, как туда хоть кто-то смог попасть. У нас все системы так настроены, что доступ вовнутрь есть только у членов Совета, и больше ни у кого.

Магнус недоуменно пожал плечами:

— Взломали может?

— Ты слышал, чтобы Кларк орал как раненная чайка? — хохотнул сослуживец.

— Да регулярно, — Магнус тоже отозвался смешком.

— Не, это все фигня. Если бы нас взломали, Кларк бы так орал, что его в Андромеде было бы слышно. Не, тут что-то другое... — задумчиво протянул сослуживец.

По бесконечным одинаковым коридорам, они шли в сторону лифтовых шахт. Встреченные ученые с ошеломлением бросались в сторону, стоило им их завидеть — и Магнуса не покидало ощущение, что они воспринимают их не как защитников, но как надсмотрщиков.

Очень неприятное чувство, липнущее к коже.

Как только они поравнялись с лифтами, Кларк снова выстроил их и принялся раздавать приказы. Необходимости в этом никакой не было — с точно таким же успехом он мог просто включить микрофон на шлеме и говорить им прямо в наушники, но, видимо, ему доставляло удовольствие ходить вдоль строя и орать.

Третья стояла по правую руку от Магнуса и настолько явно злилась от поведения Кларка, что это было видно и через маску.

— Ты чего? — шепотом одернул ее Магнус, когда Кларк отвернулся к ним спиной.

— Да бесит, — насупилась Третья, — Ходит тут весь такой важный, командует, а сам реального пороха даже и не нюхал.

— Зато хоть какое-то дело, — резонно заметил Магнус, — А остальное — издержки производства.

Третья хмыкнула:

— Да знаю я. Кларк всегда был таким, с чего бы ему меняться? Просто меня сейчас вообще все бесит.

Закончив вещать, Кларк снова обернулся к ним — и разговор тут же прекратился сам по себе. Провоцировать его еще больше не хотелось.

Они набились в подъехавший лифт, как селедки в банку, и тот начал спускаться. Какая-

то смутная ассоциация все пыталась всплыть у Магнуса в памяти, но он никак не мог за нее уцепиться и в конце концов бросил эти бесплодные попытки.

Дверь открылась куда быстрее, чем он мог ожидать. Красный свет аварийных систем ударил в глаза, а по ушам резануло неприятным звуком сирены.

— Этаж заблокирован. Это — единственный вход на него сейчас, — прокричал Кларк, пытаясь переорать сирену. Хотя раз его ор был в тему, — Нарушитель не мог скрыться, он где-то здесь. Рассредоточились!

Повинуясь приказу, они молча разбились на тактические группы.

— А что с постовыми? — спросил Магнус у Кларка прежде, чем выступить, — Там есть кто-то живой?

— Неизвестно, — отрезал Кларк, — Они подали сигнал тревоги и больше от них ничего не было слышно.

Оптимист. Из всего многолетнего опыта Магнуса выходило, что, если кто-то подал сигнал бедствия, а потом перестал отвечать, нужно было готовиться считать трупы.

Вой сирены заглушал все звуки вокруг. Даже их шаги, обычно тяжелые и резонирующие от стен, не могли сквозь него прорваться. Одинаковые коридоры сменялись такими же одинаковыми коридорами. Двери по их бокам вели в одинаковые кабинеты, зачастую пустующие, но в парочке они обнаружили нескольких испуганных ученых с заткнутыми ушами.

Чем дальше они здесь находились, тем сильнее у Магнуса болела голова. Чертова сирена...

До зала управления оставалось совсем немного.

В наушниках то и дело раздавались голоса сослуживцев, но Магнус давно перестал к ним прислушиваться. Все равно ничего толкового они сказать не могли, а слушать очередной отчет о том, что в каком-то крыле в каком-то кабинете никого не обнаружено, ему уже порядком надоело.

В конце коридора, по которому они шли, маячил пост охраны. Ряд рамок мигал красным светом, а за панелями не было ни единого человека, живого или мертвого.

— Кларк их убьет, — констатировала Третья, когда они поравнялись с пустующим постом.

Судя по полному порядку, дежурные не оказали нарушителю, кем бы он ни был, никакого сопротивления.

— Это их проблемы, — пожал плечами Магнус.

Может быть, он и служил с этими людьми вместе, друзьями они так и не стали. Даже теоретически не могли стать. Их полностью устраивала сложившаяся ситуация, и они не могли его понять, а он, в свою очередь, не мог понять их.

Между ними была целая пропасть.

Короткая лестница привела их к распахнутой автоматической двери. Сканеры справа от нее не светились. Либо весь этаж был обесточен автоматикой, либо тот, кто сюда прорвался, сделал это сам, чтобы получить доступ.

Картина постепенно начинала вырисовываться у Магнуса в голове.

— Всем стоять! Работает служба собственной безопасности! — проорал он в полутьму зала управления, освещенного только аварийными красными лампами, переступая через высокий порог.

Панели непонятного назначения, выстроенные в длинные ряды, заканчивались

огромным экраном, вмонтированным в стену и бронированным смотровым стеклом по его бокам. Отраженные эхом, его слова не сразу вернулись к нему.

Кто-то впереди дернулся, замер на секунду, а затем принялся снова совершать хаотичные движения руками.

Без размышлений, Магнус дал предупредительную очередь в воздух. Пули со звоном упали на пол. Фигура замерла.

— Я сказал, всем стоять! — для убедительности, рывкнул Магнус еще раз.

На этот раз фигура послушалась.

Не отпуская палец со спускового крючка, а фигуру — из перекрестия прицела, Магнус преодолел расстояние между ними за каких-то несколько секунд.

В красном свете, мужчина перед ним выглядел донельзя сюрреалистично. Растрёпанный, в помятом лабораторном халате, накинутом поверх футболки с джинсами, он напоминал сумасшедшего ученого из плохого ужастика. Во взгляде его проглядывали маниакальные нотки.

— Доктор Киллиан Эрхард? — первой сориентировалась Третья.

Мужчина смотрел на них широко раскрытыми в испуге глазами и никак не реагировал.

— Доктор Эрхард? — повторил за ней Магнус, взмахнув автоматом для убедительности, и только после этого мужчина несколько раз лихорадочно кивнул, — Вы обвиняетесь в нарушении специального режима доступа. Вы будете задержаны.

Дурацкая, если задуматься, формула, но Магнус давно привык не задумываться, а просто говорить и делать то, что ему велела его текущая должностная инструкция.

Неожиданно, испуг ушел с лица мужчины — и он рассмеялся. Его сходство с безумцем стало окончательным.

— Вы идиоты! — выпалил он, — Цепные псы этого гандона Сариолы. Вот скажите мне зачем? — он развел руками, словно пытаясь охватить все помещение, — Зачем все это?

— Вы... — хотел было повторить приказ Магнус, но Третья перебила его и спросила:

— Что “зачем”?

— Зачем мы откатились так далеко, а? Мы делали это кучу раз, но никогда — на период более чем в сорок лет. Ни-ког-да. Это же полный бред. У нас не первый конец света ЗК класса сейчас вдруг замаячил на горизонте, и этот еще далеко не самый страшный из всех возможных. Подумаешь, энтропия, — мужчина снова засмеялся, — Как вам древний бог из параллельной реальности большей размерности, для которого мы — всего лишь муравьи, которых прикольно жечь линзой, а вся наша вселенная муравейник, который ему уже надоел? Или нет, нет! Лучше — самосознающий и самореплицирующийся мемагент, ретроактивно удаляющий все частицы, что с ним проконтактировали, из реальности навсегда? Истинный квантовый ластик. И заметьте, это я еще только начал.

Магнус молча смотрел на мужчину расширенными в удивлении глазами. Дуло автомата само опустилось, и теперь было направлено не на него, но в пол.

— Не откатываться более, чем на сорок лет. Это правило написано кровью и рассудками наших коллег. А Сариола что, просто взял и выкинул его в помойку из-за опасной технологии, медленно разъедающей нашу реальность как щелочь бумагу? Полный бред, это даже не конец света класса ЗК, а так, обычный вторник!

Голос мужчины сорвался на крик — и Магнус, очнувшись, снова вздернул дуло автомата. Одно резкое движение, и он будет стрелять на поражение, и никакие слова никакого психа его не остановят.

— А я ведь помню его, — мужчина успокоился так же быстро, как и завелся. Безумный блеск в его глазах сиял еще ярче, — Не помню его имени, не помню, как он выглядел, но я его помню. Он был моим начальником кучу лет. А потом пуф — исчез. И вместе с ним все мои воспоминания. Он был против. Он с самого начала говорил нам, что это опасно. Не знаю, почему он не начал действовать.

— Кто “он”? — тихий голос Третьей из-за эха звучал так, словно она кричала в громкоговоритель.

— Не помню, — мужчина безумно улыбнулся, — Не помню, черт побери! — в голосе его звучала ярость, перемешанная с отчаянием, но ровно одно мгновение. Словно по щелчку пальцев, он снова успокоился и принялся бормотать себе под нос, — Ладно. Ладно. Черт с ним. Еще не поздно все исправить. Еще ничего не поздно изменить.

Не обращая внимания на наведенные на него автоматы, он развернулся, сел за одну из панелей, и принялся с остервенением колотить по кнопкам. Хотя весь этаж и был обесточен, экран панели загорелся и на мгновение ослепил Магнуса.

— Что вы делаете? — голос Третьей дрогнул.

Нащупав в кармане тревожную кнопку, Магнус рефлекторно нажал на нее, вызывая подкрепление.

— Я? О, я всего лишь действую по протоколу, — хихикнул мужчина, — Не по тому бреду, который вам подсунул Сариола. По оригинальному. Не знаю, откуда он у меня в голове.

Словно замороженная, Третья потянулась было к нему, но Магнус схватил ее за руку, приводя в себя:

— Третья, он сошел с ума. Не слушай его, — другой рукой он пытался удержать автомат так, чтобы он и дальше смотрел мужчине в затылок, но получалось плохо. Непослушное оружие, потерявшее одну из точек опоры, дергалось из стороны в сторону.

Третья вздрогнула и широко распахнутыми глазами посмотрела на него. Затем ее брови нахмурились, и она серьезно кивнула.

Преодолев разделявшее их с мужчиной расстояние в несколько шагов, Магнус с силой приложил его прикладом по уху, выбивая из кресла. Мужчина упал на пол, схватился за ухо и закричал. По его ладони потекла кровь.

— Ты что творишь! Ты хоть понимаешь...?!

— Еще один звук, и я наплюю на приказ и буду стрелять на поражение, — пригрозил Магнус.

Этот доктор мог говорить все что угодно и как угодно, но он явно спятил и его действия грозили погубить даже то небольшое, что осталось от привычного мира. Слишком большая цена за то, чтобы прислушаться к, пусть и резонно звучащим, но все же вопросам психа.

Со стороны входа раздались быстрые шаги — и спустя несколько секунд вовнутрь зала управления ворвался Кларк во главе одной из тактических групп.

Песенка сумасшедшего доктора была спета. Без особого труда, они повязали его и повели наверх. Блокада с этажа была снята, как только Кларк отрапортовал в рацию, что операция завершена, и больше не нужно было тащиться обратно наверх набившись в медленный аварийный лифт.

Магнус ожидал, что они поведут доктора в камеры временного содержания, но по дороге рация Кларка снова ожила, и, переговорив с кем-то, Кларк недоуменно пожал плечами и объявил:

— Отмена камеры временного содержания. Советник Сариола хочет, чтобы мы доставили его к нему.

— Но зачем? — удивленно спросила Третья, — Он сошел с ума, он опасен. Он может навредить советникам.

Доктор попытался что-то пробубнить в свою защиту, но плотная клейкая лента не дала ему это сделать. Его завывания быстро достали всех, и они не нашли другого способа его заткнуть.

— Это приказ, Третья! — рявкнул Кларк, — А приказы что?

— Не обсуждаются, — повесив голову, отозвалась Третья.

Кларк удовлетворенно кивнул, а затем, немного подумав, добавил:

— Тактические группы 2 и 3, свободны. Этому психу не нужен целый кортеж. Остальные — за мной.

Они с Третьей удивленно переглянулись, а затем Магнус пожал плечами. Надо — значит надо.

Гуськом, их поредевшие ряды молча двигались вслед за Кларком. Зажатый со всех сторон Эрхард больше не предпринимал попыток сопротивления и молча шел посередине. Через какое-то время Магнус с удивлением для себя осознал, что они уходят прочь. С жилых уровней, где располагалось в том числе крыло командования, куда-то дальше.

Глубже.

Вниз.

Туда, где располагались технические и лабораторные уровни.

Магнус недоуменно посмотрел на Третью, но та в ответ только пожалала плечами. Если он хоть немного ее знал, сейчас под маской она саркастично ухмылялась.

Пусть вопросы и роились в воздухе, все хранили молчание. Никто не хотел попасть под горячую руку Кларку.

Двери очередного лифта открылись и Магнус замер на его пороге. Огромный холл, двойные широкие двери в противоположном конце. Он уже был здесь. Не мог вспомнить когда. Не знал зачем. Но точно был.

Сариола стоял посередине пустой комнаты в гордом одиночестве.

Кларк остановился на месте и вытянулся по стойке “смирно”.

— Киллиан Эрхард доставлен, — отрапортовал он. Без лишних слов, Магнус подтолкнул Эрхарда в сторону Сариолы, — Взлом систем управления процессом реконфигурации. Попытка несанкционированного запуска. Все как вы и говорили.

Сариола облегченно улыбнулся:

— Спасибо, Эдвард. И зачем так официально? Мы здесь все в одной лодке, это ни к чему, — сказал он и похлопал Кларка по плечу.

Кларк вздрогнул, но не убрал руку от головы. Короткий кивок Сариолы — и Эрхард без сопротивления сделал несколько шагов вперед. Сариола ухватил его за руку и подтянул к себе.

Магнус недоуменно уставился на Кларка, ожидая хоть какой-то реакции, но ее не последовало.

— Свободны, Эдвард. Спасибо за работу, — кивнул Сариола.

Кларк не двинулся с места. Вместо этого он убрал руку от головы и потянулся к кобуре, вынуждая глаза Магнуса практически выпасть из орбит.

Да что здесь вообще происходит?

— А, — Сариола хохотнул, — И пока я не забыл.

Молниеносно, он достал правую руку из кармана лабораторного халата и щелкнул пальцами.

И... Что-то произошло.

Белый туман появился из вентиляционной системы и стремительно заполнял комнату. Тот же самый туман заволакивал сознание плотной пеленой. Мысли путались и спотыкались, словно увязнув в чем-то липучем, до тех пор, пока их не осталось совсем. Ватное тело ощущалось не своим.

Словно в странном сюрреалистичном сне, едва видимый из-за тумана Сариола стоял напротив них и ухмылялся.

Время перестало иметь какое-либо значение.

Через бесконечно долгих несколько "ничто" Сариола заговорил снова — и голос его звучал непривычно жестко:

— А теперь запоминайте. Ни о каком Киллиане Эрхарде вы ничего не знаете. В зал управления сегодня никто не проникал. Меня вы не видели. Нижний уровень этого комплекса —23. Запомнили?

— Да, — рявкнул стройный хор голосов.

Магнусу понадобилось непозволительно много времени для того, чтобы понять, что его голос тоже был в нем.

— Теперь свободны. Выполнять.

Живой (Гай Цезарь III)

Первым включилось осязание, и Гай понял, что лежит на чем-то горячем, твердом и шершавом. Лежит на спине и чувствует каждый камушек, безжалостно впивающийся в старые шрамы.

Затем вернулся слух — и сознание заполнила какофония звуков. Звенели от столкновения друг с другом мечи. Кричали женщины, мужчины и даже дети. Несколько уверенных голосов громко отдавали команды.

И шаги. Отовсюду раздавались шаги. Шаги тысяч ног. Они заполняли собой все. Стоило их услышать, ничего другого больше не имело шанса пробиться через эту завесу.

— Да стой же ты! — раздался крик невидимого мужчины, — и Гай вздрогнул. Голос был ему слишком хорошо знаком.

— Стой! — к первому голосу добавился второй, не менее знакомый. Возбужденный и напуганный, он был достаточно близко для того, чтобы пробиться сквозь какофонию.

Бальб? Бальб и Пизон? Откуда они...?

Голоса, — и шаги, — двигались в его направлении.

Порыв холодного ветра скользнул по голой груди, заставляя рефлекторно поежиться.

Память вернулась третьей — и он вспомнил, что прямо перед тем, как свалиться без сознания, успел снять футболку. Попытка пошевелить правой рукой добавила еще больше информации — он все еще сжимал ее в кулаке.

Одни из шагов, быстрые и знакомые, приближались быстрее других. Кто-то бежал прямо к нему.

— Стой, тебя же убьют! — отчаянно закричал Пизон. Ему вторило тяжелое дыхание кого-то другого. Голоса раздавались сбоку и немного снизу.

Ступени стали непреодолимой преградой?

Мимика вернулась четвертой — и он криво усмехнулся.

Шаги, что были совсем рядом, неожиданно остановились, и откуда-то сверху раздался женский крик:

— Гай!

Он вздрогнул всем телом и распахнул глаза, никак не решаясь поверить своим ушам.

Зрение вернулось пятым, но оно и не требовалось для того, чтобы понять, кто, опустившись на мрамор ростр, сейчас сидел рядом с ним. Размытая сперва, фигура женщины стремительно приобретала очертания.

Знакомые движения. Родные черты лица. Привычный жест для того, чтобы заправить упавшие на глаза волосы. Странного сна длиной в год определенно было недостаточно для того, чтобы они размылись в памяти, превращая его жену не более, чем в смутное воспоминание.

Речь вернулась последней.

— Кальпурния? Ты... Ты что здесь делаешь? — его голос прозвучал неожиданно хрипло, — Я же просил... Он что, до тебя не дошел?

Резко, так, что на доли секунды зрение снова его покинуло, он сел.

— Боги, Гай... — стало ему ответом.

А затем его заключили в объятия. Тихий стон сорвался с губ больше от неожиданности, нежели от чего бы то ни было еще. К счастью, уже уткнувшись ему в плечо Кальпурния не

обратила на это ни малейшего внимания.

— Я думала, ты мертв...

Я тоже так думал. Чаще, чем ты можешь себе представить, — чуть было не сорвалось с губ, но он вовремя себя остановил.

За спиной Кальпурнии чуть поодаль, растерянные и испуганные, стояли несколько мальчишек-легионеров. Такие же зеленые новобранцы, как и его недавние конвоиры. Что бы здесь ни происходило, вряд ли они были заодно с Бальбом и Пизоном.

Рефлексы сработали быстрее сознания, и он, резко вырвавшись из объятий, подскочил и закрыл Кальпурнию своей спиной. В глазах на мгновение потемнело, а затем яркий свет резанул по ним, заставляя его прищуриться.

— Гай, что ты...?! — удивленно спросила Кальпурния.

— Беги! — он перебил ее на полуслове, — Я их задержу.

На плечо легла теплая рука.

— Гай, это свои. Все в порядке, — голос Кальпурнии звучал успокаивающе.

За спинами мальчишек раздался какой-то шум, они удивленно оглянулись и расступились, пропуская вперед раскрасневшихся Пизона с Бальбом. Под тогами последних поблескивали лорики, а в руках они сжимали окровавленные мечи.

— Ты куда... Так рванула? — Пизон сложился пополам, пытаясь восстановить дыхание, но говорить не перестал, — Тебя могли зацепить!

— Пап, ты что, не понимаешь?! — воскликнула Кальпурния.

Свои...

Губы растянулись в победной ухмылке сами собой.

— Цезарь?.. — из уст Бальба его имя прозвучало так, словно тот и не думал, что ему когда-то еще доведется произнести его вслух, — Ты в порядке?

Какой... Странный вопрос.

Гай хмыкнул:

— В целом — да. Руки на месте, ноги на месте, голова вроде тоже, но тут я не уверен.

От очередного порыва ветра по спине побежал холодок и, недолго думая, он непослушными руками натянул футболку назад. Неожиданный прилив сил отступил так же быстро, как и начался — и голову повело. Залитый чужой кровью мрамор ростр под ногами больше не ощущался как что-то твердое.

Пизон сориентировался и подхватил его под руку быстрее, чем он успел снова потерять равновесие и приложиться затылком о ростры.

Как только голова перестала кружиться, Гай махнул ему рукой:

— Нормально. Сейчас. Пару минут.

Он лукавил. Восстановление после приступа занимало около суток, но сейчас времени на то, чтобы разлеживаться у него не было. Взгляд Пизона красноречиво свидетельствовал о том, что это ему прекрасно известно.

— Диспозиция? — в попытке перевести тему спросил Гай, одновременно обращаясь ко всем, и ни к кому конкретно.

Сработало.

— Пока не понятно, — Бальб неуверенно потер шею, — Там, внизу, Калавий месится со Вторым Августовым. Как закончат — посмотрим.

До того, как железный кулак, сжавший сердце, разжался, Гай даже не осознавал его наличия.

Мысли разбегались во все стороны. Пытаясь привести их в порядок, он потерял чугунную голову:

— Стоп-стоп-стоп. А теперь еще раз и с самого начала. Как вы вообще узнали? Что происходит?

Не успел Бальб и рта открыть, как за спиной у него раздались спешные шаги, а затем кто-то прокричал, перебивая его так и не начавшийся рассказ:

— Бальб! Бальб, мы их сделали! Только, ради всех богов, не пускай сюда Квинкцию. Там какой-то парень грохнул мальчишку, боюсь, она его за это прибьет.

Голос казался смутно знакомым.

— Что значит “грохнул мальчишку”? — сорвалось с губ Гая быстрее, чем он успел осознать, что собирается что-то сказать.

Они что, убили Октавия?!

Бальб дернулся, обернулся — и Гай наконец смог разглядеть говорившего.

— Калавий, что значит “грохнул мальчишку”?! — уже тверже повторил он.

Железная хватка снова сомкнулась вокруг сердца без единого шанса когда-либо разомкнуться.

— То и значит. Грохнул. Совсем. Насмерть. Вон он лежит, — Калавий легкомысленно махнул окровавленной рукой куда-то назад, — Не веришь мне — сам пойдешь посмотри.

Дальше Гай его не слушал. Силы внезапно вернулись. Ростры перестали пытаться уйти из-под ног. Без особого труда он вывернулся из хватки Пизона и пошел в указанном направлении. Легионеры расступились перед ним, пропуская. Никто больше не загоразивал обзор — и Гай сразу увидел его.

Тело.

Еще одна могила на его личном кладбище.

Над телом стоял молодой мальчишка-легионер. Тот самый, который узнал его утром.

— Это ты сделал? — хрипло спросил Гай, одним взглядом указывая на тело.

Легионер вздрогнул. Взгляд его испуганных глаз уперся в Гая.

— Я... — спустя несколько бесконечно долгих секунд отозвался он, — Он хотел, чтобы мы тебя убили! Как еще я мог поступить?!

Гай схватился за голову:

— Так. Ладно. Разберемся. Давай так. Это не ты. Ты никого не видел, ничего не слышал и не знаешь. Этого должно хватить, но, если вдруг кому-то приспичит распутать этот клубок, можешь рассчитывать на мою защиту в суде. Вывернем в самозащиту как-нибудь. Договорились?

Легионеру понадобилось несколько минут на раздумья перед тем, как кивнуть.

— Тогда пойдешь, — стараясь не смотреть на тело внизу, Гай криво улыбнулся и похлопал легионера по плечу, — Все хорошо. Успокойся. Тебя как зовут?

— Эраний. Публий Эраний.

— Пойдем, Эраний, — повторил Гай.

Каждое движение и слово гулом отдавалось в мутной голове.

Под рострами, на форуме, творилось форменное безумие. Сходка превратилась в побоище без цели и смысла словно по щелчку пальцев — и остановить это не представлялось возможным. Не в его текущем состоянии. Мысли путались в плотной пелене, что заволакивала сознание, оставляя после себя только неприятное послевкусие.

Заметив его состояние, Бальб быстро сориентировался и взял эту задачу на себя. Спустя

несколько мгновений его голос пронесся над людским морем, а Пизон увлек всех остальных за собой вниз.

Прилив сил подошел к концу вместе с лестницей, ведущей с ростр вниз. Гай остановился, махнул рукой, и сел на нижнюю ступеньку. Земля тут же успокоилась и зафиксировалась.

— Сейчас, — сказал он, — Сейчас.

Кого он больше пытался убедить, себя или других, он не знал и сам. Рука скользнула в карман и нащупала там мятую картонную пачку.

Кальпурния села рядом с ним. Обеспокоенность на ее лице быстро сменилась удивлением, стоило ему вытрясти сигарету из пачки.

— Гай, что это у тебя? — спросила она.

— Сигареты, — пожал плечами он.

— Ты с ума что ли сошел? — неожиданный вопрос на английском заставил его вздрогнуть и оглянуться.

Мария, девчонка из группы высадки, как-то оказалась рядом с Калавием. За то время, что он провел в темном сыром подвале она успела сменить форму связиста на столлу, и теперь, если бы он не знал ее в лицо, ему бы ни за что не удалось отличить ее от любой другой местной матроны.

— Э-э-э... — протянул Гай. Вопросов стало настолько много, что выбрать один из них просто не представлялось возможным.

— Ты только что чуть не умер! Добить себя хочешь?

Мария быстро пересекла разделявшее их расстояние и попыталась было отобрать его сигарету, но он с легкостью остановил ее порыв свободной рукой.

— Все нормально, успокойся, — твердо сказал он, — У меня аневризма головного мозга, уже несколько лет как. Ничего страшного, — словно в подтверждение своих слов, он затанулся.

Ничего не произошло.

— Видишь? — он продемонстрировал Марии сигарету и криво усмехнулся.

В молчаливом ошеломлении, остальные наблюдали за их перепалкой, но не вмешивались. К сожалению, эта идиллия продлилась недолго. Первой отмерла Кальпурния.

— Гай, ты сейчас на каком языке говорил? — спросила она, на мгновение выбивая у него землю из-под ног.

До того, как она об этом сказала, он даже не понимал, что автоматически перешел на английский.

Первая брешь была пробита — и теперь поток вопросов было не остановить. Ну что ж, он знал, что этот момент наступит, рано или поздно.

Сигарета медленно тлела в руках. Где-то сзади, на рострах, Бальб отчаянно пытался призвать толпу к порядку, но здесь, внизу, стояла гробовая тишина. Удивление на лицах окружающих уже давно сменилось недоверием, и вряд ли это было удивительным. Его история была похожа на плохой фантастический фильм, а никто из присутствовавших, кроме Марии, даже не знал, что это такое.

Он затанулся еще раз. Один окурочек уже валялся под ногами, и вторая сигарета тоже подходила к концу, но ни конца, ни края этому странному допросу видно не было.

— Гай, постой, — наконец нарушила тишину Кальпурния, — Это же невозможно!

Сдержать рвущийся наружу нервный смех на этот раз не удалось.

— Чего я такого смешного сказала? — нахмурившись, спросила Кальпурния. В глазах остальных читался тот же, даром, что не озвученный, вопрос.

— Да нет, ничего, — он неопределенно махнул рукой, — Просто, знаешь, я уже участвовал в этом разговоре. Только с другой стороны.

Голос Бальба сзади смолк, а шум толпы — нет. Не к добру.

Кальпурния выглядела настолько скептически, насколько это в принципе было возможно:

— То есть ты хочешь, чтобы мы вот так вот просто поверили в то, что четыре года назад ты каким-то невероятным образом перенесся на две тысячи лет вперед, а сейчас, опять же каким-то невероятным образом вернулся назад?

Если бы ему только было, что показать в подтверждение своих слов...

— Мария, слушай, а где Джузеппе? — идея пришла в голову быстро.

И так же быстро разбилась о действительность:

— Дней пять назад был где-то на Китере, вместе с Алом и остальными, сейчас, наверное, там же, — пожала плечами Мария.

— В смысле... — начал было Гай, но, посмотрев на лица остальных, быстро передумал говорить дальше и махнул рукой, — Ладно, давай, потом расскажешь. Нечего их еще больше сейчас шокировать.

Мария быстро кивнула, соглашаясь.

В поисках хоть какого-то выхода из этой вроде бы безвыходной ситуации, Гай оглянулся. Взгляд остановился на растерянном Матии, и в голове тут же созрел другой план.

— Матий, слушай, можно тебя кое о чем попросить? Я сейчас немного недвижимость, — он усмехнулся.

— Валяй, — Матий подозрительно прищурился, но глаза его улыбались.

— Можешь сходить в общественный дом и поискать там черную заплечную сумку? — лучшего перевода для слова “рюкзак” он придумать не смог, — Здоровая такая, два больших отделения, кучка маленьких. Сзади Ditters написано.

— И пропустить конец твоего рассказа? — Матий прищурился еще сильнее.

— Я тебе все повторяю, — хохотнул Гай.

— Ладно-ладно, давай, — у Матия не вышло удержать серьезную маску на лице, и он рассмеялся, — Только смотри, я не забуду, даже не надейся, — напоследок пригрозил он и, завернув за ростры, пропал из поля зрения.

Сзади раздались быстрые шаги. Прежде, чем Гай успел сообразить, что происходит, мимо пронесся растрепанный Бальб и, остановившись внизу лестницы, сокрушенно выпалил:

— Нет, это безумие уже не остановить. Они просто ничего не слышат.

Все внимание Гая тут же переключилось на него:

— Давай я все-таки попробую. Мне уже лучше, — он попытался подняться, но ноги подкосились, и он снова свалился на ступень, сразу перечеркивая свои же слова.

Кальпурния и Пизон обеспокоенно дернулись в его сторону, но чтобы их остановить, хватило одного короткого жеста.

Мастерски сделав вид, что ничего не произошло, Бальб продолжил вещать, за что Гай ему был несказанно благодарен:

— Там все дерутся со всеми. Вообще не понятно, кто, зачем и почему. Вожаков я, вроде бы, не видел. Не пойму, какая их муха покусала, — он развел руками.

Гай кивнул:

— Ясно, — и обернулся к сгрудившимся поблизости центурионам, — Ворен, вводи своих на форум.

Бальб поднял было палец, обозначая желание вставить свои пять ассов, но Гай ему не дал:

— Мне тоже это не нравится, но других вариантов у нас нет. Сегодня и так пролилось много крови. Ворен. Оружие не применять. Насмерть не бить. Просто разнимите их, пока никто не погиб, понятно?

— Есть! — Ворен вытянулся по струнке и спустя мгновение ретировался, не задав ни единого вопроса.

— А...? — недоуменно протянул Калавий, провожая его взглядом.

Правой рукой он прижимал к подогнутой левой тогу, которая медленно пропитывалась кровью из глубокой раны. Пусть он и пытался делать вид, что все в порядке, Гая было не так легко обмануть.

— А ты иди к врачу, — он был убийственно серьезен.

— Да ерунда, — беспечно махнул рукой Калавий.

— Ты это *мне* рассказывать будешь?

Взгляд Калавия скользнул по голым рукам Гая, и улыбка сползла с его лица.

— Иди давай, — Гай махнул рукой и затянулся еще раз, после чего отправил окурочку на брусчатку одним щелчком, — Обещаю, я отвечу на все твои вопросы позже, но сейчас иди.

Калавия его ответ вполне удовлетворил. Проследив за тем, чтобы он действительно ушел, Гай обернулся было к испепелявшей его взглядом Кальпурнии, которая все еще ждала от него ответов, но не успел и рта открыть, как его снова прервали. Незнакомый запыхавшийся легионер прорвался сквозь окружающих его людей и, отдышавшись, выпалил:

— Я от Целия. Мы упустили Агриппу!

Гай вопросительно поднял бровь. По тону легионера складывалось ощущение, что это очень важно, но почему — от него ускользало. Насколько он мог судить, на данный момент в отрыве от Октавия Агриппа мало что из себя представлял.

Однако реакция Бальба заставила его напрячься еще сильнее.

— Вы уверены? Где? Как давно? — сумбурно выпалил тот.

— На Субурре, — посыльный тут же переключился на него, — Он просто растворился. Минут пятнадцать-двадцать назад.

— Дерьмо! — воскликнул Бальб, — Он уже, наверное, давно в лагере третьего!

И загадка разрешилась намного проще, чем Гай мог подумать.

— Так, ладно, ладно... — Бальб нервно ходил из стороны в сторону и рассуждал вслух, — Если бы бой начался, мы бы уже об этом знали, так? Так. Значит он еще не начался. Если он еще не начался, возможно Агриппа еще не успел добраться до Марсова, так? Так. Значит, если поторопиться, я могу успеть раньше него.

— Я с тобой, — мгновенно отреагировал Гай, и все внимание присутствующих тут же переключилось на него.

Бальб осекся и даже перестал мельтешить.

— Куда? Ты едва на ногах стоишь! — удивленно воскликнул он.

— Нормально, — Гай махнул рукой и поднялся со ступеней.

Голову тут же повело. Нет, так не пойдет.

— Мария, — позвал он. Мария обернулась и вопросительно вздернула бровь, — У тебя есть какой-нибудь энергетик? Ударная доза кофе, все что угодно.

— Цезарь, ты дурак? — удивилась она.

— Есть немного, — Гай ухмыльнулся.

— Да я вижу, — скептически хмыкнула Мария, — Нет у меня ничего. А даже если бы и было, я бы тебе не дала. Еще мне твоей крови на руках не хватало.

С ее логикой сложно было поспорить.

В два шага Бальб пересек разделявшее их расстояние и положил ладонь Гаю на плечо:

— Тебе надо отдохнуть. Иди домой. Я разберусь с третьим.

За то время, что его здесь не было, все в корне изменилось. Бальб больше не был всего лишь финансистом и видным жителем Гадеса. Теперь у него имелся свой собственный политический вес в Городе и к этому просто нужно было привыкнуть.

— Ладно, — признав свое поражение, Гай улыбнулся, — Давай. Удачи. Я в тебя верю.

Толпа вокруг него быстро поредела. Бальб не был дураком и взял с собой настолько много легионеров, насколько в принципе мог снять с форума без опасений.

Шум с той стороны ростр, что постепенно стихал все это время, успел совсем сойти на “нет” до того, как Гай почувствовал, что снова может двигаться без опасений насчет безопасности окружающих.

— Может, лучше все-таки позвать рабов? — Кальпурния отнеслась к его желанию прогуляться до дома Пизона скептически.

— Не, — Гай махнул головой и слегка улыбнулся, — Я столько дней просидел в каком-то сыром подвале, дай мне размяться.

— Ты уверен? — она смерила его скептическим взглядом.

— Абсолютно.

Прерванный ранее разговор не замедлил продолжиться, стоило им пересечь опустевший форум.

— То есть... — схватившись за виски, первой начала Кальпурния, — Гай, у меня в голове не укладывается. Как ты вообще мог оказаться в будущем?

— Ты это у меня спрашиваешь? — ухмыльнулся Гай в ответ, — Мне пытались объяснить, но, если уж совсем начистоту, я абсолютно ничего не понял.

— Но... Ты совсем ничего не помнишь?

— Почему? — он вздернул бровь, — Помню. Боль помню. Кровь. Холод. А потом я очнулся в какой-то больнице в окружении подозрительно гладко выбритых германцев. Они долго искали хоть кого-нибудь, кто сносно знает латынь, но, когда нашли, сказали, что сейчас февраль 2097 года, а я три минуты провел в состоянии клинической смерти.

— Германцев? — из всего, чему можно было удивиться в его фразе, внимание Кальпурнии почему-то зацепилось именно за это.

— Не спрашивай, — хохотнул Гай.

Их голоса разносились над пустынной широкой улицей, что вела на Паллатин, но это не беспокоило его ни в коей степени. После подобной стычки здесь еще пару дней не будет никаких праздных зевак, а лавочники и носа не высунут из своих лавок.

— Подожди, но... Если ты был там. Как ты теперь оказался здесь? — Кальпурния выглядела озадаченно.

— Там длинная история, — махнул рукой Гай, — Но, если очень вкратце — за мной охотились. Некий Фонд. Надправительственная, глобальная организация, там без пары амфор не объяснишь, кто именно они такие. И ладно бы они охотились только за мной, они донимали еще и Карстена с Витторией.

— А это еще кто такие? — вздернула бровь Кальпурния.

— Ученые. Они имели непосредственное отношение к моему появлению там, — такое короткое пояснение ее вполне удовлетворило, — Так вот. В какой-то момент Карстена убили, и мы поняли, что нам надо сваливать с планеты. Других вариантов просто не было, щупальца Фонда были везде, за исключением независимых колоний и... — он развел руками, — Сама понимаешь.

Дорога под ногами пошла вверх и идти резко стало тяжелее.

— И вы... Отправились туда? — на лице Кальпурнии читалось неподдельное удивление, но к ее чести, она хотя бы не утверждала, что он сошел с ума.

— Ага, — Гай кивнул, — Все вроде бы нормализовалось, а потом... Я очень по-идиотски спалился. Не спрашивай, — усмешка появилась на губах, — Это не прошло мимо внимания Фонда. Мне было нечего терять, и я решил увести хвост за собой, обратно на Землю.

Ситуация не стоила и выеденного яйца. Он просто сорвался — и это чуть было не стоило Джузеппе и Виттории жизни.

— И...? — Кальпурния даже не знала, как задать правильный вопрос.

Гай хмыкнул:

— И снова случилось... Что-то. Я не знаю. Никто не знает. Мы вылетели с колонии тогда, а прилетели на Землю уже сейчас. Понятия не имею, как такое возможно.

По мере того, как они поднимались, застройка вокруг сменилась с многоэтажных инсул на частные городские дома. Немногочисленные праздные зеваки, что высовывались из окна разве что не по пояс, чтобы разглядеть, что происходит внизу тоже остались позади.

— Ты же понимаешь, что это нельзя никому рассказывать? — до того молчаливый Пизон присоединился к их разговору, — Я имею ввиду...

— Ты имеешь ввиду, что меня сочтут сумасшедшим, — продолжил его мысль Гай. Пизон стушевался, — Да ладно тебе, я понимаю, как все это звучит и я еще не рехнулся настолько, чтобы решить, что рассказать всем все как есть — это хорошая идея. Хм-м-м... — задумчиво протянул он, — Прикроешь меня?

Пизон вздернул бровь:

— В смысле?

— Меня даже там и тогда едва смогли вытащить из лап Аида, — просто пояснил Гай, — Если бы я остался тут, я бы тучу времени валялся на грани жизни и смерти. Все просто.

Лицо Пизона просветлело, и он выпалил:

— Конечно. Ты все это время был у нас с дочерью, а мы никому ничего не говорили, потому что ничего не было понятно.

— Именно, — утвердительно кивнул Гай.

Одной проблемой стало меньше.

— А как же тело? — растерянно спросила Кальпурния.

И одной больше.

Гай обернулся к ней:

— Какое тело?

— Ну... Того человека, которого мы похоронили вместо тебя, получается? — стушевалась Кальпурния.

— Меня же здесь не было, откуда тело? — Гай нахмурился.

С каждой секундой ситуация нравилась ему все меньше и меньше. Октавий мог ему

врать, но Кальпурнии врать не было никакого смысла.

— Не знаю, — Кальпурния помотала головой, — Я... Плохо помню первые пару месяцев после... После...

Ей явно было тяжело говорить об этом. Он приобнял ее за плечи и прижал к себе, пытаясь поддержать.

— В общем, — Кальпурния всхлипнула, — *Тогда...* Рабы принесли домой тело. Я... Тогда у меня не возникло никаких вопросов, но... Это же не мог быть ты, получается? Ты же здесь? — неверие сквозило во взгляде ее намокших глаз.

На несколько коротких мгновений повисла тишина, а затем он ответил:

— Это не мог быть я. Наверное, Антоний выдал тело другого человека за мое. Он давнел вел какую-то свою игру, с него станется.

Объяснение вышло хлипким и неубедительным, но лучше уж так, чем никак.

Помощь пришла неожиданно и выглядела как Мария. Поравнявшись с ними, она смерила его оценивающим взглядом и требовательно спросила:

— А что насчет меня?

— А что насчет тебя? — Гай тут же ухватился за соломинку, только бы оказаться подальше от неудобного вопроса Кальпурнии.

— Я же не могу всем говорить, что я связист из экипажа космического корабля, — резонно заметила Мария.

А, так вот в чем дело.

Идея пришла в голову мгновенно, и Гай тут же ее озвучил:

— Ты — дочь вольноотпущенника моего дяди Мария. Родом из Испании. У Мария там огромная клиентелла, никто даже ничего не заподозрит. Нормальный вариант?

— Вольноотпущенника? — прищурилась Мария, — Это как?

— Это значит, что человек был в рабстве, а потом ему хозяин подписал вольную, — пояснил Гай, — Стандартная схема получения гражданства провинциалами.

Мария смерила его недоверчивым взглядом, но не стала спорить, за что он был ей несказанно благодарен. Придумать какую-то другую легенду для нее сейчас было ему не под силу.

Матий нагнал их уже возле дома Пизона. Раскрасневшийся и запыхавшийся, он держал в руках его рюкзак.

— Фух, — смахнув пот со лба, Матий улыбнулся, — Куда вы пропали? Я с ног сбился, пока вас искал.

— Ну, нашел же, — Гай невинно вздернул брови и хмыкнул, когда лямка рюкзака переключевала из рук Матия к нему.

Дверь открылась, и привратник быстро отскочил в сторону, освобождая дорогу. Его взгляд скользнул по лицу Гая, и глаза поползли из орбит. Гай вздернул одну бровь, окончательно его добивая.

В атрии у Пизона за эти годы не изменилось совершенно ничего. Те же статуи, та же мебель, тот же неизменный беспорядок. Даже лица некоторых рабов были ему знакомы.

Впервые за последние несколько дней Гай вдохнул полной грудью.

— Если у кого-то еще остались хоть какие-то сомнения, — под недоуменными взглядами окружающих он открыл самое большое отделение рюкзака, — Все доказательства здесь.

Теперь он действительно был дома.

Сотворившая монстра (Атия III)

Освежающий весенний ветер дул как ни в чем ни бывало. Словно ничего и не случилось. Словно ничей мир не был разрушен каких-то несчастных несколько минут назад.

Атия полной грудью вдохнула свежий воздух. После затхлой, спертой, словно пропитавшейся болью и отчаянием атмосферы личной пыточной сына это было просто необходимо, чтобы хотя бы немного прийти в себя.

«Ты просто не помнишь Суллу... Ты уж извини, но твой сын... слишком сильно мне его напоминает», — слова, брошенные мужем, казалось, так бесконечно давно, а на деле не ранее, чем этим утром, произвольно всплыли в голове.

Луций, как обычно, оказался прав. А она в очередной раз ошиблась. Боги...

— Атия, прошу тебя, не принимай необдуманных решений, — раздался умоляющий голос Луция, и она вздрогнула.

Она даже не заметила, как он оказался рядом.

— Я должна увидеть Гая, — сорвалось с ее губ. Голос прозвучал серо и безжизненно.

Боги, где она ошиблась? Когда пропустила превращение сына, ее милого маленького Гая, в это... безжалостное чудовище?

— Зачем?! — голос Луция сорвался на крик, — Зачем, я тебя в сотый раз спрашиваю?! Ты хочешь, чтобы он узнал, что тебе все известно? — он ухватил ее за руки и повернул к себе, — Думаешь, он сделает скидку на то, что ты его мать? Расскажи это Цезарю!

Дядя... Ее сын не сжалился даже над своим собственным двоюродным дедом. Что... Что она сделала не так?!

— Извини, сорвался, — Луций убрал руки с ее предплечий и почесал голову. В его голосе сквозила усталость, — Пойдем.

Без сопротивления, Атия позволила ему увлечь ее за собой, за угол, назад в дом, что некогда принадлежал лучшему оратору Города, а теперь стал обителью монстра, которого она считала своим любимым сыном. Никаких сил спорить просто не осталось.

Эбурий молчаливой тенью следовал за ними.

— Ну? Ну что там? — с порога набросилась на них возбужденная Скрибония, — Вам удалось что-то выяснить? — всем своим видом она выражала бесконечную, отчаянную надежду.

Бедная, бедная женщина, она даже не подозревала, за какое чудовище ее выдали замуж по чисто политическим мотивам.

— Дядя Гай, — только и смогла выдавить из себя Атия, и ее голос сошел на нет.

В отчаянной попытке сдержать слезы, она закрыла лицо руками.

Повисла неловкая пауза. Скрибония ожидала каких-то пояснений, но Атия, как ни старалась, не могла отыскать в себе сил выдавить из себя еще хоть слово.

Ей на помощь пришел Луций:

— Нет там никаких лемунов, — сухо сказал он, — И никогда не было. Был твой муж, и делишки, которые он любил проворачивать в темноте.

Атия убрала ладони от лица и тихо всхлипнула, вытирая намокшие глаза.

Растерянный взгляд Скрибонии скользил с нее на Луция и обратно.

— Филипп, что ты имеешь в виду?

— Твой муж держал людей в плену, прямо за стеной твоей спальни. Как минимум с

середины января. В специально переоборудованной для этого комнате. Вход туда был только из подвала, — раздраженно выплюнул Луций.

Он злился больше на себя, чем на кого-либо другого — Атия слишком хорошо его знала для того, чтобы этого не понять.

Рот Скрибонии приоткрылся в изумлении. Она никак не могла поверить. Бедная, бедная наивная женщина.

— В... В смысле? — выдавила наконец она.

— В прямом. Ты говорила, что слышала, как в твою стену кто-то стучал? Слышала шорохи, иногда крики? Сама догадаешься, что это было, или мне объяснить? — Луций смерил ее скептическим взглядом, но прежде, чем она успела ответить, резко посуровел и обернулся к рабам сына, — И вообще! Какого, объясните мне, вы все молчали о том, что ваш хозяин стоит за исчезновением великого, мать его, понтифика?!

Не удержавшись на одном месте, Луций принялся ходить из стороны в сторону. Лица сгрудившихся вокруг них рабов вытянулись, но никто не решался его перебить.

— Вы же понимаете, идиоты, что вы все теперь пойдете под суд как сообщники, а?! Ваш хозяин, при вашем прямом пособничестве замучил и убил как минимум двоих римских граждан! Вы хоть примерно представляете, чем это вам грозит?!

Луций замолчал. Глаза его метали молнии, пока он, обводя взглядом всех присутствующих, пытался перевести дух. Неужели он всерьез считал, что хоть кому-то в этом городе было под силу привлечь к суду сына, не говоря уж о том, чтобы добиться его осуждения? Пускай даже и за убийство Лепида и дяди Гая.

— Луций, — тихо сказала Атия и положила руку мужу на плечо, — Луций, они...

Договорить ей не удалось — старик Архидам на полуслове перебил ее и испуганной скороговоркой выпалил:

— Какой великий понтифик? Кого убили?! Боги, мы ничего не знали! Нам... Нам хозяин еще в начале года строго приказал не соваться в подвал, — он замолчал, задумавшись, а затем, словно решив что-то для себя, добавил, — Он туда пускал только Леарха и своих германцев.

— Леарх? Германцы? — Луций нахмурился. Его требовательный взгляд уперся в Архидаму.

— Леарх, — Архидам кивнул, — Доверенное лицо хозяина. Правая рука. Худой кучерявый мужик. Грек, как и я, в рабство попал еще по молодости за долги, до сих пор никак не выкупится.

— Ты давно его в последний раз видел? — не унимался Луций.

— Вчера, вроде, — после раздумий, ответил Архидам, — Он из дому ушел и больше не возвращался.

— А сегодня? — Архидам отрицательно помотал головой, и Луций обратил внимание на других рабов, — А вы? Вы тоже не видели?

Те тоже помотали головами.

Какое-то резкое движение привлекло внимание Атии. Светлый раб, усы которого выдавали в нем германца, испуганно оглядывался, словно ища пути для отступления. Луций ничего не заметил, только глухо зарычал и принялся мельтешить с еще большей интенсивностью.

— А... А кого убили-то? — с опаской глядя на Луция, спросил Архидам. Сердце пропустило удар.

Луций остановился, посмотрел на него как на полнейшего идиота и отрезал:

— Марка Эмилия Лепида и Гая, мать его, Юлия Цезаря!

Атия прикрыла рот рукой и всхлипнула.

Почему? Почему из ее сына, не по годам умного и рассудительного мальчишки, вырос этот человек? Где она ошиблась? Ни она, ни Октавий, ее первый муж и отец Гая, ни Луций никогда, его такому не учили, никогда сами себя так не вели. Боги, откуда это в нем взялось?!

Память, непрошено, но настырно, намекала ей, что ничего не случилось внезапно. У сына был огромный сомнительный послужной список. Гражданские войны. Проскрипции. Убийства без суда и следствия. За последние несколько лет прозвучало достаточное количество звончков, но она, с упорством достойным лучшего применения, отрицала само их наличие, предпочитая довольствоваться его объяснениями. Долг перед дядей. Мечь. Политическая необходимость.

В глубине души она всегда понимала, что это — не более, чем обман. Сладкая ложь, чтобы успокоить ее совесть.

Но как же приятно было в нее верить.

И как больно стало, когда от нее не осталось и следа.

Она должна была поговорить с сыном.

Атия больше не видела и не слышала ничего вокруг себя. В голове билась ровно одна мысль — и ей она и следовала.

Опасливо оглянувшись на Луция и убедившись, что он не смотрит, она аккуратно сделала шаг назад. Потом еще раз и еще раз. Луций ожесточенно что-то доказывал рабам и Скрибонии, не видя ничего вокруг себя. Его слова пролетали мимо ее ушей не задерживаясь.

Сын должен был быть на форуме.

Вчера рабы перешептывались, что сегодня на шесть часов дня назначена сходка. Если сына не было дома, он обязан был быть там — и больше ничего не имело значения.

Она бежала прочь, к выходу из дома сына — и сознание словно заволакивало вязкой пеленой.

Усатый германец-раб, застывший в дверях, притормозил ее бегство, но ненадолго. Он вел себя странно, но мысль об этом запуталась в плотной пелене и так в ней и утонула, не достигнув сознания.

Спина очнувшегося раба быстро удалялась, пока не скрылась за поворотом — и она забыла о нем тотчас же.

Она должна была увидеть сына. Выслушать его.

Может быть, они с Луцием все неправильно поняли? Может быть...

Словно утопающая, она цеплялась за последнюю, самую тонкую и ненадежную, но единственную соломинку.

— Атия? Атия, привет, — донеслось до нее словно сквозь толщу воды.

Ноги сами несли ее вперед — мимо многочисленных домов, туда, где улица уходила вниз, прочь с Палатина, к форуму.

— Атия! Стой! Ты куда? — уже более настойчиво раздалось откуда-то сзади.

Это не Луций, — как-то отстраненно подумала она.

Плевать. Она должна была увидеть сына — и никто не мог ее остановить.

После поворота налево дорога под ногами пошла под откос. За спиной, едва прорываясь сквозь пелену, раздавались быстрые шаги. Кто-то следовал за ней попятам. Не один человек,

но много.

Ей не было до них никакого дела.

Она должна была поговорить с сыном. Узнать, почему. Почему, во имя всех богов, он так поступил?!

— Атия! Атия, не ходи туда, там опасно! — невидимый настырный мужчина никак не хотел оставлять ее в покое.

Опасно? Тем более, она должна была быть там!

Шаги за спиной ускорились, и спустя несколько мгновений ей на плечо опустилась рука.

Атия вздрогнула — и словно вышла из странного транса. Все это время голос говорившего был ей хорошо знаком, но это знание путалось в пелене, не имея шанса дотянуться до сознания.

Теперь, когда пелены не стало, ее глаза непроизвольно расширились в удивлении.

Дедушка. Дедушка Луций.[1]

Осознание заставило ее резко остановиться и обернуться. Луций Аврелий Котта, ее двоюродный дедушка, обеспокоенно смотрел на нее. Его ладонь слегка сжимала ее плечо.

А за спиной у него была целая толпа. Вооруженная толпа. Знакомых лиц в ней было больше, чем незнакомых — и вопросы множились с невероятной скоростью, но главным среди них был один.

Зачем дедушка вооружил клиентов?

По спине пробежал неприятный холодок.

Что здесь, к гарпиям, происходит?! — хотела спросить она, но вслух сказала совершенно другое:

— Мне нужно увидеть сына.

Прочерченное глубокими морщинами лицо дедушки немедленно приобрело настороженное выражение.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Я понимаю, это прозвучит как полный бред сумасшедшей, но... — Атия нервно сглотнула, — Мой сын... Он... Он убил дядю Гая! У меня есть доказательства. Это правда... И... — ее голос неожиданно сошел на «нет». Говорить было слишком тяжело.

Невозможно.

Боги, зачем? Зачем он это сделал?

Атия ожидала от дедушки всего, что угодно. Что он покрутит пальцем у виска и объявит ее окончательно сошедшей с ума. Поташит ее за руку смотреть «эти доказательства». Категорично заявит, что такое в принципе невозможно.

Она не могла предположить только одного. Того, что случилось.

С облегчением на лице, дедушка рассмеялся.

— Так дело в этом! — сквозь смех отозвался он, — Успокойся, Атия, все с Цезарем нормально. Ну, ладно, я сам его не видел, не знаю, в каком он там состоянии. Но его совершенно точно никто не убил. Ни твой сын, ни кто бы то ни было другой.

— Что? — только и смогла выдавить ошеломленная Атия.

Мало ей было сына, так еще и двоюродный дед туда же. Похоже, у всех в этом городе были от нее какие-то секреты.

Очень хотелось смерить подозрительным взглядом и мужа, но он ее перехитрил еще на несколько шагов раньше, и сейчас его попросту не было рядом.

— Пойдем ко мне, — мягко улыбнулся дедушка, — Я все тебе расскажу. Но не тут же нам говорить, ну вправду? — он обвел многозначительным взглядом окружающие дома.

— Но... Но Гай? — Атия беспомощно оглянулась.

— Потом с ним пообщаешься. Тем более он сейчас наверняка сильно занят на сходке, — заверил ее дедушка. Надо было признать, что в его словах был определенный смысл.

Атия уже собралась было кивнуть, приняв его предложение, но не успела этого сделать — откуда-то спереди раздалось отдаленное, но требовательное “Пропустите!”, а затем толпа клиентов дедушки расступилась, открывая ее взгляду запыхавшегося и вспотевшего Луция. За спиной у него неотрывной тенью маячил Эбурий.

Луций пересек разделявшее их расстояние буквально в несколько длинных шагов.

— Боги, Атия... Ну я же просил тебя не принимать необдуманных решений! — он явно старался сделать так, чтобы это прозвучало сурово и с осуждением, но вышло у него плохо — Атия явно слышала в его голосе нотки облегчения.

— О, Филипп, и ты тут... — задумчиво протянул дедушка, не дав ей вставить и слова. А затем его лицо просветлело, и он добавил, — А Атия как раз собиралась зайти ко мне в гости. Если хочешь, давай с нами.

По толпе клиентов за спиной дедушки пробежали обеспокоенные шепотки, но с такого расстояния ей не удалось разобрать их слов.

Луций издал неопределенный звук и недоуменно моргнул:

— В гости? — потом он моргнул еще раз и только потом, совладав с собой, натянуто улыбнулся дедушке, — А почему бы и нет? Пойдем.

В последний раз Атия оглянулась в сторону форума, где ее сын прямо сейчас наверняка держал речь перед народом и, со вздохом, последовала за мужем и дедушкой. В словах дедушки было зерно истины. Сын сейчас был слишком занят, а она ему только помешала бы. Поговорить с ним она, в конце концов, могла и позже.

Любопытство заживо съедало ее изнутри, и она чувствовала, что если не узнает, что дедушка хотел ей рассказать, в самое ближайшее время, оно сгрызет ее с потрохами и даже не подавится.

Дом дедушки встретил их приятной прохладой и аппетитным запахом, доносившимся с кухни. И когда он только успел сказать рабам, чтобы готовили на стол? Или он просто собирался обедать до того, как встретился с ней?

Часть клиентов, вместе с вызвавшимся Эбурием, дедушка отправил патрулировать улицы, часть осталась сидеть в атрии, а они втроем проследовали в триклиний и уютно устроились на ложах. Дедушка подозвал к себе рабыню и приказал ей подать обед, как только он будет готов. Когда она, кивнув в знак согласия, удалилась, все его внимание сразу переключилось на Атию.

— Так, на чем мы остановились? — расслабленно переспросил он, так, словно речь шла о какой-то мелочи, вроде нового спектакля, а никак не о том, что ее сын оказался убийцей ее же дяди.

Контраст был странным и пугающим. Атия сжала виски руками, в бесплодной попытке избавиться от этого ощущения.

— Ты сказал, что дядю никто не убивал, — начала она, — Ни мой сын, ни кто бы то ни было другой. Почему? Откуда такая уверенность? Мы... Мы с Луцием случайно обнаружили у Гая дома...

Изображение темной комнаты, с оковами и свежей и не очень кровью то тут, то там встало перед ее глазами столь явно, словно она снова оказалась там. Она нервно сглотнула и помотала головой, пытаясь отогнать наваждение перед тем, как продолжить:

— Застенки и... Там, на стене были две надписи... — и ее голос сошел на нет.

Дедушка внимательно и сосредоточенно смотрел на нее. От бывшего веселья на его лице не осталось и следа.

— Застенки? — повторил он спустя несколько бесконечно долгих мгновений, словно пробуя слово на вкус, — А знаешь, это имеет смысл. Да, действительно. Прямо само собой напрашивается. Почему они не догадались, не пойму... — задумчиво протянул он, а затем потряс головой и снова вернулся к ней, — В общем, не важно. Я не знаю, что вы там такого увидели, но одно я могу вам сказать точно — Цезарь жив. В этом не может быть никаких сомнений.

— Но... С чего ты взял? — спросила она в ответ.

— Вчера вечером Руф решил... Мммм... Нанести визит Пизону, — весь вид дедушки буквально кричал о том, что он что-то недоговаривает, — Ну знаешь, они с дочерью позавчера вернулись в Город, потому что в Геркулануме происходит что-то очень странное.

— Да, Кальпурния мне писала, но что с того? — вопросительно вздернула бровь Атия.

— погоди, — дедушка поднял указательный палец вверх, — Дай мне рассказать. Так вот. Руф вчера вечером собирался пойти к Пизону. Но не успел. Пизон пришел к нему первым. Вместе с дочерью и каким-то потрепанным рабом, явно не из своих. Руф говорил, он был какой-то перепуганный. Потерянный даже. Короче. Оказалось, что это — раб твоего сына. А подослал его к Пизону и Кальпурнии Цезарь, чтобы он их предупредил, что им грозит опасность.

Дедушка закинул в рот финик и принялся с наслаждением его жевать. Нет, он, конечно, всегда славился своим спокойствием, но чтобы настолько...

— Цезарь? — переспросила Атия.

— Да. Твой дядя и мой племянник. Нет, я не сошел с ума. Во всяком случае, не больше, чем этот раб, или Пизон, или даже вот вы двое сами. И тот цирк с жертвоприношениями неделю назад сорвал действительно он.

— А... — Атии очень хотелось возразить, но возразить было нечего.

— Как я понял, — продолжил дедушка, сглаживая неловкую паузу, — Твой сын шантажировал его. Хотел, чтобы он что-то там сделал. И угрожал убить Кальпурнию, если он не станет.

Неверящий взгляд Атии уперся в дедушку — и тот невинно развел руками:

— Что? Я за что купил, за то и продаю.

Еще несколько дней назад, если бы кто-то рассказал ей про сына что-то подобное, она бы просто отмахнулась и списала все на похмелье от некачественного вина или же дурную шутку. Сейчас... Все было иначе.

Дедушке незачем было ей врать, и, если перестать прятать голову в песок — в его рассказе было что-то очень похожее на сына.

Что-то, что ее частенько пугало в нем, когда он был еще совсем маленьким. Что-то, что, как она думала, ушло навсегда с возрастом, примерно тогда, когда он пошел в школу. Что-то, что снова вернулось, когда он четыре года назад вернулся в Город из Апполонии, узнав об усыновлении. Что-то, что она все это время выбирала не замечать.

Что-то, что она просто не могла продолжать не замечать дальше.

По спине пробежали мурашки, и Атия поежилась, несмотря на тепло.

— Его там не было, — невпопад заявила она ни с того ни с сего. Дедушка перевел на нее недоуменный взгляд, и она поспешила пояснить, — В смысле, когда мы с Луцием нашли эти... застенки... там никого не было. Ни дяди, ни кого бы то ни было еще.

Луций серьезно кивнул и, явно заметив, как тяжело даются ей слова, закончил вместо нее:

— Только кровь и две надписи на стене.

— Две? — недоуменно вскинул бровь дедушка.

— Две, Котта. Цезарь там был не первый точно. Может быть даже и не второй, просто остальным не представилось шанса оставить хоть какую-то отметку.

— Кто? — жестко спросил дедушка.

Луций не медлил с ответом:

— Лепид.

На мгновение повисла тишина, а затем дедушка тихо сказал:

— Я, конечно, догадывался, что он погиб, но чтобы так...

Они снова замолчали. Рабы уже успели обновить блюда к тому моменту, как Атия наконец нашла в себе силы задать еще один мучавший ее вопрос:

— И что будем делать дальше, дедушка?

Дедушка сперва молча отхлебнул разбавленного вина и только затем сказал:

— Ждать.

Этого хватило для того, чтобы Атия взвилась:

— В смысле «ждать»? Мы должны... Должны...

А что они должны? Помочь дяде? Разобраться, какая муха укусила ее сына? Что они вообще могли сделать с этим своим знанием? Ответа не было. Однако Атия чувствовала всю глубочайшую неправильность этой ситуации, и не собиралась с этим так просто мириться:

— Мы должны... Не знаю, сделать что-нибудь! В любом случае, не сидеть здесь и не пьянствовать! — она бросила испепеляющий взгляд на Луция, который, пользуясь ее замешательством, приговорил уже кубков пять. Тот икнул и немедленно принялся делать вид, что он тут вообще ни при чем.

— Они там справятся и без нас, — дедушка с невозмутимым выражением лица взял с тарелки несколько оливок и отправил их себе в рот, — Ну, я надеюсь.

— Кто «они»? — подозрительно прищурилась Атия.

— Бальб с легионерами.

Что?!

Задать рвущийся наружу вопрос, — да что там! Десяток вопросов, — она не успела.

Неожиданно дверь в триклиний распахнулась, вовнутрь заглянул растрепанный галльчонок-раб и сказал дедушке, указывая пальцем куда-то вбок:

— Там к тебе пришли, хозяин.

— Кто? — встрепенулся дедушка.

Мальчишка-раб открыл было рот, но его на полуслове перебил мужчина, что нарисовался за его спиной:

— Меня зовут Главк, — он представился и, отодвинув мальчишку с дороги, вошел в комнату, — Я от Пизона.

— Ну что там?! — нетерпеливо выпалил дедушка, — Не тяни!

Главк выдержал театральную паузу, словно он был вовсе не рабом, а актером и только

потом ухмыльнулся, обнажая кривые зубы:

— Все прошло, как и планировали. Можешь распускать своих клиентов.

От удивления дедушка подскочил с ложа:

— Куда распускать?! А если войска введут?!

— Ты второй и третий имеешь в виду? — казалось, человек не мог улыбаться еще хитрее, чем сейчас улыбался Главк. Дедушка отрывисто кивнул ему в ответ, — Второй уже проиграл и разбежался. А третий... Бальб только от них. О них можно не беспокоиться.

Быстрее, чем кто-либо успел опомниться, Атия подскочила на ноги и схватила раба Пизона за тунику:

— Что с моим сыном? Что с Августом?! — отчаянно прокричала она, смотря ему прямо в глаза.

— Я не знаю, — Главк попробовал отстраниться, — Меня там вообще не было, я знаю только то, что хозяин сказал передать.

Руки Атии разжались, отпуская ткань:

— Где они? Где Бальб? Где дядя? У твоего хозяина? — требовательно спросила она.

Где-то за спиной пьяно икнул Луций. Возможно, она поздно спохватилась и его превращение в Катона или Бибула давно стало неизбежностью.

— Д-да, — ответил Главк, не сводя с нее ошеломленного взгляда, — Они там уже полчаса в триклинии сидят и о чем-то говорят.

— Спасибо, — кивнула она и, обернувшись к дедушке и мужу, безапелляционно заявила, — Вы как хотите, а я пошла к Пизону.

— Мы, так-то, тоже собирались... — отозвался дедушка. Луций кивнул, соглашаясь с ним.

Дом Пизона от дома дедушки отделяла какая-то пара кварталов. Атия даже не заметила, как они оказались у него на пороге. Изнутри не раздавалось никаких подозрительных звуков, словно там вовсе не отмечали победу.

Победу над ее сыном...

Главк толкнул входную дверь, пропуская их вовнутрь. Привратник даже не выглянул из своей каморки на шум.

Весь атрий Пизона был завален какими-то вещами непонятного назначения. В полном беспорядке, они лежали везде — на ложах, столах, и даже на полу. Посередине атрия валялась странная, чуть ли не вывернутая наизнанку, заплечная сумка.

Аккуратно обойдя все это безобразие, они, вслед за Главком, последовали дальше. В сад, а из него — в триклиний.

Голоса стало слышно только возле двери. Пизон. Бальб.

И охрипший, но все равно легко узнаваемый...

Голос ее дяди.

Он действительно был жив. Непонятно как, но он и вправду был жив.

Главк постучал в дверь триклиния — и голоса смолкли.

— Хозяин, это я. Со мной гости, — прокричал Главк.

Дверь открылась и из-за нее выглянул раскрасневшийся Пизон. По всей видимости, в нем уже плескались не один и не два кубка вина.

— Атия? Филипп? Котта? — подозрительно прищурившись, сказал он. И неожиданно распахнул дверь, — Ладно, проходите.

Внутри людей было куда больше, чем Атии казалось по голосам. Кроме дяди, Пизона и

Бальба внутри обнаружилась Квинция, жена убитого на днях Поллиона, Кальпурния и двос незнакомцев — женщина и мужчина в тоге с перемотанной повязкой рукой.

Стоило дяде ее заметить, его глаза расширились в удивлении. Так, словно он увидел призрака.

— Атия?! — воскликнул он, — А... Ты что здесь делаешь? Ты же... — казалось, он хотел добавить что-то еще, но передумал и продолжил молча сверлить ее ошеломленным взглядом.

Будь обстоятельства иными, такая реакция дяди показалась бы Атии до ужаса странной. Будь обстоятельства иными, ее бы определенно до глубины души шокировал его изможденный и осунувшийся вид. Будь обстоятельства иными...

Но обстоятельства иными не были. Прямо сейчас ее интересовало только одно, а все остальное не имело никакого значения.

— Где. Мой. Сын?! — делая паузы после каждого слова, с нажимом спросила она.

Дядя виновато отвел глаза в сторону, — и внутри у нее что-то надломилось.

— Атия, присядь, я тебя прошу, — устало попросил дядя.

Атия не сдвинулась с места.

— Где мой сын? — теперь ее голос звучал намного тише. Умом она уже понимала, что случилось, но сердце... Сердце отказывалось признавать ужасную правду.

Дядя тяжело вздохнул:

— Извини, я... Я не смог им помешать. У меня случился приступ и...

— Где мой сын?! — отчаянно прокричала она, перебивая его на полуслове. На глазах непроизвольно выступили слезы. Кто-то, — или дедушка, или муж, — подхватил ее под руку.

Слова дяди прозвучали как гром среди ясного неба — и она почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

— Его убили. Прости.

[1] Луций Аврелий Котта. Двоюродный дедушка Атии и дядя Цезаря. Римская политическая коммуналка.

Победитель (Квинт Калавий VI)

Мы победили.

Каких-то несколько дней назад Квинт обнаружил свое имя в списке приговоренных — и в первый раз в жизни почувствовал на шее холодные пальцы Аида. Тысячи раз до этого он ходил по лезвию ножа, но не ощущал этого пугающего холода. В бою все было не так. В бою он никогда не успевал почувствовать страх. В бою эмоции отступали куда-то на второй план, уступая место выучке и отстраненному расчету. В бою смерть всегда была рядом и воспринималась как нечто должное.

Все было иначе в этот раз.

Мы победили.

Какие-то несчастные сутки назад он сидел дома у Бальба и не знал, что же им делать дальше. Не знал, выберется ли когда-нибудь оттуда живым.

Мы победили.

Он успел написать на пергаменте только эти два слова до того, как скрип входной двери выдернул его из мыслей, заставляя оторваться от письма.

Кого там еще принесло?

Отгоняя оцепенение, Квинт помотал головой и обернулся на звук. Сердце пропустило несколько ударов и заколотилось с утроенной силой.

— Ворен? Пулло? Авит? — недоуменно воскликнул он, — Вы как меня нашли?

Харон, с ними он когда-нибудь точно заработает сердечный приступ.

Ворен выглядел как довольный котяра, умыкнувший с хозяйского стола жирный кусок мяса, и от него ощутимо разило выпивкой.

— Тоже мне секрет, — хохотнул он, — Да весь Город уже, наверное, в курсе, что ты поселился у Пизона!

Не дожидаясь приглашения, они прошли вовнутрь, и Ворен вальяжно упал на ложе. Квинт вздернул бровь. В атриум царил полнейший беспорядок и то, что ему удалось найти свободное от завалов вещей место, было истинным чудом.

Или все-таки не удалось?

На лице Ворена промелькнуло удивление. Он поерзал, пытаясь устроиться поудобнее. Не помогло — и тогда он, пошарив по ложу, достал из-под себя маленькую пластиковую карточку.

Неожиданно даже для самого себя, Квинт подорвался с кресла, быстро пересек разделяющее их расстояние и резко вырвал предмет у обалдевшего от такой реакции Ворена.

Удостоверение личности гражданина Итальянской Республики с портретом Цезаря.

Только что над ухом Квинта просвистел пилум, от которого он едва сумел увернуться. Цезарь категорически не хотел, чтобы подоплека истории с его возвращением стала известна всему Городу, а Ворен чуть было не сломал всю их конспирацию одним непринужденным движением руки.

— Э-э-э, Квинт, ты чего? — выдавил из себя ошарашенный Ворен.

Покрепче сжав твердую карточку в руке, — так, чтобы ее не было видно, — Квинт постарался придать лицу как можно более непринужденное выражение:

— Да не важно. Вы чего пришли-то, народ?

Такой ответ Ворена ни капли не удовлетворил. Он смерил Квинта подозрительным

взглядом, но сказать ничего не успел — в их разговор самым наглым образом вклинился Пулло:

— А то ты сам не догадался? — хитро прищурился тот, — Погнали с нами отмечать!

Мы уже пару-тройку кабаков возле форума забили.

Квинт уцепился за эту фразу как утопающий за соломинку:

— Ага, и даже начали без меня, я посмотрю, — с кривой усмешкой он кивнул в сторону Ворена, намекая на сильный запах выпивки, который от того исходил.

Сработало. Пулло захватил наживку и с притворным удивлением спросил:

— Да это же разве начали? Все кабаки целые, бордели пустуют, даже морду пока никому не набили. Ты ничего не пропустил, — хохотнул он, — Давай, зови Цезаря, и погнали.

Ответить Квинт не успел — стоило ему открыть рот, входная дверь хлопнула еще раз, впуская вовнутрь растрепанного и необычайно живого для своего возраста пожилого мужчину, в котором он практически мгновенно опознал консуляра Луция Аврелия Котту.

Проходной двор какой-то, а не дом.

— Калавий, слушай, а где Цезарь? — оглянувшись, с порога спросил Котта.

Брови Квинта поползли вверх в удивлении. Они познакомились всего несколько часов назад, но каким-то образом Котта все равно ухитрился сразу запомнить его, простого отставного центуриона.

— Спит. Сказал, что подремлет пару часов и встанет, и вот, — Квинт развел руками, — Мы решили его не будить, пусть отоспится. Ну... Ты же его знаешь.

Котта с улыбкой покачал головой:

— Да уж знаю! Племянничек... А Пизон куда подевался? Только не говори мне, что тоже дрыхнет!

Квинт усмехнулся в ответ:

— Не, он в таблинуме. Вроде, письмо какое-то написать собирался.

— Ага, спасибо, — кивнул Котта и скрылся в глубине дома, за раздвижной дверью таблинума.

Нетерпеливый Пулло снова окликнул Квинта, отрывая его от размышлений:

— Ну так что? Ты с нами?

Квинт ответил не сразу. Он оглянулся, взвешивая все “за” и “против” — и довольно быстро обнаружил, что, несмотря на неумное любопытство Ворена, “за” побеждало с огромным перевесом.

А письмо, а что письмо? Его можно было написать и всем вместе.

Квинт усмехнулся:

— Ты еще спрашиваешь! Конечно! Сейчас, погоди, какого-нибудь раба найду, попрошу, чтоб Цезарю передал, чтобы как проснется, к нам заглянул — и можно выдвигаться. Вы, кстати, в каком там кабаке засели?

— Не в каком, а в каких, — заржал Авит и Квинт тут же понял, что ему бессовестно ввали.

Судя по тому, как заплетался его язык, начали они еще много часов назад, а сейчас уже активно продолжали.

— Вот во всех тех, что по Этрусской за старыми лавками, — продолжал Авит, — Не промахнешься при всем желании.

Богатый опыт подсказывал Квинту, что, с таким-то размахом, и без набитых морд уже

не обошло. Ну Пулло...

Найти раба оказалось задачей непростой. В целях конспирации Пизон разослал из дома почти всех — кого с поручениями, а кого просто на выходной, — и теперь, как Квинт ни искал, найти ни одного из них не удавалось.

Помощь пришла с неожиданной стороны. На поднятый им шум из одной из комнат выглянула Мария.

— Квинт? — сонно зевнула она, — ¿Qué es esto?[1]

Догадаться, что она сказала, было не так уж и сложно.

— Да вот, раба ни одного найти не могу, — немного виновато улыбнулся Квинт, — Можешь передать Цезарю, что мы на Этрусской отмечаем? Ну, когда он проснется.

— Конечно, — кивнула Мария и, явно подбирая слова, переспросила, — Отмечаете?

— Не-не-не, — Квинт сразу вытянул руки вперед, — Даже не думай. Там все уже бухие, женщине там делать нечего.

— Почему?

— Ты красивая, молодая, к тебе по любому будут приставать, — просто пояснил Квинт, — Я расслабиться хочу, а не охранять тебя весь вечер.

Марии не оставалось ничего, кроме как признать его правоту. Быстро сунув ей удостоверение личности Цезаря, он вернулся к сослуживцам и вместе они вышли из дома в прохладу слабоосвещенной в это время суток улицы.

Палатин пустовал. Из-за стен домов лаяли собаки, изредка по улицам пробегали рабы, но по дороге они не встретили и десятка человек. Ничего удивительного в этом не было — местные богатеи еще толком не разобрались, что произошло, не понимали, что они, бунтовщики, собирались делать — и поэтому на всякий случай сидели тише воды, ниже травы. После всего случившегося, Квинт, в некоторой степени, их даже понимал.

Картина стала меняться сразу же, стоило улице под их ногами пойти под откос. По мере отдаления от самых богатых кварталов, на улицах появлялось все больше и больше людей.

На форуме так и вовсе стоял страшный гвалт и было сложно протолкнуться. Люди ждали новостей, но Цезарь с Бальбом — пожалуй, единственные, кто им мог предоставить желаемое, — сейчас спали беспробудным сном дома у Пизона.

Для такого столпотворения, обстановка была на удивление мирной. Никого нигде не били и не грабили. Никто не орал с ростр, поднимая народ на восстание. Даже карманники, которые так любили подобные скопления людей, казалось, сегодня дружно решили отдохнуть.

Они уже пробрались сквозь толпу и вышли к повороту на Этрусскую, когда Ворен неожиданно спросил:

— Слушай, Квинт, а Цезарь вам ничего не рассказывал? Ну, как оно все так получилось? — его недоуменный взгляд явно свидетельствовал о том, что он до сих пор не в полной мере верил в произошедшее, даром что сам был и свидетелем — и активным участником.

Квинт закашлялся. Вопрос словно выбил воздух у него из груди. Откашлявшись, он помотал головой и постарался как можно скорее свернуть с неудобной темы:

— Не. Он отрубился, как только до подушки дополз. Потом расскажет, думаю.

— Ну... Оно и неудивительно, — прокомментировал немного отставший от них Авит. Ноги его уже заплетались от количества выпитого.

Надо же, так сопротивлялся их плану, а как нажраться по поводу победы — так первый.

Как ответить на совершенно закономерный вопрос Ворена, Квинт не знал. То, что им рассказал Цезарь, никак не хотело уместиться в голове. Если бы у него не было никаких доказательств, которые можно было пощупать, Квинт решил бы, что это все — плохая и несмешная шутка. К сожалению, доказательств у Цезаря было в избытке — и, получив их, Квинт не знал ни что думать, ни как жить с этой информацией.

По всему выходило, что он совершенно ничего не знал о том мире, в котором жил — и от этого становилось до ужаса не по себе.

— Квинт? Эй, Квинт? — раздался сбоку голос Пулло.

Квинт потряс головой, отгоняя наваждение.

— Чего?

— Чего-чего, — передразнил его Пулло, — Пришли, говорю. Да что с тобой сегодня такое?

— Да не, ничего, не парься, — Квинт махнул рукой.

Теперь не только Ворен, но и Пулло тоже сверлил его подозрительным взглядом.

— Да ладно, Тит, Луций, чего вы к нему пристали? — жизнерадостно заявил Авит и хлопнул Пулло по плечу, — У нас праздник, или как? Пошли, я уже, кажется, совсем протрезвел. Надо это срочно исправлять!

Переглянувшись, Ворен и Пулло синхронно кивнули. И они пошли дальше.

На Этрусской жизнь была ключом. Кто-то просаживал последние деньги в кости. Те, кому не хватило места в кабаках, пьянствовали сидя на бордюрах или даже прямо на холодной брусчатке дороги. Судя по доносившимся отголоскам звуков, где-то вдалеке уже что-то громили. То ли под шумок решили пожить единомышленники Клодия[2] с Милоном, то ли, что более вероятно, их сослуживцы что-то не поделили.

“Только начали”. Ну да. Конечно.

Нет, так дело не пойдет, — решил Квинт и толкнул плечом дверь первого попавшегося кабака.

Вино лилось нескончаемым потоком. Вот уже несколько часов они непрерывно пили — и тосты уже пошли на четвертый, или даже пятый круг.

С каждым кубком мир вокруг Квинта расплывался все сильнее и сильнее. Часть его сослуживцев уже храпела на скамьях и даже на полу, а вино в этой забегаловке даже не думало кончаться. Ее хозяин, пузатый грек с хитрыми глазами, алчно пересчитывал вырученные за сегодня деньги. Мальчишки-разносчики сбивались с ног, пытаясь выполнить все заказы одновременно, а повара на кухне, — Квинт был в этом совершенно уверен, — уже прокляли их всех вместе и каждого по отдельности до десятого колена за незапланированную ночную работу, за которую им еще наверняка не заплатят.

Сейчас Квинту не было до этого никакого дела. Впервые за последние несколько дней ему было спокойно и хорошо.

— Мужики! А за Пулло-то мы еще не пили, — внезапно вспомнил он и незамедлительно озвучил свою мысль вслух. Поймав несколько недоуменных взглядов тех сослуживцев, кого вчера с ними не было, он поспешил пояснить, — Не проберись он вчера через оцепление, мы бы тут сейчас не сидели.

— Точно. Перерезали бы нас там всех у Бальба, как пить дать, — согласно кивнул Ворен, поднимая до краев наполненный кубок.

— Не, ну тогда уж и за Исаврика надо выпить, — оторвавшись от тарелки, с набитым ртом сказал Пулло, — Он мог меня выдать с потрохами, когда я через его забор полез — и

нас бы всех накрыли. Но не выдал же.

— Мужики, пока вы тут разбираетесь, за кого мы еще не пили, у нас вино нагревается. Непорядок, — неожиданно напомнил всем Авит. Собравшиеся вокруг стола в едином порыве одобрительно загудели, — Давайте уже просто за нас.

— За нас мы уже пили, — резонно заметил Квинт, — Я уже со счету сбился сколько раз.

— Ну и что? Давайте еще! — согласный гул стал Авиту ответом. Повинуясь мнению большинства, он привстал, поднял кубок и на все помещение громко сказал, — Мы все внесли свой вклад, мужики. Не будь любого из нас там, где он был, у нас бы ничего не вышло. Ну, за нас!

— За нас! — подхватили тост десятки глоток.

Квинт оторвал свой кубок от стола и присоединился к ним. Авит, может быть, и был редкостным засранцем, но сейчас он был совершенно прав — выделять кого-то одного было бы неправильно.

— За нас! — крикнул Квинт, осушил свой кубок до дна и тут же потянулся за амфорой, чтобы подлить еще.

— Слушай, Квинт, — одернул его Ворен, расправившись со своим вином, — А что там с тобой пару дней назад случилось-то? Ты так и не рассказал толком.

— М? — Квинт недоуменно поднял бровь, рука его прямо с поднятой амфорой застыла в воздухе.

— Ну помнишь ты побитый перед роострами стоял и на списки пялился?

— А, — коротко отозвался он и опустил амфору на место, — Да что там рассказывать. Избили меня. Человек десять их было. Шакалы малолетние. Только толпой на одного и умеют набрасываться.

— И чего вы не поделили? — на лице Ворена читалось непонимание.

Квинт отпил вина, и, выдержав паузу, сказал:

— Им сильно не понравилась правда. Ворен, ну ты как вчера родился. Но это еще ладно, если бы они не начали катить бочку на десятый, может никакой драки и не было бы, — он пожал плечами.

Брошенное походя, его откровение, однако, произвело фурор среди отдельно взятого стола в отдельно взятом кабаке. Пулло оторвался от еды и аж подскочил со скамьи от возмущения.

— Чего-о-о?! — закричал он, — Они совсем что ли оборзели, гнать на десятый? Кто это был? — демонстративный удар кулаком о ладонь красноречивее любых слов свидетельствовал о его намерениях.

Сослуживцы встретили его слова одобрительным гулом. Нахлынувшие воспоминания, их реакция и алкоголь в крови в совокупности давали ядреную смесь — и поначалу абсолютно спокойный Квинт тоже быстро начал закипать.

— Салаги какие-то, говорю. Из второго или третьего, точно не знаю. У них рыжеватый придурак какой-то был за главного, — Квинт коварно прищурился.

План мести ярко горел в голове.

— Квинт, ты думаешь о том же, о чем и я? — улыбка Пулло не предвещала ничего хорошего.

Ухмыльнувшись, Квинт кивнул и ударил кулаком по столу:

— Пора нанести им ответный визит. Не за меня. За десятый.

Несмотря на поздний час, на улице было шумно и непривычно многолюдно. Даже здесь,

в центре Города, кабаки обычно закрывались до начала второй стражи и к этому времени на улицах оставались только единичные запоздавшие пропойцы.

Сейчас все было иначе. Внутри кабаков горел свет, из окон раздавалась музыка, а двери были приветливо распахнуты. Улицы были забиты пьяными галдящими людьми. Их стихийная пьянка уже покинула пределы Этрусской улицы и постепенно без боя захватывала все большее и большее пространство.

Выйдя на форум, Квинт заподозрил, что весь Город уже стоял на ушах. Добравшись до ворот, что вели на Марсово поле — он окончательно в этом убедился. Единственными трезвенниками среди этого огромного праздника оставались только поставщики кабаков, магазинов и рынков, что сейчас собрались в огромную очередь, тянущуюся аж от театра Помпея[3]. Кислые выражения их лиц резко контрастировали с окружающим пьяным весельем. Планы поставок срывались, и они ничего не могли с этим поделать — въехать сейчас в Город на запряженных повозках значило схлопотать себе на голову сразу несколько дел за непредумышленное убийство.

Пьянка распространялась со скоростью пожара и достигла Марсова быстрее, чем Квинт с сослуживцами. Каждые несколько футов их неизменно останавливали и подливали им еще вина. По дороге они уже потеряли несколько бойцов — и с каждым новым кубком, всунутым им в руки, вероятность потерять еще кого-нибудь возрастала.

— Так, и где они были? — Пулло оглянулся и чуть было не упал, потеряв равновесие, прямо в лужу, но его честь спасла толстая кирпичная стена инсулы.

Квинт задумчиво почесал голову:

— Во-о-о-он там, — он ткнул пальцем, — Они меня в переулке зажали.

Пулло утвердительно икнул, и, пошатываясь из стороны в сторону, пошел в указанном направлении.

— Тит, ты дурак? — одернул его повеселевший Ворен, — Думаешь, они там два дня стоят, ждут, пока мы им морды бить придем?

Пулло замер на месте и обернулся. На лице его было написано искреннее удивление.

— Квинт, они из какого были? — Ворен быстро переключился.

Квинт почесал голову:

— Не знаю. У них с собой знамен не было.

— Дерьмо, — цокнул Ворен, — Ладно. Рожи-то ты их помнишь хотя бы?

— Помню, — утвердительно кивнул Квинт.

— Тогда пошли искать.

В стационарном лагере, занимаемом сейчас вторым, царило запустение. Редкие рабы и гражданские из obsługi бегали по улицам, всех остальных же было не найти. Несмотря на то, что некогда они были соратниками, Квинта распирала гордость. Дневной бой вышел славным, раз, пусть вынужденные, но все же враги теперь попрятались по норам.

Совсем по-другому обстояла ситуация у третьего. Квинт, конечно, догадывался, что после того, как у них побывал Бальб, они сразу же переметнулись, — хотя бы потому, что за дневным боем не последовал следующий, — но на такой масштаб праздника явно не рассчитывал.

Откуда-то в центре лагеря поднимался дым и пахло чем-то аппетитным. Часовых не было видно, зато сквозь открытые нараспашку ворота открывался прекрасный вид на забитый нетрезвыми людьми лагерь. Среди туник и лорик легионеров выделялись тоги многочисленных гражданских зевак.

— Э-э-э, а эти-то чего? — протянул Ворен, ошарашенно разглядывая открывшуюся их глазам картину, — Они же...

— Люди мальчишки, ага, — кивнул Квинт, перебивая его, — Ну, а подумать? Почему они за ним вообще пошли?

— Да потому же, почему и мы. Месть, — Ворен выглядел так, словно считал, что сказал самую очевидную в мире вещь и ему стыдно за то, что его друзья настолько тупые, что сами не догадались.

Пулло скривился и отрицательно помахал головой:

— Не, не думаю. Луций, ну какая месь? Это же новый набор, у них и центурионы — мелочь тридцатилетняя. И те из помпеянцев.

— Именно, — согласился с ним Квинт. Он слабо представлял себе личный состав что второго, что третьего, но слова Тита очень хорошо ложились на его видение ситуации, — Месью тут и не пахнет, и никогда не пахло.

— Думаешь, деньги и земли? — подвыпив и немного позабыв о высокопарных вещах типа долга и чести, Ворен начинал лучше соображать.

— Угу. Они самые, — энергично кивнул Квинт, — А днем у них был Бальб. Смекаешь?

— Думаешь, он их перекупил? — вздернул бровь Пулло.

— Не думаю, Тит. Знаю. Из первых рук, — на какое-то мгновение Квинт ухмыльнулся, но затем снова помрачнел, — Только вот как нам этого рыжего с дружкой теперь тут найти...

Никакого другого плана, кроме как ходить по лагерю, заглядывая всем встречным в лица, им не удалось придумать даже коллективным разумом, но и этот быстро оказался прерван.

— Калавий, — раздался хриплый командный голос откуда-то сзади.

Разглядывавший лицо очередного мирно спящего пьяного салаги Квинт вздрогнул, обернулся и на автомате вытянулся по стойке “смирно”. Вбитым в голову автоматизмам невозможно было объяснить, что он уже давно ушел в отставку.

В окружении празднующих легионеров трезвый и заспанный Цезарь смотрелся до ужаса неуместно.

— Калавий, что здесь происходит? — Цезарь переступил через разбитую амфору на земле, сокращая расстояние между ними, — Я пришел на Этрусскую, а мне там сказали, что вы всей толпой полчаса назад ушли кого-то бить.

— И чего такого? — Квинт расслабился и украдкой посмотрел на спящего салагу. Нет, не тот, — И вообще, эти придурки хотели меня убить и бочку на десятый гнали. Пришло время расплаты, — губы растянулись в хищной ухмылке.

Воровато оглянувшись, Цезарь достал откуда-то помятую пачку, вытряс из нее что-то, что он называл сигаретами, и прикурил.

— Ты же понимаешь, чем это все закончится? — он вопросительно вздернул бровь, выдыхая облачко дыма, — Позавчера они избили тебя, сегодня вы изобьете их, завтра они придут вам мстить. Так будет продолжаться до первого трупа, а потом... — он пожал плечами, — Кровная месь — дерьмовая идея. Она ничего не решает. Наоборот — только усугубляет.

Вино бушевало в крови и, подогретое уязвленной гордостью, требовало покрепче ответить ему. Крик Пулло “Нашел!” и последовавший за ним удар лишили Квинта этого шанса. Потеряв к нему всякий интерес, Цезарь резко сорвался с места и побежал на звук,

тихо, но отчетливо матерясь себе под нос. Отойдя от первичного шока, Квинт погнался за ним, но пьяные ноги плохо его слушались — и он закономерно отстал.

Найти место стычки, однако, не составило никакого труда. Достаточно было просто идти на звуки драки и крики толпы.

Вокруг Пулло и второго парня уже образовалась импровизированная арена. Расчищенный от людей и столов круг, сформированный плотной стеной из людей. Пьяный Пулло с фингалом под глазом стоял прямо по центру. В одной руке у него была амфора — и судя по его разъезжающимся в разные стороны глазам, в ней оставалась хорошо если половина напитка. Его противник, согнувшись пополам, стоял поодаль и плевался на песок кровью.

Его лицо было Квинту незнакомо.

— Тит, это не... — начал Квинт, но с такого расстояния Пулло не мог его услышать.

В руках у его противника что-то блеснуло.

— Вы что, решили, что раз вы служите еще с прошлой войны, вам все можно? — его тихий голос почему-то был отлично слышен даже сквозь шум толпы, — Помните Помпея. Помните Цезаря. И что? Какого вы решили, что это каким-то образом ставит вас выше нас? — постепенно повышаясь, его голос сорвался на крик.

Крики толпы кристаллизировались, превращаясь из невнятной какофонии в отдельные слова — и Квинт с ужасом осознал, чего они требовали все это время.

Крови.

Квинт не успел даже дернуться, когда противник Пулло, — молодой салага, — с яростным криком рванул в его сторону. В руке у него блеснул наточенный меч.

Все было закончено, не успев даже начаться.

Толпа смолкла. Догорающая сигарета валялась на песке.

Между Пулло и салагой стоял Цезарь — и каким-то чудом удерживал их за предплечья на приличном расстоянии друг от друга.

— Вы что здесь устроили? — в повисшей оглушающей тишине негромкий голос Цезаря был отлично слышен, — Гладиаторские бои? Вы солдаты Рима, или кучка пьяных варваров?

— Этот придурок с друзьями отметелил Квинта! — пьяно возмутился Пулло.

Салага зарычал:

— Отметелил Квинта? Значит поделом!

Квинт пересек разделявшее их расстояние в несколько шагов и оказался рядом с Цезарем.

— Это не он, — шепотом сказал Квинт на ухо Пулло.

Глаза того чуть не выпали из орбит.

— Что?

— Это не он, Тит, ты ошибся — повторил Квинт.

Из носа салаги текла кровь. Его посиневшая переносица намекала на то, что без перелома тут не обошлось, а глаза стремительно наполнялись слезами.

— Успокоились? — Цезарь тряхнул их обоих за плечи.

Пулло неуверенно сглотнул и кивнул. Меч выскользнул из руки салаги и с глухим звуком упал на песок.

— Ну вот и отлично, — Цезарь отпустил их.

Продолжения не последовало. По толпе пронесся разочарованный вздох.

— Солдаты, — Цезарь обернулся к собравшимся. Его голос теперь звучал намного

громче, — Мне кажется, в пучине этих братоубийственных войн вы забыли одну очень важную вещь. Мы не враги друг другу. У нас одна Республика на всех. Вы вообще себя сейчас слышали? Требовать, чтобы один ваш сослуживец зарезал другого? Я не буду спрашивать, не стыдно ли вам, потому что это чувство вряд ли вам знакомо.

Оглушающая тишина вернулась.

Проникающий в самую душу взгляд Цезаря скользил по толпе, заставляя каждого, кто поймал его, виновато опустить глаза.

— Квириты.[4]

Одного обращения хватило, чтобы спина Квинта покрылась плотным слоем мурашек.

— Еще одна подобная выходка, и к вам будет уместно обращаться только так. Я об этом позабочусь, — неожиданно, закончил Цезарь, — Продолжения не будет. Можете расходиться.

Собравшиеся не спешили следовать его приказу. Их ошеломление можно было пощупать. Противник Пулло присел на корточки, схватился за голову и тело его содрогнулось. Это не ускользнуло от взгляда Цезаря.

— Пулло, — от звука своего имени Пулло вздрогнул, — А объясни мне, что у вас здесь такое происходит, что новобранцы в пьяной драке с мечами на эвокатов бросаются, а потом начинают рыдать? — он говорил шепотом.

Толпа только-только начинала рассасываться, любопытных ушей вокруг еще было слишком много.

— Понятия не имею, — на лице Пулло было написано искреннее удивление, — Он вообще не из моего легиона, я его даже не знаю.

— Калавий? — Цезарь обернулся к нему.

Квинт отрицательно помотал головой:

— Я три года как в отставке. Пока я еще был в армии, такого не было.

От толпы остались только отдельные зеваки, но тем хватило несколько страшных взглядов, брошенных Квинтом для того, чтобы понять, что греть уши — идея плохая.

— Парень, — Цезарь присел на корточки рядом с салагой, — Ты из какого легиона? Какая когорта?

Салага ответил не сразу, но когда ответил — голос его дрожал:

— Третий. Четвертая когорта.

— Почему ты бросился на Пулло?

— Да я не...! — начал было Пулло, но одного взгляда Цезаря хватило для того, чтобы он замолчал.

— Да он мне нос сломал! — заорал салага, поднимая голову. Словно в подтверждение его слов, везде разлетелись капли крови.

— И ты решил его за это убить? — вкрадчиво спросил Цезарь, — Только за это?

Салага молча помотал головой.

— Тогда за что? — Цезарь не собирался так просто сдаваться.

Салага продолжал молчать. Пулло подошел к нему и протянул руку:

— Прости за нос, а? Я обознался. И силу удара не рассчитал.

С недоверием, салага переводил взгляд с открытой ладони Пулло на его лицо и обратно, но не спешил отвечать на жест.

— Ну давай, помогу встать, — прямым текстом предложил Пулло, и только после этого салага с опаской ухватился за его руку и поднялся.

Его затравленный взгляд метался между ними.

— Так за что? — так и не дождавшись от него ответа, Цезарь повторил свой вопрос еще раз.

Салага на мгновение замер, а затем с ненавистью бросил:

— Да пошли вы все. И ты, и ты, и ты! — после чего подхватил с песка свой меч и, развернувшись, пошел в противоположную сторону.

Квинт собирался уже броситься ему наперерез, но рука Цезаря, упершаяся ему в грудь, остановила этот порыв.

— Отстань от него, — шепотом сказал Цезарь.

— Он собирался убить Пулло! — так же шепотом отозвался Квинт.

— Угу, — кивнул Цезарь, — И ты не хуже меня знаешь, что на пустом месте такого не бывает.

Салага быстро удалялся от них, оставляя на песке капли крови.

— И что теперь делать? — голос Пулло сорвался, — Он же может кого-нибудь другого прирезать.

— Никто не пострадал. Он не совершил никакого преступления. Любой хотя бы относительно трезвый адвокат развалит это дело в суде за пять минут, — Цезарь бросил на Пулло выразительный взгляд, — А со всем остальным... А со всем остальным, я думаю, у тебя будет прекрасный шанс разобраться лично.

— В смысле? — брови Пулло метнулись вверх в удивлении.

— Как только разберемся с вашим командованием, я постараюсь выбить тебе место примпила. В твоём легионе оно уже занято, поэтому... — Цезарь развел руками.

Пулло сделал несколько больших глотков из амфоры прежде, чем переспросить:

— Мне?

— Тебе-тебе, — Цезарь криво усмехнулся, — А что, ты хотел остаться безнаказанным? — смешок сорвался с его губ.

— Нет, — помотал головой Пулло, — То есть да. То есть... Спасибо! Я не ожидал, — теперь его глаза горели не только от количества выпитого, но и от радости.

Цезарь неопределенно махнул рукой.

— Тит, дай хлебнуть, — ожил Квинт. В горле неожиданно, но сильно пересохло.

Пулло посмотрел на амфору, так, словно в первый раз в жизни ее видел, перед тем как протянуть ее Квинту. Только дорвавшись до заветного алкоголя, Квинт сразу же сделал несколько жадных больших глотков.

— А как же тот рыжий? — с неизменным ошеломлением на лице спросил Пулло.

Цезарь был прав. Месть — это тупик. Тупик, заворачивающий кровавую спираль только сильнее.

— Забей. Было и было, — Квинт махнул рукой, лишь на мгновение оторвавшись от амфоры. Вино потекло по подбородку.

— Мне оставь, — попросил Цезарь.

Квинт смерил его оценивающим взглядом перед тем, как кивнуть. Вина в амфоре оставалось намного больше, чем ему изначально показалось. Должно было хватить на всех.

Тяжелая печальная тишина с нотками ошеломления едва успела повиснуть, как ее тут же уничтожил жизнерадостный голос Ворена:

— О, мужики, а вы чего тут? А я вас везде ищу! — он появился из-за здания казарм будто бы из ниоткуда, — О, Цезарь, и ты тут?!

Цезарь поперхнулся вином и молча кивнул. Квинт злорадно ухмыльнулся. Теперь бесконечное любопытство Ворена наконец-то можно было перенаправить по адресу.

— Ворен, ты чего такой радостный? — подозрительно прищурился Пулло, — Мы тут так навоняли бухлом, что на запах выполз дух Катона и вы отлично повиносили друг другу мозги что ли?

Цезарь прыснул в кулак.

— Ага, почти, — хмыкнул Ворен, — Там, на форуме, поляну накрывают. Говорят, Руф решил проставиться.

— А это значит что? — быстро подключился к дискуссии Квинт.

— Халява! — завершил за него Пулло, провоцируя очередной приступ смеха у Цезаря.

Кто-то снова сунул Квинту в руки амфору, и, недолго думая, он осушил ее до дна.

Это стало его последним четким воспоминанием.

Дальше все было как в тумане.

Они куда-то шли. С кем-то пили. Потеряли Пулло. Нашли Пулло в компании трех незнакомых проституток. Выпили с ними. Провал.

Форум. Накрытые столы. Амфоры с вином. Чьи-то рабы. Лица сослуживцев. Недописанное многострадальное письмо. Вино. Яркая вспышка. Провал.

Какие-то люди куда-то его несут.

Провал.

И последняя внятная мысль, намертво отпечатавшаяся в сознании. Завтра он тысячу раз пожалеет, что не помер еще где-нибудь под Диррахием.

[1] (исп.) Что происходит?

[2] Публий Клодий Пульхр. Тит Анний Милон. Два смутьяна из середины 50ых. Политические лагеря разные, а методы одинаковые.

[3] Примерно район Largo di Torre Argentina. Здание самого театра чуть дальше, в сторону Ватикана, комплекс театра начинался где-то от одноименной остановки.

[4] Обращение, уместное только к гражданским, не к военным.

Эпилог (Такахаси)

Лампы освещали полукруглый зал собраний Совета своим холодным светом. Где-то за дверью, за постом и бесчисленными рамками и детекторами службы собственной безопасности, кипела такая шумная и странная жизнь, но ее отголоски не имели ни единого шанса прорваться сквозь стены с высокой степенью шумоизоляции.

Совет очень серьезно относился к вопросу безопасности.

Все тринадцать кресел вокруг полукруглого стола были заняты — и только двое из присутствующих были не на своем месте. Юля, что сидела на кресле, подписанном именем “Й. Сарьола”, и Йоханн, хозяин этого кресла, который нервно топтался рядом.

Если бы не он, ее бы, наверное, уже не было в живых — и помочь ему с этим новым объектом было самым малым, чем она могла ему отплатить за все, что он для нее сделал.

Тогда ее раздражали его постоянные настырные попытки вытащить ее на свет, но сейчас она понимала, что, если бы не они, она бы так никогда и не вышла из темноты своей квартиры на свет и не поняла бы, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

Злости давно не было. Злость осталась там, в полутьме ее квартиры, которую она крушила, не в состоянии принять, что из-за просчета руководства она больше никогда не сможет обнять мужа, и не услышит смех сына. Им не положено было место в этом комплексе и вместе с остальными семьями сотрудников, они остались в девятнадцатой зоне. Девятнадцатой зоне, что перестала существовать после нажатия на кнопку, как и все остальные.

Злость ушла, оставив после себя пустоту, которая затем отступила, освобождая место для тяжелой, но светлой грусти. Пока была жива она, были живы и они. В каком-то смысле.

Именно Йоханн был тем, кто помог ей это понять.

Взгляд скользил по сухим строчкам равнодушного текста на голографическом экране ноутбука.

Несчастные полторы страницы стенограммы видеопотока исследования аномальной зоны. Все, что осталось от мобильной опергруппы Альфа-1.

“Багряная Десница”. Их самое элитное и засекреченное подразделение. Их имена не были известны даже советникам — а всем остальным не было положено даже знать о самом факте их существования.

Так было раньше. Так было до.

Сейчас все изменилось.

Совет ожидал ее вердикта, но Юля не понимала, чего такого может увидеть в этом протоколе она, что пропустили они.

(Камера со шлема Альфа-1-3 отображает полупустынную местность, характерную для Северной Месопотамии, вдали виднеется река и стены поселения. Никаких искажений, или отклонений от нормы на видео не наблюдается)

— Слушай, Йоханн, а видео у нас нет? — Юля оторвалась от экрана и бросила вопросительный взгляд назад, на него. На ее спасителя. Друга. И бывшего любовника.

Йоханн покачал головой:

— Скорости соединения не хватало для передачи потока. У них в шлемы встроен ИИ для перевода видео и аудио в текстовый вид.

— Жаль, — покачала головой Юля, прежде чем вернуться к чтению.

Альфа-1-3, “Син”: Кэп, тут точно что-то есть? На глаз все в порядке, и все датчики молчат как рыба об лед.

Альфа-1-К, “Энлиль ”: Да вижу я, вижу. У меня тоже тишина. Но проверить нужно
Задание есть задание.

Альфа-1-1, “Мардук”: У меня тоже глухо. Даже датчик меметического воздействия ничего не фиксирует.

Центр: Шестидесятисекундная готовность.

“Энлиль ”: Принято. Все готовы?

Альфа-1-4, “Ишкур ”: Готов.

“Мардук ”: Готов.

Альфа-1-2, “Иннана ”: Подождите. Центр, от меня картинка есть?

(изображение с камеры Альфа 1–2 трясется, как будто она ее поправляет)

Центр: Есть, Иннана. Вижу тебя отчетливо. Тридцатисекундная готовность.

“Иннана ”: Тогда готова.

“Син ”: Готов.

Центр: Десятисекундная готовность.

...

“Энлиль ”: Вперед.

...

(Несколько минут Альфа-1-К идет к предполагаемой границе аномальной зоны, после чего сигнал с его камеры и микрофона резко пропадает. На записи с шлемов остальных членов группы видно его удаляющуюся спину. Показания с их датчиков стресса в пределах нормы)

Центр: Альфа-1-К, у вас пропал видеосигнал, как слышите меня?

(нет аудиосигнала от Альфа-1-К)

Центр: Альфа-1-К? Энлиль, что у вас там стряслось?

(Альфа-1-2 достигает границы аномальной зоны. Изображение с ее камеры и сигнал с микрофона также пропадают)

Центр: Черт.

(По достижении границы аномальной зоны остальными членами группы, связь с ними также прерывается)

Центр: Альфа-1, прием, кто-нибудь.

...

(До текущего момента связь с группой Альфа-1 «Багряная Десница» не восстановлена, группа считается утерянной)

Приложение 1:

...

Связь с двумя дронами, отправленными вслед за группой Альфа-1 также была утеряна после пересечения границы аномальной зоны. Попытки отправки дронов прекращены до особого распоряжения Совета.

Юля оторвалась от экрана и в замешательстве посмотрела на Йоханна. Если в этом протоколе и было сокрыто что-то значимое, оно упорно от нее ускользало.

— Никаких идей? — расстроено переспросил Йоханн.

— Пока нет, — она задумчиво почесала переносицу, — Можешь еще раз показать изображения со спутника?

— Конечно, — Йоханн наклонился над ноутбуком, стоявшим по правую руку от нее, и принялся нажимать на клавиши.

Спустя пару минут экран панели на стене напротив несколько раз моргнул и превратился в большое разноцветное пятно. Юля могла предположить, что это — спутниковый снимок, но только предположить. Ее зрение оставляло желать лучшего и, как назло, утром она забыла надеть линзы и поленилась за ними возвращаться.

Теперь пришло время расплаты.

Ей пришлось подойти к экрану на расстояние вытянутой руки, чтобы снимок наконец-то стал похож на снимок, а не на произведение современного искусства.

Ничем не примечательная полупустынная местность, снятая с высоты птичьего полета. За исключением одной маленькой детали — по ее центру красовалось огромное черное пятно с четко очерченными границами. Словно кто-то вырезал то, что было на этом месте на другой слой в графическом редакторе.

— Дефект окуляра спутника, как я понимаю, вы уже исключили? — она обернулась к Йоханну. Тот печально кивнул, — Хорошо. То есть плохо. То есть... Давай теперь тот, который ты мне первым показывал.

Она услышала слабый щелчок — Йохан нажал кнопку на клавиатуре, — и изображение сменилось аналогичным снимком полупустыни, только никакого черного пятна на нем больше не было. Теперь его место было заполнено все той же полупустыней, заканчивавшейся горами на севере. С севера на юг участка текла река, около нее был виден небольшой город. Однако, очертания пятна все еще были видны — равномерные плавные узоры песчаных барханов и облаков внутри аномалии и за ее пределами не совпадали.

— Угу, — крепко задумавшись, пробубнила себе под нос Юля.

Эти два снимка были похожи на что-то, но мысль с завидным упорством ускользала от нее, и она никак не могла понять, на что именно.

Советники хранили молчание, не пытаясь ее подгонять или расспрашивать — и она была им за это благодарна. Ей никогда не удавалось сосредоточиться на чем-то, если ее постоянно одергивали.

— Когда конкретно был снят первый снимок? Тот, что без дыры, — наконец-то спросила Юля, отрывая взгляд от экрана и оборачиваясь к ним.

— Примерно четырнадцатого числа, — отозвалась советница, которой на вид нельзя было дать и тридцати.

Из-за ореола таинственности, что преследовал Совет попятам, воображение всегда произвольно рисовало его членов в образе древних и мудрых старцев. Реальность же, как обычно, не имела ничего общего с фантазиями. При столкновении одного с другим неизбежно возникал когнитивный диссонанс — и Юля не избежала этой участи.

Советница выглядела моложе тех студентов, которым она иногда читала лекции в свободное от работы время.

— Больше таких снимков нет? На всех остальных картина как на последнем? — на всякий случай уточнила Юля, прекрасно зная, какой ответ услышит.

— Да и да, — ответила слишком молодая советница.

Полное отсутствие света. Яркая вспышка. И снова полное отсутствие света.

Точно!

Пораженная внезапной догадкой, Юля оббежала вокруг стола и, отобрав у Йоханна ноутбук, принялась быстро переключать изображения, так быстро, что в какой-то момент

они стали похожи на видео.

Советники недоуменно наблюдали за ее действиями. На лицах их не просматривалось ни проблеска понимания.

— Вы что, не видите? — пораженная их реакцией, а точнее — ее отсутствием, переспросила Юля.

Все тринадцать советников помотали головами, вызывая у нее очередной когнитивный диссонанс. Если хотя бы крупницы того, что она знала о Совете, были правдой, они должны были быть лучшими из лучших — но сейчас, для носителей этого гордого звания, они слишком медленно соображали.

— Это же квантование, — сказала она таким тоном, словно это была самая очевидная в мире вещь, — Как в том старом примере, помните? Если мы возьмем лазер и посветим им в абсолютно пустое пространство, а затем начнем удаляться от него со скоростью близкой к скорости света, в какой-то момент свет начнет мигать. Сначала неосвещенные промежутки будут короткими, но по мере удаления от лазера, начнут увеличиваться, и будут увеличиваться до тех пор, пока мы не перестанем видеть его свет вовсе. Классический пример квантования.

Тишина стала ей ответом. Советники обернулись к экрану и молча смотрели на него, пока она продолжала нажимать на кнопки чередуя снимки.

Первым молчание нарушил пожилой советник с прожилками седины в черной как смоль бороде:

— Расстояние от нашего спутника до поверхности земли слишком мало для подобных проявлений. Кроме того, квантовый эффект на таких крупных масштабах? Невозможно.

— Если бы все, с чем человечество сталкивается, можно было объяснить с точки зрения классической науки, мы бы никогда не появились и никому не были бы нужны, — парировала Юля, — Снимки в инфракрасном спектре есть?

— Есть, — ожил Йоханн и, отобразив у нее ноутбук, нажал несколько кнопок.

На экране вывелось изображение того же самого участка полупустыни в искаженных цветах, только вместо черного пятна на каждом из них была классическая картина интерференции, в которой угадывались очертания города и реки.

— Дайте угадаю, на инфракрасном датчике где-то есть две щели, — Юля внимательно посмотрела на советников. Те переглянулись, и советник с черной бородой неуверенно кивнул, — И какие подтверждения вам еще нужны? Эта аномалия ведет себя при наблюдении как классический квантовый объект.

— Тогда, мне кажется, мы рано похоронили Багряную Десницу, — неуверенно начал бородатый советник.

— Это еще почему? — молодая советница с недоверием смотрела на него.

Юле почему-то захотелось его поддержать:

— Пространство и время неразделимы, и, судя по тому, что мы видим — время внутри этой аномалии также должно проявлять квантовые свойства.

— Именно так, — обрадовался бородатый советник, — Но человеческое восприятие линейно и непрерывно, и оказавшись в таком квантованном пространстве-времени, человек, скорее всего, не заметит никаких изменений.

— В общем, никакой катастрофы, — подхватила за ним Юля и с облегчением упала на кресло. Разгадав очередную загадку, она всегда чувствовала себя победительницей, — Группу, которую вы отправите за ними, нужно будет оснастить темпоральными стоками.

Если дадите моим ребятам доступы четвертого уровня ко всем необходимым материалам, мы считаем, какого количества будет достаточно.

Советники, однако, не спешили радоваться. Наоборот — не сговариваясь, они синхронно нахмурились и принялись переглядываться между собой, изредка бросая на нее недоверчивые взгляды. Никто из них не спешил ей ничего пояснять. Повисшее в воздухе напряжение пахло напалмом и грозило скоро взорваться.

Первыми нервы сдали у Юли.

— Ну что не так-то?! — воскликнула она, подскакивая с кресла.

— Какую группу, Юлия? — тут же ожил Йоханн. Во взгляде его читалось беспокойство, смешанное с растерянностью, — У нас нет свободных людей, и ты прекрасно об этом знаешь.

— В смысле? — ее недоверчивый взгляд сфокусировался на нем, — У нас что, все баззеры вышли из строя? Была же пара сотен человек на подходе буквально неделю назад, ты чего?

— Какие баззеры? — брови Йоханна поползли вверх в искреннем недоумении.

— Йоханн, прости меня, конечно, но ты издеваешься? Баззеры. Инкубаторы. Гоминидные репликаторы Брайта-Зартиона. Наша палочка-выручалочка для восстановления популяции планеты после событий класса К, — пояснила она то, что пояснения не требовало.

Теперь взгляды всех советников были прикованы к ней, и она чувствовала себя словно не Йоханн, а она сошла с ума — столько недоверия и подозрительности в них было.

— Доктор Такахаси, вам нужно отдохнуть, — после продолжительного молчания начал бородатый советник, — У нас никогда не было никаких гоминидных репликаторов, равно как и сотрудников с такими фамилиями.

— Нет, — перебил его единственный среди советников старичок, с которого по всем законам природы давно должен был сыпаться песок, — Зартион был, в отделе топологии работал в прошлом веке, я недавно читал документ за его авторством.

Зартион? В отделе топологии? Они издеваются?

Зартион был генетиком, это знала каждая собака, хотя бы раз пробежавшая мимо Фонда.

Старичок и бородатый, однако, продолжали гнуть свою линию — и серьезные лица остальных советников оставляли мало пространства для маневра.

— Но Брайта точно не было, — повторил бородатый.

— Брайта не было, — легко согласился с ним старичок.

Где-то она это уже слышала...

Озарение стало настолько неожиданным, что она едва не потеряла равновесие и не свалилась обратно на кресло.

Неделю назад. На праздновании ее самого мрачного в жизни дня рождения. Йоханн настолько сильно напился тогда, что она списала все на алкоголь, но сейчас такое объяснение больше не работало.

Голова начинала гудеть. Что бы там кто ни говорил, Юля отчетливо помнила Брайта. Старейший сотрудник Фонда. Единственный — неспособный умереть окончательно и периодически появляющийся на работе подростком или даже ребенком.

Она никогда не задавала ему никаких вопросов — все равно он бы ответил очередной дурацкой шуткой, не имевшей ничего общего с правдой, — но всегда была уверена в том, что сама идея репликаторов пришла ему в голову только потому что или так — или руководство

рано или поздно начало бы надевать его амулет на других людей. Он слишком много знал и терять такого сотрудника из-за естественных причин, когда этого можно было избежать, никто бы не захотел.

Все остальные варианты применения репликаторов, кроме создания копий Брайта, в которые он мог переместиться после смерти его текущего тела, были не более, чем побочными.

Советники смотрели на нее как на сумасшедшую, а на лице Йоханна отчетливо читалось недоумение, смешанное с крайней степенью беспокойства.

Нужно было как-то сбавить градус напряжения, пока они не упекли ее в медицинское крыло, лишив и должности, и той пусть малой и ограниченной, но свободы передвижений, что у них все еще оставалась. Иное грозило сумасшествием — не выдуманном советниками, но вполне реальным и осязаемым.

Напрягая все свои отсутствующие актерские способности, Юля постаралась придать своим словам как можно больше искренности и непринужденности:

— Извините, у меня с самого утра жуткая мигрень, — для убедительности, она сжала виски руками, — Я сегодня очень плохо соображаю. Я имела ввиду набор сотрудников в новые опергруппы. Мне казалось, он продвигается довольно бодро, нет?

Пусть на лбу бородатого советника и разгладилась несколько морщин, то, что он не до конца ей верил, было очевидно. Неудивительно — ложь вышла топорной до невозможности.

Однако, вслух он предпочел сделать вид, что все в порядке:

— Набор — да, но на их подготовку уйдут месяцы, и это в лучшем случае.

Совет тоже не хотел совершать резких движений и предпочел ей подыграть. Теперь ход снова был за ней.

Стоило хотя бы попробовать перевести разговор в более безопасное русло, чтобы эта неловкость поскорее забылась.

— Так что насчет доступа для моих ребят? — попыталась Юля, — Там расчетов тоже не на один день, по первым прикидкам. Месяцы в качестве дедлайна звучат вполне реалистично.

Йоханн недоуменно моргнул, а затем, словно перезагрузившись, ответил:

— Мы сняли все ограничения после реконфигурации. У них и так есть все нужные доступы.

Юля хохотнула:

— Йоханн, кого ты пытаешься обмануть? У меня все-таки не первый день пятый уровень допуска.

Похоже, советники настолько старались всем внушить, что секретности пришел конец раз и навсегда, что и сами начали в это верить. Смелое заявление — жаль, что настолько далекое от правды. Даже навскидку, Юля могла назвать пару десятков документов, к которым были доступы у нее, но о самом существовании которых никогда не смог бы узнать ее новый зам, Федерико.

И только людям с более высокими уровнями допуска было известно, к какому количеству информации отсутствовал доступ у нее самой.

О какой отмене секретности вообще могла идти речь?

Советники признали свое поражение без боя, и, сгрудившись на другой стороне стола, подальше от нее, принялись полусшепотом переговариваться между собой. Юля облокотилась на стену и наблюдала за ними, сложив руки в замок, но мысли ее были далеко

за пределами этой комнаты.

Никто из них не помнил Брайта. Возможно, никто в этом комплексе не помнил Брайта, кроме нее.

Она не была бы собой, если бы не начала тут же перебирать все возможные варианты, почему такое могло случиться.

В теории Брайт мог случайно спровоцировать реконфигурацию реальности, умереть сразу после нее и оказаться запертым в своем амулете — на практике внутри этого комплекса реконфигурации случиться на могло.

В теории Брайт мог активировать какой-то антимер и стереть себя из памяти всех окружающих — на практике тогда бы подобной участи не избежала и она.

Амулет Брайта был якорным объектом реальности, что автоматически делало якорным объектом и его самого — и усложняло поиск разгадки этого паззла до уровня “Невозможно”.

Мини-совещание подошло к концу. Покинув своих коллег, Йоханн подошел к ней и сообщил:

— Мы решили. Будет твоему отделу доступ. Только сама понимаешь, из их версии будут удалены все... Излишние данные, — Юля открыла было рот, чтобы возразить, но Йохан не дал ей вставить и слова, — Тебе мы, разумеется, оставим доступ к полной, но, я надеюсь, ты понимаешь, что разглашать некоторые детали не следует.

Пусть будет так. Хотят играть в секретность — она не станет им мешать.

— Хорошо, — согласилась Юля.

Советники все еще поглядывали на нее несколько настороженно, но выражения их лиц постепенно смягчались. Йоханн так и вовсе полностью расслабился. Инцидент был позабыт, как минимум — на поверхности.

Теперь главным было уйти на этой мажорной ноте, до того, как она ляпнет что-нибудь еще и породит еще больше подозрений.

Прихватив с собой ключ-флешку для доступа к данным, Юля быстро распрощалась с Советом и покинула зал собраний.

Существовал только один вариант проверить, кто сошел с ума — они или она.

Посты безопасности остались позади. Быстрым шагом, она шла по залитым холодным светом коридорам. Мимо рядов кабинетов и лабораторий, через просторные общественные пространства, подальше от зала совещаний. Все подходы к крылу, где чаще всего находились советники, просматривались со всех углов. Попасться на камеры было последним, что ей было сейчас нужно.

Только оказавшись в отдаленном и едва используемом крыле жилого уровня, она наконец остановилась и принялась шарить по карманам в поисках телефона. Как всегда и бывало, тот обнаружился в самом последнем.

Она провела пальцем по сканеру, отключая блокировку — и мобильник мгновенно подцепился к локальной сети. Еще несколько секунд назад такая непоколебимая, ее решимость быстро угасала. Ей пришлось буквально заставить себя вбить в поисковую строку браузера адрес веб-оболочки их базы данных и перейти на страницу амулета Брайта.

Беглый взгляд выхватывал значимые отрывки нового и абсолютно незнакомого текста — и земля уходила у нее из-под ног.

Аномальная зона должна находиться под постоянным наблюдением сотрудников Фонда. Для обеспечения прикрытия допускается сотрудничество с правительством Эквадора...

...

Объект представляет собой индустриальный комплекс, некогда принадлежавший корпорации Sphinx Dynamics ...

Эквадор? Sphinx Dynamics?

Где амулет Джека?!

Сердце грозило выпрыгнуть из груди. Ухватившись за стену в поисках равновесия, она несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Способность мыслить возвращалась медленно. Непозволительно медленно.

Последнее редактирование записи в базе данных было произведено шесть лет назад.

С Советниками было все в порядке. Советники не сошли с ума.

Это ее воспоминания за те без малого двадцать лет, что она была знакома с Брайтом, подверглись изменению, масштаб которого был неясен, но несомненно колоссален.

Ноги перестали ее держать, и, ошеломленная догадкой, она сползла по стене прямо на холодный пол.

Несколько лихорадочных дней ушло у нее на то, чтобы перелопатить все базы и документы, к которым у нее в принципе был доступ, обыскать все доступные крылья комплекса — что повлекло за собой долгую и обстоятельную беседу со службой безопасности, — обследовать каждый миллиметр лифта, что еще недавно без проблем можно было отправить на -25ый уровень, но который теперь не хотел везти ее ниже, чем на -23ий.

Ведомая отчаянным желанием найти хоть самую мимолетную зацепку, что позволила бы ей доказать самой себе, что Брайт существовал, а она — не сошла с ума, она совершенно прекратила интересоваться чем бы то ни было еще.

Но результата все равно не было.

Ни единого слова, ни малейшего упоминания. Даже документы, под которыми раньше красовалась размашистая подпись Джека, сейчас были подписаны кем угодно, но только не им.

Ей хватало критического восприятия для того, чтобы понять, что она мыслит и ведет себя как классический пациент психушки — и, может быть, она бы даже приняла это, если бы не одно “но”. Огромное “но”, что оставляло после себя больше вопросов, чем давало ответов.

Опергруппа Эта-10. «Не вижу зла». Они же инкубаторские.

Абсолютно все сотрудники Фонда называли Эта-10 инкубаторскими.

Никто не мог ответить на простой вопрос “почему”.

Кроме нее.

Она точно знала, что Эта-10 были первыми, кто сошел после реконфигурации с репликаторов. Последние внешне сильно напоминали продвинутые инкубаторы — и это неофициальное название очень быстро к ним прицепилось в определенных кругах сотрудников Фонда.

Так было до. До того, как все все забыли.

Только это знание удерживало ее от того, чтобы сдаться в руки штатных медиков немедленно.

Очередная бессонная ночь, проведенная у компьютера, давала о себе знать, несмотря на батарею банок из-под энергетиков, выстроенных на столе.

Нет, с этим пора было заканчивать. Еще немного — и она просто сляжет с нервным

срывом, а отдел придется оставить на ее зама Федерико. Совсем молодой мальчишка, он просто не мог справиться с руководством.

Чашка кофе быстро подходила к концу, но внутренняя батарейка все так же оставалась на нуле.

Тяжело вздохнув, Юля поставила опустевшую кружку на прикроватную тумбочку и встала с кресла. Выспалась она — не выспалась, в отдел все равно нужно было заглядывать хотя бы иногда.

Работа в лаборатории кипела. Все-таки у, пусть и формальной, но все-таки отмены секретности, были свои плюсы. Уже через несколько часов после ее разговора с Йоханном, все материалы пришли на почтовые ящики ее сотрудникам — и они смогли сразу приступить к работе.

Раньше на это ушел бы месяц — не меньше.

— Привет, шеф, — завидев ее, Федерико откинулся на стуле и приветливо помахал рукой, — Ты чего такая хмурая? — не соблюдать субординацию в ее отделе было практически наследственной привычкой.

— Да ничего, не выспалась, — не вдаваясь в подробности, ответила Юля, — Что у вас?

Положив на его стол свой планшет, она подтянула к себе кресло на колесиках, и села рядом.

— Ну смотри, — Федерико шустро принялся стучать по клавишам, даже не позаботившись о том, чтобы вывести изображение на второй монитор, и ей приходилось заглядывать ему через плечо, — Границы объекта стабильны, тенденции к увеличению нет, но времени с начала наблюдений прошло мало, нельзя ничего утверждать наверняка, — он нажал несколько кнопок и графики сменились стеной формул, — Мы провели обратное квантование, и... — Федерико осекся.

— Что “и”? — сегодня она была не в настроении играть в угадайку.

— У нас получилась полная чушь. Смотри, — он взял ручку и обвел несколько формул на экране, — Такого просто не может быть. Ряды разъезжаются во все стороны, временные линии пересекаются и запутываются. Я даже не могу начать пытаться это представить. Мозг просто взрывается.

Юля быстро пробежала взглядом по формулам и слегка улыбнулась.

— Привыкай, Федерико, привыкай. У нас тут по-другому и не бывает. Разве не в этом вся прелесть нашей работы? — она дождалась, пока Федерико неуверенно кивнет в ответ, и только потом продолжила, — Рассчитали минимальную необходимую мощность портативных темпоральных стоков?

Федерико кивнул и снова принялся стучать пальцами по клавиатуре.

— А сдерживание? — не поворачиваясь к ней, продолжил он, — Нельзя же просто надеяться на то, что объект останется стабильным. Да, как минимум с момента реконфигурации его границы не менялись, но...

Юля перебила его на полуслове:

— Время у нас в любом случае еще есть. Сначала придумаем, как вытащить Десницу, потом — остальное. Иначе Совет меня сожрет.

— Ясно. Так. Минимальная необходимая мощность темпоральных стоков — 25 ватт, — Федерико нашел нужный отчет и читал с листа, — Лучше, конечно, 50, но технари говорят, у них ни одного рабочего нет, все на обслуживании. Для содержания я бы использовал сотки.

— Соток у нас свободных нет, — осадила Юля его пыл, — И никогда не будет.

Придется выкручиваться без них.

— Но... Но почему? — Федерико оторвался от монитора и удивленно уставился на нее.

— Мы не умеем их производить, — просто ответила она, — Нет никакой документации. Абсолютно все темпоральные стоки были созданы в одной из прошлых итераций, не важно какой мощности, не важно портативные или стационарные.

— Реверс-инжиниринг? — быстро сориентировался Федерико.

Первичный шок всегда проходил у него быстро, этого нельзя было отнять.

Юля отрицательно покачала головой:

— Невозможен. Критическое количество технологий утеряно, мы понятия не имеем, как эти штуки работают, хорошо хоть как обслуживать их знаем.

Все-таки этот комплекс был удивительным творением. Они не знали ни как он работает, ни почему. Не могли разобрать на составляющие ни один из его узлов — и даже Джек, при всем желании, никогда не смог бы собрать еще один репликатор, хотя и был их основным разработчиком некогда.

Даже обслуживание их спасательного круга давно превратилось в задачу с огромной звездочкой.

Как с таким подходом их вселенная дожила до текущего дня — было огромным вопросом.

Федерико смотрел в монитор с такой растерянностью, что Юля почувствовала укол совести — и острую необходимость срочно сменить тему.

— Перешли расчеты по стокам Совету, пожалуйста, — сказала она, — У тебя же есть доступы?

Федерико только коротко кивнул в ответ и немедленно полез в их внутреннюю почту.

— А они что, собрались за этой опергруппой инкубаторских отправить? — спросил он через какое-то время, не отрывая взгляда от монитора, — Это же не их профиль.

— Не знаю, — честно пожала плечами Юля, — Мне сказали сделать расчеты, я делаю.

Небольшая ложь во благо.

— Ладно, — она поднялась с кресла и отряхнула помявшийся лабораторный халат, — Я пойду к себе. Если еще что интересное выясните, маякни.

— Конечно, шеф, — отозвалась спина Федерико.

Кабинет встретил ее приятной прохладой от кондиционера и расслабляющей тишиной. Стоявший у стены диван так и манил в свои мягкие объятия, но, усилием воли, Юля сумела заставить себя сесть в кресло и открыть рабочий ноутбук.

В кармане завибрировал телефон. Она достала его и бросила короткий взгляд на всплывшее на экране уведомление. Новое сообщение в рабочем чате? Странно, эти уведомления давно были у нее отключены — иначе легко было сойти с ума от постоянного писка.

С недоумением она нажала на окошко сверху экрана...

И тут же рефлекторно зажмурилась. В голове раздавался сильный низкий гул

Что это было?

Она аккуратно приоткрыла один глаз. Во весь экран телефона отображалось абстрактное и совершенно бессмысленное изображение.

Голова немедленно разразилась новым приступом гула. Знакомого гула.

Защитный мемагент? В простом сообщении?

Зачем?

Взгляд скользил вниз вниз, туда, где начинался текст.

Если вы читаете это сообщение (и все еще осознаете это) — поздравляю. Вы прошли проверку на базовую сопротивляемость антимамам. Ваш рабочий профиль уже добавлен в базу данных.

Прошу вас, не пытайтесь донести о получении этого сообщения Совету, или другим сотрудникам Фонда, если только вы не располагаете достоверной информацией о том, что они прошли аналогичную проверку и сохранили об этом воспоминания. Иное приведет к катастрофе. К сожалению, я не могу вам напрямую сказать почему, не опасаясь тем самым случайно ее спровоцировать.

Но ближе к делу.

Вы, конечно же, знаете, по какой причине была запущена реконфигурация реальности? Хотя, о чем это я, если у вас есть доступ в эту сеть — вы знаете. А если не знаете — немедленно прекратите ковыряться в сверхсекретных данных, не покидайте своего местоположения и ожидайте прибытия группы ликвидации! Ха. Шучу. А может быть и нет. Да почему здесь нет смайликов, какой зануда без чувства юмора вообще придумал этот интерфейс?

Ладно, теперь серьезно.

У меня для вас есть плохая новость.

Ситуация, в которой мы все оказались, намного серьезнее, чем было вам озвучено.

Совет ошибся. Реконфигурация никак не повлияла на проблему, с которой мы столкнулись. Не могла повлиять на проблему, с которой мы столкнулись. Черт, да я вообще не представляю, как все можно починить и можно ли до сих пор...

Короче.

Эти чертовы двигатели на антиматерии не имеют и никогда не имели никакого отношения к разрушению реальности. Реконфигурация не могла — и не смогла, — не то, что его остановить — даже замедлить. Если уж совсем честно — я боюсь, реальность разрушается все быстрее, пока вы читаете эти строки.

Я не прошу вас верить мне на слово — вы легко можете убедиться в этом сами. Возьмите счетчик Канта, или любое другое устройство для измерения уровня реальности, выйдите на поверхность, отъездыте на пару километров от границы радиуса покрытия якорей и запишите полученное значение. Если голых чисел вам покажется недостаточно — в одном из следующих писем вам придет график колебания уровня реальности, и вы сможете сами посмотреть дельту.

Разрушение реальности продолжается и никто, кроме меня, — а теперь и вас, этого не осознает.

Юля смотрела на экран телефона разинув рот и опасалась продолжить читать. Письмо выглядело бы как дурная шутка, если бы не одно “но” — слог автора был ей до боли знаком.

Прониклись? А теперь закройте рот, и я продолжу.

Она захлопнула рот, повинувшись буквам на экране.

В следующих сообщениях вы получите все то, что мне удалось раздобыть. Информацию, содержащую недопустимо высокий уровень антимеметической угрозы мне пришлось стереть, но из того, что осталось, вы все равно сможете составить достаточно точную картину происходящего. Также вам придет список других сотрудников, прошедших аналогичную проверку. Думаю, вам так будет легче наладить сотрудничество.

К сожалению, это все, чем я могу вам помочь. Запуск в локальную сеть вируса, который отправил вам это сообщение, строго завязан на мою биологическую смерть. Так что, как бы банально это ни прозвучало — если вы читаете это сообщение, значит меня уже нет в живых. Ну, насколько это вообще ко мне применимо.

Вам придется выкручиваться самим. Извините.

Доктор "О-боже-нет".

ПС: у меня есть основания предполагать, что мы имеем дело с крайне мощным антимемом, помимо всего прочего. Точные критерии его активации мне неизвестны, и я не могу рисковать называть вам свое имя. На кону стоит слишком многое.

Доктор "О-боже-нет"?

Во всем Фонде, да что там — во всей обитаемой галактике, Юля знала только одного человека, который мог так подписаться.

Джек Брайт. Директор зоны, в которой она проработала полжизни. Бесследно пропавший несколько недель назад человек, которого никто, кроме нее, не помнил.

И он утверждает, что разрушение реальности продолжается.

Больше книг на сайте - Knigoed.net